С115272О

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Подъ редакціей А. Е. ГРУЗИНСКАГО,

при ближ. участіи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

А 172/314

Выпускъ II.

Западники 40-хъ годовъ:

Н. В. СТАНКЕВИЧЪ, В. Г. БѢЛИНСКІЙ, А. И. ГЕРЦЕНЪ, Т. Н. ГРАНОВСКІЙ и др.

Составилъ Ѳ. Ѳ. НЕЛИДОВЪ.

I. Хронологическія даты. II. Руководящая статья. III. Письма и статьи П. Я. Чаадаева, Н. В. Станкевича, М. А. Бакунина, В. Г. Бѣлинскаго, А. И. Герцена, Т. Н. Грановскаго, В. П. Боткина. IV. Библіографія.

Вш
6231

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО СРОКА

Колич. пред. выдач.

№ 705.

66-1
3-30

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.
Подъ редакціей А. Е. ГРУЗИНСКАГО,
при ближ. участіи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

Выпускъ II.

Западники 40хъ годовъ:

Н. В. СТАНКЕВИЧЪ, В. Г. БѢЛИНСКІЙ, А. И. ГЕРЦЕНЪ, Т. Н. ГРАНОВСКІЙ и др.

Составилъ Ѳ. Ѳ. НЕЛИДОВЪ.

I. Хронологическія даты. II. Руководящая статья. III. Письма и статьи: П. Я. Чаадаева, Н. В. Станкевича, М. А. Бакунина, В. Г. Бѣлинскаго, А. И. Герцена, Т. Н. Грановскаго, В. П. Боткина. IV. Библіографія.

01152720

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1910.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

РГБ

Белгородский государственный национальный научная библиотека

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи „Историко-литературной библіотеки“. V
Предисловіе составителя. VII
Хронологическія даты къ исторіи западничества IX
Руководящая статья: „Западники 40-хъ годовъ“ XI
Матеріалы:
Письма П. Я. Чаадаева 1
Письма Н. В. Станкевича 20
Отрывокъ изъ дневника его же 55
Посмертная замѣтка его же 56
Статьи М. А. Бакунина 58
Письма его же 97
Письма В. Г. Бѣлинскаго 106
Избранныя мѣста изъ дневника А. И. Герцена 194
Письма Т. Н. Грановскаго 237
Рѣчь его студентамъ 249
Письма В. П. Боткина 251
Библіографія. 263

Митавская Дворянская Гимназія

Отъ редакціи „Историко-литературной Библіотеки".

Важность основательнаго знакомства съ исторіей родной литературы все яснѣе сознается въ наши дни, и интересъ къ ней растетъ, выходя далеко изъ рамокъ школы и захватывая широкіе круги общества. Для удовлетворенія этого интереса имѣются общіе исторические обзоры различнаго типа, начиная съ краткихъ школьныхъ учебниковъ, кончая солидными научными трудами и большими коллективными предпріятіями, разсчитанными на широкій кругъ образованной публики. Это не покрываетъ, однако, всѣхъ потребностей общества.

Старый способъ изучать литературу, главнымъ образомъ, заочно, по историческимъ очеркамъ и характеристикамъ, вполнѣ заслуженно отходитъ въ область преданій, и безъ хорошаго знакомства съ подлиннымъ литературнымъ матеріаломъ теперь трудно себѣ представить преподаваніе даже въ заурядной средней школѣ. Между тѣмъ въ нашей педагогической и популярно-научной литературѣ далеко не все сдѣлано для облегченія такого знакомства. По исторіи литературы до XIX в. существуетъ, по крайней мѣрѣ, рядъ хрестоматій, но для XIX столѣтія такихъ трудовъ почти нѣтъ. Всѣ главныя литературныя направленія этого времени уже сдѣлались достояніемъ науки и могутъ изучаться въ историческомъ освѣщеніи, такъ же, какъ и лучшіе

наши писатели, почти всѣ включенные уже въ программу средней школы. Конечно, существуютъ полныя собранія сочиненій классиковъ, но при историко-литературномъ изученіи очень важно бываетъ обращаться и къ другимъ источникамъ, напримѣръ, къ письмамъ, къ воспоминаніямъ современниковъ, а это часто трудно и громоздко (переписка Гоголя, напримѣръ, отдѣлена отъ его сочиненій и одна занимаетъ 4 тома). При изученіи же литературныхъ направленій и общественныхъ теченій необходимо привлекать обширный и разнообразный матеріалъ, разбросанный и малодоступный, такъ что волей-неволей приходится прибѣгать къ общимъ обзорамъ чаще, чѣмъ желательно, т.-е. возвращаться къ старой системѣ заочнаго знакомства изъ вторыхъ рукъ.

«Историко-литературная Библіотека» имѣетъ въ виду облегчить правильное изученіе нашей литературы прежде всего за XIX вѣкъ. Съ этой цѣлью выпускается въ свѣтъ первая серія книжекъ: Гоголь, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Западничество, Славянофильство. Каждая книжка, приблизительно въ 10 печ. листовъ, будетъ содержать: 1) избранныя сочиненія писателей въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо, подборъ важнѣйшихъ ихъ писемъ, выдержки изъ мемуаровъ современниковъ,—словомъ, все характерное для отдѣльнаго писателя или для цѣлаго направленія; 2) примѣчанія; 3) вводную руководящую статью. Составленіе каждой книжки редакція поручаетъ отдѣльному компетентному лицу. Въ первой серіи участвуютъ: *В. В. Каллашъ*, *А. Д. Алферовъ*, *Н. А. Заозерскій*, *Ѳ. Ѳ. Нелидовъ* и *Н. Л. Бродскій*.

ПРЕДИСЛОВІЕ СОСТАВИТЕЛЯ.

Предлагаемый читателю 2-й выпускъ «Историко-литературной Библіотеки» имѣетъ въ виду облегчить доступъ къ изученію такъ называемаго «западничества», одного изъ главныхъ направленій русской литературы XIX вѣка, по произведеніямъ талантливыхъ его представителей, писателей 40-хъ годовъ. Такая сложная задача, какъ изученіе цѣлаго теченія общественной мысли, потребовала привлеченія довольно обширнаго матеріала, хотя мы, насколько было возможно, ограничивали свой выборъ существенно необходимымъ, въ виду наибольшей доступности сборника, пригодности его для школьнаго употребленія и самообразованія.

Важность ознакомленія съ такимъ крупнымъ и значительнымъ явленіемъ въ исторіи нашей общественной жизни и литературы, какъ «западничество» 40-хъ годовъ, не подлежитъ сомнѣнію. При поверхностномъ знакомствѣ оно, пожалуй, можетъ показаться отжившимъ и совершенно чуждымъ интересовъ нашего времени, но основательное изученіе его по подлиннымъ документамъ, помѣщеннымъ въ нашемъ сборникѣ, раскроетъ въ немъ очень много поучительнаго, цѣннаго и живого и убѣдитъ насъ, что знакомство съ нимъ необходимо, какъ для яснаго уразумѣнія многихъ событій, совершающихся на нашихъ глазахъ, такъ и для полнаго пониманія многихъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ оно отразилось.

Въ помощь читателю, изучающему предлагаемый матеріалъ, мы даемъ руководящую статью. Въ ея сжатомъ разсказѣ о дѣятельности писателей - западниковъ мы старались также показать и послѣдовательный ходъ развитія западническихъ идей и борьбу западничества съ противными теченіями, чтобы съ наименьшей затратой времени читателя ввести его въ сферу умственной

жизни русскаго общества 40-хъ годовъ. Для упорядоченія знанія внѣшней, фактической стороны изучаемаго періода и для болѣе отчетливаго и прочнаго ея усвоенія мы помѣщаемъ «Хронологическія даты» крупныхъ фактовъ литературной исторіи «западничества». А въ концѣ сборника предлагается «библіографія», устанавливающая размѣры дополнительнаго чтенія, особенно расширять которые указаніемъ очень многихъ сочиненій западническаго направленія, не вошедшихъ въ сборникъ, а также указаніемъ многихъ общихъ историческихъ обзоровъ, отдѣльныхъ монографій и статей, мы находимъ излишнимъ, такъ какъ наша главная задача — облегчить трудности изученія. Напротивъ, мы указываемъ лишь самое важное, необходимое и лучшее, что есть въ нашей литературѣ по данному вопросу.

Что же касается тѣхъ соображеній, которыми мы руководились при опредѣленіи объема нашей работы, объ этомъ мы говоримъ ниже, въ началѣ нашей статьи.

Ѳ. Нелидовъ.

I. ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ДАТЫ

КЪ ИСТОРІИ ЗАПАДНИЧЕСТВА 40-хъ гг.

1801—1825 гг. Царствованіе Александра I.
1825—1855 гг. Царствованіе Николая I.
1794 г. Рожденіе П. Я. Чаадаева († 14 апр. 1856 г.).
1810 г. 30 мая. Рожденіе В. Г. Бѣлинскаго († 28 мая 1848 г.).
1812 г. 25 марта. Рожд. А. И. Герцена. († 9 янв. 1870 г.).
1813 г. Рожденіе Н. В. Станкевича († 1840 г.), Т. Н. Грановскаго († 4 окт. 1856 г.) и Н. П. Огарева († 1877 г.).
1814 г. Рожденіе М. А. Бакунина († 1876 г.).
1825 г. 14 дек. Возстаніе декабристовъ.
1826—1830 гг. Періодъ затворничества Чаадаева.
1829 г. 1 дек. Написано 1 философ. письмо Чаадаева. Поступленіе Бѣлинскаго въ Москов. университетъ.
1831 г. Исключеніе Бѣлинскаго изъ университета (сент.).
1831—1834 гг. Время студенчества Герцена, Станкевича и образованія кружковъ.
1833 г. Статья Станкевича „Моя метафизика". (Въ письмахъ къ Невѣрову).
1834 г. Арестъ Огарева и Герцена. Ссылка Огарева въ Пензу. Первая статья Бѣлинскаго „Литературныя мечтанія", въ журн. „Молва".
1835 г. Ссылка Герцена въ Вятку.
1836 г. Появленіе „Письма" Чаадаева въ журн. „Телескопъ" и запрещеніе журнала. Официальное признаніе Чаадаева сумасшедшимъ.
1837 г. Отъѣздъ Станкевича за границу. Начало изданія лѣваго гегеліанскаго журн. „Hallische Jahrbücher".
1837—1839 гг. Заграничная командировка Грановскаго. Слушаніе лекцій въ Берлинск. унив. съ Невѣровымъ и Станкевичемъ
1837—1840 гг. Пребываніе Станкевича за границей. Умеръ въ ночь съ 24 на 25 іюня 1840 г.
1838 г. Статья Бакунина „Предисловіе къ „Гимназическимъ рѣчамъ Гегеля" въ 1 кн. журн. „Московск. Наблюд.", вышедшей подъ редакц. Бѣлинскаго.
1839 г. Возвращеніе изъ ссылки Герцена и Огарева въ Москву. Встрѣча съ кругомъ Станкевича. Герценъ изучаетъ Гегеля, Возвращеніе изъ-за границы Грановскаго. Переѣздъ въ Петербургъ Бѣлинскаго. Начало его сотрудничества въ „Отеч.

Зап.“ Краевскаго. Его консервативно-патріотическія статьи о Бородинской годовщинѣ.

1839—1855 г. Профессорская дѣятельность Грановскаго въ Московск. университетѣ.

1840 г. Отъѣздъ Бакунина за границу. Консервативныя статьи Бѣлинскаго о Менцелѣ, о ком. „Горе отъ ума“.

1841—1842 гг. Вторичная ссылка Герцена (въ Новгородъ). Служба его въ губ. правленіи. Чтеніе Фейербаха (о „Сущности христіанства“).

1842 г. Статья Бакунина „Реакція въ Германіи“ (въ „Deutsche Jahrbücher“). Полемическія стат. Бѣлинскаго противъ славяноф. и ихъ союзниковъ: „Педантъ“, „Небольшой разговоръ между литераторомъ и нелитераторомъ“. Переселеніе Герцена въ Москву и статья его „По поводу одной драмы“.

1842—1843 гг. Философ. статьи Герцена: „Дилетантизмъ въ наукѣ“

1843—1844 гг. Первый курсъ публичныхъ лекцій Грановскаго.

1844 г. Неудачная попытка славяноф. взять въ свои руки „Москвитянинъ“ и безуспѣшное ходатайство Грановскаго о разрѣшеніи новаго журнала. Статья Бѣлинскаго „Русская литература въ 1844 г.“, гдѣ разбираются стихотворенія Языкова и Хомякова.

1844—1846 гг. Филос. ст. Герцена: „Письма объ изученіи природы“.

1845 г. Второй публичный курсъ Грановскаго. Защита его первой диссертаціи. Разрывъ между славянофилами и западниками. Стат. Бѣлинскаго противъ славянофиловъ: разб. пов. „Тарантасъ“ гр. Сологуба.

1846 г. Статьи Герцена по вопр. этики: „Капризы и Раздумье“, „Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести“ (сент.), его бѣлетрист. сочин.: пов. „Сорока-воровка“, „Докторъ Круповъ“, ром. „Кто виноватъ“ (начатъ въ Новгородѣ). Переходъ Бѣлинскаго въ „Современникъ“, редакц. Некрасова и Панаева. Разрывъ Герцена и Огарева съ Грановскимъ.

1847 г. Отъѣздъ Герцена за границу (21 янв.). Поѣздка Бѣлинскаго за границу (на 4 мѣсяца отъ нач. мая до нач. сент.); знаменитое письмо къ Гоголю изъ Зальцбрунна ($^{15}/_{3}$ іюля). Критич. его стат. въ „Современ.“: „Взглядъ на рус. лит. 1846 г.“, стат. противъ славян.: „Отвѣтъ „Москвитянину“.

1848 г. Послѣдняя крит. стат. Бѣлинскаго: „Взглядъ на рус. лит. 1847 г.“ (1 и 3 кн. „Совр.“ 1848 г.).

1848—1855 г. Эпоха цензурнаго террора.

1853—1856 гг. Крымская война.

1854 г. „Письмо неизвѣстнаго къ неизвѣстной“ Чаадаева.

Западники 40-хъ годовъ.

Терминъ «западничество» отличается крайнею неопредѣленностью и неточностью. Если мы будемъ разумѣть подъ нимъ все богатство и разнообразіе западныхъ понятій, идей, интересовъ, стремленій, входившихъ невольно въ наше сознаніе, при соприкосновеніи съ Западомъ въ разныя эпохи нашей исторической жизни, то намъ придется отнести начало этого явленія въ очень отдаленное прошлое и отыскивать представителей западничества не только въ XVIII или XVII вѣкахъ, но и еще ранѣе. Съ другой стороны, мы не найдемъ и конца. Вліянія Запада на нашу науку, литературу, искусство и жизнь не прекращаются и въ настоящее время: напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ становятся сильнѣе и шире,—Россія все ближе и тѣснѣе примыкаетъ къ тому огромному цѣлому, которое носитъ названія: образованный міръ, цивилизованное человѣчество. Ясно, что такая широкая постановка вопроса вывела бы насъ далеко за предѣлы принятой на себя задачи, и мы должны были взять вопросъ въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ границахъ.

Но и въ томъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ прилагался къ цѣлой группѣ дѣятелей 30-хъ и 40-хъ годовъ, онъ не легко поддается опредѣленію. Подъ «западничествомъ» и «западниками» разумѣли тогда литературную партію, направленіе мыслей которой, съ одной стороны, шло въ разрѣзъ съ официально установленными взглядами, сдѣлавшимися обязательными для литературы, науки и жизни и пытавшимися пріостановить всякое движеніе общественной мысли, а съ другой—не удовлетворялось также и воззрѣніями близкой къ ней партіи славянофильской, которая отдавала предпочтеніе чувству передъ мыслью, религіи передъ наукой и, противополагая Россію Европѣ, мечтала о

какомъ-то особомъ пути для нашего національнаго развитія съ высокой ролью, которую суждено сыграть нашей родинѣ въ міровомъ историческомъ процессѣ въ весьма недалекомъ будущемъ. Западники, напротивъ, признавая духовную солидарность Россіи и Европы и высоко цѣня европейскую науку, строили свое міровоззрѣніе на научныхъ выводахъ; они полагали, что Россіи, при всѣхъ ея національныхъ особенностяхъ, свойственно итти тѣмъ путемъ, которымъ шло развитіе всѣхъ европейскихъ народовъ, и питали искреннее, не скрываемое сочувствіе къ европейскимъ идеаламъ и культурѣ. Но, несмотря на такую, повидимому, полную противоположность славянофильству, западничество имѣло съ нимъ много точекъ соприкосновенія. Оно выяснилось и окончательно обособилось отъ послѣдняго лишь къ половинѣ 40-хъ годовъ. Въ предшествующемъ десятилѣтіи обѣ партіи составляли одно цѣлое, и даже позднѣе, уже при полномъ разрывѣ отношеній между ихъ представителями, въ ихъ взглядахъ, чувствахъ и стремленіяхъ оставалось не мало общаго, родственнаго. Кромѣ того, дѣло усложняется еще тѣмъ, что и западники не составляли въ идейномъ отношеніи вполнѣ солидарной, замкнутой группы: и въ ихъ средѣ по нѣкоторымъ вопросамъ обнаруживалось иногда разногласіе, приводившее къ разрывамъ. Всѣ эти явленія, какъ явленія живой дѣйствительности, весьма естественны, имѣютъ, конечно, свои причины, но обстоятельный, подробный разсказъ о нихъ въ предѣлахъ небольшого очерка, какой мы можемъ предложить читателю, является дѣломъ труднымъ, сложнымъ и невыполнимымъ. Мы разсчитываемъ здѣсь на предлагаемый сборникомъ «матеріалъ», который пополнитъ, оживитъ нашу вводную въ него статью и потребуетъ отъ читателя, можетъ-быть, немалой, но зато интересной и плодотворной самостоятельной работы.

Нашъ разсказъ почти не выходитъ за предѣлы двухъ десятилѣтій (30 и 40 гг.); лишь нѣсколько строкъ, посвященныхъ молодости Чаадаева, заставили насъ коснуться александровскаго періода (20 гг.). Мы начинаемъ съ образованія студенческихъ московскихъ кружковъ въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ и кончаемъ 48 годомъ, съ котораго наступаетъ тягостный періодъ для русскаго просвѣщенія и литературы,—«эпоха цензурнаго тер-

рора». Въ это страшное для образованныхъ людей время западничество понесло тяжелыя потери: изъ его строя выбыли самыя крупныя силы. Съ этого же времени оно теряетъ и свой первоначальный характеръ. Поэтому мы не касаемся дѣятельности даже ближайшихъ къ поколѣнію Бѣлинскаго, Герцена, Грановскаго западниковъ, такъ называемыхъ «петрашевцевъ».

Ихъ воспитаніе было иное; ихъ стремленія и дѣятельность отличались также нѣкоторыми особенностями. Они были счастливѣе своихъ предшественниковъ въ томъ отношеніи, что могли воспользоваться готовымъ, уже выработаннымъ или, точнѣе сказать, «выстраданнымъ« ими міровоззрѣніемъ и подойти ближе къ живымъ вопросамъ дѣйствительной жизни. «Я въ то время,—говоритъ Салтыковъ,— только что оставилъ школьную скамью и, воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, примкнулъ къ западникамъ»... Но онъ примкнулъ къ молодому кружку западниковъ, своихъ сверстниковъ, который «прилѣпился къ Франціи С.-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Ж. Занда»... А Бѣлинскому и многимъ его друзьямъ, какъ мы знаемъ, пришлось цѣлые годы пребывать, по выраженію Боткина, въ «пустотахъ» нѣмецкой идеалистической философіи прежде, чѣмъ они добрались до реализма и французскихъ соціалистовъ. Салтыковъ и его сверстники шли быстрѣе по указанному пути: они были уже подготовлены статьями Бѣлинскаго, Герцена, западническою литературой вообще; ихъ мысль была воспитана ею, и они могли прямо со школьной скамьи приниматься за изученіе французскаго позитивизма и соціализма. Среди нихъ были люди съ солидными знаніями по наукамъ общественнымъ, способные приняться за разработку вопросовъ, связанныхъ съ желанной тогда ликвидаціей крѣпостного права и другими соціальными реформами, необходимость которыхъ уже ясно сознавалась ими (вопросовъ о судѣ присяжныхъ, о децентрализаціи управленія и т. п.). Ихъ работа значительно отличалась отъ работы предшественниковъ, которымъ приходилось упорнымъ трудомъ добывать новыя для нашего общества понятія, нравственныя, общественно-политическія, эстетическія, устанавливать такія общія положенія, которыя для слѣдовавшихъ за ними поколѣній вскорѣ становились уже элементарными.

Далѣе, въ 50-хъ гг., западничество эволюціонировало подъ разными вліяніями и переходило въ новыя, отличныя отъ стараго теченія: Герценъ, сдѣлавшійся невольнымъ эмигрантомъ и разочаровавшійся въ Европѣ, и преемники Бѣлинскаго, Чернышевскій и Добролюбовъ, представляли собою радикально-демократическое направленіе западничества и замѣтно сближались со славянофилами по нѣкоторымъ вопросамъ; другая же часть западничества вырождалась, по выраженію Герцена, въ «либеральное доктринерство» (Б. Чичеринъ); особая группа старыхъ западниковъ-эстетовъ, какъ Боткинъ, Дружининъ, Анненковъ, скромно доживала свой вѣкъ: ихъ взгляды среди вѣяній новаго времени, въ эти послѣдніе годы передъ реформами, все болѣе и болѣе теряли общественный интересъ. Старое западничество ярко вспыхнуло въ послѣдній разъ во вторую половину 60-хъ годовъ и погасло навсегда. Это было столкновеніе западничества Тургенева съ народничествомъ Герцена и русскими націоналистами разныхъ толковъ, отразившееся въ перепискѣ Тургенева съ Герценомъ и романѣ «Дымъ». Съ этого времени и самый терминъ выходитъ изъ употребленія.

I.

Эпоха 40-хъ годовъ была замѣчательнымъ временемъ въ исторіи русской общественной мысли и литературы. Подготовленное предшествующимъ десятилѣтіемъ, умственное движеніе въ эти годы совершалось въ направленіи отъ идеализма къ реализму и мало-по-малу пріобрѣтало характеръ протеста противъ господства сковавшей общественную жизнь и мысль офиціальной системы, выразительно и кратко формулированной въ трехъ словахъ: «самодержавіе, православіе и народность». Въ литературѣ того времени окончательно опредѣлились три направленія, три партіи: 1) партія защитниковъ и панегиристовъ правительственной системы, представителями которой являлись Булгаринъ, Гречъ (журн. «Сѣверная Пчела»), Бурачекъ (Журн. «Маякъ») и Сенковскій (Журн. «Библіотека для чтенія»)—въ Петербургѣ, Погодинъ и Шевыревъ (Журн. «Москвитянинъ»)—въ Москвѣ; 2) партія славянофиловъ, временно пріютившаяся въ погодинскомъ журналѣ, и 3) партія

западниковъ, во главѣ которой стояли самые крупные передовые писатели: Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій и мн. др. (Журналы: «Телескопъ», «Московскій Наблюдатель» 38 г., «Отечественныя Записки» съ 1839 г. по 1847 г. и «Современникъ» съ 47 г.). Послѣднія двѣ партіи въ 30-хъ годахъ, несмотря на нѣкоторую разницу во взглядахъ, составляли одинъ тѣсный дружескій кружокъ, но по мѣрѣ того, какъ измѣнялся постепенно составъ его и возникали подъ вліяніемъ европейской литературы новыя умственныя теченія, въ немъ все болѣе и болѣе обнаруживались разногласія; начались нескончаемые споры, которые, постепенно усиливаясь, въ самую горячую пору движенія, въ половинѣ 40-хъ годовъ, привели къ окончательному разрыву между бывшими друзьями.

Это широко разлившееся и раздѣлившееся надвое въ 40-хъ годахъ теченіе началось въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, въ кружкахъ студенческой молодежи, находившейся въ началѣ 30-хъ годовъ еще на школьной скамьѣ. Но преемственно оно примыкаетъ къ тому движенію, которое было подавлено въ 1825 г. Плотно спаянные между собою 30 и 40-ые годы начавшимся и послѣдовательно развивавшимся въ нихъ теченіемъ мысли, имѣютъ, однако, несомнѣнную связь съ предшествовавшимъ александровскимъ періодомъ. Оттуда передавались сохранившіяся прогрессивныя идеи, оттуда доносились иногда уцѣлѣвшіе, живые голоса.

Одинъ изъ такихъ голосовъ, громко раздавшійся въ самую глухую пору 30-хъ гг. и пробудившій всю мыслящую Россію, мы должны непремѣнно выслушать. Онъ принадлежитъ писателю стараго поколѣнія, дѣйствовавшаго въ 20-хъ гг., ментору и близкому другу Пушкина, П. Я. Чаадаеву, печально, но не безплодно доживавшему свой вѣкъ въ мрачное николаевское тридцатилѣтіе.

Чаадаевъ воспитывался въ александровскій періодъ, въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, либеральныхъ увлеченій и сильныхъ вліяній религіознаго мистицизма. По словамъ біографа, онъ воспринялъ своей чуткой душой все, что могъ дать ему его вѣкъ. У него была своя задача, своя идея, свое ученіе, но они имѣли не мало точекъ соприкосновенія съ воззрѣніями передовыхъ людей 30 и 40-хъ годовъ. Пыпинъ вѣрно смотритъ

на него, какъ на одно изъ звеньевъ, связавшихъ двѣ эпохи (20 и 30-хъ гг.), два характера мысли. Въ молодости Чаадаевъ стоялъ въ рядахъ лучшей передовой русской молодежи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ стихотворныхъ посланіяхъ Пушкинъ. Отдавшись въ 20-хъ годахъ господствовавшему тогда въ высшихъ сферахъ мистическому теченію, онъ, во время пребыванія за границей, страдая сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ, попадаетъ подъ вліяніе европейскаго мистика Юнга-Штиллинга. Но, какъ показали послѣдствія, мистицизмъ, оставивъ въ его душѣ неизгладимый слѣдъ, не уничтожилъ въ немъ соціальныхъ интересовъ; усвоенный имъ высокій христіанскій идеалъ съ мистическимъ оттѣнкомъ не оторвалъ его окончательно отъ земли.

Послѣ періода мрачнаго затворничества, продолжавшагося съ 1826 по 1830 г., онъ вошелъ вновь въ московское общество и вскорѣ попалъ, по словамъ П. Н. Милюкова, «въ атмосферу, насыщенную историко-философскими идеями особаго рода: здѣсь съ живымъ увлеченіемъ дебатировались вопросы о всемірно-исторической роли народовъ, о провиденціальной миссіи, о понятіи національности и пр., и эти категоріи мышленія, не чуждыя ему и ранѣе, но затмеваемыя его религіозно-исторической концепціей, не могли не отразиться на дальнѣйшемъ развитіи его ученія»... Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ его новыхъ взглядахъ замѣтно вліяніе славянофильскаго ученія, но ближе онъ былъ всегда къ западникамъ. Къ послѣднимъ онъ примыкалъ не только критическимъ отношеніемъ къ русской современности и прошлому, но и искренними, глубокими симпатіями къ западно-европейской культурѣ и жизни. Въ славянофилахъ его возмущали идеализація русской старины, несправедливое отношеніе къ Петру I, ихъ національное самодовольство и хвастовство русскими добродѣтелями. Онъ преслѣдуетъ злыми насмѣшками этотъ «національный самообманъ», эту «духовную сытость», въ корнѣ враждебную всякому прогрессивному движенію и искажавшую народный характеръ. Всѣ эти взгляды Чаадаева совершенно совпадаютъ съ взглядами Бѣлинскаго, Герцена, Грановскаго, самыхъ передовыхъ западниковъ 40-хъ годовъ. Въ своемъ первомъ «философскомъ пи[illegible]мѣ», напечатанномъ въ 1836 г.

въ московскомъ журналѣ «Телескопъ», Чаадаевъ выступилъ, по выраженію Г. Плеханова, «лирическимъ поэтомъ русскаго западничества». Это и правдиво, и мѣтко сказано: такое именно впечатлѣніе «Письмо» произвело на лучшихъ современниковъ. Оно явилось первымъ, «выстраданнымъ» и законнымъ протестомъ въ западническомъ духѣ противъ ложно-патріотическихъ взглядовъ, господствовавшихъ въ офиціальныхъ сферахъ, широкихъ общественныхъ кругахъ и даже у славянофиловъ [1]).

Правительственная система той эпохи, не допускавшая возраженій противъ строго установленныхъ властью и принятыхъ общественнымъ большинствомъ мнѣній, лежала тяжелымъ гнетомъ надъ страной. Послѣ катастрофы 14 декабря 1825 года опустошенная общественная жизнь замирала. Все мыслящее присмирѣло, попряталось и не показывало никакихъ признаковъ жизни. Уцѣлѣвшіе отъ бури остатки прогрессивной части общества были слишкомъ малочисленны и безпомощны. Многіе изъ оставшихся были нравственно сломлены. Все было нѣмо. Одинъ Чаадаевъ громко заговорилъ. Этотъ христіанскій философъ, «прислонившійся, по выраженію Герцена, къ католицизму», сказалъ очень много горькой, потрясающей правды о безотрадномъ, хаотическомъ состояніи нашей жизни, и его рѣчь пробудила спавшее общество. Его религіозная концепція врядъ ли кого увлекла, но смѣло и талантливо высказанная жизненная правда о печальномъ положеніи страны, роковымъ образомъ въ теченіе вѣковъ отторгнутой отъ цивилизаціи Запада, была принята съ живымъ сочувствіемъ лучшими передовыми людьми. «Нужно признаться,— писалъ Чаадаеву Пушкинъ, — что наша общественная жизнь весьма печальна, что это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всему, что составляетъ долгъ, справедливость и правду, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству, въ самомъ дѣлѣ приводятъ къ отчаянію»... «Письмо Чаадаева,— говоритъ Герценъ въ «Былomъ и Думахъ»,— безжалостный крикъ боли и упрека петровской Россіи; она имѣла право на него; развѣ эта среда жалѣла, щадила автора или кого-нибудь?.. Послѣ «Горя отъ ума»

---

1) См. „Письмо“ Чаадаева въ нашемъ „Матеріалѣ“ стр. 1.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ... ЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
0115272О

не было ни одного литературнаго произведенія, которое произвело бы такое сильное впечатлѣніе»... И Герценъ въ художественномъ разсказѣ передаетъ свои личныя чувства, испытанныя имъ при чтеніи: «Со второй, третьей страницы меня остановилъ печально серьезный тонъ: отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ... Этакъ пишутъ только люди, долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе жизнью, а не теоріей... Читаю далѣе—письмо растетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности, которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ. Я раза два останавливался, чтобы отдохнуть и дать улечься мыслямъ и чувствамъ и потомъ снова читалъ и читалъ»...

Но общественное большинство въ своей умственной слѣпотѣ судило иначе объ этомъ замѣчательномъ произведеніи: оно не замѣтило того глубокаго патріотизма, который сквозитъ въ каждой страстной тирадѣ чаадаевскаго письма. Многіе были оскорблены за Россію, нѣкоторые проклинали автора, какъ ненавистника всего русскаго. «Нѣмецкаго происхожденія русскій патріотъ, Ф. Вигель,—по словамъ Герцена,—пустилъ дѣло въ ходъ», т.-е. написалъ доносъ, и правительство подъ давленіемъ общества наложило тяжелую кару на автора. Ни правительство, ни общество не вникнули въ сущность ученія Чаадаева, не поняли положительной его стороны, и онъ пострадалъ за отрицательное отношеніе къ настоящему и прошлому Россіи. Въ Чаадаевѣ не было того, что называется политическимъ вольнодумствомъ; въ противномъ случаѣ ему не пришлось бы остаться въ Москвѣ. Но онъ не былъ и не могъ быть консерваторомъ, какъ человѣкъ образованный, разносторонне начитанный, знакомый съ выдающимися умами Европы и ея строемъ жизни и притомъ признававшій превосходство ея идеаловъ. Чаадаевъ всю жизнь стремился къ внутренней свободѣ и призывалъ къ высшей жизни духа; но, нося въ душѣ такой возвышенный нравственный идеалъ, не мирился, какъ многіе, съ существовавшимъ тогда въ Россіи соціальнымъ строемъ. Онъ, какъ извѣстно, желалъ уничтоженія рабства, мечталъ объ установленіи совершеннаго общественнаго строя на землѣ.

XIX

Какъ защитникъ западной культуры и врагъ славянофильства, Чаадаевъ вскорѣ встрѣтилъ союзниковъ въ образованной передовой молодежи. Таковы были нѣкоторые изъ профессоровъ Московскаго университета, возвратившихся во второй половинѣ 30-хъ годовъ изъ-за границы и среди нихъ въ особенности Грановскій. Къ тому же времени въ Москву пріѣхали Огаревъ и Герценъ. Молодые западники, какъ послѣдователи новыхъ философскихъ ученій, разумѣется, не интересовались религіозной стороной его доктрины, и ихъ взгляды часто не совпадали съ его взглядами. Но они видѣли въ немъ выдающуюся и благородную личность, сломленную безвременьемъ. 10 сент. 1842 г. Герценъ записываетъ въ своемъ дневникѣ [1]): «Споръ съ Чаадаевымъ о католицизмѣ и современности; при всемъ большомъ умѣ, при всей начитанности и ловкости въ изложеніи и развитіи своей мысли, онъ ужасно отсталъ. Даже мнѣ было жаль употреблять всѣ средства; въ немъ какъ-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма. Онъ въ ней нашелъ примиреніе и отвѣтъ, и притомъ не путемъ мистика и піэтиста, а соціально-политическимъ воззрѣніемъ. Но, тѣмъ не менѣе и это голосъ изъ гроба, голосъ изъ страны смерти и уничтоженія. Намъ страненъ этотъ голосъ»... Герценъ во многомъ расходился съ Чаадаевымъ, но, какъ видно, цѣнилъ «разумную сторону католицизма», его «соціально-политическія воззрѣнія», отдѣляя ихъ отъ мистическаго основанія, которое ему, какъ послѣдователю Фейербаха, было совершенно чуждо и казалось «голосомъ изъ гроба».

Одаренный выдающимся философскимъ умомъ, сходясь съ католическими мистиками въ главномъ основномъ положеніи своего ученія, въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ идей, Чаадаевъ является самостоятельнымъ мыслителемъ. Признавая божественное происхожденіе христіанства, онъ цѣнитъ въ немъ его универсальность и соціальную сторону. Главную цивилизующую соціальную силу католицизма онъ усматриваетъ въ настойчивомъ стремленіи къ объединенію всѣхъ людей въ «едино стадо», подъ однимъ верховнымъ принципомъ. Для него важно не католичество съ его догматическими

---

1) См. дневн. Герц. 10 сент. 1842 г. въ «Матеріалахъ».

особенностями и обрядами,—онъ видитъ въ немъ кратчайшій путь къ религіозному единству, къ вселенской церкви. Эта идея связываетъ Чаадаева съ нашими послѣдующими христіанскими мыслителями: В. Соловьевымъ и Ѳ. Достоевскимъ.

Признанный официально сумасшедшимъ за напечатанное въ «Телескопѣ» «Философическое письмо», Чаадаевъ пишетъ черезъ шесть лѣтъ «Апологію сумасшедшаго». Онъ понимаетъ, что наложенная на него правительственная кара вызвана воплями патріотовъ, и очень тонко иронизируетъ надъ послѣдними. «Есть разные способы любить свое отечество,—говоритъ онъ,—напримѣръ, самоѣдъ, чувствующій любовь къ своимъ роднымъ снѣгамъ, которые сдѣлали его близорукимъ, закоптѣлой юртѣ, гдѣ онъ скорчившись проводитъ половину своей жизни, и прогорклому оленьему жиру, заражающему вокругъ него воздухъ зловоніемъ, любитъ свою страну, конечно, иначе, нежели англійскій гражданинъ, гордящійся государственными учрежденіями и высокой культурой своего славнаго острова... Прекрасная вещь—любовь къ отечеству, но есть еще нѣчто болѣе прекрасное—это любовь къ истинѣ... Любовь къ отечеству раздѣляетъ народы, разжигаетъ національную вражду и подчасъ одѣваетъ землю въ трауръ; любовь къ истинѣ распространяетъ свѣтъ знанія, создаетъ духовныя наслажденія, приближаетъ людей къ божеству... Правда, мы, русскіе, всегда мало интересовались тѣмъ, что истина и что ложь, поэтому нельзя и сердиться на общество, если нѣсколько язвительная филиппика противъ его немощей задѣла его за живое»... Ясно, что и враги у Чаадаева были тѣ же, что у западниковъ: націоналисты - патріоты, раздѣлявшіе официальные взгляды, защитники официальной системы, и представители зарождавшагося славянофильства, къ которымъ Чаадаевъ относился едва ли не болѣе враждебно, чѣмъ многіе изъ молодыхъ западниковъ. «Больше, чѣмъ кто-либо изъ васъ, повѣрьте, я люблю свою страну,—говоритъ онъ и тѣмъ, и другимъ,—желаю ей славы, умѣю цѣнить высокія качества моего народа»... Но Чаадаевъ находитъ, «что человѣкъ можетъ быть полезенъ своей странѣ только въ томъ случаѣ, если видитъ ее»... «Я думаю,—говоритъ онъ далѣе,—что время слѣпыхъ амуровъ прошло, что теперь мы прежде всего

обязаны родинѣ истиной. Я люблю мое отечество, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его. Мнѣ чуждъ, признаюсь, этотъ блаженный патріотизмъ, этотъ патріотизмъ лѣни, который приспособляется все видѣть въ розовомъ свѣтѣ и носится со своими иллюзіями, и которымъ, къ сожалѣнію, страдаютъ теперь у насъ многіе дѣльные умы (ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о славянофилахъ)»...

Итакъ, мы видимъ, что у Чаадаева было очень много общаго съ передовыми людьми того времени, которыхъ противники прозвали «западниками». Общіе умственные интересы, симпатіи и антипатіи связывали ихъ неразрывною связью. Встрѣчи были часты: въ ту пору еженедѣльно по опредѣленнымъ днямъ въ извѣстныхъ московскихъ домахъ устраивались вечера, на которые собирался цвѣтъ московской интеллигенціи. Чаадаевъ былъ почти постояннымъ посѣтителемъ этихъ собраній: споры славянофиловъ съ западниками часто происходили въ его присутствіи, и его сочувствіе всегда было на сторонѣ послѣднихъ. Онъ горячо принималъ къ сердцу интересы и успѣхи ихъ: ему было близко ихъ новое міропониманіе тѣмъ, что оно разрушало старыя традиціи и отстаивало права разума, права свободнаго изслѣдованія. Онъ усердно посѣщалъ публичныя лекціи Грановскаго и говорилъ о нихъ, что онѣ имѣютъ историческое значеніе, хотя лекторъ не щадилъ и его собственныхъ заблужденій. Его тяготѣніе къ Западу, основывавшееся на признаніи превосходства западно-европейской, т.-е. человѣческой, культуры, критическое отношеніе къ настоящему и прошлому Россіи, разрушавшее вредныя иллюзіи, созданныя узкимъ патріотизмомъ защитниковъ офиціальной системы и крайностями славянофильства, искренняя и глубокая любовь къ родинѣ, заставлявшая его среди всеобщаго молчанія громко протестовать противъ косности и невѣжества,—все это, несомнѣнно, тревожило общественное спокойствіе, будило мысль, и, слѣдовательно, имѣетъ большое значеніе въ исторіи русской общественной мысли вообще и въ исторіи западническихъ идей въ частности. Пусть это былъ «голосъ изъ гроба», т.-е. голосъ, дошедшій изъ предшествовавшей эпохи, но онъ имѣлъ цѣну и въ 30-хъ и въ 40-хъ годахъ: въ немъ слышался постоянный и смѣлый про-

тестъ противъ застоя въ жизни и мысли, призывъ къ общечеловѣческому, европейскому развитію. Не даромъ же и Бѣлинскій, по извѣстному разсказу Герцена, со всею свойственною ему горячностью напалъ однажды на молодого ученаго филистера за оскорбительный отзывъ о знаменитомъ «Письмѣ» Чаадаева [1]). Письмо это встряхнуло и славянофиловъ; оно заставило ихъ, по словамъ Герцена, организоваться.

II.

30-ые годы представляютъ собой самый мрачный періодъ въ исторіи нашей общественной жизни. Въ Россіи господствовала правительственная система, стремившаяся окончательно пріостановить умственную жизнь страны. Наука и литература не пользовались ни малѣйшимъ довѣріемъ правительства и находились, какъ и всѣ другіе роды и виды общественной дѣятельности, въ полной зависимости отъ усмотрѣнія начальства. «Начальство сдѣлалось все въ странѣ,—говоритъ біографъ Каткова,—все кесареви, Богови оставалось немного». Общество послѣ 1825 года, по удачному выраженію одного писателя, было «обезглавлено»; въ общественной жизни стояло, какъ мы уже говорили, полное умственное затишье. Только среди подраставшаго въ ту пору, очень еще молодого поколѣнія, среди учащагося юношества показались новые, свѣжіе ростки мысли: этими почти мальчиками Россія начинала снова

---

1) Рекомендуемъ читателю внимательно прочесть прилагаемыя въ „Матеріалахъ“ „Философическое письмо“ и „Выписку изъ письма неизвѣстнаго къ неизвѣстной“, чтобы убѣдиться въ вѣрности нашей точки зрѣнія на міровоззрѣніе и дѣятельность Чаадаева. Подобно Герцену, Бѣлинскому, Грановскому, Чаадаевъ дорожитъ самобытнымъ развитіемъ, но кладетъ въ основу его логическое совершенствованіе, т.-е. указываетъ Россіи общечеловѣческій путь развитія, подобно имъ, возмущается отсутствіемъ у насъ идей долга, справедливости, права, порядка; одинаково съ ними относится съ уваженіемъ къ Петру и отрицательно къ внѣшнему европеизму („мы подняли только мантію цивилизаціи“); вмѣстѣ съ ними раздѣляетъ взглядъ, ставящій въ основу общественныхъ явленій идеи, а не фактъ („искали истину и нашли благосостояніе“), интересы и выгоды, по его мнѣнію, вытекаютъ изъ идей; отсюда общее съ западниками мнѣніе, массы не думаютъ, за нихъ думаютъ мыслители, мысль интеллигенціи разлагаетъ понятія массъ.

думать. Но молодые побѣги пошли отъ старыхъ корней: часть этихъ юношей пыталась продолжать традиціи декабристовъ. Таковъ былъ московскій студенческій кружокъ Сунгурова, вызвавшій тотчасъ суровыя преслѣдованія правительства и просуществовавшій очень недолго. Подобно ему, сформировался и другой кружокъ Герцена и Огарева, имѣющій, однако, большее значеніе въ исторіи русской общественной мысли. Этотъ кружокъ былъ также воспитанъ на идеяхъ, завѣщанныхъ «декабристами», но въ руки его членовъ попадали и статьи, и книги французскихъ соціалистовъ, преимущественно с.-симонистовъ, и міровоззрѣніе ихъ стало измѣняться въ этомъ новомъ направленіи. Увлекаясь французскимъ позитивизмомъ и соціализмомъ, они, конечно, не могли сочувствовать довольно распространенному тогда среди московскаго студенчества идеалистическому направленію, возникшему подъ вліяніемъ лекцій проф. Павлова, знакомившаго студентовъ съ системой нѣмецкаго философа Шеллинга.

Глава кружка, Герценъ, еще ранѣе испыталъ на себѣ очень сильное вліяніе своего двоюроднаго брата, представлявшаго собою рѣдкостный въ то время экземпляръ строго послѣдовательнаго матеріалиста и атеиста, который философію называлъ «болтовней» и рѣшительно утверждалъ, что «эгоизмъ есть исключительное начало всѣхъ дѣйствій» человѣка, и что послѣдній такъ же не отвѣтственъ за свои поступки, какъ и звѣрь. Единственно цѣннымъ для человѣка знаніемъ этотъ ранній предшественникъ нашихъ «мыслящихъ реалистовъ»—шестидесятниковъ признавалъ естественныя науки. Взгляды Герцена не были, какъ мы знаемъ, такъ узки, односторонни, какъ рекомендованные его кузеномъ, и онъ интересовался не однимъ естествознаніемъ, но вліяніе этого «Базарова» 30-хъ годовъ отразилось во многихъ произведеніяхъ Герцена, написанныхъ въ московскій періодъ его жизни.

Съ глубокимъ возмущеніемъ и грустью смотрѣли эти восторженные юноши-соціалисты на окружавшую ихъ низменную дѣйствительность и клялись, во что бы ни стало, перестроить ее. Другъ Герцена съ дѣтскихъ лѣтъ, Н. П. Огаревъ, вспоминая свою юность, говорилъ:

„Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положимъ соцьялизмъ,
И чтобъ достичь священной нашей цѣли,
Мы общество должны составить втайнѣ
И втайнѣ шагъ за шагъ распространять".

(„Исповѣдь лишняго человѣка"
Н. Огаревъ.)

Но идеи ихъ были смутны. «Что мы собственно проповѣдывали,—говоритъ Герценъ,—трудно сказать. Мы проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику... Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому произволу. Общество въ сущности никогда не составлялось, но пропаганда наша пустила глубокіе корни во всѣ факультеты и далеко перешла университетскія стѣны»... Но Герценъ и Огаревъ въ 1834 г. были арестованы и отправлены въ ссылку. Кружокъ разсѣялся, и нѣкоторые его члены вошли потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, въ составъ другого кружка, собравшагося вокругъ замѣчательной личности Н. В. Станкевича. Такимъ образомъ мы видимъ, что идеи реализма и соціализма появились у насъ уже въ эту раннюю и самую глухую пору нашей жизни.

Знаменитый кружокъ Станкевича, заключавшій въ своемъ составѣ многихъ даровитѣйшихъ русскихъ людей, сформировался также въ Москвѣ въ началѣ 30-хъ годовъ и существовалъ рядомъ съ другими студенческими кружками, но отличался отъ нихъ своимъ исключительно философскимъ направленіемъ. Принявшись за усвоеніе системы Шеллинга, члены его, увлекаемые Станкевичемъ, не остановились на этомъ первомъ шагѣ, а пошли далѣе. Главною ихъ задачею была выработка идей, руководящихъ личною и общественною дѣятельностью человѣка, и главнымъ стремленіемъ—стремленіе къ нравственному усовершенствованію. Эта трудная работа началась безъ опытныхъ и знающихъ руководителей: университетскіе преподаватели смогли только дать первый толчокъ и вскорѣ остались позади своихъ учениковъ. Какъ самое преподаваніе, такъ и занятія философіей не поощрялись въ то время учебнымъ начальствомъ. Оно косо смотрѣло на науку вообще и старалось оберегать отъ ея «яда» воспріимчивые молодые умы, а къ философіи относи-

лось съ особенною враждебностью. При такихъ условіяхъ работа становилась вдвое труднѣе и шла неправильно и медленно. Бѣлинскій, какъ извѣстно, жаловался, что его развитіе шло «зигзагами», но то же самое, съ большею или меньшею основательностью, могъ о себѣ сказать почти каждый изъ передовыхъ людей того времени. Напряженная работа ихъ мысли встрѣчалась съ цѣлою сѣтью препятствій, которыя ставили общія условія жизни и окружающая среда. Но, къ счастію для Россіи, молодое поколѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, обиловало разнообразными выдающимися талантами, и ихъ совокупныя усилія все-таки привели, въ концѣ-концовъ, къ блестящимъ результатамъ, ярко обнаружившимся въ литературномъ движеніи 40-хъ годовъ. Вспоминая потомъ, много лѣтъ спустя, о молодыхъ московскихъ кружкахъ, Герценъ говоритъ: «это была удивительная молодежь... такого круга людей талантливыхъ, чистыхъ, развитыхъ, умныхъ и преданныхъ я не встрѣчалъ, а скитался довольно по бѣлому и «красному свѣту». И это сказано не только о близкомъ ему кругѣ лицъ, но и о кружкѣ Станкевича, и о славянофилахъ.

Кружокъ Станкевича представлялъ собою собраніе людей разнообразныхъ дарованій. Тутъ были и поэты: Красовъ, Клюшниковъ, Кольцовъ, и писатели-прозаики, критики, публицисты: Бѣлинскій, Боткинъ, Катковъ; педагоги, какъ Я. М. Невѣровъ, ближайшій другъ Станкевича; даровитые ученые, какъ С. Строевъ и Т. Н. Грановскій; выдающееся философское дарованіе— М. А. Бакунинъ, впослѣдствіи знаменитый европейскій дѣятель. Если прибавить сюда позже вошедшихъ въ кружокъ нѣсколькихъ молодыхъ профессоровъ Московскаго университета да бывшихъ членовъ стараго политическаго кружка во главѣ съ Герценомъ и Огаревымъ, то мы получимъ очень обширную группу блестящихъ литературныхъ и ученыхъ талантовъ.

Всѣ они, за исключеніемъ лишь примкнувшихъ позднѣе, находились подъ вліяніемъ Станкевича. Каждый былъ въ большей или меньшей степени ему обязанъ своимъ развитіемъ. Станкевичъ отвлекалъ отъ праздной жизни и обращалъ къ серьезному труду, ободрялъ въ неудачахъ, утѣшалъ въ горѣ, давалъ цѣнные совѣты и указанія въ литературныхъ и научныхъ

занятіяхъ и съ особенною силою, по словамъ Тургенева, увлекалъ въ область философскихъ идей и возвышенныхъ идеаловъ. Такимъ образомъ, не будучи писателемъ (его литературное наслѣдство слишкомъ мало и незначительно по содержанію), онъ своимъ личнымъ вліяніемъ участвовалъ во многихъ начинаніяхъ эпохи: онъ руководилъ духовнымъ развитіемъ самыхъ выдающихся представителей умственнаго движенія 40-хъ годовъ въ періодъ ихъ подготовительной къ общественному служенію работы. Таково было его вліяніе на Бѣлинскаго, Бакунина, Грановскаго и др. Даже случайно встрѣчавшіеся съ нимъ люди и знавшіе его короткое очень время добровольно и быстро «отдавались ему сами собой». Тургеневъ, познакомившійся съ нимъ за границей и сблизившійся незадолго до его смерти, очень скоро почувствовалъ къ нему «уваженіе, почти благоговѣніе». И на многихъ произведеніяхъ Тургенева замѣтно вліяніе личности Станкевича. Образъ его носился передъ авторомъ «Рудина», когда онъ создавалъ Покорскаго.

Сгруппировавшійся вокругъ Станкевича кружокъ жилъ дружною, товарищескою жизнью. Станкевичъ своихъ товарищей называлъ «братьями» [1]). Помѣщенная въ нашихъ «Матеріалахъ» переписка друзей ярко рисуетъ ихъ общее идеальное настроеніе и близкія сердечныя отношенія, доходящія иногда до удивительно-откровенныхъ признаній въ своихъ нравственныхъ «паденіяхъ» и «возвышеніяхъ», до самообличеній и самообвиненій [2]). Идеализмъ былъ общимъ явленіемъ въ молодыхъ кружкахъ того времени, и соціалисты кружка Герцена были также не чужды ему. Его воспитывала нѣмецкая поэзія и философія, въ которую бросалась лучшая образованная молодежь, потому что въ окружающей жизни не находила жизни. Идеалистическая философія заманчиво обѣщала разрѣшить всѣ глубочайшіе вопросы человѣческой мысли, найти общій смыслъ явленій окружающей жизни и природы.

---

[1]) См. письмо Станк. къ Невѣрову 9-е, стр. 37; «Мат.».

[2]) См. письма Станкев. къ Невѣр.: 4-е, стр. 25; 5-е, стр. 27; 6-е, стр. 28; 7-е, стр. 29; 11-е, стр. 33; 12-е, стр. 34; письма Бѣлин. къ Ботк.: 8-е, стр. 142; 15-е, стр. 152; 16-е, стр. 154, 17-бе, стр. 155, 19-бе, стр. 159; Станк. 5-е, стр. 131.

Но къ философіи приготовлялись путемъ искусства, поэзіи. Философія давала истину въ сознаніи, поэзія—въ созерцаніи. «Поэзія и философія—вотъ душа сущаго», говоритъ Станкевичъ [1]). Шекспиръ, Гете, Шиллеръ, Гофманъ, изъ русскихъ поэтовъ Пушкинъ и потомъ Гоголь заслуживали ихъ вниманія главнымъ образомъ. Къ этому присоединялись музыка и сценическое искусство. «Театръ становится для меня атмосферою; прекрасное моей жизни не отъ міра сего, — пишетъ другу Станкевичъ.—Наше искусство не высоко; но театръ и музыка располагаютъ душу мечтать о немъ, о его совершенствѣ, о прелести изящнаго, дѣлать планы эфемерные, скоро преходящіе»... [2])

Изученіе философіи начиналось Шеллингомъ. Въ мартѣ 1833 г. Станкевичъ въ 2 письмахъ къ Невѣрову пишетъ цѣлое разсужденіе, въ которомъ излагаетъ взгляды этого философа на природу и человѣка [3]). Изъ ряда явленій, подлежащихъ нашему опыту, изученію, природа здѣсь превращается въ одно грандіозное цѣлое, Все (Das All). Это—одушевленное, разумѣющее себя въ цѣломъ существо и стремящееся къ самоуразумѣнію въ недѣлимыхъ. Роды существъ составляютъ лѣстницу, по которой жизнь идетъ къ самоуразумѣнію. Выше всего человѣкъ—вѣнецъ творенія. Въ немъ повторилась всеобщая жизнь природы, у которой есть разумѣніе, свобода, чувство. Разумъ, Творецъ прекрасенъ въ своемъ образѣ—человѣкѣ. Человѣкъ можетъ знать, вѣрить, надѣяться, любить, дѣйствовать, сознавая себя отдѣльно. Съ особеннымъ восторгомъ Станкевичъ говоритъ о любви (2-е письмо). «Любовь!—восклицаетъ онъ.—Другъ мой! для меня съ этимъ словомъ разгадана тайна жизни»... Съ идеалистической точки зрѣнія, это—главное чувство, которымъ движется всеобщая жизнь. Любовь это и есть сама жизнь. Когда человѣкъ любитъ, онъ понимаетъ все и дѣйствуетъ прекрасно. Любовь—родъ религіи, которая должна наполнять каждое мгновеніе, каждую точку жизни. Любимое существо должно замѣнить красоту всего созданія, сосредоточить на себѣ и усилить святое, врожден-

---

[1]) См. 15-е письмо Станк. Грановскому въ «Матеріалахъ», стр. 46.
[2]) См. 3-е письмо Станк. Невѣрову, «Матер.», стр. 29.
[3]) См. «Моя метафизика», «Матер.», стр. 22—28.

ное чувство любви. Это мысли, которыя раздѣлялись всѣми идеалистами. Требованія къ предмету любви были очень высокія. «Я мелкимъ чувствомъ довольствоваться не могу,—пишетъ Станкевичъ другу,—а для высокаго нужна женщина съ высокими достоинствами»... Сколько мукъ доставляло чувство любви идеалисту, погруженному всецѣло во внутреннюю жизнь собственной души, въ игру ея ощущеній, можно видѣть по письмамъ Станкевича [1]). Съ перваго момента, съ такъ называемой на языкѣ идеалистовъ Sehnsucht, начинается тщательный анализъ собственныхъ ощущеній (письма 1-е и 4-е). Влюбившись, Станкевичъ продолжаетъ самоанализъ и дѣлаетъ наблюденія и опыты надъ любимой дѣвушкой (письмо 5-е). Ему кажется, что ея чувство—простой интересъ, она не способна любить, и онъ порываетъ съ ней, такъ какъ замѣчаетъ, что любилъ призракъ, созданный собственной фантазіей. Второй романъ его сложнѣе и имѣетъ связь съ третьимъ. Здѣсь Станкевичу пришлось пережить не мало душевныхъ волненій и мукъ. «Она, по его словамъ, мила, какъ цвѣтокъ»... но онъ не любитъ ея. Онъ колеблется, однако: прекращаетъ визиты, снова возобновляетъ—въ результатѣ сцены ревности и горькія обвиненія. «Другъ, другъ, какая сцена!—пишетъ онъ Невѣрову.—Сейчасъ послалъ за Красовымъ, чтобы онъ ночевалъ у меня: несносныя чувства терзаютъ меня»... Въ слѣдующемъ письмѣ онъ спрашиваетъ друга, что дѣлать ему (письмо 6-е). Третій романъ завязывается съ сестрой Бакунина, подругой героини второго романа. Эта послѣдняя въ порывѣ великодушія въ Л. Бакуниной возбудила симпатію къ любимому ею Станкевичу, но эта жертва стоила ей серьезнаго нервнаго разстройства, отъ котораго она слегла въ постель. Чувство Бакуниной встрѣтило взаимность. Здѣсь Станкевичъ дошелъ до объясненій съ любимой дѣвушкой и не получилъ отказа. Онъ въ восторгѣ, но, рефлектируя попрежнему, откладываетъ послѣдній шагъ и довольно быстро приходитъ къ рѣшенію отказаться отъ сладкой мечты ради занятій философіей. «Это была фантазія, — говоритъ онъ,—любовь не забывается такъ скоро»... Однако мечта

---

[1]) См. письма Станк. къ Невѣр. 1, 3, 4, 5, 6, 11, 12, «Матер.» стр. 20, 29, 31, 33, 38, 39.

оказалась лучшею, любимою, отказаться отъ нея было труднѣе, чѣмъ отъ первыхъ двухъ, и Станкевичъ, «сначала былъ внѣ себя» (письма 11-е и 12-е). Болѣзненное состояніе Бакуниной заставило его скрыть отъ нея перемѣну своихъ чувствъ, и онъ уѣхалъ за границу женихомъ ея. Получивъ извѣстіе о ея смерти, Станкевичъ облегченно вздохнулъ. Такимъ образомъ всѣ три романа его имѣли печальный конецъ. Отвлеченный характеръ идеализма былъ главной ошибкой идеалистовъ 30-хъ гг. Въ нашей «Библіографіи» по этому интересному вопросу мы рекомендуемъ читателю превосходную статью П. Н. Милюкова, въ которой онъ слѣдитъ, какъ отразилась эта ошибка на серьезныхъ связяхъ у идеалистовъ того поколѣнія, и какъ она разнообразилась у разныхъ его представителей: Станкевича, Бѣлинскаго, Герцена [1]).

Станкевичъ былъ человѣкомъ выдающагося живого ума. Мысль его отличалась широтою и трезвостью, рѣдкою въ такомъ, какъ онъ, романтикѣ-мечтателѣ, который, какъ мы видѣли, въ ранней молодости часто убѣгалъ отъ дѣйствительности въ міръ неопредѣленныхъ чувствъ и красивыхъ, созданныхъ имъ самимъ фантазій. Мѣра и гармонія была въ природѣ Станкевича, по словамъ его біографа Анненкова. Онъ всей душою отдавался изученію идеалистической философіи, страстно увлекался поэзіей, театромъ, музыкой. Онъ шелъ тѣмъ же путемъ, какимъ шло за нимъ большинство его друзей, но всегда былъ впереди ихъ и не доходилъ до крайностей въ своихъ философскихъ увлеченіяхъ, какъ это было съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ. Онъ читаетъ, напр., впервые книгу Фихте: „Vorlesungen über die Bestimmung des Menschen“, и она производитъ хаосъ въ его головѣ. Онъ пишетъ Бакунину, что вся природа ему кажется теперь призракомъ, созданнымъ имъ самимъ, что всѣ утѣшительныя мысли теряютъ для него значеніе. «Но это бывало со мной»,—говоритъ онъ,—и пройдетъ! Только скорѣе въ деревню, въ поле, за дѣло и за гульбу» (разумѣя подъ послѣдней свои продолжительныя охотничьи прогулки).

---

[1]) Бѣлинскій въ 1841 г. созналъ эту ошибку: рекомендуемъ читателю прочесть письмо его къ Боткину по поводу его разрыва съ невѣстой (А. Бакуниной, въ которую былъ въ 36 г. влюбленъ Бѣл.); см. въ «Матер.» письмо 20-е, стр. 162.

Этотъ восторженный идеалистъ, философъ-романтикъ, какъ видите, не можетъ оторваться отъ земли и унестись въ область отрѣшенной отъ человѣческаго существованія мысли. Онъ изучаетъ не одну философію, его интересуетъ исторія, искусство; онъ слушаетъ даже курсъ сельскаго хозяйства, знаніе котораго считаетъ необходимымъ для русскаго дворянина-помѣщика. Въ самый ранній періодъ своей жизни, когда онъ думалъ, что только философія можетъ спасти человѣка отъ погруженія въ пошлую обывательщину, онъ, однако, не отворачивался отъ жизни, не проходилъ мимо темныхъ сторонъ ея спокойно. Въ 1834 году, выбранный въ должность почетнаго смотрителя Острогожскаго уѣзднаго училища, онъ рѣшаетъ вывести въ школахъ изъ употребленія наказаніе «палями» и водворить ланкастерскую методу обученія. Любопытно также, что необходимость своего отъѣзда за границу онъ, между прочимъ, мотивируетъ потребностью освѣжить чувство любви къ родинѣ тоскою по ней, «оживить эту любовь къ Россіи, гибнущую отъ тысячи обстоятельствъ». По мѣрѣ того, какъ онъ мужаетъ, онъ все болѣе освобождается отъ юношескихъ увлеченій, нимало, впрочемъ, не измѣняя идеаламъ своей юности: онъ освобождается только отъ идеалистическихъ туманныхъ призраковъ. «Не рефлектируй, братъ, много. Если запутываешься въ антиноміяхъ, давай скорѣе себѣ отдыхъ», пишетъ онъ Грановскому въ 1838 г. и совѣтуетъ въ помощь мышленію употреблять созерцаніе дѣйствительности. Черезъ мѣсяцъ онъ снова повторяетъ: «Вообще, если трудно становится что-нибудь рѣшить, переставай думать и живи. Въ сравненіяхъ и выводахъ—будетъ кое-что истинное, но вѣрно вполнѣ охватишь вещь только изъ общаго живого чувства»... Въ эти послѣдніе годы, во время пребыванія за границей, въ его письмахъ къ роднымъ чрезвычайно много не только ума и чувства, но и реалистическаго пониманія вещей и житейскаго здравомыслія.

Станкевичъ развивался такъ же, какъ и большинство его друзей. Тѣ же вопросы волновали ихъ всѣхъ, тѣ же интересы овладѣвали ими, тѣ же задачи ставились на разрѣшеніе, тѣ же настроенія переживались всѣми; такъ, напр., стремленіе къ личному нравственному со-

вершенствованію приводило и Станкевича, и Бакунина, и Бѣлинскаго, и Боткина, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ письма, къ рѣшенію уйти отъ міра, отъ пошлой дѣйствительности, къ отказу отъ личнаго счастья, къ самоотреченію (Entsagung); такимъ образомъ вся жизнь превращалась въ сплошной, принудительный подвигъ. Два цвѣтка, говоритъ Шиллеръ, манятъ человѣка: надежда (Hoffnung) и наслажденіе (Genuss)—кто сорвалъ второй, тотъ лишился перваго. Поэтому, разсуждаетъ Станкевичъ: «Какъ ни сладко было бы мнѣ, исторгшись изъ скуки жизни, отдохнуть въ объятіяхъ тихаго существа (т.-е. любимой женщины)... я устою... Безъ перваго, безъ надежды, по крайней мѣрѣ, безъ сознанія правоты своей, для меня нѣтъ счастія... Какъ отрадно разбить упоительный сосудъ, поднесенный любовью, и сказать: я выше толпы счастливцевъ...» [1]) Также разсуждали и Бакунинъ, и Бѣлинскій въ періодъ увлеченія фихтеанствомъ. Всѣ они проходили одинъ и тотъ же философскій курсъ, по одной и той же программѣ: Шеллингъ, Фихте, Гегель, нѣкоторые прибавляли Канта. Разница заключалась лишь въ томъ, что одни проходили полнѣе, другіе—въ сокращенномъ видѣ, одни черпали свѣдѣнія изъ первоисточниковъ, другіе получали изъ вторыхъ рукъ. Но эти занятія не отличались ни систематичностью, ни строгою научностью; у всѣхъ на первый планъ выдвигался интересъ нравственный—стремленіе тотчасъ приложить тотъ или другой теоретическій выводъ философіи къ жизни. Усвоенное философское положеніе сейчасъ же развивается въ журнальной статьѣ. На тему о разумной дѣйствительности Бакунинъ пишетъ «Предисловіе» къ «Гимназическимъ рѣчамъ» Гегеля, Бѣлинскій—статьи о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ въ одномъ и томъ же духѣ; тѣ же идеи Шеллинга, которыя Станкевичъ излагаетъ въ двухъ письмахъ къ Невѣрову («Моя метафизика»), Бѣлинскій развиваетъ по-своему на нѣкоторыхъ страницахъ статьи: «Литературныя мечтанія».

Никто, однако, не изучилъ такъ основательно весь этотъ философскій курсъ, а въ частности систему Гегеля, какъ Станкевичъ. Когда въ концѣ 30-хъ годовъ, Бакунинъ и Бѣлинскій, увлекшись извѣстнымъ поло-

---

[1]) См. 6-е письмо къ Невѣр, «Матер.», стр. 33.

женіемъ, Гегеля: «Что разумно, то дѣйствительно; что дѣйствительно, то разумно», поняли вторую половину его въ консервативномъ смыслѣ и начали толковать ее, какъ оправданіе всего существующаго порядка вещей, осуждая всякій протестъ противъ него, негодуя на Шиллера, какъ на протестанта, то Станкевичъ, замѣтивъ эту неправильность, рекомендовалъ сдѣлать исправленіе на основаніи его указаній. Онъ писалъ изъза границы Грановскому, находившемуся уже въ Москвѣ: «О дѣйствительности пусть прочтутъ въ «Логикѣ» (т.-е. въ Логикѣ Гегеля), что дѣйствительность въ смыслѣ непосредственности, внѣшняго бытія есть случайность; что дѣйствительность въ ея истинѣ есть разумъ, духъ»... При этомъ Станкевичъ указалъ, гдѣ Гегель говоритъ о Шиллерѣ, въ надеждѣ авторитетомъ уважаемаго философа возстановить правильное отношеніе друзей къ великому нѣмецкому поэту [1]).

Двѣ зимы въ Берлинѣ Станкевичъ вмѣстѣ съ Грановскимъ и Невѣровымъ слушали лучшихъ профессоровъ Берлинскаго университета, и эти систематическія, серьезныя занятія имѣли уже не тотъ дилетантскій характеръ, которымъ они отличались въ до-берлинскій періодъ. «Съ Берлиномъ кончилось для Станкевича наслажденіе философіей,—говоритъ его біографъ,—и всякая возможность обращаться съ нею запросто, дѣлать изъ нея подножіе поэтическому вдохновенію и привлекательной мечтѣ, оправдывать ею привязанности и воззрѣнія, съ которыми свыкся». Теперь, при систематическихъ занятіяхъ подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ приходилось имѣть дѣло исключительно съ чистою, строгою мыслью философа, часто идущею въ разрѣзъ съ привычными взглядами. Система Гегеля, при серьезномъ ея изученіи, мы знаемъ, дѣйствовала на выдающіеся умы обыкновенно какъ освободительная сила. Есть основанія думать, что она также дѣйствовала и на умъ Станкевича, и въ его міровоззрѣніи происходила въ послѣдніе годы значительная, а можетъ-быть, и коренная ломка. Стоитъ припомнить приведенные выше совѣты Грановскому, остерегающіе отъ излишняго рефлектированія и рекомендующіе въ помощь мышленію созерцаніе дѣйствительности. Несомнѣнно,

[1]) См. 19-е письмо Станк. къ Грановск. въ «Матер.», стр. 53.

что вдумчивая, серьезная работа надъ любимой наукой возбудила въ чуткой душѣ Станкевича множество новыхъ вопросовъ и сомнѣній. Біографъ говоритъ о безпокойномъ состояніи его духа, о рѣзкихъ перемѣнахъ въ немъ: Станкевичъ, всегда кроткій, терпимый, спокойный, становится нервенъ, раздражителенъ, менѣе общителенъ, даже склоненъ къ тонкой, ядовитой иронiи.

Вліяніе на Станкевича романтика и правовѣрнаго гегеліанца, проф. Вердера, было очень сильно, особенно вначалѣ, но врядъ ли оно могло устранить всѣ другія вліянія, какъ, напр., вліяніе лѣваго гегеліанства. Журналъ „Hallische Jahrbücher“, доходившій до Москвы, началъ издаваться съ 1837 года, и трудно допустить, чтобы жившій въ это время въ Берлинѣ и усердно изучавшій философію Гегеля, Станкевичъ не интересовался журналомъ, издаваемымъ гегеліанцемъ. Извѣстно, что этотъ журналъ не сразу сталъ радикальнымъ, вначалѣ онъ задавался цѣлью сближенія науки съ жизнью, оживленія абстрактныхъ началъ философіи примѣненіемъ къ вопросамъ современности, литературы и эмпирическихъ наукъ. Въ то время раздѣленіе школы Гегеля на лѣвое и правое крыло только что начиналось, но по задачамъ новаго гегеліанскаго журнала уже было видно, что онъ пойдетъ отъ чистаго умозрѣнія влѣво, къ эмпиріи. „Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst“ издавались въ Галле молодымъ гегеліанцемъ Арнольдомъ Руге; живое участіе въ журналѣ принималъ одинъ изъ берлинскихъ профессоровъ, Эд. Гансъ, у котораго Станкевичъ вмѣстѣ съ Грановскимъ слушали, по одному біографу, курсъ философіи права, по другому—философію исторіи. «Гансъ, въ чтеніяхъ своихъ оставаясь вѣренъ началамъ своего учителя (т.-е. Гегеля), касался современнаго движенія политики, текущихъ вопросовъ, оживлялъ свое преподаваніе обращеніемъ къ дѣйствительности»... Учившіеся въ Берлинѣ русскіе гегеліанцы не могли не симпатизировать этому новому направленію въ наукѣ, конкретизировавшему ея отвлеченныя формулы и вносившему оживленіе. Говорятъ, что и Вердеръ прибѣгалъ къ тому же пріему. Усвоеніе философскаго курса, который онъ читалъ, было крайне трудно. Станкевичъ въ это время въ своихъ письмахъ откровенно признается, что

для того, «чтобы броситься въ этотъ міръ скелетовъ (рѣчь идетъ о пространной логикѣ Гегеля, въ 3-хъ частяхъ), онъ долженъ набираться силъ въ наслажденіи искусствомъ, въ дѣйствительномъ мірѣ». Принуждая себя къ этой трудной работѣ, убѣжденный въ томъ, что ему необходимо осилить ее, онъ, однако, въ минуты тяжелаго душевнаго состоянія восклицаетъ: «А одно спасеніе отъ сумасшествія—исторія!»

Безпокойное состояніе его духа продолжалось до 1839 года, въ концѣ котораго онъ, по словамъ біографа, «совершенно измѣняется и весь обращенъ лицомъ къ новымъ требованіямъ, понятіямъ и новой жизни, возникшимъ для него изъ новаго воззрѣнія на міръ»... [1] Біографъ говоритъ, что Станкевичъ иногда предпочиталъ «рубить узлы», находя, что это «лучше, чѣмъ запутывать ихъ». Нѣтъ сомнѣнія, что въ эти годы ломки стараго міровоззрѣнія ему пришлось разрубить не одинъ узелъ,—отказаться и, можетъ-быть, не безъ сердечной боли отъ многихъ дорогихъ прежнихъ представленій, понятій и чувствъ. Таковъ общій удѣлъ! Но врядъ ли тотъ внутренній трудный переломъ, который произошелъ въ немъ передъ самой смертью, былъ рѣшительнымъ поворотомъ къ религіозному и политическому радикализму. Это движеніе и въ самой Германіи не получило еще широкаго распространенія въ 1840 году. Оно рѣзко проявилось въ 1841 году, когда Шеллингъ началъ читать свой новый курсъ философіи. Но, какъ чтенія Шеллинга, такъ и окончательный переходъ русской молодежи къ лѣвому гегеліанству совершились уже послѣ смерти Станкевича. Онъ умеръ въ 40-мъ году, всего 27 лѣтъ, въ самую цвѣтущую пору жизни [2].

Онъ не увидѣлъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ его прежнемъ московскомъ кружкѣ подъ вліяніемъ

---

[1] Пусть читатель обратитъ вниманіе на письмо Станкевича къ Грановскому изъ Дрездена 8 мая 1838 года, гдѣ онъ съ безпощадною ироніею относится къ царю природы (по Шеллингу), человѣку, развѣнчивая его, и сопоставитъ это представленіе человѣка съ тѣмъ, которое найдетъ въ «Моей метафизикѣ».

[2] Изъ посмертныхъ замѣтокъ Станкевича, главнымъ образомъ, посвященныхъ вопросу объ отношеніи философіи къ искусству, мы помѣстили въ нашихъ «Матеріал.» одну, свидѣтельствующую о томъ, что Станкевичъ путемъ упорной работы надъ отвлеченной философской мыслью Гегеля приходилъ къ вѣрному пониманію идеи личности, подобно другимъ нашимъ гегеліанцамъ.

чтенія Фейербаха, Бруно Бауэра и „Deutsche Jahrbücher“ (бывш. „Hallische Jahrbücher“). Бѣлинскій глубоко скорбѣлъ о томъ, что Станкевичъ не былъ свидѣтелемъ самаго важнаго періода его развитія. «Ты знаешь,—пишетъ онъ Ефремову,—какъ мы всѣ были глупы, когда онъ (Станкевичъ) оставилъ насъ (т.-е. въ 1837 г.)»... [1]) Бѣлинскій и его друзья съ тѣхъ поръ пережили дѣйствительно очень много.

III.

По отъѣздѣ Станкевича за границу роль руководителя въ осиротѣвшемъ философскомъ кружкѣ суждено было играть М. А. Бакунину. Этотъ молодой артиллерійскій офицеръ, такъ недавно еще не знавшій, что дѣлать ему отъ скуки, засаженный Станкевичемъ за философію, обнаружилъ необыкновенныя діалектическія способности. Къ нему стали обращаться во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Грановскій отзывается о немъ, какъ объ «истинно спекулятивномъ талантѣ». «Онъ обладалъ,—говоритъ П. В. Анненковъ, членъ и первый историкъ кружка,—особеннымъ даромъ, похожимъ на творчество,—именно даромъ перерабатывать все вычитанное и узнанное въ собственную мысль, такъ что онъ самъ казался почти изобрѣтателемъ и родоначальникомъ поясняемаго имъ метода». Впослѣдствіи, когда Бакунинъ уже сталъ европейскимъ дѣятелемъ, Прудонъ показывалъ его въ своемъ кружкѣ, какъ чудо, какъ необычайно одареннаго діалектическими способностями человѣка. Конечно, дѣло не обходилось безъ импровизаціи со стороны искуснаго и смѣлаго комментатора. Всеобъемлющая система Гегеля, стремившаяся путемъ логическихъ построеній и выкладокъ объяснить всѣ явленія духа и міра дѣйствительнаго, давала слишкомъ много простора увлекающемуся молодому уму московскаго философа, который обладалъ способностью оживлять отвлеченныя логическія формулы, искусно прилагая ихъ къ жизни. Всѣ члены кружка невольно признали его своимъ руководителемъ. Даже Бѣлинскій подчинился его власти, но только на корот-

[1]) См. 14-е письмо Бѣлинскаго къ А. П. Ефремову, «Матер.», стр. 150.

кое время. Бѣлинскій также имѣлъ необыкновенный даръ проникать въ сущность философскихъ тезисовъ. «Не зная нѣмецкаго языка, онъ со словъ Бакунина усвоивалъ основы системъ Фихте и Гегеля, и часто,—говоритъ Анненковъ,—для него достаточно было одного намека, чтобы не только понять, но и открыть въ данномъ положеніи нѣчто такое новое, что не приходило на умъ и спеціалистамъ дѣла». Вслѣдствіе этого въ немъ вскорѣ обнаружилось критическое отношеніе къ своему руководителю, и онъ пошелъ самостоятельно, своимъ путемъ, быстро освобождаясь изъ-подъ его вліянія. Подоспѣвшій къ этому времени пріѣздъ Герцена, появившагося въ Москвѣ въ 1839 г., въ самый разгаръ гегеліанства среди друзей Станкевича, и послѣдовавшій вскорѣ переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ въ значительной степени ускорили освобожденіе его мысли отъ крайностей идеализма.

Приводимыя нами письма къ Бакунину [1]) ярко рисуютъ возстаніе, «бунтъ», Бѣлинскаго противъ идеальности и деспотизма Бакунина. Бакунинъ, какъ говоритъ самъ Бѣлинскій, сначала «втащилъ его въ фихтеанскую отвлеченность». Перейдя отъ натуръ-философіи Шеллинга, одухотворявшаго природу, къ системѣ Фихте, который не признавалъ ея достоинства и превращалъ окружающій міръ въ призракъ, Бѣлинскій съ энергіей, фанатизмомъ устремился въ сферу духовныхъ интересовъ, къ нравственному самоусовершенствованію. Фихте убѣдилъ его, что жизнь духа «есть именно жизнь дѣйствительная, положительная, конкретная, а такъ называемая дѣйствительная жизнь есть призракъ, ничтожество, пустота». Бѣлинскій въ это время отрицательно относился къ внѣшнему міру, искалъ «высшаго счастья» въ «сокровенномъ святилищѣ своего духа». Но мысль его работала неустанно, фихтеанскій взглядъ на міръ не удовлетворялъ ее: ожидаемаго «высшаго счастья» Бѣлинскій не достигъ. Къ этому присоединилась несчастная любовь его къ одной изъ сестеръ Бакунина, грубое эгоистическое отношеніе къ нему послѣдняго, и Бѣлинскій горячо запротестовалъ. Въ его умѣ назрѣваетъ уже мысль о необходимости существующаго, и онъ съ

---

[1]) См. въ «Матер.» письма Бѣл. къ Бакун. 2 и 3, стр. 115 и 121.

восторгомъ встрѣчаетъ знаменитое положеніе Гегеля о «разумной дѣйствительности», которую начинаетъ боготворить: онъ вглядывается въ нее «съ ненасытимымъ любопытствомъ», и ему кажется, что «всякій шагъ человѣка вѣренъ, всякое положеніе истинно, всѣ отношенія къ людямъ безошибочны». Свобода и крѣпостное право, какъ свѣтъ и тьма—конкретныя проявленія одной и той же абсолютной идеи. На переходѣ отъ Фихте къ Гегелю онъ пишетъ изъ Пятигорска письмо къ какому-то молодому человѣку [1]). Въ немъ читатель найдетъ всѣ тѣ консервативно-патріотическіе взгляды, которые возмущали Герцена въ спорахъ съ Бѣлинскимъ, и которые рѣзко выражены имъ въ статьяхъ о Бородинской годовщинѣ и о критикѣ Менцелѣ. Съ тѣми же взглядами встрѣтится читатель и въ «Предисловіи» Бакунина къ «Гимназическимъ рѣчамъ Гегеля» [2]). Во 2-мъ письмѣ къ Бакунину Бѣлинскій, однако, говоритъ о своемъ движеніи впередъ и видитъ его въ томъ, что постигъ дѣйствительность. И нельзя не согласиться съ нимъ, хотя, какъ мы уже говорили, это увлеченіе въ сторону разумности существующаго и полное примиреніе съ нимъ было ошибкой, но это примиреніе было временное, повело къ освобожденію отъ идеалистическихъ фантазій и къ сближенію съ дѣйствительною русскою жизнью, хорошо узнавъ которую, онъ вступилъ съ нею въ борьбу. Такимъ образомъ это былъ, дѣйствительно, шагъ впередъ—отъ идеализма къ реализму. «Главное, — справедливо замѣчаетъ Бѣлинскій,—знать ее (дѣйствительность), какъ бы ни знать, а этого знанія нельзя достигнуть одною мыслію—надо жить, надо двигаться въ живой дѣйствительности, быть естественну, просту»... Все это совершенно вѣрно. И Бѣлинскій пошелъ этимъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сближается онъ съ Герценомъ. Ихъ взгляды теперь сходятся. Герценъ также настаивалъ на воспитаніи мысли фактами, на возможной близости къ окружающей насъ жизни. Въ «Письмахъ объ изученіи природы» онъ говоритъ, что «опытъ и умозрѣніе—двѣ необходимыя, истинныя, дѣйствительныя степени одного и того же знанія. Спекуляція—больше ничего, какъ

---

[1]) См. 1-е письмо Бѣлинскаго въ «Матер.», стр. 106.
[2]) См. «Предисловіе» въ «Матер.», стр. 58.

высшая, развитая эмпирія: взятыя въ противоположности исключительно и отвлеченно, онѣ такъ же не приведутъ къ дѣлу, какъ анализъ безъ синтеза, синтезъ безъ анализа»...

Все это было очень важно въ воспитательномъ отношеніи для того времени. Реальное направленіе тогда только что начинало проникать въ разныя сферы жизни и знанія, оно отрезвляло общественную мысль, подрывало довѣріе къ фантазіямъ и призракамъ; оно ярко отражалось и въ нашей художественной литературѣ. Въ области научнаго знанія въ ту пору выдвигались на первый планъ естественныя науки, довѣріе къ отвлеченнымъ теоріямъ, апріорнымъ построеніямъ падало. Это умственное движеніе было давно назрѣвшей потребностью. Опытъ русской жизни часто показывалъ, къ какимъ невѣрнымъ выводамъ приводитъ умозрѣніе, не опирающееся на положительное знаніе. Такъ, напримѣръ, славянофилы идеализировали московскую старину, не зная ее, и продолжали упорно отстаивать свои историческія иллюзіи вопреки точнымъ изслѣдованіямъ авторитетныхъ историковъ. Въ одномъ письмѣ Бѣлинскаго къ Анненкову есть, между прочимъ, интересное сообщеніе объ открытіи документа, изъ котораго видно, что князь Пожарскій употребилъ до 30000 рублей, чтобы добиться престола. «Возникло преніе: печатать или нѣтъ этотъ документъ. Большинствомъ голосовъ рѣшено: печатать. Славянофилы въ отчаяніи». «Темной старины завѣтныя преданья» имъ, очевидно, были дороже научной истины. Стоя на этой же точкѣ зрѣнія, профессора Московскаго университета: Давыдовъ, Шевыревъ, Бодянскій не хотѣли пропустить диссертацію Грановскаго: «Волинъ, Іомсбургъ и Винета» за то, что авторъ ея, на основаніи научныхъ данныхъ, дерзнулъ доказывать, что существованіе пресловутаго славянскаго города Винеты есть изящный вымыселъ. Вотъ до чего можетъ дойти мысль, пренебрегающая фактами!

Герценъ утверждалъ, что только то умозрѣніе не будетъ пустымъ идеализмомъ, которое основано на опытѣ. Эмпиризмъ и спекуляція должны достигнуть примиренія: въ области теоретической мысли недопустимъ дуализмъ. Какъ послѣдователь Фейербаха, онъ не допускалъ дуализма и въ природѣ человѣка, отри-

цая средневѣковой взглядъ на плоть и духъ. Признаніе единства человѣческой природы, реабилитація попранныхъ старымъ, традиціоннымъ взглядомъ правъ плоти, гармонія плоти и духа, новое религіозно-философское ученіе съ религіей безъ личнаго Бога—всѣ эти западныя идеи легли въ основаніе новаго міровоззрѣнія, новыхъ общественно-политическихъ взглядовъ Герцена, а съ нимъ и др. русскихъ передовыхъ людей. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе освобождаются они отъ «логическихъ фантазій, отъ несуществующаго въ дѣйствительности потусторонняго міра сущностей». Единственнымъ руководителемъ человѣку въ міровой пустынѣ является онъ самъ, отрицается всякій внѣшній, внѣміровой авторитетъ. «Много мечтаній утратилось,—говоритъ Герценъ,—я не жалѣю ихъ... Не скажу, чтобы вмѣстѣ съ мечтаніями отлетѣли и надежды: о нѣтъ, нѣтъ, и 1000 разъ нѣтъ! Напротивъ, я никогда не чувствовалъ яснѣе галилеевскаго. «E pur si muove!»

Герценъ, какъ извѣстно, также прошелъ черезъ систему Гегеля, но онъ избѣжалъ ошибокъ Бѣлинскаго и Бакунина: онъ сразу понялъ ее, какъ «алгебру революціи». Она, по его мнѣнію, «освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, пережившихъ себя». Онъ ранѣе другихъ принялся за Фейербаха и прочихъ лѣвыхъ гегеліанцевъ. Бѣлинскій не имѣлъ такой подготовки и былъ человѣкъ болѣе страстный по натурѣ, болѣе склонный къ крайнимъ увлеченіямъ: «цѣною слезъ, воплей души» усвоивалъ онъ, по его собственнымъ словамъ, новыя мысли. Въ 1841 г., 8 сентября онъ пишетъ Боткину: «Ты знаешь мою натуру: она вѣчно въ крайностяхъ... Я съ трудомъ и болью разстаюсь со старою идеею, а въ новую перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита. Итакъ, я теперь въ новой крайности,—это идея соціализма (т.-е. соціальная), которая стала для меня идеею идей»... Дѣйствительно, вопросы общественные становятся теперь для него самыми важными. Въ дальнѣйшемъ содержаніи письма со всею страстью развиваетъ Бѣлинскій идею общества. Его сильно волнуютъ отрицательныя явленія русской общественной жизни. Подобныя же мысли встрѣчаются и во многихъ другихъ его письмахъ къ Боткину. Но особенно важно среди нихъ знаменитое письмо къ Го-

голю: въ немъ безъ всякихъ стѣсненій и замалчиваній, смѣло и талантливо выражены всѣ общественно-политическіе взгляды и программа Бѣлинскаго. Это письмо—результатъ всего развитія Бѣлинскаго подъ вліяніемъ западной литературы. Не даромъ съ такой ненавистью относились и относятся къ этому произведенію и его читателямъ всѣ защитники офиціальной системы и націоналисты всѣхъ эпохъ и оттѣнковъ до самыхъ послѣднихъ дней. Не даромъ и Герценъ назвалъ его геніальнымъ произведеніемъ и завѣщаніемъ Бѣлинскаго [1]). Теперь спокойнаго, созерцательнаго отношенія къ жизни у Бѣлинскаго нѣтъ и слѣда. Онъ вступаетъ въ борьбу съ ея уродливыми явленіями. Онъ горячо желаетъ переустройства общественныхъ основаній для освобожденія личности отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности, отъ мнѣнія черни и преданій варварскихъ вѣковъ. Судьба субъекта, индивидуума, личности становится для него важнѣе судебъ всего міра [2]). Въ этомъ направленіи его мысль уходила далеко въ будущее. Въ письмѣ къ Анненкову, 1848 г., 15 февраля, читатель можетъ найти новый для того времени взглядъ на «внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи», свидѣтельствующій о томъ, что въ послѣднее время мысль Бѣлинскаго не имѣла ничего общаго съ отвлеченнымъ, утопическимъ общественнымъ идеаломъ и, освобожденная отъ фантазіи, довольно вѣрно предугадывала путь дальнѣйшаго соціальнаго развитія Россіи, предвидя необходимость буржуазнаго фазиса.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бѣлинскій освободился отъ философскаго романтизма и патріотическаго консерватизма, навѣяннаго Гегелемъ, онъ шелъ до самой смерти рука объ руку съ Герценомъ. Взгляды Герцена на отношеніе личности къ обществу, признаніе главенства интересовъ первой, необходимости ея свободнаго развитія; взгляды на эгоизмъ и альтруизмъ, отрицаніе противоположности между этими двумя понятіями и указаніе на возможность сліянія ихъ въ высшей гуман-

---

[1]) См. въ «Матер.» письмо къ Гоголю 29-е, стр. 177—190.

[2]) Идеи личности и общества у Бѣлинск. см. въ слѣдующихъ письмахъ: къ Боткину 16-е, стр. 154; 18-е и 19, стр. 159; 21-е, стр. 164; 22-е, стр. 168; Анненкову 31-е, стр. 191.

ности у образованнаго человѣка; новые взгляды на семью, на бракъ, на положеніе женщины въ современномъ обществѣ; новыя требованія отъ науки безбоязненныхъ, вѣрныхъ выводовъ и служенія человѣку, — всѣ эти взгляды, выраженные въ разныхъ сочиненіяхъ Герцена московскаго періода его жизни, вполнѣ раздѣлялись Бѣлинскимъ. Фейербахъ сталъ для нихъ обоихъ руководителемъ. Идея широкаго индивидуализма и вѣра въ свѣтлое соціальное будущее Россіи, достиженіе котораго возможно съ помощію науки, воодушевляла ихъ одинаково. Наука должна, по мнѣнію Герцена, очистить «человѣческое сознаніе отъ всего наслѣдственнаго хлама, отъ всего осѣвшаго ила, отъ приниманія неестественнаго за естественное, непонятнаго за понятное»... Герценъ въ это время усердно занимается естественными науками, посѣщаетъ въ качествѣ вольнаго слушателя нѣкоторыя лекціи въ университетѣ и пишетъ свои знаменитыя «Письма объ изученіи природы». Такимъ образомъ въ 40-хъ годахъ полагается начало широко распространившемуся въ 60-хъ годахъ увлеченію естествознаніемъ.

На этомъ базисѣ Герценъ строитъ и свою этику, чуждую подвижничества и аскетизма. Въ основу ея кладется личное стремленіе человѣка къ счастью, и Герценъ становится предшественникомъ Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Михайловскаго, руководившихся въ своихъ построеніяхъ тѣмъ же принципомъ. Онъ отстаиваетъ эгоизмъ, какъ главный двигатель человѣческой дѣятельности. Онъ возражаетъ противъ стараго кодекса морали, который стремится «уничтожить, замарать эгоизмъ». По его мнѣнію, «вырвать» у человѣка изъ груди эгоизмъ значитъ вырвать живое начало, его закваску, соль его личности»... Онъ находитъ возможнымъ обойтись безъ этой пагубной операціи. Нужно одно, говоритъ онъ: «не отвергнуться влеченій сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности; работать столько же для рода, сколько и для себя, — словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхъ скорбящее, обобщить его разумомъ и, въ свою очередь, оживить имъ разумъ»... По мѣрѣ расширенія инте-

ресовъ уменьшается сосредоточенность около своей личности, а съ нею и ядовитая жгучесть страстей. Такимъ образомъ Герценъ указываетъ на возможность сліянія этихъ двухъ началъ: эгоизма и альтруизма, и это рѣшеніе ставится на мѣсто прежняго, требовавшаго отъ человѣка самоотреченія (Entsagung), излюбленнаго философами-романтиками [1]). Бѣлинскій исповѣдуетъ ту же самую вѣру, а за нимъ идутъ и друзья его. Долѣе другихъ, кажется, оставался въ романтическомъ туманѣ Боткинъ, какъ видно изъ переписки съ нимъ Бѣлинскаго. Но и на немъ позднѣе сказалось вліяніе Герцена, Бѣлинскаго и лѣвыхъ гегеліанцевъ Германіи (Фейербаха, «Deutsche Jahrbücher» и пр.), которыхъ онъ читалъ въ подлинникахъ. Знакомство съ послѣдними Бѣлинскій, по незнанію языка, получаетъ изъ вторыхъ рукъ: для него даже дѣлаютъ переводы, а французскихъ соціалистовъ, историковъ, экономистовъ онъ читаетъ самостоятельно.

Анненковъ разсказываетъ, что когда онъ въ 1843 г. пріѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ, то встрѣтился въ интеллигентныхъ кругахъ съ тѣми же явленіями умственной жизни, что и въ столицѣ Франціи. Сочиненіями Фурье, Кабе, Луи-Блана, Прудона и др. зачитывались русскіе образованные люди. «Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху,— говоритъ Анненковъ, — подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе, чего не было съ прежними теоріями, и своихъ мучениковъ (петрашевцы)»... Анненковъ передаетъ при этомъ восторженный отзывъ Бѣлинскаго о книгѣ Л.-Блана «Histoire de dix ans»: «Что за книга Луи-Блана,—говорилъ онъ.— Вѣдь этотъ человѣкъ намъ ровесникъ, а между тѣмъ, что такое я передъ нимъ, напримѣръ? Просто стыдно подумать о всѣхъ своихъ кропаніяхъ... Видно, жизнь государственная и общественная даютъ содержаніе мысли и таланту поболѣе, чѣмъ литература и философія»...

---

1) См. Письма Бѣлин. Боткину 18-е февр. 1840 г. въ «Матер.», стр. 144, и 4—5 окт. того же года, стр. 154.

Отсутствіе у насъ общества въ разумномъ смыслѣ этого слова приводило Бѣлинскаго въ отчаяніе. Онъ съ горечью говоритъ объ этомъ въ письмахъ къ К. Аксакову и Боткину. «Безъ общества нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ,—пишетъ онъ,—а есть только порыванія ко всему этому, порыванія неровныя, безсильныя, безъ достиженія, болѣзненныя, недѣйствительныя. Вся наша жизнь, наши отношенія служатъ лучшимъ доказательствомъ этой горькой истины»... Онъ указываетъ далѣе на уродливыя явленія въ жизни своего прежняго кружка и въ жизни цѣлаго общества. Говоритъ о несостоятельности нашихъ ученыхъ, профессоровъ, о плохихъ литераторахъ. «Не для кого писать... не ощущаешь въ себѣ общества, ибо его нѣтъ»... Далѣе идутъ проникнутыя глубокимъ страданіемъ строки, очень напоминающія по настроенію и причинамъ его знаменитое «Письмо» Чаадаева: «Мы—сироты дурно воспитанные,—говоритъ онъ, — мы — люди безъ отечества, и оттого мы хоть и хорошіе люди, а все-таки ни Богу свѣча, ни чорту кочерга» [1]...

Въ то время, какъ Бѣлинскій освобождался отъ абстрактно-философскихъ интересовъ, Бакунинъ продолжалъ оставаться правовѣрнымъ гегеліанцемъ. Перессорившись почти со всѣми друзьями, онъ уѣхалъ въ 1840 году за границу и, къ удивленію всѣхъ, знавшихъ его, написалъ въ 1842 году въ прогрессивномъ и даже революціонномъ духѣ статью, напечатанную подъ французскимъ псевдонимомъ «Jules Elisard» въ журналѣ лѣвыхъ гегеліанцевъ «Deutsche Jahrbücher» [2]. Статья произвела очень сильное впечатлѣніе и въ Германіи, и въ русскихъ литературныхъ кругахъ, особенно, когда узнали настоящее имя автора. Герценъ записалъ о Бакунинѣ въ своемъ дневникѣ 28 янв. 1843 г.: «Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои. Я совершенно примирился съ нимъ». Бѣлинскій 7 ноября 1842 г. писалъ Н. А. Бакунину: «До меня дошли хорошіе слухи о М. (о М. Бакунинѣ), — и я написалъ къ нему письмо!! Не удивляйтесь: отъ меня все можетъ статься... Странно:

---

[1] См. въ «Матер.» Письмо Бѣлинск. Ботк. 27 и 28 іюня 1841 г., стр. 164.

[2] См. въ «Матер.» стат. Бакунина «Реакція въ Германіи», 2, стр. 73.

мы, я и М., искали Бога по разнымъ путямъ — и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанства, знакомъ съ Р. (т.-е. Руге) и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. М. во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки— это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа» [1]). Далѣе мы находимъ извѣстіе о Бакунинѣ въ дневникѣ Герцена 4 ноябр. 1843 г. Герценъ отмѣчаетъ книгу «Die Kommunisten der Schweitz», въ которой находитъ имя Бакунина въ числѣ захваченныхъ коммунистовъ. Отсюда уже начинается широкая революціонная дѣятельность Бакунина въ Европѣ, касаться которой мы не станемъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашей задачи.

Такимъ образомъ и Бакунинъ, а за нимъ и Боткинъ, послѣ долгихъ споровъ съ Бѣлинскимъ по вопросамъ философскимъ и общественно-психологическимъ, сошлись, наконецъ, употребляя выраженіе Бѣлинскаго, «въ одномъ храмѣ». Что касается Боткина, читатель можетъ убѣдиться въ результатахъ его развитія въ томъ же общемъ направленіи, если прочтетъ письмо Боткина къ Анненкову 1846 г., 20 ноября [2]). Его взгляды на идейную эволюцію, совершившуюся въ нашей литературѣ за послѣдній десятокъ лѣтъ, на зависимость развитія самыхъ понятій отъ развитія общественности, настолько здравы и вѣрны духу времени, что мѣстами кажется, какъ будто читаешь письмо Бѣлинскаго. Наконецъ такой эстетъ, «сластена», по выраженію Бѣлинскаго, какъ Боткинъ, смакующій каждую художественную подробность поэтическаго произведенія, говоритъ въ этомъ же письмѣ о необходимости нашей «литературной критикѣ освободиться отъ своего Молоха—художественности» и видитъ главную силу и отличительную черту нашей литературы въ томъ, что она просвѣщаетъ и наставляетъ. И остальныя письма, которыя читатель найдетъ въ нашихъ «Матеріалахъ», свидѣтельствуютъ о томъ, что Боткинъ въ это время шелъ въ одномъ направленіи съ остальными западни-

---

[1]) См. письмо Бѣлин. Н. А. Бакунину, въ «Матер.», стр. 170.
[2]) См. въ «Матер.», стр. 251.

ками, расходясь только по второстепеннымъ вопросамъ, касающимся исторіи искусствъ и эстетики, въ которыхъ онъ былъ большимъ знатокомъ.

IV.

Жизнь и направленіе московскаго кружка очень измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ Бѣлинскій переселился въ Петербургъ. Въ 39-мъ году возвратился изъ-за границы Т. Н. Грановскій, съ 42-го года въ Москву на постоянное жительство переѣхалъ Герценъ. Грановскій занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру всеобщей исторіи. Здѣсь не мѣсто говорить объ историческихъ взглядахъ и заслугахъ Грановскаго, мы укажемъ только на то, что и въ этой научной области въ ту пору совершалась та же эволюція идей, въ томъ же направленіи — отъ идеализма къ реализму, подъ вліяніемъ спеціальной научной литературы Запада. Авторъ прекраснаго очерка подъ заглавіемъ «Профессоръ 40-хъ годовъ», изложивъ существенныя воззрѣнія Грановскаго на исторію, замѣчаетъ, что путемъ выработки ихъ «онъ, а за нимъ и окружавшіе его тѣсною толпой ученики переходили отъ нѣмецкой идеалистической философіи къ новой реальной наукѣ обществовѣдѣнія». («Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки». В. А. Мякотинъ).

Попавъ въ Москву въ моментъ, когда въ ней сгруппировался значительный кругъ интеллигентныхъ и талантливыхъ людей, среди которыхъ замѣчалось въ это время особенное оживленіе, Грановскій принялъ дѣятельное участіе въ умственной жизни этого круга и занялъ въ немъ видное мѣсто наравнѣ съ Герценомъ, съ которымъ у него вскорѣ установились самыя тѣсныя, дружескія отношенія. По складу своихъ убѣжденій Грановскій очень близко подходилъ къ Герцену. Съ Бѣлинскимъ онъ сошелся не сразу: оцѣнивъ въ немъ человѣка, онъ не могъ согласиться со многими его литературными и общественными взглядами. Это было въ самый разгаръ консервативно-патріотическихъ увлеченій Бѣлинскаго, когда писались статьи о Бородинской годовщинѣ и о Менцелѣ, которыя Грановскій называлъ «гадкими». Но въ то же время онъ защищалъ Бѣлинскаго передъ студентами, справедливо на-

падавшими на него за его отчаянный консерватизмъ. Онъ понималъ, что Бѣлинскій гораздо выше этихъ ошибочныхъ взглядовъ и жалѣлъ его. Въ письмахъ къ Станкевичу [1]) онъ жалуется на Бѣлинскаго, упрекаетъ за его «французоѣдство» и за то, что онъ ничего не читаетъ, кромѣ собственныхъ статей. Во второмъ письмѣ Грановскій обрушивается на Бѣлинскаго и Каткова, который раздѣлялъ его взгляды, и говоритъ, что «имъ полезно тереть темя льдомъ». Но прошелъ, какъ мы уже знаемъ, всего только годъ, и Бѣлинскій, освободившись отъ крайностей консерватизма, убѣдился въ справедливости возраженій своихъ противниковъ—Герцена и Грановскаго [2]). Вскорѣ эти противники сдѣлались лучшими друзьями критика. Съ этихъ поръ Грановскій съ особенной заботливостью начинаетъ относиться къ нему. Онъ возражаетъ противъ его увлеченій нѣкоторыми западными дѣятелями, сстерегаетъ отъ философіи Шеллинга послѣдняго періода, которую собирается привезти восторженный послѣдователь этой философіи, Катковъ, совѣтуетъ читать и указываетъ французскія книги, знакомство съ которыми, по его мнѣнію, необходимо для Бѣлинскаго. «Читай, Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ будетъ трудно писать». Терпимость и мягкость, съ которыми Грановскій относился не только къ друзьямъ, западникамъ, но и къ противникамъ, славянофиламъ, снискали ему всеобщее расположеніе. Этими рѣдкими въ людяхъ качествами Грановскій очень напоминалъ своего умершаго друга, Станкевича.

Вліяніе его на окружающихъ въ 40-хъ годахъ было такъ велико, что онъ можетъ въ этомъ отношеніи стать на ряду съ Бѣлинскимъ и Герценомъ. Вступивъ въ передовой западническій кружокъ съ 1839 года, онъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе во всѣхъ его начинаніяхъ, въ выработкѣ его міросозерцанія и во всѣхъ перипетіяхъ борьбы его съ противною, славянофильскою партіею. Его лекціи, его постоянное живое общеніе съ молодежью, его публичные курсы,—все

---

[1]) См. два письма Гран. Станк. 1839 г. ноябр. въ «Матер.», стр. 237 и 238.

[2]) См. письмо Бѣл. Ботк. 11-е, стр. 146, и конецъ письма 17-го къ нему же, стр. 159.

это имѣло огромное воспитательное значеніе и представляетъ большую общественную заслугу.

Московскій западническій кружокъ въ началѣ 40-хъ гг. все болѣе и болѣе расширялся. Вмѣстѣ съ Герценомъ въ него вошли его товарищи по прежнему кружку,—Кетчеръ и Сатинъ. Съ появленіемъ Грановскаго къ кружку примкнули молодыя университетскія силы: профессора Рѣдкинъ, Крюковъ, университетскій библіотекарь Евг. Коршъ, и нѣсколько позднѣе молодые историки: Кавелинъ и Кудрявцевъ, писатели: Тургеневъ, Панаевъ, Анненковъ и др. лица, среди которыхъ былъ и знаменитый актеръ М. С. Щепкинъ. Бѣлинскій, жившій въ Петербургѣ и сгруппировавшій вокругъ себя свой особый кругъ, въ который входили и нѣкоторыя изъ указанныхъ выше лицъ, появлялся, какъ и эти послѣднія, среди московскихъ друзей временно, наѣздами. Москвичи тѣсно сомкнулись около главныхъ представителей московскаго кружка—Герцена и Грановскаго. Въ такомъ расширенномъ и обновленномъ составѣ кружокъ, получивъ отъ своихъ противниковъ злую кличку «западниковъ», вступалъ въ 40-е годы, въ одну изъ самыхъ оживленныхъ эпохъ русской общественной жизни. «Я помню на университетской скамьѣ эту осмысленную и культурную эпоху,—говоритъ современникъ, Н. Колюпановъ,—помню, какъ она насъ охватывала и напутствовала въ жизни. Искреннее уваженіе къ наукѣ господствовало тогда въ стѣнахъ „alma mater“, оставшейся незабвенною до гробовой доски»... Это было и время горячей борьбы западничества съ славянофильствомъ,—борьбы, которая, по извѣстнымъ условіямъ, стѣснявшимъ свободу слова, далеко неполно отражалась въ литературѣ, но зато тѣмъ сильнѣе кипѣла внутри общества; она охватывала и университетскія аудиторіи.

Мы говорили уже, что въ 1840 году К. Аксаковъ, который и ранѣе обижался на господствовавшее въ кружкѣ отрицательное отношеніе къ русской жизни, окончательно порвалъ связи съ Бѣлинскимъ [1]): такъ велика и рѣзка уже оказалась разница въ ихъ воззрѣніяхъ и идеяхъ. Только необыкновенная терпимость и

---

[1]) См. письма Бѣлинскаго къ Аксакову, 12-е и 13-е, «Матер.», стр. 147 и 149.

мягкость Грановскаго могли удерживать въ кружкѣ К. Аксакова и его молодого друга Ю. Самарина до 1842 года, но оставаться далѣе они не находили возможности и открыто перешли на сторону старыхъ славянофиловъ—брат. Кирѣевскихъ и Хомякова. Герценъ съ Грановскимъ употребляли всѣ усилія сохранить миръ съ заслуживавшими ихъ уваженіе и любовь противниками, но разница воззрѣній, раздуваемая полемическимъ задоромъ съ той и другой стороны, все болѣе увеличивалась и дошла, наконецъ, до того, что разрывъ былъ неизбѣженъ.

Что же развело ихъ въ разныя стороны и поставило во враждебныя отношенія? Вѣдь у нихъ было много общихъ точекъ соприкосновенія. Западники признавали справедливыми нападенія славянофиловъ на легкомысленный «русскій европеизмъ», порождавшій презрительное отношеніе къ Россіи, вносившій, по мнѣнію Бѣлинскаго, какую-то двойственность въ нашу жизнь, лишавшій насъ нравственнаго единства и рѣзко выраженнаго національнаго характера. Западники вполнѣ сочувствовали отрицательно-враждебному отношенію славянофиловъ къ господствовавшей «системѣ официальной народности», къ петербургскому бюрократизму. Очень близко сходились обѣ партіи во взглядѣ на русскую національность, на необходимость самобытнаго развитія и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ. А главное, что связывало ихъ кровною связью, это—одинаково искренняя и глубокая любовь къ народу: у тѣхъ и другихъ, по выраженію Герцена, билось одно сердце. Но, какъ двуликій Янусъ, смотрѣли они въ разныя стороны: славянофилы—на Востокъ, а ихъ противники—на Западъ.

Мы уже указывали вначалѣ на тотъ основной пунктъ, изъ котораго исходили два разныя міровоззрѣнія. Славянофилы базировали свою доктрину, главнымъ образомъ, на философскихъ взглядахъ стараго романтика Шеллинга, который считалъ логику низшимъ способомъ познанія и предпочиталъ ей познаніе черезъ чувство [1]). Отсюда славянофилы, не довѣряя европейской наукѣ, построенной логическимъ путемъ, призы-

[1]) См. о Шеллингѣ послѣдняго періода дневн. Герцена 18 авг. 1843 г., «Матер.», стр. 208.

вали общество «въ глубину особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живого, цѣльнаго умозрѣнія Святыхъ Отцовъ», которое, по ихъ мнѣнію, и до сихъ поръ хранится нашей Церковью и низшими слоями народа. Этотъ исходный пунктъ, который не могъ быть принятъ западниками, вѣрившими въ силы разума, безропотно признававшими даже самые горькіе для человѣка выводы точной науки, и былъ основной причиной коренной разницы въ міровоззрѣніяхъ западниковъ и славянофиловъ. Религіозный романтизмъ—главное основаніе, фундаментъ славянофильства. Отсюда вытекала слишкомъ высокая оцѣнка славянофилами культуры византійскаго типа и иное пониманіе ея западниками, отсюда же и различное отношеніе у тѣхъ и у другихъ къ московскому періоду русской исторіи и къ реформѣ Петра и ко многимъ другимъ вопросамъ, рѣшавшимся тѣми и другими различно и дѣлившимъ ихъ на два враждебные стана. Возьмемъ, напр., дорогой для западниковъ вопросъ о личности и ея отношеніяхъ къ обществу. Судьба личности, какъ мы видѣли, для Бѣлинскаго дороже всего. Герценъ и Грановскій высоко цѣнили личность, настаивали на свободѣ ея развитія и полнотѣ ея правъ. Общество восполняетъ, а не ограничиваетъ значеніе личности, помогаетъ ей осуществить его. Отсюда вытекали у западниковъ высокія требованія отъ общества и критическое отношеніе къ русской общественной жизни. Славянофилы не закрывали глазъ на недостатки русскаго общества, но они рѣдко и слабо реагировали на нихъ. Они высоко цѣнили смиреніе въ личности, и темныя стороны общественной жизни объясняли, главнымъ образомъ, оторванностью русскаго общества отъ корней, т.-е. отъ народа, въ чемъ исключительно винили Петра. Они мистически вѣровали въ народъ, его общину, въ которой видѣли универсальное средство отъ всѣхъ золъ,—вѣровали въ его нравственные устои. По вопросу о дальнѣйшемъ духовномъ развитіи русскаго народа партіи также расходились въ разныя стороны. По мнѣнію западниковъ, оно могло совершаться только съ помощью западнаго, общечеловѣческаго просвѣщенія,—ни о какомъ особомъ для Россіи пути развитія они не мечтали. Славянофилы же, противополагая Россію Европѣ, намѣчали для первой особый путь развитія:

они усиленно заботились о самобытности и, боясь утратить дорогія черты своей національности, считали безусловно вредными заимствованія у иноземцевъ и подражанія имъ. Западники, напротивъ, находили очень естественнымъ, что прогрессъ одного народа совершается черезъ заимствованія у другого, и не раздѣляли ихъ опасеній. «Если народъ обладаетъ внутренними силами, ему нечего хлопотать о своей самобытности, національности,—говорилъ Бѣлинскій,—она, какъ природа, будетъ проявляться сама собою». Только нравственно безсильные, ничтожные народы могутъ подъ чужими вліяніями утратить свою національность. «Чего хлопочутъ люди о народности?—пишетъ въ своемъ дневникѣ Станкевичъ.—Надобно стремиться къ человѣческому, свое будетъ поневолѣ... Выдумывать или сочинять характеръ народа изъ его старыхъ обычаевъ, старыхъ дѣйствій, значитъ хотѣть продлить для него время дѣтства: давайте ему общее, человѣческое и смотрите, что онъ способенъ принять, чего недостаетъ ему. Вотъ это угадайте, а поддерживать старое натяжками, кваснымъ патріотизмомъ—это никуда не годится» [1]).

Западники относились сочувственно не только къ европейской наукѣ и искусству, но и ко всему европейскому строю, въ которомъ видѣли благотворныя начала, способныя обновить русскую жизнь. Объясняя свою привязанность къ Германіи, Станкевичъ, между прочимъ, указываетъ на «слѣды цивилизаціи, встрѣчаемые на каждомъ шагу, въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ жизни» [2]). И эти отношенія къ Европѣ были весьма естественны и понятны въ то время. Хотя Германія, какъ и вся почти Европа, переживала тогда реакціонный періодъ, однако русскій образованный человѣкъ, попавъ въ нее, чувствовалъ себя лучше, привольнѣе, чѣмъ на родинѣ, видѣлъ, что здѣсь возможна болѣе искренняя жизнь, болѣе серьезная научная работа, безъ опасеній за завтрашній день. Хотя здѣсь тоже не существовало полной свободы слова, но зато не было и «татарской цензуры»; здѣсь невозможны были безосновательныя, дикія обвиненія и возмутительныя преслѣдованія людей науки, какимъ зачастую под-

---

[1]) См. въ «Матер.», стр. 55. «Отрывокъ изъ дневн. Станкевича».
[2]) См. письмо Станкев. къ Невѣр. 16-е, «Матер.», стр. 43.

вергались ученые и писатели въ Россіи. Вообще вся жизнь здѣсь шла правильнѣе, живѣе, разнообразнѣе, интереснѣе. Все это дѣлало Западъ привлекательнымъ для русскаго интеллигента. Но сочувствіе европейской цивилизаціи не влекло за собой охлажденія патріотическихъ чувствъ, и, любя Европу, наши образованные, мыслящіе западники не переставали горячо любить родину и ревностно, а часто и самоотверженно, служить ей. Они цѣнили Германію, Францію, Западъ вообще, поскольку онъ просвѣщалъ насъ, внушалъ намъ идеи долга, права, законности, порядка,—тѣ самыя начальныя общественныя идеи, которыя, по нелицепріятному свидѣтельству Чаадаева, отсутствовали у насъ въ то время. Съ Запада же шли новыя освободительныя идеи, которыя воспитывали нашу общественную мысль. «Все доброе, все желанное, все любвеобильное шло оттуда», говоритъ Салтыковъ. Не даромъ же и Достоевскій, котораго ужъ никакъ нельзя заподозрѣть въ особомъ пристрастіи къ Западу, называлъ Европу второю нашею родиной. «Русскому Европа такъ же драгоцѣнна, какъ и Россія», говорилъ онъ. Да и нѣкоторые изъ старыхъ славянофиловъ чтили, повидимому, просвѣщенную Европу, какъ «страну святыхъ чудесъ». Но ихъ отношенія къ ней отличались вообще недовѣрчивостью и даже враждебностью: все ея развитіе, по ихъ мнѣнію, исходило изъ ложнаго начала—начала разсудочности. Отсюда и въ политическихъ идеалахъ партій получалась большая разница. Западники и здѣсь держались того же принципа—примѣненія общечеловѣческихъ началъ къ условіямъ своей національности. Они очень цѣнили новыя формы общественности, выработанныя западнымъ развитіемъ, добытыя потомъ и кровью западныхъ народовъ. Бѣлинскій въ письмѣ къ Гоголю строго осудилъ великаго писателя за диѳирамбъ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Политическій идеалъ славянофиловъ отличался своеобразіемъ и крайней утопичностью. Ихъ нравственно «святая Русь», не похожая на Римскую имперію, не тронутая внутренней общественной борьбой, не знавшая болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, съ давнихъ уже временъ, какъ имъ казалось, представляла собою чуть ли не полное осуществленіе идеала истиннаго христіанскаго государства въ видѣ

обширной общины, основанной на любовномъ союзѣ земли и власти, народа и царя. И для политическаго будущаго Россіи они горячо желали возстановленія этихъ отношеній, уничтоженныхъ въ петербургскій періодъ нашей исторіи. Повидимому, для нихъ имѣли цѣну формы народнаго самоуправленія: они толковали о народномъ представительствѣ, о соборахъ, но всю силу власти отдавали царю, безъ всякихъ гарантій («гарантіи—зло»), оставляя народу лишь «силу мнѣнія». Хоровое начало, община лежала въ основѣ этого идеальнаго государства. Славянофиламъ рисовалась какая-то величавая, тихая, свѣтлая жизнь большой земледѣльческой общины, текущая спокойно и въ полномъ согласіи съ высокими христіанскими истинами. Нужно ли говорить, что встрѣча такихъ разнородныхъ и во многомъ противоположныхъ политическихъ мнѣній рождала горячіе, нескончаемые споры и мало подавала надежды на возможность прійти къ соглашенію?

Но съ полною увѣренностью можно сказать, что столкновеніе этихъ двухъ партій могло бы повести къ несравненно болѣе цѣннымъ и плодотворнымъ результатамъ для общественнаго развитія, если бы былъ возможенъ открытый, ничѣмъ не стѣсняемый литературный споръ. Между ними были связующіе элементы. Не даромъ же одинъ изъ старшихъ славянофиловъ, И. Кирѣевскій, заявлялъ о своемъ сочувствіи Грановскому и его друзьямъ. Не даромъ и западники, не исключая даже «неистоваго Виссаріона», самаго яростнаго противника славянофиловъ въ началѣ 40 гг., цѣнили въ дѣятельности своихъ противниковъ, какъ мы уже указывали выше, очень многое, и прежде всего цѣнили то, что ими былъ выдвинутъ на первый планъ вопросъ о народѣ и народности. Такимъ образомъ главная историческая заслуга славянофиловъ для нихъ была ясна. Грановскій въ одномъ спорѣ, возникшемъ среди западниковъ, открыто заявилъ, что во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ онъ ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ западникамъ. Герценъ вполнѣ соглашался съ нимъ, а нѣсколько позднѣе, уже будучи за границей, пришелъ къ заключенію, что «западническая партія тогда только получитъ мѣсто и значеніе общественной силы, когда овладѣетъ темами

и вопросами, пущенными въ обращеніе славянофилами». И Бѣлинскій, послѣ окончательнаго разрыва московскихъ друзей съ ихъ противниками, сталъ спокойнѣе относиться къ вопросу о народности, вѣрнѣе оцѣнивать значеніе славянофильской проповѣди о нравственномъ достоинствѣ несправедливо угнетеннаго и презираемаго народа [1]).

Мы не станемъ входить въ подробности этого несчастнаго спора, разбившаго на два враждебные стана лучшую, образованнѣйшую часть русской интеллигенціи 40-хъ годовъ: находящіеся въ нашемъ сборникѣ «Матеріалы», въ особенности дневникъ Герцена и письма Грановскаго, даютъ читателю возможность близко познакомиться съ исторіею этого раскола русской общественной мысли по живымъ разсказамъ главныхъ его участниковъ. Мы кратко укажемъ только на то, что, помимо разницы во взглядахъ противниковъ и тяжелыхъ общихъ условій, обостряло отношенія между ними. Значительную роль сыграла здѣсь горячность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Бѣлинскій слалъ изъ Петербурга желчныя письма своимъ московскимъ друзьямъ, полныя упрековъ за ихъ мягкія отношенія къ славянофиламъ, и участіе въ «Москвитянинѣ». Его горячія полемическія статьи, иногда очень ядовитыя, какъ, напримѣръ, статья «Педантъ», доводили до изступленія и славянофиловъ, и ихъ союзниковъ—Погодина и Шевырева. Грановскій и Герценъ осуждали Бѣлинскаго за рѣзкость нападеній и нѣкоторые промахи, неизбѣжные въ пылу спора у такихъ страстныхъ, какъ онъ, людей, но соглашались съ основными пунктами его возраженій. Бѣлинскій, конечно, ошибался, смѣшивая славянофиловъ съ Погодинымъ и Шевыревымъ, но славянофилы сами давали много поводовъ считать ихъ заодно съ этими приверженцами официальной системы. Они не старались да и врядъ ли могли рѣзко отдѣлить себя отъ заправилъ «Москвитянина», въ которомъ находили временный пріютъ. Это вводило въ заблужденіе не одного Бѣлинскаго,—тѣмъ болѣе, что и самая доктрина славянофиловъ въ то время не была еще окончательно выработана и ясно формулирована. Но и

---

[1]) См. его стат. «Взглядъ на русскую литературу 1846 г.», тѣ страницы, гдѣ онъ говоритъ о національномъ и человѣческомъ.

славянофилы, въ свою очередь, не всегда обнаруживали мягкость и справедливость въ спорахъ. Бѣлинскаго, напримѣръ, обвиняли въ недобросовѣстности, въ отсутствіи опредѣленныхъ воззрѣній и осуждали на вѣчную тупость.

Находились и другіе поводы къ столкновеніямъ между московскими партіями. Открытый Грановскимъ въ 1843 году курсъ публичныхъ лекцій, имѣвшихъ огромный успѣхъ, взволновалъ его противниковъ. Старая университетская партія во главѣ съ Шевыревымъ осыпала лектора незаслуженными упреками. Вся вина его, однако, заключалась въ томъ, что онъ въ своихъ лекціяхъ по всеобщей исторіи среднихъ вѣковъ ни разу не упомянулъ о Россіи, о православіи и съ сочувствіемъ относился къ Западу. Грановскій блестяще оправдался съ каѳедры передъ своими слушателями, показавъ всю нелѣпость и вздорность этихъ обвиненій [1]). Но клеветы враговъ не замедлили отозваться на его положеніи въ университетѣ: онъ былъ заподозрѣнъ начальствомъ и едва не лишился каѳедры. Къ этому присоединился непріятный инцидентъ съ его первой диссертаціей, о которомъ мы упоминали выше [2]). И здѣсь Грановскій, съ точки зрѣнія офиціальнаго патріотизма, былъ заподозрѣнъ въ какомъ-то вредномъ для отечества вольнодумствѣ. Диспутъ, однако, состоялся [3]). Шумныя овація, устроенныя диспутанту молодежью, и свистки по адресу его оппонентовъ были поставлены также ему въ вину. Противники говорили, что въ университетѣ былъ бунтъ. По порученію начальства, на слѣдующей лекціи Грановскій сказалъ студентамъ успокоительную, краткую, но весьма содержательную рѣчь, вполнѣ достигшую цѣли [4]). Враги употребляли всѣ усилія, чтобы дискредитировать его преподавательскую дѣятельность въ глазахъ начальства. Они указывали на гегеліанское направленіе Грановскаго. Шевыревъ еще въ 1840 году помѣстилъ въ «Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщ.» статью противъ философіи Гегеля, распространяющей, по его мнѣнію, атеизмъ, хотя не-

---

[1]) См. дневникъ Герцена 21 дек. 1843 г., стр. 215.

[2]) См. дневникъ Герцена 9 ноября 1844 г. и 23 февр. 1845 г., стр. 225 и 234.

[3]) См. дневникъ Герцена 23 февр. 1845 г., «Матер.», стр. 234.

[4]) См. рѣчь Грановскаго, «Матер.», стр. 249.

задолго передъ тѣмъ, будучи за границей, откровенно признавался Станкевичу, что съ системой этого философа совсѣмъ не знакомъ [1]). Кромѣ того, противъ Грановскаго и западниковъ вообще дѣйствовали тайными доносами. Начальство дѣйствительно было напугано ими и тормозило дѣятельность заподозрѣнныхъ лицъ [2]). Ходатайство Грановскаго о разрѣшеніи изданія новаго журнала не имѣло успѣха.

Нѣкоторые изъ славянофиловъ возмущались поведеніемъ своихъ союзниковъ, но связи съ ними не порывали; эти отдѣльныя вспышки благородныхъ чувствъ очень мало могли способствовать улучшенію отношеній между противными сторонами. Однако въ началѣ 1844 года партіи еще надѣялись избѣжать окончательнаго разрыва. Герценъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ (24 января), что обѣ партіи сдѣлали уступки. И. Кирѣевскій, взявшій въ свои руки «Москвитянинъ», приглашаетъ Герцена и Грановскаго къ сотрудничеству въ его журналѣ [3]). Но это приглашеніе повело къ объясненіямъ, которыя убѣдили обѣ стороны къ невозможности совмѣстной работы. Къ тому же въ самомъ концѣ года старый, больной, славянофильствующій поэтъ Языковъ, когда-то поэтъ «радости и хмеля», вдругъ обрушился на западниковъ въ стихотворныхъ посланіяхъ, представляющихъ собою плохо замаскированный доносъ на Герцена, Грановскаго и Чаадаева. Переполненные рѣзкими, ругательными выраженіями по адресу «не нашихъ», стихи Языкова изображаютъ ихъ ненавистниками Россіи, измѣнниками отечеству [4]). Герценъ разсказываетъ, что вызванныя стихами объясненія чуть не привели Грановскаго и П. Кирѣевскаго къ дуэли. Чаша терпѣнія западниковъ переполнилась, и разрывъ съ противниками сталъ совершившимся фактомъ [5]). Это происходило, какъ свидѣтельствуетъ дневникъ Герцена, въ началѣ 1845 года.

---

[1]) См. письмо Станкевича къ Фроловымъ, «Матер.», стр. 55.

[2]) См. въ дневн. объясн. Герцена съ попечит., гр. Строгоновымъ, «Матер.», стр. 214, 215, 217.

[3]) См. дневникъ Герц. 9 ноябр. 1844 г., стр. 229, и письмо Грановск. къ И. Кирѣевск. 1845 г., стр. 245.

[4]) См. дневн. Герц. 17 и 30 дек. 1844 г., стр. 232—233.

[5]) См. дневн. Герц. 10 янв. 1845 г., стр. 233.

Споръ между западниками и славянофилами продолжался съ этихъ поръ исключительно на страницахъ журналовъ. Въ это время обнаружились сдѣланныя съ обѣихъ сторонъ уступки, о которыхъ упоминалъ дневникъ Герцена. Западники съ большимъ вниманіемъ стали относиться къ принципу народности, выдвинутому ихъ противниками; славянофилы отъ полнаго отрицанія западной образованности перешли къ признанію ея цѣнности. И. Кирѣевскій, взявши въ свои руки «Москвитянинъ» (къ сожалѣнію, на короткое время), вмѣстѣ съ Хомяковымъ рѣшительно возсталъ противъ враговъ Запада и, главнымъ образомъ, противъ Шевырева, ранѣе всѣхъ пустившаго въ обращеніе мысль о гніеніи Запада. И тотъ, и другой въ своихъ статьяхъ по вопросу объ отношеніи національной культуры къ европейскому образованію явились защитниками послѣдняго, говоря, что было бы великимъ бѣдствіемъ для Россіи его истребленіе. И. Кирѣевскій приходилъ къ заключенію, что «любовь къ образованности европейской, равно какъ и любовь къ нашей, обѣ совпадаютъ въ послѣдней точкѣ своего развитія въ одну любовь, въ одно стремленіе къ живому, полному, всечеловѣческому и истинно-христіанскому просвѣщенію». Но при этомъ оба автора отстаивали всѣ другіе основные пункты своей системы, которые не могли быть приняты западниками, и попрежнему укоряли послѣднихъ въ односторонности, въ слѣпомъ пристрастіи къ Европѣ. Тѣмъ не менѣе, и эта малая уступка произвела раздвоеніе въ славянофильской партіи, по словамъ Анненкова (стат. «Замѣчательное десятилѣтіе»)[1], и Погодинъ поспѣшилъ вернуть себѣ выпущенную изъ рукъ власть хозяина журнала «Москвитянинъ».

1845 годъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ, съ котораго начались разногласія въ западническомъ кружкѣ. Различныя явленія современной европейской жизни, за которой внимательно слѣдили наши западники, были предметами оживленныхъ обсужденій и возникавшихъ иногда между друзьями споровъ. Главное вниманіе привлекали въ то время вопросы экономическіе, вопросы о благосостояніи массъ, при чемъ обнаруживались различныя отношенія къ современному соціа-

[1] См. въ нашей «Библіографіи».

лизму. Герценъ и Бѣлинскій смѣлѣе и бодрѣе смотрѣли въ будущее, ожидая скораго, какъ тогда казалось, соціальнаго переворота въ Европѣ, чѣмъ болѣе умѣренные, которые относились сдержаннѣе къ заманчивымъ предсказаніямъ соціалистовъ и критически къ средствамъ и способамъ достиженія соціальнаго идеала. Грановскій, напримѣръ, считалъ крупной ошибкой то пренебреженіе, съ которымъ тогдашній соціализмъ относился къ политикѣ. Но различіе въ политическихъ взглядахъ, при отсутствіи въ то время возможности практическаго ихъ примѣненія въ Россіи, не могло повести къ раздѣленію партіи. Самыми опасными въ этомъ отношеніи, «злыми спорами» явились споры по вопросамъ метафизическимъ. Герценъ съ Фейербахомъ въ рукахъ давно и безповоротно рѣшилъ ихъ; Огаревъ и Бѣлинскій были съ нимъ согласны, но съ нѣкоторыми изъ московскихъ друзей и прежде всего съ Грановскимъ ему пришлось разойтись. Хотя разрывъ съ послѣднимъ былъ, какъ увидимъ, временный, но онъ больно отозвался въ сердцѣ Герцена и Огарева. Тронутый сомнѣніями, Грановскій, однако, колебался и, при переходѣ къ новому воззрѣнію, стремился удержать кое-что изъ стараго, идеалистическаго. Мягкій по натурѣ, носившій въ душѣ неизгладимые слѣды вліянія Станкевича, онъ былъ и остался до конца болѣе, чѣмъ кто-либо изъ друзей его, романтикомъ: чувство иногда одолѣвало его мысль. Идея единства матеріи и духа была не симпатична ему, и онъ рѣзко разошелся съ Герценомъ и Огаревымъ по вопросу о безсмертіи души. Въ талантливомъ разсказѣ Герцена объ этомъ разрывѣ (Въ «Быломъ и Думахъ», гл. XXXII, т. II рус. изд.) есть глубоко скорбныя строки. Но время и размышленія надъ спорнымъ вопросомъ устранили разномысліе между друзьями. При этомъ талантъ и обаяніе личности Герцена сыграли значительную роль. Разрывъ произошелъ въ 1846 году, а въ концѣ слѣдующаго года, по прочтеніи въ «Современникѣ» «Крупова», Грановскій, въ восторгѣ отъ этого разсказа, уже пишетъ Герцену, выѣхавшему за границу, самое дружеское, задушевное письмо. Проходитъ еще два года, и Грановскій въ письмѣ къ обоимъ друзьямъ, Герцену и Огареву, откровенно признается: «Время это прошло не безъ пользы для меня. Я вышелъ побѣдителемъ

изъ худшей стороны самого себя. Того романтизма, за который вы меня обвиняли, не осталось слѣда. Зато все, что было во мнѣ романтическаго, вошло въ мои личныя привязанности»... Такимъ образомъ и дружба, и идейная связь между главными представителями западничества были возстановлены [1]).

Но знаменитый западническій кружокъ къ этому времени разстроился. Онъ пережилъ свою молодость, цвѣтущая пора его дѣятельности, ея вліятельный періодъ закончились. Въ 1847 году навсегда уѣхалъ изъ Россіи Герценъ, 48-й годъ унесъ Бѣлинскаго, въ которомъ партія потеряла главнаго бойца. Полемика съ славянофилами хотя и продолжалась, но уже безъ прежняго одушевленія. Грановскій остался одинокъ и выступалъ рѣдко въ печати. Да и время не благопріятствовало какой бы то ни было просвѣтительной дѣятельности. Съ 48-го года наступилъ мрачный реакціонный періодъ, уничтожившій и ту небольшую долю свободы слова, какая была допущена въ предшествовавшіе годы, и снова задержавшій развитіе русской общественной мысли и литературы. Здѣсь мы оканчиваемъ и нашу статью. Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ исторической заслугѣ западничества и значеніи его для нашего времени.

Ходъ развитія западнической мысли не представляетъ собой прямой линіи, но его прогрессивный характеръ не подлежитъ сомнѣнію. Возникши на границѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ, подъ вліяніемъ европейской науки и литературы и отголосковъ предшествовавшаго русскаго движенія, наше западничество восприняло изъ этихъ источниковъ богатый запасъ новыхъ для насъ идей и освободительныхъ стремленій. Овладѣвшее западниками въ самомъ началѣ стремленіе уйти отъ міра въ область отвлеченныхъ теоретическихъ построеній и красивой мечты, какъ мы видѣли, было непродолжительно: дальнѣйшая работа ихъ мысли, непрерывно обновляемой притокомъ свѣжихъ освободительныхъ идей, и сама русская дѣйствительность, дававшая чувствовать себя на каждомъ шагу, отрезвляли ихъ;

---

[1]) Особенно рекомендуемъ читателю прочесть прекрасный очеркъ Мякотина: «Профессоръ 40-хъ годовъ» и обратить вниманіе на стр. 363—366.

особенно сильно ударили по нервамъ лучшихъ, передовыхъ людей яркія отраженія дѣйствительности въ геніальныхъ твореніяхъ Гоголя, создавшихъ цѣлую литературную школу писателей реальнаго направленія, защищать и поддерживать которую пришлось главному поборнику и проводнику западническихъ идей въ общественное сознаніе—Бѣлинскому. Сближеніе съ русской жизнью, непосредственное знакомство съ нею воспитывало въ западникахъ духъ протеста, создавало оппозиціонное настроеніе существующему порядку вещей, которое, несмотря на всѣ преграды, прорывалось и въ литературу.

Усвоеніе западническихъ идей шло непрерывно, заставляя напряженно работать русскую мысль. Чужое принималось не въ готовомъ видѣ, а въ самостоятельной переработкѣ. Мы видѣли, сколько упорнаго труда было положено на эту работу Станкевичемъ, Бѣлинскимъ, Герценомъ, Грановскимъ, какой борьбы, какихъ душевныхъ мукъ стоила она и какими зато высокоцѣнными результатами сказалась въ ихъ собственномъ творчествѣ, распространившемъ добытыя сокровища мысли на всю образованную Россію. При этомъ западныя идеи не дѣйствовали на насъ подавляющимъ образомъ, не ставили насъ въ подчиненное, рабское положеніе: онѣ лишь возбуждали нашу самодѣятельность, въ которой съ полною свободой обнаруживались особенности нашего національнаго духовнаго уклада. Увлекшись идеалистической философіей, мы извлекли изъ нея благотворныя идеи развитія, прогресса и, изощривъ нашу мысль въ трудѣ надъ ея усвоеніемъ, пошли далѣе, освобождаясь отъ романтическихъ грезъ и фантазій, къ самому трезвому взгляду на жизнь и міръ. Успѣхъ нашей мысли отразился въ расцвѣтѣ литературы 40-хъ годовъ во всѣхъ ея отдѣлахъ, родахъ и видахъ. Основная западническая идея—идея личности, ея достоинства и правъ, около которой сконцентрировались всѣ самыя дорогія для западниковъ понятія, стремленія и чувства,—проникала всѣ ихъ произведенія, но отъ этого они не утрачивали своего національнаго характера.

Все это убѣждаетъ насъ, что боязнь идейнаго вліянія Запада, какую обнаруживали въ 40-хъ годахъ славянофилы и въ особенности защитники господство-

вавшей официальной системы, совершенно неосновательна. Что собственно мы, русскіе люди, принимали отъ Западной Европы черезъ посредство нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ? — Подобно другимъ богато одареннымъ отъ природы націямъ, мы принимали отъ образованной Европы въ сущности не западное, а общечеловѣческое достояніе,—получали, такъ сказать, законное наслѣдство, на которое имѣли такое же право, какъ и всѣ другіе историческіе племена и народы. Бѣлинскій, разбирая романъ «Кто виноватъ», справедливо назвалъ его автора (Герцена) «по преимуществу поэтомъ гуманности». Гуманныя начала, дѣйствительно, проникаютъ этотъ романъ, но они общи всѣмъ произведеніямъ западниковъ того времени. Всѣ они, и прежде всѣхъ самъ Бѣлинскій, вполнѣ заслуживаютъ названія гуманистовъ. Профессоръ В. И. Герье, указывая на односторонность, невѣрность и незаслуженность обидной клички «западники«, данной въ пылу полемическаго задора противниками, основательно предлагаетъ замѣнить ее болѣе вѣрнымъ и справедливымъ названіемъ «русскіе гуманисты», понимая этотъ терминъ въ такомъ же широкомъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ его Бѣлинскій. Въ приложеніи къ писателямъ, самоотверженно отстаивавшимъ общечеловѣческое начало въ борьбѣ съ противными теченіями, это названіе является вполнѣ соотвѣтствующимъ основному характеру и направленію ихъ дѣятельности. Ихъ вліяніе дѣйствительно очеловѣчивало русскихъ людей. Весь смыслъ ихъ жизни заключается въ стремленіи къ осмысленному человѣческому существованію и въ желаніи поставить горячо любимую ими родину въ уровень съ другими цивилизованными странами Европы. Гуманизирующее вліяніе ихъ богатаго идейнаго наслѣдства сказывается и на нашихъ современникахъ; многое изъ него залегло прочнымъ фундаментомъ въ сознаніи современнаго намъ образованнаго русскаго общества, и многія изъ ихъ произведеній еще надолго сохранятъ свою воспитательную силу для будущихъ русскихъ поколѣній.

I.

П. Я. Чаадаевъ.

ПИСЬМА.

1.

Философическое письмо къ г-жѣ *_* [1])

(Напечатано въ журналѣ „Телескопъ“ 1836 г., № 15, стр. 275—310).

... «Въ жизни есть сторона, касающаяся не физическаго, а духовнаго бытія человѣка; этой стороной никакъ не должно пренебрегать. Для души есть діетическое содержаніе точно такъ же, какъ и для тѣла; умѣнье подчинить ее этому содержанію необходимо. Знаю, что повторяю старую истину; но въ нашемъ отечествѣ она имѣетъ всѣ достоинства новости. Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины, давно извѣстныя въ другихъ странахъ, и даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ менѣе насъ образованныхъ, у насъ только

[1]) Мы опустили начало этого письма, гдѣ авторъ обращается къ г-жѣ *_* (Ек. Дм. Пановой, сосѣдкѣ его по имѣнію) съ увѣреніями, что онъ не утратилъ расположенія къ ней, не сомнѣвается въ искренности ея религіозныхъ чувствъ и, отвѣчая на заявленіе объ испытываемыхъ ею мукахъ религіознаго сомнѣнія, указываетъ средства, которыя должны дать ей успокоеніе. Здѣсь онъ попутно затрогиваетъ важный и давно интересовавшій его вопросъ о значеніи христіанства, и письмо разрастается въ большую публицистическую статью, содержаніе которой мы мѣстами передаемъ цѣликомъ, мѣстами въ собственномъ сжатомъ изложеніи. Съ точки зрѣнія нашей темы насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, взглядъ Чаадаева, какъ убѣжденнаго западника, на необходимость

что открываются. И это оттого, что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того ни другого. Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ.

Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до высоты настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ еще только умствованіе, теорія. Примѣры недалеки, вы сами, созданныя такъ счастливо, что можете совмѣщать въ себѣ все, что есть въ мірѣ благого и истиннаго, одаренныя сознаніемъ всего, что доставляетъ изящнѣйшія и чистѣйшія душевныя наслажденія,—скажите, далеко ли ушли вы со всѣми этими достоинствами? Вы ищете даже того, чѣмъ наполнить ващь день, не то что цѣлую жизнь. Вамъ недостаетъ даже тѣхъ предметовъ, которые въ другихъ странахъ составляютъ эту необходимую рамку жизни, гдѣ всѣ происшествія дня размѣщаются такъ естественно: усло-

---

усвоенія для Россіи началъ европейской цивилизаціи, хотя онъ, подобно славянофиламъ, переноситъ вопросъ на религіозную почву. Эту необходимость онъ основываетъ на нашей культурной отсталости, явившейся неизбѣжнымъ результатомъ нашей религіозной обособленности, нашего полнаго въ допетровскій періодъ отчужденія отъ Запада, гдѣ совершалось послѣдовательное умственное и нравственное развитіе, достигшее значительной высоты. Объясняя своей корреспонденткѣ причины ея сомнѣній и грусти, вызванныхъ пробудившимся въ ней религіознымъ чувствомъ, онъ указываетъ на вредное дѣйствіе окружающей русской атмосферы и дѣлаетъ характеристику современнаго русскаго общества сравнительно съ европейскимъ. Письмо это не было послано, потому что писалось довольно долго, какъ говоритъ самъ авторъ, а знакомство съ г-жей Пановой тѣмъ временемъ прекратилось. У Чаадаева есть еще три письма, въ которыхъ онъ полнѣе развиваетъ свои историко-философскіе взгляды, но для нашей цѣли они излишни.

віе, столь же нужное для здоровья нравственнаго, какъ чистый воздухъ для здоровья тѣлеснаго. Вы понимаете, что я говорю здѣсь не о нравственныхъ или философическихъ правилахъ, а просто о хорошемъ распредѣленіи жизни, о тѣхъ обыкновеніяхъ, тѣхъ навыкахъ, которые даютъ уму какое-то приволье, душѣ правильное движеніе.

Посмотрите вокругъ себя. Все какъ будто на ходу. Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего, что бы привязывало, что бы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго: все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ васъ самихъ. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ, какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ, и даже больше, чѣмъ племена, блуждающія по нашимъ степямъ, потому что эти племена привязаннѣе къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. Не воображайте, чтобы эти замѣчанія были ничтожны. Бѣдные! Неужели къ прочимъ нашимъ несчастіямъ мы должны прибавить еще новое: несчастіе ложнаго о себѣ понятія? Гдѣ ужъ добиваться намъ чисто-духовной жизни? Научимся прежде жить разумно въ эмпирической дѣйствительности.

Для всѣхъ народовъ бываетъ періодъ сильной, страстной, безсознательной дѣятельности. Люди блуждаютъ тогда и тѣломъ и духомъ. Это время великихъ страстей, великихъ ощущеній. Народы движутся въ то время сильно, безъ видимой причины; но не безъ пользы для будущихъ поколѣній. Всѣ общества проходили чрезъ этотъ періодъ. Онъ даровалъ имъ ихъ живѣйшія воспоминанія, ихъ чудесное, ихъ поэзію, всѣ ихъ высшія и плодотворнѣйшія идеи. Онъ необходимъ для жизни общества. Безъ него что сохранилось бы въ па-

мяти народовъ, къ чему могли бы они привязаться, пристраститься, безъ него они дорожили бы только прахомъ родной земли. Эта, чрезвычайно занимательная эпоха въ исторіи народовъ, есть время ихъ юности,— время, когда способности ихъ развиваются съ наибольшею силою; время, воспоминаніе о которомъ, въ возрастѣ возмужаломъ, служитъ имъ наслажденіемъ и урокомъ. Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей,—владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго. Если жъ иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлію достигнуть истиннаго, существенно нужнаго и общаго блага, а по дѣтскому легкомыслію ребенка, который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія.

Истинное общественное развитіе не начиналось еще для народа, если жизнь его не сдѣлалась правильнѣе, легче, удобнѣе неопредѣленной жизни первыхъ годовъ

его существованія. Какъ можетъ процвѣтать общество, которое даже въ отношеніи къ предметамъ ежедневности, колеблется еще безъ убѣжденій, безъ правилъ; общество, въ которомъ жизнь еще не упорядочена? Міръ нравственный находится здѣсь въ хаотическомъ броженіи, подобномъ переворотамъ, которые предшествовали настоящему состоянію планеты. И мы находимся еще въ этомъ положеніи.

Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ, не оставили никакого слѣда на умахъ нашихъ. Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что могла бы опереться наша мысль. Разобщенные, какою-то странною судьбою, отъ всемірной жизни человѣчества, мы ничего не извлекли даже изъ идей, которыя сообщаются человѣчеству преданіями. А на этихъ-то идеяхъ основывается частная жизнь народовъ; изъ нихъ развивается ихъ будущность, ихъ нравственное образованіе. Чтобъ сравняться съ прочими образованными народами, намъ надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого передъ нами исторія народовъ и плоды движенія вѣковъ. Конечно, великъ этотъ трудъ, и, можетъ-быть, одно поколѣніе людей не въ состояніи совершить его; но прежде всего необходимо узнать: въ чемъ дѣло, что это за воспитаніе человѣческаго рода, и какое мѣсто занимаемъ мы въ общемъ порядкѣ міра?

Народы живутъ только мощными впечатлѣніями временъ прошедшихъ на умы ихъ и общеніемъ съ другими народами. Такимъ образомъ каждый человѣкъ чувствуетъ свое отношеніе съ цѣлымъ человѣчествомъ.

«Что такое жизнь человѣка,—говоритъ Цицеронъ,—если память о предшествовавшемъ не соединяетъ настоящаго съ прошедшимъ». Мы же явились въ міръ, какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не

усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить родства, которой мы соединились съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно молотами вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ. Наши воспоминанія не далѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ. Мы идемъ по пути временъ такъ странно, что каждый сдѣланный шагъ изчезаетъ для насъ безвозвратно. Все это есть слѣдствіе образованія совершенно привознаго, подражательнаго. У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго, совершенствованія логическаго. Старыя идеи уничтожаются новыми, потому что послѣднія не истекаютъ изъ первыхъ, а являются къ намъ Богъ знаетъ откуда; наши умы не бороздятся неизгладимыми слѣдами послѣдовательнаго движенія идей, которыя составляютъ ихъ силу, потому что мы заимствуемъ идеи уже готовыми, развитыми. Мы растемъ, но не зрѣемъ; идемъ впередъ, но по какому-то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли. Мы подобны дѣтямъ, которыхъ не заставляли мыслить самостоятельно; возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго; все ихъ знаніе во внѣшности ихъ существованія; во внѣшности вся душа ихъ.

Народы—существа нравственныя, точно такъ же, какъ и отдѣльныя личности. Они образуются вѣками, какъ личности годами. Но мы почти, можно сказать, народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя, кажется, не составляютъ еще необходимой части человѣчества, а существуютъ для того, чтобъ со временемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это предназначеніе принесетъ свою пользу; но кто знаетъ, когда мы обрѣтемъ себя среди человѣчества и сколько бѣдъ суждено намъ испытать прежде, чѣмъ исполнится наше предназначеніе?

Народы Европы имѣютъ одну общую физіономію, какой-то отблескъ односемейности. Несмотря на раздѣленіе ихъ на вѣтви латинскую и тевтонскую, на южную и сѣверную, между ними есть связь общая, которая соединяетъ ихъ,—связь, видимая для всякаго, кто углублялся въ ихъ общую исторію. Давно ли вся Европа называлась христіанскимъ міромъ, и это названіе имѣло мѣсто въ ея публичномъ правѣ? Но, кромѣ этого общаго характера, каждый изъ нихъ имѣетъ еще свой особенный, придаваемый ему исторіей и преданіями. И то и другое составляетъ родовое наслѣдіе идей этихъ народовъ. Каждое частное лицо пользуется плодами этого наслѣдія; безъ утомленія, безъ труда собираетъ на жизненномъ пути свѣдѣнія, разсѣянныя въ обществѣ, и употребляетъ ихъ въ свою пользу. Теперь сравните сами: много ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя, какимъ бы то ни было образомъ, могли бы руководствовать насъ въ жизни? Замѣтьте, что здѣсь дѣло не объ ученіи, не о литературѣ, или наукѣ; но просто о взаимномъ общеніи умовъ, о тѣхъ идеяхъ, которыя овладѣваютъ ребенкомъ еще въ колыбели, которыя окружаютъ его въ играхъ; которыя мать вдыхаетъ въ него своими ласками; которыя въ видѣ различныхъ чувствованій проникаютъ въ его существо вмѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышетъ, и образуютъ его нравственное бытіе еще до вступленія въ міръ и общество. Хотите ли знать, что это за идеи? Это идеи долга, справедливости, права, порядка. Онѣ развиваются изъ событій, содѣйствовавшихъ образованію общества; онѣ—необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада; это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это у насъ?

Не знаю, можно ли вывести изъ сказаннаго что-нибудь совершенно безусловное и основать на немъ непремѣнное правило; но очевидно, какое сильное вліяніе

на духъ каждаго отдѣльнаго лица должно имѣть это странное положеніе народа, по которому онъ не можетъ остановить своей мысли ни на одномъ рядѣ идей, развивавшихся въ обществѣ постепенно одна изъ другой; по которому онъ принималъ участіе въ общемъ движеніи человѣческаго разума только слѣпымъ, поверхностнымъ и часто дурнымъ подражаніемъ другимъ націямъ. Отъ этого, вы найдете, что всѣмъ намъ недостаетъ нѣкотораго рода основательности, методы, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ умахъ есть что-то большее, чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства прійти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ, и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая. Это не то легкомысліе, въ которомъ нѣкогда упрекали французовъ, которое, не исключая ни глубины, ни многообъемлемости ума, зависѣло только отъ способности понимать все съ чрезвычайною легкостію, что придавало обращенію болѣе прелести и любезности; нѣтъ! это безпечность жизни безъ опыта и предвидѣнія, — жизни, которая ограничивается эфемернымъ существованіемъ недѣлимаго, оторваннаго отъ жизни, которая не заботится ни о славѣ, ни о распространеніи какихъ-либо общихъ идей или выгодъ, ни даже о тѣхъ семейныхъ, наслѣдственныхъ интересахъ, о томъ множествѣ притязаній и надеждъ, освященныхъ давностью, которыя въ обществѣ, основанномъ на памяти прошедшаго и на понятіи будущаго, составляютъ жизнь общественную и жизнь частную. Въ нашихъ головахъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго; все въ нихъ

частно, и къ тому еще не вѣрно, не полно. Даже въ нашемъ взглядѣ я нахожу что-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ физіономіею народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Находясь въ другихъ странахъ и въ особенности южныхъ, гдѣ лица такъ оживлены, такъ говорящи, я сравнивалъ не разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ.

Чужестранцы ставили намъ въ достоинство нѣкотораго рода безпечную отвагу, которую встрѣчали особенно въ низшихъ классахъ. Но по нѣсколькимъ отдѣльнымъ проявленіямъ народнаго характера они не могли вѣрно судить о цѣломъ. Они не видятъ, что то же самое начало, которое иногда придаетъ намъ эту смѣлость, дѣлаетъ насъ въ то же время неспособными ни къ глубокомыслію, ни къ постоянству; они не видятъ, что это равнодушіе къ матеріальнымъ опасностямъ дѣлаетъ насъ также равнодушными ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи, и что тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ насъ всѣ сильныя побужденія, которыя стремятъ людей по пути совершенствованія; они не видятъ, что, по милости этой-то безпечной отваги, у насъ и въ высшихъ классахъ, къ прискорбію, существуютъ пороки, которые въ другихъ странахъ принадлежатъ только низшимъ; не замѣчаютъ, что, имѣя нѣкоторыя изъ добродѣтелей народовъ юныхъ, еще необразованныхъ, мы лишены всѣхъ достоинствъ народовъ зрѣлыхъ, достигшихъ высокой культуры. Я совсѣмъ не хочу сказать, что у насъ только пороки, а добродѣтели у европейцевъ; избави Боже! Но я говорю, что, для вѣрнаго сужденія о народахъ, надобно изучить общій духъ, ихъ животворящій; ибо не та или другая черта ихъ характера, а только этотъ духъ можетъ вывести ихъ на путь нравственнаго совершенствованія и безконечнаго развитія.

Массы находятся подъ вліяніемъ особеннаго рода силъ, развивающихся въ избранныхъ членахъ общества. Массы сами не думаютъ; посреди ихъ есть мыслители, которые думаютъ за нихъ, возбуждаютъ собирательное разумѣніе націи и заставляютъ ее двигаться впередъ. Между тѣмъ какъ небольшее число мыслитъ, остальное чувствуетъ, и общее движеніе проявляется. Это истинно въ отношеніи всѣхъ народовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отупѣлыхъ племенъ, сохранившихъ только внѣшній обликъ человѣка. Первоначальные народы Европы: кельты, скандинавы, германцы, имѣли друидовъ, скальдовъ, бардовъ; это были сильные мыслители, разумѣется, въ своемъ родѣ. Посмотрите на народы Сѣверной Америки, истребленіемъ которыхъ такъ ревностно занимается матеріальная культура Соединенныхъ Штатовъ: между ними есть люди дивнаго глубокомыслія. Теперь спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы, наши мыслители! *Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время?*

Находясь между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны бы совмѣщать въ нашей цивилизаціи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возросло на безплодной нашей почвѣ, ни одной великой

истины не возникло среди насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь.

Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ. Если бъ орды варваровъ, возмутившихъ міръ, не прошли, прежде нежели наводнили Западъ, страны, нами обитаемой, мы не доставили бы и одной главы для всемірной исторіи. Чтобъ обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать, и чтобы заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, но не коснулись просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь пріобщилъ насъ своей великой миссіи, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта и что же принесли домой? Однѣ дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ назадъ еще на полстолѣтіе [1]). Не знаю, въ крови у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію. Повторю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени, что бы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія. Для меня нѣтъ ничего удивительнѣе этой пустоты и разобщенности нашего существованія. Конечно, въ этомъ виновата отчасти какая-то непостижимая судьба; но неправы и люди, которыхъ содѣйствіе во всемъ, что свершается въ нравственномъ мірѣ, неизбѣжно.

---

[1]) Здѣсь мы встрѣчаемся съ отрицательнымъ отношеніемъ Чаадаева къ событію 14-го декабря 1825 года: онъ не былъ политическимъ революціонеромъ.

Заглянемъ еще разъ въ исторію: она объясняетъ бытіе народовъ лучше всего.

Что дѣлали мы въ то время, какъ изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ съ высокою мыслію религіи возникало величественное зданіе новой цивилизаціи? Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія у растлѣнной, презираемой всѣми народами, Византіи. Мелкая суетность только что оторвала ее отъ всемірнаго братства, и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческою страстію. Въ это время животворящее начало единства одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала, все сосредоточивалось въ немъ; всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль; всякое побужденіе проявлялось могучею потребностью отыскать одну всемірную идею: это самое и составляетъ духъ новѣйшихъ временъ. Чуждые этому дивному началу, мы сдѣлались добычею завоевателей. Свергнувъ иго чужеземное, мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развились между тѣмъ у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства.

Сколько свѣтлыхъ лучей прорѣзало въ это время мракъ, покрывавшій всю Европу! Большая часть познаній, которыми умъ человѣческій теперь гордится, были уже предчувствуемы тогдашними умами; характеръ новѣйшаго общества былъ уже опредѣленъ; міру христіанскому недоставало только формъ прекраснаго, и онъ отыскалъ ихъ, обративъ взоры на древности язычества. Мы же замкнулись въ нашемъ религіозномъ обособленіи и не видали ничего, происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія, и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами, такъ же какъ эти послѣдніе возвышаются надъ

готтентотами и лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Несмотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества; не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства»...

Далѣе Чаадаевъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы мы могли усвоить европейскую цивилизацію, не давъ себѣ труда понять ея исторію, въ которой заключается вся философія христіанства, способствовавшая установленію болѣе совершеннаго строя на землѣ.

«Но вы возразите,—говоритъ авторъ,—развѣ мы не христіане, развѣ образованіе возможно только по образцу европейскому? Безъ сомнѣнія, мы христіане: но развѣ абиссинцы не христіане же? Разумѣется, можно образоваться отлично отъ Европы: развѣ японцы не образованы и, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже болѣе насъ? Но неужели вы думаете, что христіанство абиссинцевъ и образованность японцевъ могутъ возсоздать тотъ порядокъ, о которомъ я говорилъ сію минуту,—порядокъ, который составляетъ конечное предназначеніе человѣчества? Неужели вы думаете, что эти жалкія отклоненія отъ божественныхъ и человѣческихъ истинъ низведутъ небо на землю?..»

Авторъ показываетъ далѣе дѣйствіе христіанства на отдѣльнаго человѣка и на всеобщій разумъ, показываетъ и ту великую цѣль—соединеніе всѣхъ племенъ и народовъ въ одно безраздѣльное цѣлое—которой въ концѣ-концовъ достигнетъ оно. Такъ должна исполниться тайна искупленія. Къ этой великой цѣли ведетъ европейскіе народы ихъ исторія. Чтобы понять ихъ семейное развитіе, достаточно прочесть Тасса, показывающаго, какъ всѣ они склоняются передъ Іерусалимомъ, доста-

точно вспомнить, что они пятнадцать вѣковъ молились Богу на одномъ языкѣ, покорялись одной духовной власти, имѣли одно убѣжденіе.

«Итакъ, — говоритъ Чаадаевъ, — если эта сфера, въ которой живутъ европейцы, сфера единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія, есть плодъ религіи; если, напротивъ, враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если эти причины отбросили насъ въ категорію народовъ, которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства,—то не очевидно ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами. Вотъ что я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода»...

Чаадаевъ твердо убѣжденъ, что все развитіе Запада совершилось исключительно подъ вліяніемъ религіи. Всѣ его успѣхи были успѣхи нравственные. Искали истину и нашли благосостояніе. Интересы и выгоды, по его мнѣнію, всегда вытекали изъ идей, а не наоборотъ.

«Философское и литературное развитіе ума и образованіе нравовъ подъ вліяніемъ религіи оканчиваютъ эту исторію (т.-е. исторію Запада), которая имѣетъ точно такое же право на названіе священной, какъ и исторія древняго избраннаго народа»...

...«Въ Европѣ,—оговаривается Чаадаевъ,—не все было умно, добродѣтельно, религіозно; но въ ней все проникнуто таинственной силой, которая царила самодержавно цѣлый рядъ столѣтій; все порождено той долгой послѣдовательностью фактовъ и идей, которая обусловила современное состояніе общества»...

«Все совершившееся съ перваго дня нашей эры, или, лучше, съ той минуты, какъ Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: *„идите, проповѣдуйте Евангеліе всей твари!“* не исключая и самыя гоненія на христіанство, совершенно согласуется съ этимъ общимъ понятіемъ

объ его вліяніи. Чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ осуществленіи пророческихъ изреченій Христа, довольно одного взгляда на повсемѣстное проявленіе его царствія въ сердцахъ людей,—проявленіе сознательное или безсознательное, вольное или невольное. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ несовершенства, на все, что есть дурнаго и порочнаго въ настоящемъ европейскомъ обществѣ, частное осуществленіе царствія Божія въ немъ неоспоримо, потому что оно заключаетъ въ себѣ начало безконечнаго совершенствованія и содержитъ въ зародышѣ и въ начальныхъ проявленіяхъ все нужное для конечнаго осуществленія его на землѣ»...

Письмо Чаадаева заканчивается разсужденіемъ о важной роли, которую играла религія въ исторіи общества. Обращаясь въ заключеніе къ своей корреспонденткѣ, онъ откровенно говоритъ о томъ, какою дорогою цѣною купилъ онъ свое выстраданное міровоззрѣніе:

«Признаюся, мнѣ тяжело оторваться отъ этихъ общихъ взглядовъ. Картина, которая съ этой высоты представляется мнѣ, есть для меня источникъ всего утѣшительнаго. Сладостное вѣрованіе въ будущее благоденствіе человѣчества живитъ мою душу, когда, сдавленный жалкою, окружающею меня дѣйствительностью, я жажду подышать чистымъ воздухомъ, взглянуть на болѣе ясное небо... Можетъ-быть, вамъ покажется, что я слишкомъ нападаю на насъ: нѣтъ, я говорилъ истину и еще не высказалъ ее вполнѣ. Впрочемъ, духъ христіанства не терпитъ никакого ослѣпленія, а тѣмъ болѣе народныхъ предразсудковъ, потому что они разъединяютъ людей болѣе всего»...

Некрополисъ [1]).

1829, декабря 1-ое.

---

1) Слово греческое—городъ мертвыхъ. Такъ назывались въ древности кладбища вблизи городовъ. Письмо написано въ Москвѣ. Считаемъ необходимымъ прибавить, что мы позволили себѣ въ текстѣ стараго перевода (сдѣланнаго въ 1836 г. Кетчеромъ) замѣнять нѣкоторыя неудачныя и устарѣлыя слова и выраженія болѣе удачными и понятными современному читателю, пользуясь текстомъ новаго перевода г. Гершензона.

2.

„Выписка изъ письма неизвѣстнаго къ неизвѣстной [1]). 1854 г.“

(П. Я. Чаадаева) [2]).

«Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, — писалъ Чаадаевъ, — не такъ мы въ молодости любили нашу родину. Мы хотѣли ея благоденствія, мы желали ей хорошихъ учрежденій и подчасъ осмѣливались даже желать ей, если возможно, нѣсколько больше свободы; мы знали, что она велика и могущественна и богата надеждами; но мы не считали ее ни самой могущественной, ни самой счастливой страною въ мірѣ. Намъ и на мысль не приходило, чтобы Россія олицетворяла собою нѣкій отвлеченный принципъ, заключающій въ себѣ конечное рѣшеніе соціальнаго вопроса; чтобы она сама по себѣ составляла какой-то особый міръ, являющійся прямымъ и законнымъ наслѣдникомъ славной восточной имперіи, равно какъ и всѣхъ ея правъ и достоинствъ; чтобы на ней лежала нарочитая миссія вобрать въ себя всѣ славянскія народности и этимъ путемъ совершить обновленіе рода человѣческаго; въ особенности же мы не думали, что Европа готова снова впасть въ варварство, и что мы призваны спасти цивилизацію посредствомъ крупицъ этой самой цивилизаціи, которыя недавно вывели насъ самихъ изъ нашего вѣкового оцѣпенѣнія. Мы относились къ Европѣ вѣжливо, даже почтительно, такъ какъ мы знали, что она выучила насъ многому, и, между прочимъ, нашей собственной исторіи. Когда

---

[1]) Это произведеніе Чаадаева взято нами изъ кн. М. О. Гершензона: «П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе». Спб. 1908 г.

[2]) Этотъ листокъ сохранился среди бумагъ Екат. Ник. Орловой, вдовы Мих. Ѳед.; Чаадаевъ, какъ мы знаемъ, былъ дружески близокъ съ ними и съ Екат. Ник. послѣ смерти мужа. (Прим. М. О. Гершензона).

намъ случалось нечаянно одерживать надъ нею верхъ, какъ это было съ Петромъ Великимъ, — мы говорили: этой побѣдой мы обязаны вамъ, господа. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день мы вступили въ Парижъ, и намъ оказали извѣстный вамъ пріемъ, забывъ на минуту, что мы въ сущности не болѣе, какъ молодые выскочки, и что мы еще не внесли никакой лепты въ общую сокровищницу народовъ, будь то хотя бы какая-нибудь крохотная система, по примѣру подвластныхъ намъ поляковъ, или какая-нибудь плохонькая алгебра, по примѣру этихъ нехристей-арабовъ, съ нелѣпой и варварской религіей которыхъ мы боремся теперь. Къ намъ отнеслись хорошо, потому что мы держали себя, какъ благовоспитанные люди, потому что мы были учтивы и скромны, какъ приличествуетъ новичкамъ, не имѣющимъ другихъ правъ на общее уваженіе, кромѣ стройнаго стана. Вы повели все это по иному, — и пусть; но дайте мнѣ любить мое отечество по образу Петра Великаго, Екатерины и Александра. Я вѣрю, недалеко то время, когда, можетъ-быть, признаютъ, что этотъ патріотизмъ не хуже всякаго другого.

«Замѣтьте, что всякое правительство, безотносительно къ его частнымъ тенденціямъ, инстинктивно ощущаетъ свою природу, какъ сила одушевленная и сознательная, предназначенная жить и дѣйствовать; такъ, напримѣръ, оно чувствуетъ или не чувствуетъ за собою поддержку своихъ подданныхъ. И вотъ русское правительство чувствовало себя на этотъ разъ въ полнѣйшемъ согласіи съ общимъ желаніемъ страны; этимъ въ большой мѣрѣ объясняется роковая опрометчивость его политики въ настоящемъ кризисѣ [1]). Кто не знаетъ, что мнимо-національная реакція дошла у

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о Крымской войнѣ (1853—56 гг.).

нашихъ новыхъ учителей до степени настоящей мономаніи. Теперь уже дѣло шло не о благоденствіи страны, какъ раньше, не о цивилизаціи, не о прогрессѣ въ какомъ-либо отношеніи, довольно было быть русскимъ: одно это званіе вмѣщало въ себѣ всѣ возможныя блага, не исключая и спасенія души. Въ глубинѣ нашей богатой натуры они открыли всевозможныя чудесныя свойства, невѣдомыя остальному міру; они отвергали всѣ серьезныя и плодотворныя идеи, которыя сообщила намъ Европа; они хотѣли водворить на русской почвѣ совершенно новый моральный строй, который отбрасывалъ насъ на какой-то фантастическій христіанскій Востокъ, придуманный единственно для нашего употребленія, нимало не догадываясь, что, обособляясь отъ европейскихъ народовъ морально, мы тѣмъ самымъ обособляемся отъ нихъ и политически; что разъ будетъ порвана наша братская связь съ великой семьей европейской, ни одинъ изъ этихъ народовъ не протянетъ намъ руки въ часъ опасности. Наконецъ храбрѣйшіе изъ адептовъ новой національной школы не задумались привѣтствовать войну, въ которую мы вовлечены, видя въ ней осуществленіе своихъ ретроспективныхъ утопій, начало нашего возвращенія къ хранительному строю, отвергнутому нашими предками въ лицѣ Петра Великаго.

Правительство было слишкомъ невѣжественно и легкомысленно, чтобы оцѣнить, или даже только понять эти ученыя галлюцинаціи. Оно не поощряло ихъ, я знаю; иногда даже оно наудачу давало грубый пинокъ ногою наиболѣе зарвавшимся, или наименѣе осторожнымъ изъ ихъ блаженнаго сонма; тѣмъ не менѣе, оно было убѣждено, что какъ только оно броситъ перчатку нечестивому и дряхлому Западу, къ нему устремятся симпатіи всѣхъ новыхъ патріотовъ, принимающихъ свои неоконченныя изысканія, свои безсвязныя стремленія и смутныя надежды за истинную національ-

ную политику, равно какъ и покорный энтузіазмъ толпы, которая всегда готова подхватить любую патріотическую химеру, если только она выражена на томъ банальномъ жаргонѣ, какой обыкновенно употребляется въ такихъ случаяхъ. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день авангардъ Европы очутился въ Крыму»...

II.

Н. В. Станкевичъ.

ПИСЬМА.

I.

Я. М. Невѣрову [1]).

Москва, 26 марта 1833 г.

Какъ мнѣ интересны, болѣе нежели интересны, твои извѣстія о спектакляхъ и тому подобномъ! Съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, мнѣ не съ кѣмъ говорить объ искусствѣ; а ты знаешь, какъ я люблю его! Прибѣгнешь къ тому, къ другому, но встрѣчаешь камни хладные или запутанные умы. Мар. Аф., о чемъ ни говори, собьется на свою метафизику, Ал... на Лидію, С* на русскую исторію... и еще на I-й періодъ, или пойдутъ каламбуры. Иногда съ кѣмъ-нибудь думаешь сказать два слова отъ души, которая полна черезъ края... что жъ? Кончится тѣмъ, что или не поймутъ, или скажешь совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать, ибо человѣкъ, которому говоришь... какъ-то видомъ уже сбиваетъ сказать не то, что чувствуешь, а другое. Сію минуту или... нѣсколько минутъ, съ часъ, какъ пришелъ изъ университета, подурачился, покаламбурилъ съ С* и Еф. Они ушли. Я послалъ Ивана къ Глазу-

---

[1]) Письмо взято безъ выпусковъ изъ кн. П. Анненкова: «Біографія Н. В. Станкевича». М. 1857 г., ч. II «Переписка», стр. 8—10.

Январій Михайловичъ Невѣровъ—самый близкій изъ друзей Станкевича, педагогъ, писатель, впослѣдствіи попечитель Кавказскаго учебн. округа.

нову за какой-нибудь красивой русской исторіей, самъ придвинулся къ столу, надѣвши свой сѣрый сюртукъ, хотѣлъ читать Коха... и задумался. Что-то проскользнуло по душѣ, что-то въ ней зашевелилось... однимъ словомъ, я пришелъ въ то неопредѣленное, полупоэтическое, полугармоническое состояніе, о которомъ мы часто бесѣдовали, сталъ было писать стихи... Но чувство было слишкомъ въ себѣ сосредоточено, не сдружилось съ мыслью; послѣдняя въ половину его разгадывала—стиха два заскрипѣли, и чувство испугалось. Я сѣлъ за фортепьяно, сталъ колотить, но такъ, безъ толку—и ты представить себѣ не можешь, какое непреодолимое, мучительное влеченіе пробудилось во мнѣ. Я ни за что не сталъ бы выражать его, чувство презирало выраженія въ эту минуту; но это было не сладкое ощущеніе, а мучительное и безнадежное. Если вѣрить эстетическому замѣчанію, что чувство изящнаго сопровождается стремленіемъ къ безконечному (ну, къ чему бы то ни было), которое дѣлается сладкимъ чрезъ надежду соединенія, то не знаю, какъ назвать мое ощущеніе. Въ моемъ чувствѣ господствовала безнадежность соединиться съ тѣмъ, къ чему душа стремилась, а къ чему? Ей-ей не знаю.

— Вотъ-те московскія чудеса въ рѣшетѣ. Когда увижу Мел..., попрошу у него Моцарта.

Вчера былъ я у Мар. Аф. За чаемъ пріѣхали ....ы; надобно было ожидать забавной сцены, но я былъ очень не любезенъ; сказывалъ добрымъ людямъ, что я нездоровъ, а между тѣмъ главное... я душевно разстроенъ!

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви!

П. надоѣла мнѣ просьбою о стихахъ, К. гундосованьемъ, а всѣ пустяками.

Не имамы человѣка. Тебѣ скучно слушать мои жалобы, но нѣтъ нужды: на этотъ разъ ты позволишь

мнѣ быть эгоистомъ,—изъ любви ко мнѣ. Если бы ты зналъ, какъ отрадно вылить ихъ въ грудь человѣка, который способенъ понимать чувства всякаго рода! Я часто анализирую себя, отчего на меня находитъ такая тоска? Тутъ начинаются отвѣты: во-первыхъ, отъ сознанія, что я боленъ (NB. здоровье мое въ послѣдніе два дня немножко поиспортила соленая рыба, но пройдетъ, Богъ дастъ); но иногда и забудешь о болѣзни, и все грустно; во-вторыхъ, отъ заботъ объ экзаменахъ: это всегда было для меня помѣхой; въ-третьихъ, оттого, что занимаешься не такъ, какъ, и не тѣмъ, чѣмъ хочется. Не то! Главное дѣло, что я—

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви!
И безъ друга!

II.

Моя метафизика.

(2 письма къ Невѣрову, въ концѣ марта 1833 г.)

1.

Природа существуетъ (знаніе, основанное на вѣрѣ въ чувства). Ея существованіе обнаруживается постояннымъ поддерживаніемъ самой себя—разсужденіемъ. Жизнь природы есть непрерывное творчество, и хотя все въ ней рождающееся умираетъ, ничто не гибнетъ въ ней, не уничтожается, ибо смерть есть рожденіе [1]).

Не знаю, почему говорятъ многіе: въ природѣ есть сила творящая; не знаю, какъ можно представить природу трупомъ, въ который входитъ нѣчто чуждое и

---

[1]) Смерть есть разрушеніе; разрушеніе въ природѣ есть перехожденіе изъ одного состоянія въ другое.

Смерть одного звена природы есть рожденіе другого. Вода, уничтожаясь, переходитъ въ пары, воздухъ дѣлается водою; человѣкъ становится землею; земля перерождается въ растенія (при разныхъ условіяхъ).

Примѣч. Станкевича.

одушевляетъ его; не знаю, почему не сказать: природа есть Сила, Жизнь, Творчество.

Цѣлое природы составлено изъ недѣлимыхъ; каждое недѣлимое живетъ на основаніи общихъ законовъ, есть часть общей жизни природы. Одна и та же жизнь развивается въ различныхъ видахъ, но одинаково по своимъ законамъ. Въ каждомъ недѣлимомъ жизнь эта дѣйствуетъ независимо отъ него, всегда почти безъ его сознанія и всегда безъ его воли, повинуясь себѣ самой, своимъ законамъ, которые вѣчны и непреложны, слѣдовательно, составляютъ сущность ея. Многія недѣлимыя не сознаютъ себя, но жизнь, во всѣхъ ихъ распространенная, сознаетъ себя, ибо дѣйствуетъ цѣлесообразно (zwekmässig), слѣдовательно, есть разумѣніе. Итакъ, жизнь въ цѣломъ есть Разумѣніе.

Въ цѣломъ природа есть Разумѣніе. Съ симъ сознаніемъ заря утѣшенія восходитъ для человѣка; онъ не потерянъ въ безконечности творенія, онъ восполняетъ наравнѣ съ прочими тварями жизнь природы. Но это не одно его назначеніе: онъ можетъ возвышаться надъ видимымъ; онъ можетъ восходить къ Разумѣнію, отождетворяться (s'identifier) съ нимъ, онъ можетъ проникнуть его законы, провидѣть его цѣли, чувствовать красоту созданія; онъ можетъ вѣрить, надѣяться, любить. Вѣрить, ибо законы его Творца непреложны, земля и небо идутъ мимо, слова же Его не идутъ мимо; надѣяться, всѣ цѣли Его—благо; любить, ибо Онъ (Разумъ, Творецъ) прекраснъ въ своемъ созданіи: прекраснъ въ своемъ образѣ—человѣкѣ.

Такъ, человѣкъ есть Его образъ (человѣкъ въ чистомъ смыслѣ, сохранившій все то, что составляетъ человѣчество, humanitas, и воспользовавшійся способами, данными для совершенствованія всего, составляющаго сущность бытія человѣческаго—обо всемъ этомъ въ слѣдующихъ письмахъ).

Все (das All) есть жизнь, а жизнь дѣйствуетъ разумно, слѣдовательно, сопряжена съ Разумѣніемъ.

Все созданіе есть жизнь, развивающаяся по законамъ Разумѣнія (по своимъ законамъ). Роды существъ составляютъ лѣствицу, по которой жизнь (разумѣющая себя въ цѣломъ) идетъ къ самоуразумѣнію въ недѣлимыхъ. Не менѣе разумно дѣйствуетъ она въ камняхъ, какъ и въ человѣкѣ; но, развиваясь въ первыхъ по тѣмъ же законамъ, по какимъ и въ послѣднемъ (съ разною цѣлью), не даетъ первымъ возможности сознать себя отдѣльно. Камни живутъ въ массѣ природы; растенію даетъ она уже ощущеніе, животному—произвольное движеніе; наконецъ, съ полною свободою, вся является въ человѣкѣ. Здѣсь жизнь, сознающая себя въ цѣломъ, разумная и свободная, является жизнью, сознающей себя отдѣльно—разумною и свободною.

Всѣ уже согласились, что человѣкъ, вѣнецъ созданія, есть повтореніе всей природы, онъ есть повтореніе разумной жизни.

Въ человѣкѣ многое дѣлается безъ его вѣдома, безъ его воли (онъ рождается, вырастаетъ; онъ чувствуетъ жажду, голодъ). Въ немъ дѣйствуетъ разумная жизнь всей природы, которая имѣетъ свою волю (жизнь всего), независимо отъ его воли. Человѣкъ желаетъ знать, дѣйствовать; человѣкъ ощущаетъ; въ немъ дѣйствуетъ жизнь, сознавая себя отдѣльно. Человѣкъ разрушается безъ воли своей; разумная жизнь природы принимаетъ другую форму. Свою опредѣленную жизнь человѣкъ теряетъ; куда отлетаетъ она?

Объ этомъ послѣ. Въ этомъ письмѣ я положилъ опредѣлить по возможности отношенія человѣка къ природѣ и Разумѣнію, составляющему сущность ея. Разсудокъ мой подтверждаетъ эти положенія, сердце мое не противорѣчитъ имъ и часто вѣритъ въ тѣ минуты, когда я люблю.

2.

Не знаю, о чемъ слѣдовало бы говорить теперь по порядку, но все равно. Стану говорить о томъ, о чемъ хочется. Черезъ это система не разрушится, ибо основаніемъ всякой системы должна быть внутренняя связь, а не наружная форма.

Вотъ вопросъ, съ котораго стану продолжать: вслѣдствіе показанныхъ отношеній человѣка къ природѣ, къ всеобщей жизни, каково можетъ и каково должно быть его воздѣйствіе (обратное дѣйствіе) на природу, на всеобщую жизнь (Zurückwirkung, réaction).

Въ человѣкѣ повторилась природа; въ человѣкѣ жизнь, разумѣющая себя въ цѣломъ, уразумѣла себя отдѣльно.

Слѣдовательно, всѣ отправленія, всѣ факты жизни должны быть фактами человѣка. Фактъ жизни одинъ—жизнь, или: сама жизнь есть единственный существующій фактъ. Если мы въ жизни различаемъ нѣсколько фактовъ, то мы придаемъ ей свойства собственно человѣческія и смотримъ на нее взглядомъ слишкомъ спеціальнымъ.

Одинъ фактъ нашей жизни называемъ мы разумомъ, другой—волею, третій—чувствомъ. Но мы всегда разумѣемъ, всегда рѣшаемъ, всегда чувствуемъ.

Эти три факта составляютъ одинъ фактъ жизни, съ разныхъ точекъ разсматриваемый. Но правда, что вся жизнь наша беретъ то или другое направленіе по преимуществу.

На основаніи этого жизнь абсолютная, отрѣшенная, разсматривается какъ разумъ, воля, чувство, и жизнь природы дѣйствительная—какъ истина, благо, красота. Тутъ ничего еще худого нѣтъ, но это пахнетъ схоластикою.

Зачѣмъ все такъ дробить? Кто станетъ отрицать у жизни всеобщей и разумѣніе, и свободу дѣйствія, и чувство?

Но это не три способности одного существа, напротивъ, оно условливаетъ собою единство всѣхъ сихъ способностей.

Разсмотримъ всеобщую жизнь въ отношеніи къ этимъ способностямъ.

Внѣ жизни ничего не лежитъ, ибо она есть все; слѣдовательно, постепенное познаніе ей чуждо; сознавая себя, она все знаетъ. Ея Разумъ, разумѣніе, есть сознаніе себя самой (сознаніе, въ бытіи совершающееся), слѣдовательное бытіе, слѣдовательно, она сама. Ея воля не опредѣлена ничѣмъ, слѣдовательно, свободна, но не отступаетъ отъ вѣчныхъ законовъ разумѣнія, слѣдовательно, воля жизни есть вмѣстѣ и свобода и необходимость. Если воля непреложна, а препятствій нѣтъ и всѣ средства заключаются въ томъ же существѣ, въ какомъ воля, то воля есть дѣйствіе; дѣйствіе природы— жизнь; слѣдовательно, воля жизни есть сама жизнь.

Итакъ, жизнь есть разумъ и воля, если мы хотимъ судить ее по-человѣчески; но это разумѣніе зависитъ единственно отъ нашего взгляда на жизнь; въ сущности она ни то ни другое, но жизнь.

Да не покажется тебѣ это противорѣчіемъ тому, что я говорилъ въ предыдущемъ письмѣ. Я называлъ жизнь разумѣніемъ; я не отрицаю въ ней этого, но хочу доказать, что это разумѣніе есть законы, составляющіе сущность жизни, самую жизнь, а не есть принадлежность, способность жизни; надобно стать повыше дѣтскаго взгляда на природу.

Въ человѣкѣ жизнь сознала себя отдѣльно. Онъ есть центръ этой жизни въ миніатюрѣ. Какъ жизнь, она имѣетъ стремленіе (по сродству, можетъ-быть) усвоять внѣ ея лежащее, познавать, и какъ жизнь — развить себя во внѣшности, дѣйствовать. Какъ жизнь, она сознаетъ вліяніе другой жизни, чувствуетъ.

И вотъ разумъ, воля, чувство—три дѣйствительныя направленія человѣческой жизни, которыя онъ перено-

ситъ въ жизнь всеобщую. Я сказалъ, что разумъ во всеобщей жизни, что воля. Что же называется чувствомъ всеобщей жизни?

Если жизнь есть разумъ, если жизнь есть воля, то она есть чувство по преимуществу. Вся она держится чувствомъ—въ недѣлимыхъ, начавшихъ сознавать себя отдѣльно, чувство это обнаруживается любовью. Она въ нихъ есть чувство инстинктуальное, слѣдовательно, чувство, принадлежащее общей жизни и непокорное волѣ.

Любовь!.. Другъ мой! для меня съ этимъ словомъ разгадана тайна жизни. Жизнь есть любовь. Вѣчные законы ея и вѣчное ихъ исполненіе—разумъ и воля. Жизнь безпредѣльна въ пространствѣ и времени, ибо она есть любовь. Съ тѣхъ поръ, какъ началась любовь, должна была начаться жизнь; покуда есть любовь, жизнь не должна уничтожиться, поелику есть любовь, и жизнь не должна знать предѣловъ. Если нужны слабыя сравненія,—это тѣснота, все расширяющая, это свѣтъ незаходимый, все поддерживающій; это цвѣтъ которымъ украшается природа въ глазахъ нашихъ; это огонь, изъ котораго все выгораетъ, и въ который все обращается. Міръ вѣченъ, ибо любовь не кончится; не кончится, ибо она есть.

Показать тебѣ иначе, что любовь — жизнь? Разумъ идетъ смѣло и отважно, сознавая свои законы; воля старается слѣдовать его законамъ, но человѣкъ тогда только все познаетъ, когда любитъ, и кто любитъ, тотъ дѣйствуетъ прекрасно. (Что такое прекрасно дѣйствовать? поговоримъ послѣ. Скажу теперь: дѣйствовать, какъ дѣйствуетъ всеобщая любовь. А какъ она дѣйствуетъ? Люби и узнаешь).

Чувство любви составляетъ прелесть жизни животныхъ, оно доступно растеніямъ. Его надобно допустить въ минералахъ, если они живутъ любовью всеобщей жизни, ибо безъ любви нѣтъ жизни.

Жизнь есть любовь, любовью поддерживается жизнь въ недѣлимыхъ (она у нихъ средство размноженія); въ такомъ случаѣ любовь есть средобѣжная сила природы; ею примыкаетъ послѣднее звено творенія къ началу, въ немъ повторившемуся, слѣдовательно, любовь есть самовозвратная сила природы—безначальный и безконечный радіусъ въ кругѣ мірозданія.

Человѣкъ выше всего, ибо онъ есть вся жизнь. Онъ не можетъ возвышаться (не разрушивъ сущности бытія своего); онъ только не долженъ падать, онъ долженъ равняться самому себѣ. Но онъ палъ (объ этомъ послѣ), слѣдовательно, опять долженъ возвышаться. Въ каждомъ недѣлимомъ человѣка есть частицы человѣка нормальнаго; въ каждомъ есть низшія свойства. Взаимныя отношенія людей должны очистить, образовать совершеннаго человѣка (но этого недостаточно; сейчасъ предложу еще способъ совершенствованія). Отсюда несомнѣнная, хотя и не новая истина: жизнь рода человѣческаго есть его воспитаніе. Какъ же одинъ, отдѣльный человѣкъ долженъ воспитывать существо свое? Что онъ долженъ принять за образецъ, прототипъ свой? но гдѣ онъ?

Одно средство совершенствованія остается ему — приближеніе ко всеобщей жизни. Всеобщею жизнью человѣкъ сдѣлаться не можетъ (ему недостаетъ абсолютности), онъ долженъ принять отъ нея все, что можетъ принять. Какъ узнать ее, уравняться ей?

Жизнь—любовь. Чтобы познать ее отчасти, чтобы дѣйствовать по однимъ законамъ съ нею, надобно любить.

(Слѣдуетъ о любви человѣка. Въ письмѣ этомъ нужно коротко объяснить свободу воли, паденіе человѣка, достоинство человѣческихъ дѣйствій изъ сравненія съ дѣйствіями всеобщей жизни). Буду писать дальше [1]).

---

[1]) Третьяго обѣщаннаго письма не было, хотя Станкевичъ началъ заготовлять его. (Примѣчан. издат. Анненкова).

3.

Я. М. Невѣрову [1]).

20 мая того же года.

...Театръ становится для меня атмосферою; прекрасное моей жизни не отъ міра сего. Излить свои чувства некому — тамъ, въ храмѣ искусства, какъ-то вольнѣе душѣ, множество народа не стѣсняетъ ее, ибо надъ этимъ множествомъ паритъ какая-то мысль, она закрываетъ отъ меня ничтожныхъ, не внемлющихъ голосу божественной любви въ искусствѣ... Наше искусство не высоко; но театръ и музыка располагаютъ душу мечтать о немъ, о его совершенствѣ, о прелести изящнаго, дѣлать планы эфемерные, скоропреходящіе... но, тѣмъ не менѣе, занимательные.

Nur der Irrthum ist das Leben! А можетъ-быть, то только и есть Wahrheit, что мы называемъ Irrthum. Впрочемъ, если и нѣтъ, то наше мечтательное счастье лучше дѣйствительнаго уже и потому, что мы, вѣроятно, наслажденія въ этомъ такъ называемомъ счастіи не нашли.

Was ist das Leben ohne Liebesglanz?
Liebe nur, Liebe nur.
Liebe ist grosse Triebfeder der Natur.

Вотъ тебѣ цитаты. Христосъ съ тобой и дружба!

4.

Я. М. Невѣрову [2]).

2 іюня того же года.

Какъ благодарить тебя за твои письма! Кромѣ того, что они приносятъ мнѣ извѣстіе о тебѣ, о жизни души твоей, они еще очищаютъ собственную мою душу. Мнѣ

[1]) Выпущены нами подробности посѣщенія Станкевичемъ театра и объ игрѣ Мочалова въ др. «Коварство и любовь». (Тамъ же, стр. 27).

[2]) Конецъ письма, въ которомъ Ст. сообщаетъ о ходѣ своихъ занятій, предостерегаетъ друга отъ опасныхъ увлеченій и отвѣчаетъ на его предостереженія отъ «грозы», нами выпущенъ. (Тамъ же, стр. 28—31).

досадно, что ты (не досадно, ибо я хочу, чтобъ ты былъ всегда хорошаго мнѣнія обо мнѣ, но какъ-то совѣстно) представляешь меня себѣ гораздо лучше, нежели я въ самомъ дѣлѣ есмь. Ты полонъ чувствъ возвышенныхъ и смотришь въ стекло этихъ чувствъ на все тебя окружающее: они для тебя расцвѣчиваютъ жизнь—ты оптимистъ! Если бы другія обстоятельства твоей жизни шли иначе, то я могъ бы назвать тебя счастливымъ. Небо въ душѣ твоей, и ты не постигаешь состоянія души, когда это небо одѣвается мрачнымъ покровомъ, и враждебный духъ льетъ отраву на лучшіе дни жизни. Конечно, этотъ враждебный духъ не загадка въ XIX вѣкѣ. Онъ не рогатъ и безъ хвоста, не бѣгаетъ чернымъ пуделемъ и не беретъ кровавыхъ расписокъ. Мы сами создаемъ себѣ демона - мучителя,—мы и міръ, который губитъ или все прекрасное въ душѣ человѣка, или его самого!

Ты разгадываешь меня. Ты пишешь, что замѣтилъ и Sehnsucht и тайную грусть во мнѣ! Но ошибся, если думаешь, что это полнота любви... тогда въ мученіи была бы сладость! Впрочемъ, рѣши самъ, какое это состояніе души? Часто я дѣлаю такое сравненіе: мое страданіе не есть страданіе человѣка, который возвысился надъ міромъ и не находитъ въ немъ отголоска себѣ, не есть страданіе духа выспренняго, котораго тяготитъ ярмо суетъ, но страданіе падшаго, который постигъ и блаженство и бездну, раздѣляющую его съ этимъ блаженствомъ! Иногда я другихъ мыслей о себѣ, я думаю: по крайней мѣрѣ, я выше многихъ людей, по крайней мѣрѣ, они счастливѣе меня потому только, что ихъ счастіе ниже моего, и тутъ отрадное чувство опять пробуждается во мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если я не люблю никакой дѣвушки и не испытываю блаженства волокитствъ, то отчего это? Я волочиться не способенъ, а для любви возвышенной... О! условій слишкомъ много даже для того, чтобъ искренно интересоваться дѣвуш-

кою, любить ея душу и погружаться въ наслажденіе ея образомъ, видѣть въ ней истинно-прекрасное произведеніе и льстить самолюбію своему, что это прекрасное умѣетъ меня цѣнить и чувствуетъ ко мнѣ влеченіе! Этакихъ я не вижу — отъ этого я лишенъ многихъ наслажденій; но я выше человѣка, который посвящаетъ пылъ души своей заклятой кокеткѣ, дубовому отрубку, или безобразію въ образѣ человѣческомъ (что также случается у безвкусныхъ самолюбцевъ). Съ другой стороны, я не поэтъ (прошу не возражать: я искренен и чуждъ пустыхъ претензій), я не могу звучно и стройно воплотить чувство, не могу даже уяснить его себѣ; но зато у меня есть чувство, и я не опишу обѣда въ гладкихъ стихахъ, не поздравлю съ праздникомъ начальника. У меня нѣтъ терпѣнія, нѣтъ силъ для огромныхъ ученыхъ занятій, но я не убью всю жизнь на рысканье по баламъ, и она вся предана будетъ дружбѣ и искусствамъ. (Кто знаетъ? Можетъ-быть, и любви)...

5.

Я. М. Невѣрову [1]).

8 августа, вторникъ вечеръ, того же года.

...Есть еще вещи, расцвѣчивающія нѣсколько однообразную картину моей сельской жизни, и объ нихъ мнѣ хочется сказать тебѣ; нужно сказать нѣсколько словъ [2]).

...Полный этою мыслью, я услышалъ нѣкоторыя вещи, которыя должны были укрѣпить меня въ ней...

---

1) Выпущено нами начало письма — о деревенскомъ житьѣ Станкевича. (Тамъ же, стр. 44—46).

2) Здѣсь Ст. разсказываетъ нѣкоторыя подробности перваго романическаго происшествія. (Примѣч. біографа Станкевича Анненкова).

Всѣ три романа Станкевича имѣли несчастный конецъ. (Примѣч. наше).

Я рѣшился на всякій случай сначала перемѣнить обращеніе... Мысль, что эта женщина неспособна любить, и чувство у нея есть простой интересъ, чувство занимательнаго, если можно выразиться эстетическимъ терминомъ,—эта мысль заставила меня удаляться отъ нея; я подвергалъ ее тяжелымъ испытаніямъ, я видѣлъ и слезы, но слезы могутъ быть слѣдствіемъ раздраженнаго чѣмъ-нибудь (хотя бы и самолюбіемъ) организма. Я въ самомъ дѣлѣ довольно хладнокровенъ къ ней. Но были минуты, въ которыя я вѣрилъ, искренно вѣрилъ ей и любилъ ее. Она безъ дальняго образованія, не глупа, простодушна, но не имѣетъ глубокихъ чувствъ; я любилъ ее, и фантазія моя оставила мнѣ чудный идеалъ. Теперь я люблю этотъ призракъ, а ее потому, что она мнѣ его напоминаетъ.

Теперь два крайніе вопроса метафизическихъ рѣшены: Was kann ich wissen, was darf ich hoffen? остался средній: Was soll ich thun?

...Долженъ ли я дать ей понятіе объ обязанностяхъ, которому она, вѣроятно, не послѣдуетъ, прекратить мои отношенія, или довести ихъ до nec plus ultra? Но послѣднее могло бы еще быть простительно, если бы я чрезвычайно любилъ ее; но первое огорчитъ ее чрезвычайно. Когда бы ты, добрый геній, былъ со мною! (Я знаю, что лучше сдѣлать, да вспомни «Le Remord» Евгенія Сю). Я болѣе люблю ее, когда не вижу, и душа моя въ лучшемъ состояніи. И вотъ я, ненавистникъ фантастическаго, люблю призракъ! Но все-таки люблю что-нибудь. Все необходимая потребность удовлетворена, хотя нѣсколько. Есть на чемъ остановиться душѣ, когда засыпаешь; есть чѣмъ согрѣть душу—и этого довольно, чтобы стать выше многихъ женщинъ, презирать кокетство и подчасъ роптать на судьбу, сознавая свое человѣческое достоинство.

Прости меня, что все письмо наполнено болтовнею обо мнѣ, обо мнѣ и обо мнѣ.

6.

Я. М. Невѣрову [1]).

14 октября, того же года.

... Мой другъ! Мнѣ совѣстно закидывать тебя вопросами, но ты получишь ихъ много отъ меня. Ахъ, если бы ты былъ теперь со мною. Не думай, чтобъ я когда-нибудь унизился, чтобы я отступилъ на волосъ отъ правилъ чести; но есть тонкіе вопросы чувства, которые поставляютъ меня совершенно въ нерѣшительность — что я долженъ дѣлать? Она поѣхала отсюда безъ всякаго укоризненнаго воспоминанія... Но Богъ надъ нею! Я не люблю ея; память о ней будетъ мнѣ вѣчно дорога. Я спрашиваю только, что я долженъ? Исполнить то, что я долженъ, не будетъ стоить для меня даже пожертвованія; да, мнѣ кажется, я собьюсь съ пути моего, если стану наслаждаться молодою жизнью, если яркими цвѣтами усыплю мою юность. Мое призваніе не то, хотя я и не вижу настоящаго моего призванія. Какъ ни сладко было бы мнѣ, исторгшись изъ скуки жизни, отдохнуть въ объятіяхъ тихаго существа—клянусь Богомъ! я устою, если ты скажешь слово! Zwei Blumen—Hoffnung und Genuss... Безъ перваго, безъ надежды, по крайней мѣрѣ, безъ сознанія правоты своей, для меня нѣтъ счастія; слѣдовательно, другого цвѣтка я не долженъ срывать. Какъ отрадно разбить упоительный сосудъ, поднесенный любовью, и сказать: я выше толпы счастливцевъ, я имѣю право сдѣлать упрекъ судьбѣ... Есть прелесть въ отчаяніи, съ которымъ смотришь на прелестное созданіе, съ которымъ никогда, никогда не соединишься, съ которымъ

---

1) Выпущено нѣсколько строкъ въ началѣ и концѣ письма, заключающихъ въ себѣ сообщеніе о житейскихъ дѣлахъ и совѣтъ другу беречь здоровье, и въ серединѣ—о разочарованіи въ любви вообще и объ идеалѣ женщины.

разлучила тебя твоя мысль, высокая, благородная! Оно сдѣлается дороже сердцу!..

Холодна и не приманчива жизнь можетъ быть только на время. Зато вдвое дороже мнѣ мои занятія: я сижу, работаю и надѣюсь сидѣть и работать еще больше. Можетъ-быть, науки со временемъ совершенно замѣнятъ мнѣ жизнь; начало этому я уже вижу...

Какъ прекрасно отказаться отъ счастія толпы, создать себѣ свой міръ и стремиться къ нему, хотя не достигая!..

7.

Я. М. Невѣрову.

18 апрѣля 1834 г., середа Страстной недѣли.

Пишу къ тебѣ передъ исповѣдью. Съ тобой хотѣлъ бы побесѣдовать въ эти минуты, очистить душу, отягощенную земными заботами даже и въ эти дни. Тяжко подумать: завтра долженъ я приступить къ таинству, котораго не въ состояніи обнять теперь; долженъ уравняться съ презрѣнными тварями, которыя отбываютъ говѣнье по долгу службы! Другъ мой, съ тобою былъ бы я достойнѣе Божественной пищи! Пусть передъ исповѣдью въ грудь твою полагаю я тягость души моей!

Сейчасъ читалъ я Евангеліе Іоанна: Сынъ человѣческій является мнѣ въ какомъ-то недоступномъ величіи; давно не испытывалъ я тѣхъ блаженныхъ минутъ, когда чувствуешь Его присутствіе въ душѣ! Только въ такую минуту прилично торжественнымъ образомъ запечатлѣть соединеніе съ Нимъ!

Меня прервали—сначала я сердился, но теперь отъ души благодаренъ: я успокоился, я поговорилъ нѣсколько о религіи, — говорилъ въ общемъ смыслѣ о томъ, что тебѣ сказалъ бы прямо, и укрѣпился и просвѣтлѣлъ. О, другъ мой! Я теперь понимаю рели-

гію! Безъ нея нѣтъ человѣка! Какой свѣтъ восходитъ для души, примиряющейся съ Божествомъ посредствомъ благихъ уставовъ религіи! Вся природа обновляется; тяжелые нравственные вопросы, неразрѣшимые для ума, рѣшаются безъ малѣйшей борьбы; жизнь снова одѣвается въ радужныя ткани, становится прекрасною и высокою!

На жизнь мою я смотрю теперь съ двухъ сторонъ, спрашиваю себя о двухъ вещахъ: въ чемъ уклонился я отъ долга? что сдѣлалъ дурного? и что сдѣлалъ я хорошаго въ положительномъ смыслѣ?—Я не могу сказать, чтобъ я дѣйствовалъ противъ долга, но, кажется, слишкомъ давалъ волю эгоизму, и отъ этого постоянно неспособенъ къ высокости души, отъ этого былъ всегда недоволенъ собою. Неискренность — вотъ что еще мучило меня; das Schein у меня часто противоположно dem Sein (особенно въ обществѣ)—хотя и не изъ дурныхъ видовъ; а это даетъ дурное направленіе и рождаетъ опять недовольство самимъ собою...

Потомъ, что же я сдѣлалъ хорошаго? Надобно или дѣлать добро, или приготовлять себя къ дѣланію добра, совершенствовать себя въ нравственномъ отношеніи, и потомъ, чтобы добрыя намѣренія не остались безъ плода, совершенствовать себя въ умственномъ отношеніи. Какое добро могъ я сдѣлать на моемъ мѣстѣ? увидѣть, взыскать въ кругу молодыхъ людей человѣка съ способностями, привязать его къ себѣ чистотою души, указать ему истинный путь, дать ему понятіе о чести, о религіи, о наукахъ—я ничего подобнаго не дѣлалъ.

Совершенствовать душу? но моя упала!—умъ? но я для своего ничего не сдѣлалъ!

Что жъ дѣлать въ такомъ случаѣ человѣку съ чувствомъ? Рѣшиться быть лучшимъ; но воля нуждается въ опорѣ. Да будетъ сею опорою Предвѣчная Любовь, Христосъ, съ которымъ готовлюсь я завтра запечатлѣть союзъ!

Да будетъ Онъ со мною! Да благословитъ мой подвигъ! Таинство для меня будетъ имѣть значеніе. Молю Бога, да съ чистою душою предстану я во храмъ Его и да не въ судъ и во осужденіе пріобщусь Его тѣла и крови: огнь бо есть, попаляяй недостойная! Христосъ съ тобою, другъ мой!

8.

Я. М. Невѣрову [1]).

16 октября, 1834 г.

... Я почти не ѣзжу на охоту; но, кромѣ ея, въ семействѣ многое отвлекаетъ отъ постоянныхъ занятій, и, несмотря на мое ревностное желаніе, на твой добрый совѣтъ трудиться въ пользу просвѣщенія, я удѣляю весьма мало времени на самообразованіе, что постоянно оставляетъ во мнѣ дурное впечатлѣніе. Однако я прочелъ 6 книгъ Геродота и Систему Шеллинга, которую—простите, Я—ій М—чъ!—читаю во второй разъ; а почему и для чего, о томъ слѣдуютъ пункты. Я, кажется, рѣшился на первый случай особенно заняться исторіей, не то чтобъ изъ непреодолимаго влеченія, но и не то, чтобы по жребію, во что святая не хлыстнетъ, какъ говорятъ наши москали.

Въ старые годы я ставилъ единое благо въ философіи—такъ и должно было думать. То былъ возрастъ непреодолимой жажды къ знанію, возрастъ вѣры въ силы ума и возрастъ сомнѣній въ старыхъ, шаткихъ вѣрованіяхъ. Надобно было дать пищу душѣ, надобно было смирить междоусобіе въ ея нѣдрахъ, надобно было запастись побужденіями къ дѣятельности. Система смѣнялась системою, но кругъ знаній расширялся, и высокіе предметы изслѣдованія поставили душу выше благъ міра сего. Такъ, говоритъ Одоевскій, въ средніе

[1]) Начало и конецъ письма, гдѣ говорится о деревенской жизни Станкев., о несогласіи его съ Шеллингомъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ и о Геродотѣ, выпущены нами.

вѣка искали философскаго камня и нашли тысячи цѣлебныхъ составовъ для болѣзней! Но въ моемъ ученіи недоставало прочности и постоянства. Приблизился возрастъ дѣятельности, а я чувствую, что многаго не знаю. Интересъ наукъ умалился съ вѣрою въ рѣшеніе высочайшихъ вопросовъ. Этотъ интересъ принялъ другой оборотъ, я ищу истины, но съ нею и добра. Исторія обѣщаетъ мнѣ много какъ для одной, такъ и для другого.

Я имѣю, я составилъ себѣ понятіе объ исторіи; но какъ же не повѣрить ихъ, какъ не узнать мнѣнія объ этомъ предметѣ такихъ людей, какъ Шеллингъ. И ради исторіи я бьюсь надъ его Теоретическою философіей, съ которой въ тѣсной связи находится и Практическая, гдѣ онъ трактуетъ объ исторіи...

9.

Ему же [1]).

30 октября, того же года.

... Что тебѣ сказать о моихъ планахъ на зиму? Москва, исторія, музыка, можетъ-быть, англійскій языкъ, общество Мел. и братіи,—вотъ моя будущность, о которой я думаю не безъ удовольствія! Въ Москву я долженъ ѣхать потому, что она представляетъ болѣе средствъ моимъ занятіямъ, нежели Удеревка [2]),—и потому, что тамъ братья; исторія — я писалъ почему занимаетъ; музыка и англійскій языкъ—не нужно говорить почему; общество Мел. привлекаетъ потому, что я его люблю, что онъ уменъ, добръ, честенъ, чувствуетъ, играетъ на фортепіано и пишетъ повѣсти; братья, т.-е. бывшіе товарищи, оттого, что они были

---

[1]) Нами выпущены начало и конецъ, гдѣ Станк. сообщаетъ другу о своемъ плохомъ здоровьѣ и недовольствѣ сказкою Ершова: «Конекъ Горбунокъ».

[2]) Удеревка — имѣніе Станкевичей, Воронежской губ., Острогожскаго уѣзда.

мнѣ товарищами и, можетъ-быть, будутъ еще по занятіямъ, службѣ, по общему желанію трудиться на пользу отечества. Но можетъ-быть, по дорогѣ придется заѣхать въ Петербургъ, гдѣ также многое меня манитъ...

10.

В. Г. Бѣлинскому [1]).

30 октября, того же года.

Письмо твое я получилъ, а съ нимъ—ясный и неопровержимый выводъ моей ошибки. Какъ быть! Homo sum et nihil humanum a me alienum puto. Къ тому же errare humanum (въ переводѣ Ивашковскаго—и на старуху бываетъ проруха). Благодарю за всѣ извѣстія о тебѣ; но не знаю, радоваться ли твоему обращенію. Новая система, вѣроятно, удовлетворитъ тебя не болѣе старой, хотя и удалитъ многіе вопросы, не разрѣшивъ ихъ, впрочемъ, вполнѣ. Между безконечностью и человѣкомъ, какъ онъ ни уменъ, всегда остается бездна, и одна вѣра, одна религія въ состояніи перешагнуть ее, одна она въ состояніи наполнить пустоту, вѣчно остающуюся въ человѣческомъ знаніи. Но та система хороша, которая не мѣшаетъ вѣрованіямъ, составляющимъ интегральную часть человѣческаго существа и содержитъ побужденія къ добрымъ подвигамъ!..

11.

Я. М. Невѣрову.

1835 г., 27 марта.

Ты, я думаю, Богъ знаетъ, чего ожидаешь послѣ послѣдняго письма моего? Мнѣ совѣстно — кажется, я въ порывѣ мечтаній, самыхъ несбыточныхъ, неосновательныхъ, напоролъ тебѣ чортъ знаетъ что! Между тѣмъ здѣсь горе болѣе существенное. Боже мой! въ какія тяжкія обстоятельства я запутанъ! Съ Н. [2]) сдѣ-

[1]) О состояніи здоровья Станк. въ концѣ выпущено нами.

[2]) Н.—героиня второго романа Станкевича.

лалась страшная перемѣна, когда она узнала, что Л. Б—а [1]) можетъ быть любима мною... она сама не знала до сихъ поръ цѣны той жертвы, которую думала принести. Болѣзнь ея возвратилась, и всему причиною моя вѣтренность, мой эгоизмъ, моя неделикатность! Бр... уѣхали... Ты можешь себѣ представить, каково было съ ними прощаніе! Н. я не видалъ: она только писала ко мнѣ. Это святая дѣвушка! Боже! можетъ-быть, страшное угрызеніе готовится мнѣ на всю жизнь— но Онъ милостивъ! Она же теперь питается тою мыслью, что первое условіе моего счастія есть ея спокойствіе. Что изъ всего этого выйдетъ? Нѣсколько дней не хотѣлось писать къ тебѣ объ этомъ: это такое прозаическое, существенное горе, котораго не хочется повѣрять бумагѣ; зато какъ бы хотѣлъ я имѣть тебя свидѣтелемъ этого горя, какъ бы хотѣлось предложить тебѣ тысячу вопросовъ! А то кто мои совѣтники?.. Впрочемъ, кажется, онѣ уѣхали нѣсколько поспокойнѣе... Теперь я снова занимаюсь дѣломъ; затворился, принимаю только два раза въ недѣлю — горько показываться въ люди! Такъ много ожидалъ счастья и столько горя разомъ обрушилось!.. Но—Es herrschet eine allweise Güte über die Welt. Христосъ—опора наша!

12.

Я. М. Невѣрову.

10 ноября 1835 г.

Жалобы мои вырвались изъ растерзанной души въ безотрадныя минуты. Это изнурительное, напряженное состояніе прошло, въ душѣ водворилось давнишнее, мертвое спокойствіе, къ которому я начиналъ уже привыкать... Не знаю, добрый или злой геній освѣтилъ на минуту мракъ души моей; но теперь, когда погасъ обманчивый лучъ, мракъ сталъ еще темнѣе... Грустно

---

[1]) Л. Б—а—сестра М. А. Бакунина, героиня третьяго романа.

сознать, что тебѣ нечего ждать отъ жизни, что лучшая, любимая мечта твоя, съ которою ты сжился, погибла навсегда. Сначала я былъ внѣ себя, ропталъ... но это продолжалось не болѣе трехъ дней; я истощился въ борьбѣ, и теперь душа моя въ летаргическомъ снѣ— итакъ, жизнь моя останется летаргіею?.. Знакомо ли тебѣ это чувство? Когда ты лишишься кого-нибудь изъ близкихъ тебѣ, когда прошли первыя минуты отчаянія и тѣло предано землѣ, ты успокоиваешься, но тебѣ странно представить, что твой другъ, твой родственникъ не существуетъ, ты долго не свыкнешься съ этою мыслью и долго будешь вздрагивать, вспомнивъ, что это такъ, и долго будешь видѣть во снѣ его болѣзнь, агонію, смерть, выздоровленіе, и опять болѣзнь и смерть. Ты наконецъ, уже мало грустишь о немъ, но въ тебѣ какая-то страшная пустота и тревожные сны мѣшаютъ забыть горе. Вотъ мое положеніе! Щадя жизнь свою, щадя свою душу, свою способность на благій подвигъ, или, можетъ-быть, невольнымъ движеніемъ эгоизма привязывая къ нему добрую идею—я постепенно удушалъ свое чувство или, лучше сказать, лучшую мечту свою, ибо чувство это не успѣло достигнуть полнаго развитія. Не будь этого, я бы не жилъ послѣ страшныхъ ударовъ; я стараюсь убѣдить себя, что мнѣ ничего не остается въ жизни, но надежда, лукавый предатель, тѣснится въ душу и мѣшаетъ перенести горе съ полнымъ сознаніемъ, съ полнымъ достоинствомъ. Я больше, нежели когда-нибудь, способенъ трудиться. Не говори мнѣ о созданіяхъ—не много надобно было мнѣ проницательности и не много самоотверженія, чтобы отказаться отъ этого поприща: оно не мое. Но я посвящаю себя другому дѣлу.

Ты давно уже подшучивалъ надъ моимъ стремленіемъ къ философіи; но это стремленіе спасло во мнѣ многое. Оно занимало меня болѣе, нежели что-нибудь другое, и всякое занятіе казалось мнѣ одностороннимъ,

если оно не имѣло философскаго значенія. Я занимаюсь исторіею,—но она для меня привлекательна какъ огромная задача философская. Теперь мы съ Ключн. принялись за Канта. Мы съ нимъ читали Шеллинга,—и если не поняли вполнѣ его хода, его діалектики, то постигнули основныя идеи, сущность системы. Чтобъ возвести свое горячее убѣжденіе на степень знанія, надобно хорошенько изучить основаніе, на которомъ утверждается новая нѣмецкая философія. Это основаніе—система Канта. Уничтоживъ догматическія попытки метафизики, онъ указалъ ей новую дорогу. Онъ вывелъ, что чистыя, прежде опытныя понятія нашего ума есть только формы, которыя должны быть наполнены опытностью и внѣ ея теряютъ свое значеніе. Слѣдственно, эти чистыя понятія не могутъ служить органомъ для рѣшенія вопросовъ о душѣ, свободѣ, безсмертіи, предлагаемыхъ обыкновенно въ метафизикѣ. Эти три предмета постигаются практическимъ умомъ, имъ вѣруютъ. Итакъ, Кантъ, съ одной стороны, навсегда оградилъ убѣжденіе отъ ударовъ скептицизма, а съ другой—указалъ новую задачу философамъ: отыскать начало и возможность знанія, какъ прежде отыскивали начало и возможность міра. Шеллингъ взялся за рѣшеніе этого вопроса. Съ строгою послѣдовательностью отыскалъ онъ, что основное начало нашего знанія есть самосознаніе. Оно выше всего, ему нѣтъ причины, оно не доказывается, а чувствуется, и служитъ опорою всякому другому знанію. Изъ этого начала (я=я) онъ долженъ былъ построить все человѣческое разумѣніе по закону необходимости и нашелъ, что между чистымъ, отрѣшеннымъ самосознаніемъ и полнымъ разумѣніемъ лежитъ цѣлая природа, какъ необходимое звено, какъ условіе, подъ которымъ простое самосознаніе можетъ развиться въ полное разумѣніе. Онъ изслѣдовалъ одно только знаніе, но какъ будто мимоходомъ коснулся и природы. До Канта, философія была только поэзія или

пустая діалектика; съ Канта она стала наукою, ибо изслѣдованіемъ умственныхъ способностей положилъ онъ ей прочное основаніе. Гегеля я еще не знаю. Теперь ты видишь, какъ необходимо изученіе Канта для того, кто желаетъ стать наравнѣ съ лучшими идеями нашего вѣка, понять торжество человѣческаго ума, его заслугу въ наше время. А какъ не хотѣть этого? не хотѣть намъ, которые толкуемъ о жизни, о благѣ, о человѣчествѣ, о средствахъ быть ему полезнымъ?— Но быть полезнымъ—неужели значитъ указать средства къ пропитанію, къ спокойному житью, къ удобствамъ жизни, къ эгоистическому образованію, которое бы умножало удовольствія жизни? Не лучше ли внушить ему высокія убѣжденія, сознаніе своего достоинства, христіанскія истины?—А упрочить убѣжденіе можетъ одна философія. — Не знаю, достанетъ ли у меня терпѣнія и силъ, а я займусь ею. Скучны формы, въ которыя она заключена, но мы потерпимъ за будущее поколѣніе и, можетъ-быть, съ Божіею помощью, облегчимъ трудъ его. Не думай, чтобы занятіе это было у меня исключительное. Нѣтъ, мой другъ, истина должна быть жива и плодотворна; заключенная въ бѣдныя логическія формы, она сушитъ душу, а не возвышаетъ ее. Философія заставитъ меня съ большимъ жаромъ изучить исторію и искусство...

13.

Я. М. Невѣрову [1].

2 декабря 1835 г.

...Я знаю твои старыя замашки. Ты всегда былъ противъ философіи, и ты правъ—въ отношеніи къ себѣ.

---

[1] Изъ этого письма къ Невѣрову, переполненнаго сообщеніями о пережитыхъ мученіяхъ, вслѣдствіе добровольнаго отказа отъ счастія съ Л. Бакуниной, любившей его, и разными другими извѣстіями, мы взяли середину, гдѣ Станкевичъ развиваетъ мысль о значеніи философіи среди другихъ научныхъ занятій, убѣждая друга въ необходимости ея изученія.

Душа у тебя переполнилась убѣжденіемъ. Я самъ имѣю убѣжденія, но сообщить ихъ людямъ въ нашъ вѣкъ иначе нельзя, какъ доведши ихъ до нѣкоторой степени знанія. Кромѣ этого, признаюсь тебѣ, другъ мой, ходъ человѣческаго ума, его стройное развитіе и приращеніе, вѣчная истина, облекающаяся въ разныя одежды, соотвѣтственно вѣку и народу, и все болѣе и болѣе являющая свою сущность—какое явленіе можетъ быть занимательнѣе? Одно отвлеченное знаніе можетъ изсушить душу, но оно должно быть фокусомъ, который собираетъ лучи, разсѣянные по обширной странѣ знанія, и въ свою очередь озаряетъ ее. Я удовлетворяю самой живой потребности души моей, занимаясь этою наукой; но я знаю, что она не должна быть исключительнымъ предметомъ трудовъ моихъ, и столько же занимаюсь исторіей. Одно непріятно: здѣсь нѣтъ человѣка, который бы могъ объяснить мнѣ темное въ Кантѣ (который долженъ быть основаніемъ философскихъ знаній) и дать мнѣ элементарныхъ свѣдѣній, которыхъ мнѣ недостаетъ,—идеи я легко схватываю.

Ты говоришь, что я всегда ошибался въ призваніи. Иногда. Это участь всѣхъ. Но философію я не считаю моимъ призваніемъ; она, можетъ-быть, ступень, черезъ которую я перейду къ другимъ занятіямъ; но прежде всего я долженъ удовлетворить этой потребности. И не столько манитъ меня рѣшеніе вопросовъ, которые болѣе или менѣе рѣшаетъ вѣра, сколько самый методъ, какъ выраженіе послѣднихъ успѣховъ ума. Я еще болѣе хочу убѣдиться въ достоинствѣ человѣка и, признаюсь, хотѣлъ бы убѣдить потомъ другихъ и пробудить въ нихъ высшіе интересы...

14.

Т. Н. Грановскому [1]).

14 іюня 1836 г., пятница.

...Ты въ Берлинѣ! Ты достигъ цѣли твоего странствія. Я воображаю, какъ сжалось твое сердце, когда ты увидѣлъ этотъ нѣмецкій городъ, на который каждый изъ насъ возложилъ свою надежду! Или у тебя ихъ еще много? Или это только одна изъ надеждъ твоихъ? Въ такомъ случаѣ разочарованіе будетъ не такъ тяжело, завѣтная радуга все еще будетъ горѣть на небѣ... Надѣюсь, ты сдержишь свое обѣщаніе и напишешь мнѣ о всѣхъ чудакахъ, отъ которыхъ мы ждемъ себѣ душевнаго возрожденія. Признаюсь тебѣ, мнѣ давно стало душно отъ этой проклятой неизвѣстности, отъ этого откладыванія. Когда же нибудь надобно послѣдовать внутреннему голосу и жить своею жизнью. Когда же нибудь надобно отбросить эту робкую уступчивость, эту ученическую скромность, стать лицомъ къ лицу съ тѣми обольстителями души, которые тайною, отрадною надеждой, поддерживаютъ жизнь ея, и потребовать отъ нихъ вразумительнаго отвѣта. Воля твоя, я не понимаю натуралиста, который считаетъ ноги у козявокъ, и историка, который, начавъ съ Ромула, въ цѣлую жизнь не дойдетъ до Нумы Помпилія,—не понимаю человѣка, который знаетъ о существованіи и спорахъ мыслителей, и бѣжитъ ихъ, и отдается въ волю своего темнаго поэтическаго чувства. Если нельзя ничего знать, стоитъ работать до кроваваго пота, чтобъ узнать хоть это! Тогда въ моемъ отчаяніи, въ моемъ ропотѣ будетъ больше счастія, больше поэзіи, по крайней мѣрѣ, нежели въ этомъ робкомъ отказѣ отъ своего достоинства, отъ своихъ по-

---

1) Изъ этого письма мы выпустили нѣсколько послѣднихъ строкъ, сообщающихъ о здоровьѣ Станкевича, находившагося въ это время на Кавказѣ.

требностей, силъ. Тогда я, можетъ-быть, лучше пойму смиреніе вѣры; тогда я, можетъ-быть, безъ удержанія отдамся душѣ своей, въ которой есть же капля любви, и стану жить въ одномъ чувствѣ, ничѣмъ не раздробляемомъ. Нѣтъ! человѣкъ можетъ знать, что хочетъ; по крайней мѣрѣ, можетъ устроить хаосъ своихъ познаній и быть въ единствѣ съ самимъ собою, можетъ одушевить науку единою свѣтлою идеей, — а этого мы въ правѣ ждать и требовать отъ тебя, милый Гр., которымъ не овладѣлъ демонъ міра сего и который безкорыстно готовитъ себя на служеніе мысли. Подружись съ этими чудаками - нѣмцами. Ты встрѣтишь между ними чугунныя головы, дурацкое терпѣніе и дурацкое благоразуміе, но и встрѣтишь людей, отвратившихъ глаза отъ мелочей этой жизни и дышащихъ воздухомъ другого міра. Пусть негодованіе къ тѣмъ Brodgelehrten не охладитъ твоего жара къ другому сорту нѣмцевъ — не къ нѣмцамъ, а къ истинѣ, которая черезъ нихъ сказалась. У нихъ есть идеи, которымъ душа отвѣчаетъ: да! и если въ нихъ усомниться, то отъ того, что, можетъ-быть, еще не совсѣмъ вѣрна метода, которою онѣ доказываются. Du musst glauben, du musst wagen. Прочь интересы бѣдныхъ головъ! Что за нужда, въ которомъ-то году умеръ Александръ Македонскій; довольно, что онъ жилъ и переродилъ вселенную, а если это знать, такъ знать для того, чтобы понять, что такое вселенная. Интересъ всѣхъ наукъ одинъ; посторонніе интересы могутъ быть искренны и безкорыстны, но они суть слѣдствіе привычки, а не жажда души, которая во всемъ хочетъ поэзіи, упоенія, которая во всемъ ищетъ себя и своего единства съ жизнью природы и Бога, безъ котораго нѣтъ жизни и существенности, безъ котораго вселенная скелетъ или призракъ.

Мужество, твердость, Гр.! не бойся этихъ формулъ, этихъ костей, которыя облекутся плотію и возродятся

духомъ по глаголу Божію, по глаголу души твоей. Твой предметъ—жизнь человѣчества: ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями — займись философіею. Занимайся тѣмъ и другимъ, эти переходы изъ отвлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе! Тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь—и иди путемъ своимъ.

Ты мнѣ простишь эти совѣты. Это не совѣты—это голосъ души, которая понимаетъ твою, но невольно стремится слить ее съ собой, которая дорожитъ всякимъ прекраснымъ явленіемъ, всякимъ чистымъ сердцемъ и крѣпко за него держится. Ты самъ одобрилъ мои занятія, ты самъ подалъ намъ руку, и мы прочли въ душѣ твоей, что ты нашъ; «будемъ вѣрны мечтамъ юности», она—цвѣтъ жизни, и ее любилъ Спаситель въ лицѣ ученика Своего; она легче понимаетъ любовь Его и смѣлѣе презираетъ фарисеевъ!..

15.

Т. Н. Грановскому.

29 сентября 1836 г.

Получивъ письмо твое среди съѣзда охотниковъ, въ чаду глупостей, которымъ иногда люблю предаваться, я тогда же хотѣлъ поговорить съ тобою, но не успѣлъ. Буду отвѣчать тебѣ на твою исповѣдь и на твои сомнѣнія, точно такъ же, какъ я отвѣчаю себѣ на свои. Ты недоволенъ собою? Поблагодари за это Бога! Ты сомнѣваешься въ себѣ, въ своихъ силахъ, ты хочешь дать себѣ отчетъ въ самыхъ чистыхъ твоихъ намѣреніяхъ, повѣряешь свои потребности—ты началъ прекрасно, какъ не можетъ начать иначе никто, достойный имени человѣка. Все затрудненіе въ томъ, какъ перейти отъ этого состоянія недовѣрчивости къ себѣ и сомнѣнія — къ дѣятельности, дѣятельности

полной и разумной, которая бъ удовлетворила тебя, дала миръ и наслажденіе душѣ твоей. Всякій другой рѣшилъ бы это дѣло просто: стремись къ тому, чего желаешь; ищи отвѣты на тѣ вопросы, которые съ большею силою гнетутъ тебя; ступай въ тотъ міръ, котораго гражданиномъ ты себя чувствуешь. Но я не скажу тебѣ этого — не только потому, что желѣзная необходимость заставитъ тебя заниматься многимъ, о чемъ душа не спрашивала, но и потому, что ясно сознать свои потребности не есть дѣло одной минуты: я это знаю.

Да, другъ мой! Не всякому первое воспитаніе позволило свободно развить всѣ добрыя начала, данныя ему матерью-природой,—иногда они погибаютъ безъ возврата. Но если искра Божія долго тлится подъ пепломъ ничтожныхъ суетъ, если человѣческая натура наша долго дремлетъ подъ колыбельную пѣсенку ложныхъ правилъ, предразсудковъ, самолюбія и вдругъ очнется,—она не можетъ разомъ сознать себя; она чувствуетъ только, что все предлагаемое ей для потребленія не приноситъ ей никакого удовольствія; она не знаетъ, чего ей надо. Она нуждается въ новыхъ потребностяхъ; ей надобно возвыситься до нихъ. Какъ это дѣлается? Какое-нибудь обстоятельство жизни, какое-нибудь внезапное чувство, иногда долгій опытъ, иногда размышленіе, наводятъ насъ на путь, и мы удивляемся, какъ могли блуждать прежде. Я тебѣ говорю прямо и откровенно, тѣмъ болѣе, что я самъ въ одномъ съ тобою положеніи, но только немного спокойнѣе на счетъ своихъ потребностей, потому что имѣю объ нихъ довольно ясное понятіе. Чтобъ намъ лучше понимать другъ друга, я разскажу тебѣ въ немногихъ словахъ исторію моей душевной жизни, исключивъ изъ нея все, что относится къ домашнему быту моей души: это дѣло постороннее. Эта исторія можетъ быть похожа на китайскую; но пусть будетъ такъ.

Мальчишка четырнадцати лѣтъ, я грѣшилъ стихами, по вѣрному выраженію одного чудака. Я не безъ души, если она во мнѣ и не имѣетъ большихъ достоинствъ. Марая бумагу и вытягивая метафоры и пышныя фразы, иногда я что-нибудь и чувствовалъ, особенно въ послѣднюю эпоху моего стихотворства, когда я вышелъ изъ-подъ опеки учителя поэзіи и началъ понемножку лучше понимать сущность искусства и нѣкоторыя стороны жизни. Лекціи Надеждина, какъ ни были онѣ недостаточны, развили во мнѣ (сколько могло вполнѣ развиться) чувство изящнаго, которое одно было моимъ наслажденіемъ, одно—моимъ достоинствомъ и, можетъ-быть, моимъ спасеніемъ! Со всѣмъ этимъ, Г-ій, я не понималъ жизни, я не имѣлъ цѣли, я былъ такъ мелокъ и ничтоженъ, что стыжусь вспомнить. Я увлекался мнѣніями недалекихъ людей, я дорожилъ мнѣніемъ свѣтской чёрни, мнѣ казалось стыдно не имѣть знакомства, казалось необходимо быть въ свѣтѣ и стараться играть въ немъ какую-нибудь роль. Я говорю тебѣ все это не запинаясь. Вышедши изъ университета, я не зналъ, за что приняться, и выбралъ исторію. «Давай займусь?»— вотъ каковъ былъ этотъ выборъ. Что я въ ней видѣлъ? Ничего. Просто это было подражаніе всѣмъ, вліяніемъ людей, которые не вѣрили теоріи, привычка къ недѣятельности ума, которая дѣлала страшнымъ занятіе философіей и изрѣдка обдавала какимъ-то холодомъ невѣрія къ достоинству ума. Шеллингъ, на котораго напалъ почти нечаянно, опять обратилъ меня на прежній путь, къ которому привела было эстетика,— а съ тѣхъ поръ болѣе и болѣе, при всей моей недѣятельности, я началъ сознавать себя. Г—ій, вѣришь ли? Оковы спали съ души, когда я увидѣлъ, что внѣ одной всеобъемлющей идеи нѣтъ знанія, что жизнь есть самонаслажденіе любви, и что все другое—призракъ. Да, это мое твердое убѣжденіе... Теперь есть цѣль передо мною: я хочу полнаго единства въ мірѣ моего знанія, хочу дать себѣ отчетъ

въ каждомъ явленіи, хочу видѣть связь его съ жизнію цѣлаго міра, его необходимость, его роль въ развитіи этой идеи. Что бы ни вышло, одного этого я буду искать. Пусть другіе больше моего знали: можетъ-быть, я буду знать лучше,—и тутъ нѣтъ лишняго самолюбія. Пришло время. Лучше—я разумѣю отчетливѣе, въ связи съ одной идеею, внѣ которой нѣтъ жизни.

Другое дѣло—прагматическій интересъ въ наукѣ; тогда она средство, и это занятіе имѣетъ свою прелесть; но для этого надобно имѣть страсть, преодолѣвающую всѣ труды, а къ этакой страсти способны люди односторонніе. Ты не изъ этого рода людей:—это можно узнать, взглянувши на тебя. Больше простора душѣ, мой милый Г—ій! Теперь ты занимаешься исторіей: люби же ее, какъ поэзію,—прежде нежели ты свяжешь ее съ идеею,—какъ картину разнообразной и причудливой жизни человѣчества, какъ задачу, которой рѣшеніе не въ ней, а въ тебѣ, и которое вызовется строгимъ мышленіемъ, приведеннымъ въ науку.

Поэзія и философія—вотъ душа сущаго. Это жизнь, любовь; внѣ ихъ все мертво. Ты скорбишь о томъ, что едва знаешь имена тѣхъ людей, которыхъ Миллеръ называлъ великими. Не говоря о томъ, что на счетъ величія людей можно имѣть разныя понятія съ Миллеромъ, я скажу одно: что за потребность узнать и того, и другого, и третьяго? Ты узнаешь ихъ тогда, когда въ тебѣ будетъ вопросъ, котораго рѣшенію они могутъ способствовать.

Всякое чтеніе полезно только тогда, когда къ нему приступаешь съ опредѣленною цѣлью, съ вопросомъ. Работай, усиливай свою дѣятельность, но не отчаивайся въ томъ, что ты не узнаешь тысячи фактовъ, которые зналъ другой. Конечно, твое будущее назначеніе обязываетъ тебя имѣть понятіе обо всемъ, что сдѣлано для твоей науки до тебя; но это пріобрѣтается легко, когда ты положишь главное осно-

ваніе своему знанію, а это основаніе скрѣпишь идеею. Тогда, повѣрь, бѣглое чтеніе больше сдѣлаетъ пользы, нежели теперь изученіе. Довольно пока тебѣ слушать Раумера и Ранке. Планъ твой—читать вмѣстѣ съ этимъ обработанныя сочиненія—мнѣ очень нравится. Вотъ я такъ ужъ совершенный невѣжда—и то еще не тужу.

Съ Божіей помощію, въ маѣ 1837 г. мы съ Январіемъ явимся къ вамъ съ нѣмецкой мудростію и побесѣдуемъ обо всемъ вдоволь. Береги свое здоровье и особенно глаза, которые, кажется, у тебя довольно слабы.

Прости мои разглагольствованія—я говорилъ отъ души.

16.

Я. М. Невѣрову.

24 сентября (6 октября) 1837 г. [1]).

Я думалъ, что я ужъ навсегда простился съ Schönseeligkeit съ проклятымъ фантастическимъ направленіемъ души, которое портитъ ее въ основаніи, но ошибся: у меня родилась какая-то болѣзненнная привязанность къ Германіи— я представляю себѣ, какъ я ворочусь домой, какъ она мнѣ будетъ сниться, и мнѣ хочется плакать въ такомъ случаѣ; а между тѣмъ я не помню ни одного могучаго чувства ни одного сильнаго душевнаго наслажденія, которое могло бы освятить для меня память этихъ мѣстъ.

Но я много надѣялся на Германію, въ ней ожидалъ я—и еще ожидаю—душевнаго возрожденія; кромѣ того, мечты дѣтства, старые рыпарскіе романы, новыя фантастическія повѣсти—все это сдѣлало для насъ Германію привлекательною; да и природа хороша, и слѣды цивилизаціи, встрѣчаемые на каждомъ шагу, въ самыхъ

---

[1]) Здѣсь нѣкоторыя неважныя для насъ сообщенія другу о Карлсбадѣ и окрестностяхъ его, о водахъ, о развлеченіяхъ Станкевича и т. п. выпущены.

мелкихъ подробностяхъ жизни, привлекательны. Они особенно замѣтны для меня потому, что я упалъ нѣсколько духомъ, и потому болѣе могу обращать вниманіе на нѣкоторые житейскіе пустяки, иногда придавать даже имъ большую цѣну par dépit—потому что у насъ этого нѣтъ! А на насъ я за то сердитъ, что самъ былъ глупъ и жестоко терпѣлъ за свои глупости. Это все болѣзненное состояніе. Въ лучшія минуты я свѣтло смотрю на горы, на живописное положеніе Карлсбада, надѣюсь въ Берлинѣ вполнѣ возвратить свое сознаніе и, воротившись въ Россію, наслаждаться честнымъ трудомъ...

17.

Т. Н. Грановскому.

Дрезденъ, 8 мая 1838 г.

... Мы въ Дрезденѣ. Какія чувства волнуютъ твою морю подобную душу?—спросишь ты. Гмъ! Душа—что такое душа?—Reflexion in sich. Что море?—Reflexion in Anderes. Солнце соединило атомы на радость и горе, и это соединеніе называется: рабъ Божій Николай, и этотъ Николай, по милосердію Господнему, вышелъ живымъ изъ многихъ болѣзней и напастей, по правосудію Его никакъ не дѣлается порядочнымъ человѣкомъ, и по неисповѣдимымъ судьбамъ таскается изъ Берлина въ Дрезденъ, изъ Дрездена въ Берлинъ. «Fiat voluntas tua», говоритъ рабъ Божій, выучившійся этому латинскому изреченію изъ одного Вальтеръ-Скоттова романа (прости Булъ—скій или Сенъ—скій каламбуръ!) Кромѣ этой способности ощущать радость и горе и еще рефлектировать, нѣтъ въ атомахъ силы, которая бы имѣла право назвать себя: я. Жизнь съ непогодами и яснымъ небомъ, дорога съ рожкомъ почтальона, каждый городишко съ картофельною дѣвчонкой и каждый переулокъ въ Дрезденѣ—все это можетъ похвалиться своимъ могуществомъ надъ тѣмъ созданіемъ, которое, будучи возведено на степень всеобщности, называется

царемъ природы, а на степени своей единичности—Николаемъ Владимировичемъ. Каковъ же длинной рѣчи краткій смыслъ? На что тебѣ... смыслъ? Смыслъ не сѣно и не овесъ, его гарнцами не отпускаютъ, впрочемъ, если въ томъ, что сказано, нѣтъ смысла, то зачѣмъ ждать, что онъ будетъ въ комментаріяхъ? Но если ты всю рѣчь принималъ за предисловіе, то ошибся. Это просто голосъ съ того свѣта...

18.

Т. Н. Грановскому [1]).

Аахенъ, 25 іюля 1838 г.

... Нѣтъ, бракъ не по любви есть лицемѣрство; пожертвованіе прекрасно, но оно должно быть истинно. Сколько святости, прекраснаго душевнаго развитія имѣетъ Л. Б!.. Я въ правѣ спрашивать себя: почему ты ее не любишь? Не есть ли это слѣдствіе твоей испорченности? Трудно отвѣчать на такой вопросъ; но отъ этого не больше любви въ моемъ сердцѣ, и я остаюсь при прежнемъ рѣшеніи, закрывая себѣ глаза предъ слѣдствіями. Ахъ, Тимоѳей! въ жизни на каждомъ шагу collision.

Счастливъ тотъ, кто еще до самобытнаго вступленія на ея поприще получилъ гармоническое духовное воспитаніе; а мы на волнахъ занимаемся изобрѣтеніемъ компаса (остроумное сравненіе). Не рефлектируй, братъ, много. Какъ начинаешь путаться въ антиноміяхъ, давай себѣ скорѣе отдыхъ. Помни, что созерцаніе необходимо для развитія мышленія...

---

[1]) Въ концѣ письма мы выпустили рѣшеніе Станкевича выѣхать въ Берлинъ 1-го сентября, замѣчаніе его на возраженіе Грановскаго противъ Гоголя и сообщеніе о печальномъ состояніи мѣстнаго театра.

19.

Т. Н. Грановскому [1]).

Флоренція, 1 февраля 1840 г.

...Извѣстія о литературныхъ трудахъ и понятіяхъ нашихъ знакомыхъ не утѣшительны. Что имъ дался Шиллеръ? что за ненависть?.. Такъ какъ они не понимаютъ, что такое дѣйствительность, то я думаю, что они уважаютъ слово, сказанное Гегелемъ. А если авторитетъ его силенъ у нихъ, то пусть прочтутъ, что онъ говоритъ о Шиллерѣ въ «Эстетикѣ» въ разныхъ мѣстахъ, также о «Валленштейнѣ» въ мелкихъ сочиненіяхъ. А о дѣйствительности пусть прочтутъ въ «Логикѣ», что дѣйствительность въ смыслѣ непосредственности, внѣшняго бытія—есть случайность; что дѣйствительность, въ ея истинѣ, есть Разумъ, Духъ. А если Шиллеръ, по ихъ мнѣнію, не есть поэтъ дѣйствительности, а туманный, то я предлагаю имъ въ поэты Свѣчина, который описываетъ, какъ въ сраженіи: «иному стегно раздвоило». Но можешь сказать имъ только аргументы, безъ яда насмѣшки—это только ожесточаетъ, а они люди хорошіе, и я съ ними ссориться не хочу... [2]).

---

1) Изъ этого большого письма, въ которомъ Ст. сообщаетъ Гран., находившемуся уже въ Москвѣ, подробно о своемъ житьѣ, взята только небольшая часть, гдѣ Ст. говоритъ по поводу извѣстій изъ Россіи о друзьяхъ.

2) Здѣсь рѣчь идетъ о Бакунинѣ, Бѣлинскомъ, которые безъ основательнаго знакомства съ системой Гегеля, увлеклись извѣстнымъ положеніемъ о «разумной дѣйствительности» и, не понявъ его надлежащимъ образомъ, впали въ ошибку, неправильно толкуя его въ смыслѣ примиренія съ существующимъ порядкомъ вещей.

20.

Фроловымъ [1]).

13 марта 1840 г.

...Вчера же узналъ я, что сюда пріѣхалъ Ш.... [2]). «Правда ли, что вы ужасно какъ занимались философіей Гегеля въ Берлинѣ?»—спросила меня одна дама, получившая эти свѣдѣнія отъ Ш... Онъ желалъ очень видѣть меня и не понималъ, какъ я (подразумѣвается: такой хорошій человѣкъ) могъ отдаться философіи Гегеля (подразумѣвается: сдѣлался негодяемъ). «Это совсѣмъ фальшивое направленіе, говорилъ онъ, особенно въ Россіи» (т.-е. въ Германіи меньше фальшиво, а въ Россіи больше, т.-е. въ Германіи можетъ быть немножко правды въ этомъ направленіи, а въ Россіи нѣтъ). Я постарался объяснить этой дамѣ, какъ могъ, что нѣтъ разной истины: что правда для нѣмца, то правда и для русскаго; что противъ философіи, конечно, можно спорить, но не браниться, отвернувши голову, за то только, что она философія. Наконецъ онъ говорилъ ей о берлинской безнравственности. Вы можете себѣ представить, какой эффектъ сдѣлало на меня это слово, этотъ горохъ, которымъ филистеры стрѣляютъ во все, что давитъ ихъ своею необыкновенностію!

Но я сдержался и объяснилъ хладнокровно, что если ей говорили про нравственность простого народа, то она непримѣрна во всѣхъ большихъ городахъ, а въ Берлинѣ лучше, нежели гдѣ-нибудь; а по сознанію, по общему мнѣнію, Пруссія стоитъ выше всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, выше Франціи и Англіи.

---

[1]) Изъ этого письма выпущены нами весьма разнообразныя сообщенія Станкевича о его жизни въ Римѣ: гдѣ онъ бываетъ, съ кѣмъ встрѣчается и чѣмъ занимается.

[2]) Ш...—проф. Москов. унив. Шевыревъ.

Я объяснилъ все это тѣмъ, что Ш... умный, добрый и честный человѣкъ, но совсѣмъ незнакомъ съ этою сферой и знаетъ ее по ложнымъ преданіямъ.

Въ Мар—вѣ я успѣлъ замѣтить уваженіе къ мысли. Я готовъ былъ навѣстить Ш..., но еще не знаю: все это раздосадовало меня, какъ нельзя больше...

21.

Фроловымъ [1]).

Римъ, 21 мая 1840 г.

...Письмо Грановскаго я получилъ. Шевыревъ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства статью, въ которой говоритъ, что въ Гегелевской философіи нѣтъ Бога; какъ хорошо! Самъ говорилъ мнѣ, что не знаетъ Гегеля, а потомъ говоритъ такъ. Ив. Кирѣевскій, который вовсе не поклонникъ Гегеля, взбѣсился на эту статью. Онъ читаетъ Логику и философію религіи и говорилъ Грановскому, что эти занятія, отъ которыхъ онъ давно былъ отвлеченъ, доставляютъ ему много удовольствія [2]).

Теперь довольно! Еще надо отправить письмо въ Россію къ Б—у [3]).

1837 г. Отрывокъ изъ дневника.

Прага, $^{13}/_{25}$ сентября.

Вчера былъ у меня К—ій. Онъ посланъ не для славянскихъ языковъ, а для исторіи, и жилъ въ Берлинѣ, но узнавши, что ему для связи въ историче-

---

1) Начало письма, въ которомъ Станкевичъ сообщаетъ разныя извѣстія о себѣ и знакомыхъ, выпущено нами.

2) Сообщаемые здѣсь факты о различномъ отношеніи къ Гегелю указанныхъ въ письмѣ лицъ очень важны для уясненія разницы между такъ называемыми «славянофилами», какъ Шевыревъ, Погодинъ и нѣсколько другихъ и истинными славянофилами, какъ И. Кирѣевскій и немногіе, ему подобные.

3) Къ Боткину или Бакунину (?).

скомъ отношеніи необходимо знаніе славянскаго языка, отправился въ Прагу. Отъ Мадонны онъ безъ ума. Сейчасъ пойду еще таскаться по Прагѣ. Чего хлопочутъ люди о народности? Надобно стремиться къ человѣческому, свое будетъ поневолѣ. На всякомъ искреннемъ и непроизвольномъ актѣ духа невольно отпечатывается свое, и чѣмъ ближе это свое къ общему, тѣмъ лучше. Гемлингъ вѣрно не хотѣлъ написать нѣмку, но его лицо поневолѣ вышло такъ, хотя на немъ и святое выраженіе; а эта индивидуальность и составляетъ красоту. Это все равно, если бы я, замѣтивши, что у многихъ людей, являющихся въ обществѣ, есть свои особенныя манеры, старался бы непремѣнно сдѣлаться оригинальнымъ въ этомъ отношеніи и сталъ бы подражать отцовскимъ и дѣдовскимъ манерамъ. Кто имѣетъ свой характеръ, тотъ отпечатываетъ его на всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; создать характеръ, воспитать себя—можно только человѣческими началами. Выдумывать или сочинять характеръ народа изъ его старыхъ обычаевъ, старыхъ дѣйствій, значитъ хотѣть продлить для него время дѣтства: давайте ему общее человѣческое и смотрите, что онъ способенъ принять, чего недостаетъ ему? Вотъ это угадайте, а поддерживать старое натяжками, квасным патріотизмомъ—это никуда не годится...

Изъ замѣтокъ Станкевича, найденныхъ въ рукописяхъ по смерти его.

Человѣкъ, по натурѣ своей, по назначенію—общее духовное существо, всегда имѣлъ больше или меньше ясное сознаніе—по крайней мѣрѣ, предчувствіе—чего-то высшаго, нежели всѣ преходящія вещи, нежели онъ самъ въ своей единичности. Съ этого предчувствія начинается исторія человѣчества, потому что только съ этого предчувствія начинается духовная жизнь человѣка. Это сознаніе принимаетъ разныя формы; но пер-

вая, въ которой оно является намъ исторически (и которую выводитъ намъ спекулятивно философія), есть натурально ничтожество всего единичнаго передъ одною силою: одно есть—всѣ единичности ложь и погибаютъ въ этой истинѣ. Это одно есть родъ, котораго жизнь есть смерть всего живого. Было время, когда это воззрѣніе хотѣли сдѣлать господствующимъ въ философіи и видѣли что-то грандіозное въ этой жизни общаго, забывая, что здѣсь гибель личности, слѣдственно, и духа, и что это одно, неживущее, безличное, есть только какъ понятіе, слѣдовательно, зарождается въ въ лицѣ, въ духѣ. Еще забавнѣе, что это воззрѣніе хотѣли приписать Гегелю, который съ такою силою выводитъ духъ и лицо побѣдоноснымъ изъ этого рода (въ феноменологіи духа), и который отдѣльно во многихъ мѣстахъ полемизируетъ противъ этой безжизненной философіи. Обвинители не читали его.

III.

М. А. Бакунинъ.

СТАТЬИ.

1.

Статья изъ журнала „Московскій Наблюдатель“: Гимназическія рѣчи Гегеля.

Предисловіе переводчика [1]).

Философія! Сколько различныхъ ощущеній и мыслей возбуждаетъ одно это слово; кто не воображаетъ себя нынче философомъ, кто не говоритъ теперь съ утвердительностію о томъ, что такое истина и въ чемъ заключается истина? Всякій хочетъ имѣть свою собственную, партикулярную систему; кто не думаетъ по-своему, по своему личному произволу, тотъ не имѣетъ самостоятельнаго духа, тотъ безцвѣтный человѣкъ; кто не выдумалъ своей собственной идейки, тотъ не геній, въ томъ нѣтъ глубокомыслія, а нынче куда вы не обернетесь—вездѣ встрѣчаете геніевъ. И что жъ выдумали эти геніи-самозванцы, какой плодъ ихъ глубокомысленныхъ идеекъ и взглядовъ, что двинули они впередъ, что сдѣлали они дѣйствительнаго?

«Шумимъ, братецъ, шумимъ», отвѣчаетъ за нихъ Репетиловъ въ комедіи Грибоѣдова. Да, шумъ, пустая

---

[1]) Предисловіе Бакунина къ «Гимназическимъ рѣчамъ» Гегеля взято изъ IV т. «Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго». Подъ редакц. и съ примѣч. С. Венгерова. (Стр. 484—492).

болтовня—вотъ единственный результатъ этой ужасной, безсмысленной анархіи умовъ, которая составляетъ главную болѣзнь нашего новаго поколѣнія, отвлеченнаго, призрачнаго, чуждаго всякой дѣйствительности, и весь этотъ шумъ и вся эта болтовня, все это происходитъ во имя философіи. И мудрено ли, что умный, дѣйствительный русскій народъ, не позволяетъ ослѣплять себя этимъ фейерверочнымъ огнемъ словъ безъ содержанія и мыслей безъ смысла; мудрено ли, что онъ не довѣряетъ философіи, представленной ему съ такой невыгодной призрачной стороны?

До сихъ поръ философія и отвлеченность, призрачность и отсутствіе всякой дѣйствительности были тождественны; кто занимается философіей, тотъ необходимо простился съ дѣйствительностью и бродитъ въ въ этомъ болѣзненномъ отчужденіи отъ всякой естественной и духовной дѣйствительности, въ какихъ-то фантастическихъ, произвольныхъ, небывалыхъ мірахъ, или вооружается противъ дѣйствительнаго міра и мнитъ, что своими призрачными силами онъ можетъ разрушить его мощное существованіе, мнитъ, что въ осуществленіи конечныхъ положеній его конечнаго разсудка и конечныхъ цѣлей, его конечнаго произвола, заключается все благо человѣчества; и не знаетъ, бѣдный, что дѣйствительный міръ выше его жалкой и безсильной индивидуальности, не знаетъ, что болѣзнь и зло заключаются не въ дѣйствительности, а въ немъ самомъ, въ его собственной отвлеченности; у него нѣтъ глазъ для гармоніи чуднаго Божьяго міра; онъ не способенъ понять истины и блаженства дѣйствительной жизни; конечный разсудокъ мѣшаетъ ему видѣть, что въ жизни все прекрасно, все благо, и что самыя страданія въ ней необходимы, какъ очищеніе духа, какъ переходъ его отъ тьмы къ свѣту, къ просвѣтлѣнію.

Да, призрачный человѣкъ не можетъ сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

О, другъ мой, искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,
Ты вѣрныя блага утратилъ свои:
Ты жизнь презирать научился!
Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ!
Дай руку: близъ вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись!
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!
Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство!
И горесть и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнедавцу-Зевесу!

Онъ не можетъ этого сказать, потому что жизнь его есть рядъ безпрестанныхъ мученій, безпрестанныхъ разочарованій, борьба безъ выхода и безъ конца—и это внутреннее распаденіе, эта внутреняя разочарованность есть необходимое слѣдствіе отвлеченности и призрачности конечнаго разсудка, для котораго нѣтъ ничего конкретнаго, и который превращаетъ всякую жизнь въ смерть.

И еще разъ повторяю: общая недовѣрчивость къ философіи весьма основательна, потому что то, что намъ выдавали до сихъ поръ за философію, разрушаетъ человѣка, вмѣсто того, чтобъ оживлять его, вмѣсто того, чтобъ образовать изъ него полезнаго и дѣйствительнаго члена общества.

Начало этого зла скрывается въ реформаціи. Когда назначеніе папизма—замѣнить недостатокъ внутренняго центра внѣшнимъ центромъ—кончилось, когда онъ потерялъ ту внутреннюю, чисто-духовную силу, которою онъ сосредоточивалъ въ себѣ столько разнородныхъ элементовъ европейской жизни, тогда разрушилось это великолѣпное зданіе его безграничнаго могущества, и послѣдняя мѣра его, индульгенціи, была уже явнымъ признакомъ разрушенія. Реформація потрясла папскій авторитетъ, но вмѣстѣ потрясла и всякій другой авторитетъ и дала поводъ къ безконечнымъ изслѣдовані-

ямъ во всѣхъ сферахъ жизни. Сюда принадлежитъ возрожденіе эмпирическихъ наукъ и философіи. Эмпирическія науки, ограниченныя созерцаніемъ конечнаго міра, міра, доступнаго конечности чувственнаго, внѣшняго и внутренняго созерцанія, быстро подвигались впередъ и въ короткое время ознаменовались блистательнымъ успѣхомъ; но внѣ конечнаго міра лежала еще другая сфера, недоступная чувственному созерцанію—сфера духа, абсолютнаго, безусловнаго, и эта сфера сдѣлалась предметомъ философіи. Пробужденный умъ, освободившись отъ пеленокъ авторитета, не хотѣлъ болѣе ничего принимать на вѣру, и, отдѣлившись отъ дѣйствительнаго міра и погрузившись въ самого себя, захотѣлъ вывести все изъ самого себя, найти начало и основу знанія въ самомъ себѣ.

«Я мыслю, слѣдовательно, я есмь».

Вотъ чѣмъ начала новая философія въ лицѣ Декарта; сомнѣніе во всемъ сущемъ, опроверженіе всего, что до сихъ поръ было извѣстно и достовѣрно не путемъ философскаго познаванія,—вотъ чѣмъ долженъ былъ начать всякій, кто только посвящалъ себя философіи, и это, вмѣстѣ съ главнымъ началомъ опытнаго знанія, эмпиризма, которое заключается въ томъ, что всякое знаніе необходимо условливается непосредственностью присутствія познающаго, составило главный характеръ ума, освобожденнаго реформаціей отъ папскаго авторитета,—характеръ, который преимущественно выразился въ XVIII вѣкѣ, въ двухъ различныхъ, другъ другу противоположныхъ и другъ съ другомъ неразрывно связанныхъ, сферахъ, въ теоретической и практической, въ философіи Канта, Фихте, Якоби, въ Германіи, и въ эмпирическихъ философствованіяхъ и разсужденіяхъ Вольтера, Руссо, Дидерота, д'Аламберта и другихъ французскихъ писателей, облекшихъ себя въ громкое и незаслуженное названіе философовъ. Но умъ человѣческій, только что пробудившійся отъ долгаго

сна, не могъ вдругъ познать истину; дѣйствительный міръ истины былъ не по силамъ ему, онъ еще не дорось до него и долженъ былъ пройти черезъ долгій путь испытаній, борьбы и страданій прежде, чѣмъ достигъ своей возмужалости; истина не дается даромъ, нѣтъ, она есть плодъ тяжкихъ страданій, долгаго мучительнаго стремленія. Да, страданіе есть благо: оно есть то очистительное пламя, которое преображаетъ и даетъ крѣпость духу; страданіе есть воспитаніе, разумный опытъ духа, и духъ, не получившій этого воспитанія, не очищенный и не освященный страданіемъ есть не болѣе, какъ дитя, которое еще не жило, и которому предстоитъ еще жизнь со всѣми ея горестями и радостями. Кто не страдалъ, тотъ не знаетъ и не можетъ знать блаженства исцѣленія и просвѣтлѣнія силою благодатной любви, которая есть источникъ жизни, и внѣ которой нѣтъ жизни.

XVIII вѣкъ былъ вѣкъ второго паденія человѣка въ области мысли; онъ потерялъ созерцаніе безконечнаго и, погруженный въ конечное созерцаніе конечнаго міра, не нашелъ и не могъ найти другой опоры для своего мышленія, кромѣ своего Я, отвлеченнаго, призрачнаго, когда оно находится во враждѣ съ дѣйствительностію.

Канту пришла въ голову странная мысль—повѣрить способность познаванія, прежде приступленія къ самому познаванію. Эта повѣрка составляетъ содержаніе его «Критики чистаго разума»; но спрашивается, какое же другое орудіе употребилъ онъ для повѣрки познавательной способности, какъ не эту же самую познавательную способность? Началомъ всякаго познаванія онъ признаетъ первоначальное тождество Я въ мышленіи. Представленія, данныя въ чувствѣ и созерцаніи, многоразличны по своему содержанію, но по формамъ своимъ, по пространству и времени принадлежатъ къ чистому чувственному созерцанію чистаго Я; соединеніе этого многоразличнаго въ сознаніи чи-

стаго Я производится также посредствомъ чистыхъ формъ разсудка, посредствомъ категорій; но категоріи эти приложимы только къ явленіямъ, даннымъ въ чувственномъ созерцаніи, и, слѣдовательно, разсудокъ можетъ познавать только явленія конечнаго міра, потому что абсолютное и безусловное, неподлежащія условіямъ пространства и времени, недоступны для чувственнаго созерцанія. Прилагая свои категоріи къ безусловному и рѣшая всѣ вопросы, принадлежащіе къ этой сферѣ по закону необходимости, чистый разсудокъ впадаетъ въ антиноміи, въ противорѣчіе, въ утвержденіе двухъ совершенно противоположныхъ положеній.

Итакъ, міръ чистаго разсудка, есть міръ конечныхъ явленій, и что познаетъ онъ въ этихъ явленіяхъ? Пространство и время, необходимо условливающія всякое явленіе, принадлежатъ не къ познаваемому предмету и суть не что иное, какъ чистыя формы чувственнаго созерцанія,—формы, принадлежащія къ познающему Я; различія между предметами принадлежатъ также не предметамъ, а суть не что иное, какъ чистыя формы разсудка: что жъ остается въ познаваемомъ предметѣ?—отвлеченность, вещь сама по себѣ!

Фихте, система котораго есть логическое и необходимое продолженіе критической системы Канта, уничтожилъ и этотъ послѣдній призракъ внѣшняго существованія, доказавъ, что вещь сама по себѣ есть также произведеніе, проявленіе чистаго Я, и весь внѣшній міръ, вся природа были объявлены призракомъ; дѣйствительно только Я, все же остальное—призракъ; всякое опредѣленіе, всякое содержаніе должны были уничтожиться предъ этимъ отвлеченнымъ, пустымъ и, по мнѣнію Фихте, абсолютнымъ тождествомъ: Я = Я.

Итакъ, результатомъ философіи разсудка, результатомъ субъективныхъ системъ Канта и Фихте, было разрушеніе всякой объективности, всякой дѣйствительности, и погруженіе отвлеченнаго пустого Я въ само-

любивое, эгоистическое самосозерцаніе, разрушеніе всякой любви, а слѣдовательно, и всякой жизни и всякой возможности блаженства, потому что любовь только тамъ, гдѣ два, другъ другу внѣшніе предмета, соединяются въ одно силою пониманія, не переставая быть различными, а не тамъ, гдѣ одинъ отвлекается отъ другого и погружается въ самосозерцаніе. Такое самосозерцаніе есть источникъ адскихъ мукъ, нестерпимыхъ страданій, потому что, гдѣ нѣтъ любви, тамъ страданіе. Но германскій народъ слишкомъ силенъ, слишкомъ дѣйствителенъ для того, чтобы сдѣлаться жертвою пустого призрака; подобная философія есть разрушеніе религіи и искусства, а религіозное и эстетическое чувство были въ немъ слишкомъ глубоки и спасли его отъ этого отвлеченнаго и безграничнаго уровня, который потрясъ и чуть было не уничтожилъ Франціи кровавыми и неистовыми сценами революціи. Изъ этого страшнаго состоянія безразличной и пустой субъективности было два выхода: или отказаться отъ мышленія и броситься въ другое, еще худшее отвлеченіе — въ непосредственность своего субъективнаго чувства, или разрѣшить это ужасное противорѣчіе въ области самого мышленія: первое сдѣлалъ Якоби, а второе Шиллеръ. Результатомъ системы Якоби было то, что Гегель называетъ прекраснодушіемъ (Schönseeligkeit), и что бы можно было также назвать самоосклабленіемъ: это прекрасная, но бѣдная, безсильная душа, погруженная въ созерцаніе своихъ прекрасныхъ и вмѣстѣ безплодныхъ качествъ и говорящая фразы не потому, чтобъ она хотѣла говорить фразы, а потому, что живое слово есть выраженіе живой дѣйствительности, и выраженіе пустоты необходимо должно быть также пусто и мертво. Шиллеръ, какъ ученикъ Канта и Фихте, вышелъ также изъ субъективности, которая явно выразилась въ двухъ прекраснодушныхъ драмахъ его «Разбойники» и «Коварство и любовь», гдѣ онъ возсталъ противъ обществен-

наго порядка. Но богатая субстанція Шиллера вынесла его изъ отвлеченности, изъ этого міра пустыхъ призраковъ, и каждый новый годъ его жизни былъ шагомъ къ примиренію съ дѣйствительностью: въ своемъ сочиненіи объ эстетическомъ воспитаніи, онъ положилъ первое основаніе разумнаго философскаго начала, какъ конкретнаго единства субъекта и объекта. Шеллингъ возвелъ это единство до абсолютнаго начала и, наконецъ, система Гегеля вѣнчала это долгое стремленіе ума къ дѣйствительности.

Что дѣйствительно, то разумно
и
Что разумно, то дѣйствительно.

Вотъ основа философіи Гегеля,—основа, которая нашла еще много противниковъ между призрачными современниками великаго берлинскаго философа, а особливо возбудила негодованіе въ рядахъ этой смѣшной юной Германіи, которая хотѣла передѣлать свое умное отечество по своимъ дѣтскимъ фантазіямъ.

Обратимся теперь къ Франціи и посмотримъ, какимъ образомъ проявилось въ ней это разъединеніе Я съ дѣйствительностью. Французы, исключая Декарта и Малебранша, никогда не возвышались до спекулятивнаго мышленія, до умозрѣнія; такъ называемая философія XVIII вѣка была непосредственнымъ результатомъ эмпирическихъ изслѣдованій; разсужденія французовъ никогда не выходили изъ конечныхъ категорій разсудка, только съ тою разницею, что нѣмцы, этотъ по преимуществу умозрительный народъ, возвысились надъ эмпиризмомъ въ отвлеченный элементъ чистаго разсудка, и потому скоро сознали конечность и неспособность его обхватить безусловное, абсолютное, и это сознаніе конечности разсудка было знакомъ возвышенія въ высшій элементъ мышленія, въ разумъ, который разрѣшаетъ въ себѣ противорѣчія. Французы же никогда не выходили изъ области эмпирическихъ, про-

извольныхъ разсужденій, и все святое, великое и благородное въ жизни упало подъ ударами слѣпаго мертваго разсудка. Результатомъ французскаго философизма былъ матеріализмъ, торжество неодухотворенной плоти. Во французскомъ народѣ исчезла послѣдняя искра откровенія. Христіанство, это вѣчное и непреходящее доказательство любви Творца къ творенію, сдѣлалось предметомъ общихъ насмѣшекъ, общаго презрѣнія, и бѣдный разсудокъ человѣка, неспособный проникнуть въ глубокое и святое таинство жизни, отвергнулъ все, что только было ему недоступно; а ему недоступно все истинное и все дѣйствительное. — Онъ требовалъ ясности, но какой ясности! не той, которая лежитъ въ глубинѣ предмета, нѣтъ! а на поверхности его; онъ вздумалъ объяснить религію — и религія, недоступная для конечныхъ усилій его, исчезла и унесла съ собою и счастіе и спокойствіе Франціи; онъ вздумалъ превратить святилище науки въ общенародное знаніе — и таинственный смыслъ истиннаго знанія скрылся и остались только однѣ пошлыя, безплодныя, призрачныя разсужденія, и Жанъ-Жакъ Руссо объявилъ, что просвѣщенный человѣкъ есть развращенное животное, и во Франціи произошло, и должно было необходимо произойти, въ практической сферѣ то, что въ Германіи произошло въ теоретической: революція была необходимымъ послѣдствіемъ этого духовнаго развращенія. Гдѣ нѣтъ религіи, тамъ не можетъ быть государства, и революція была отрицаніемъ всякаго государства, всякаго законнаго порядка, и гильотина провела кровавый уровень свой и казнила все, что только хоть нѣсколько возвышалось надъ безсмысленной толпой. Наполеонъ остановилъ революцію и возстановилъ общественный порядокъ, но онъ не могъ излѣчить главной болѣзни Франціи: онъ не возвратилъ ей религіознаго чувства, а религія есть субстанція, сущность жизни всякаго государства. И этотъ недостатокъ религіи есть

главная, внутренняя причина призрачности ея теперешняго состоянія. Я знаю, что не должно произносить рѣшительныхъ сужденій о какомъ-нибудь народѣ; если можно ошибиться, осуждая человѣка, то тѣмъ возможнѣе эта ошибка, когда дѣло идетъ о цѣломъ народѣ, котораго субстанція глубже и таинственнѣе, чѣмъ субстанція одного частнаго человѣка; но если мы станемъ судить по фактамъ, то должны будемъ заключить, что у французскаго народа нѣтъ эстетическаго чувства. Посмотрите на оба момента французской поэзіи, на классицизмъ и на романтизмъ, и вы увидите, что въ этихъ двухъ противуположностяхъ есть одно общее отсутствіе истинной поэзіи: французскій классицизмъ не есть тотъ греческій классицизмъ, по преимуществу прекрасный, пластическій, спокойный и ясный, какъ вѣрное отраженіе прекраснаго и свѣтлаго міра грековъ: нѣтъ, это есть бѣдное и жалкое подражаніе древнимъ, это есть перенесеніе живого и вѣчно-юнаго не въ эстетическую субстанцію цѣлаго народа, а во вкусъ маленькаго, развращеннаго, гнилого кружка, лишеннаго того чувства безконечнаго, которое составляетъ необходимое условіе всякой поэзіи, и вотъ почему простой міръ грековъ преобразился во Франціи, въ чопорное жеманство, въ пошлую, холодную чувствительность и въ отсутствіе всякой простоты и естественности.—Революція переворотила Францію, и она перешла изъ одной непросвѣтленной односторонности въ другую противуположную ей и точно такъ же непросвѣтленную односторонность: въ романтизмѣ ея точно такое же отсутствіе поэзіи, какъ и въ классицизмѣ; классицизмъ былъ гнилымъ проявленіемъ маленькаго исключительнаго кружка, романтизмъ же есть проявленіе цѣлой непросвѣтленной и неодухотворенной толпы; и вотъ почему новая литература Франціи наполнена кровавыми и соблазительными сценами, и вотъ почему она также наполнена фразами, съ тою только разницею, что фразы

ея классицизма были чопорны и жеманны, а фразы ея романтизма неистовы: гдѣ нѣтъ созерцанія безконечнаго, тамъ необходимо должны быть фразы, а гдѣ нѣтъ живой религіи, тамъ не можетъ быть созерцанія безконечнаго. Французы изъ жеманства впали въ естественность, но не въ одухотворенную, не въ просвѣтленную естественность, а въ отвратительную естественность мяса. И мудрено ли, что при такомъ отсутствіи религіознаго и эстетическаго чувства, которыя составляютъ живую сущность народа,—мудрено ли, что Франція впала въ такое болѣзненное, въ такое мучительное состояніе? Вся жизнь Франціи есть не что иное, какъ сознаніе своей пустоты и мучительное стремленіе наполнить ее чѣмъ бы то ни было, и всѣ средства, употребляемыя ею для наполненія себя, призрачны и безплодны, потому что истинныя безконечныя средства лежатъ въ религіи, въ святомъ откровеніи Божіемъ — въ христіанствѣ, а они не знаютъ и не хотятъ знать христіанства: имъ нужно новое, по словамъ ихъ безбожнаго патріарха Вольтера, который говорилъ:

Il nous faut du nouveau n'en fut-il plus au monde.

Находясь внѣ христіанства, они чувствуютъ потребность религіи и стараются выдумать свою религію, не зная, что религія не отъ рукъ человѣческихъ, а есть откровеніе Божіе, и что внѣ христіанства нѣтъ и не можетъ быть, истинной религіи: вотъ источникъ смѣшного сенъ-симонизма и другихъ религіозныхъ сектъ, если ихъ только можно назвать религіозными. Французы бросаются въ философію, заимствуютъ у англичанъ, у нѣмцевъ и по тому же самому недостатку безконечной субстанціи превращаютъ философію и всякую истину въ пустыя, безсмысленныя фразы, въ произвольность и анархію мышленія и въ стряпаніе новыхъ идеекъ.

Новаго, новаго, старое намъ надоѣло,—вотъ общій девизъ юной Франціи, и это безпрестанное стремленіе отъ

пустого стараго къ пустому новому есть источникъ моды, одной постоянной богини французовъ, и они приносятъ ей въ жертву все, что только есть святого, истинно великаго въ жизни.—И много, много еще пройдетъ времени до тѣхъ поръ, пока Франція не сдѣлается тою великою націею, какою она себя воображаетъ.

Но болѣзнь Франціи не ограничилась Франціею—это отсутствіе религіи, эта внутренняя пустота, эта philosophie du bon sens, распространились далеко за границею ея и составили общую болѣзнь XVIII вѣка. Болѣзнь страшная, мучительная, выходъ изъ которой есть сознаніе своей безконечной пустоты, и великій Байронъ былъ поэтическимъ выразителемъ этого сознанія, этого мучительнаго перехода отъ XVIII вѣка къ XIX, отъ болѣзни къ выздоровленію. Его поэзія есть вопль отчаянія, раздирающій вопль страдающей души, погруженной въ созерцаніе своей пустоты и своего равнодушія ко всему, что есть святого и прекраснаго въ жизни. Это есть глубокая потребность любви, дѣлающая его неспособнымъ привязаться къ конечнымъ благамъ міра сего, и неспособность возвысится надъ конечностью и надъ призрачностью ледяного міра всеумерщвляющаго разсудка.

И выходъ, единственно для него возможный, есть стоицизмъ, окаменѣніе и насильственное равнодушіе пустого Я; жалкій, бѣдный выходъ въ сравненіи съ тѣмъ, который намъ предлагаетъ наша божественная религія, въ сравненіи съ выходомъ въ просвѣтлѣніи посредствомъ и силою благодатной любви, исцѣляющей всѣ раны стремящагося и жаждущаго человѣка.

Эта болѣзнь распространилась, къ несчастію, и у насъ; несмотря на благородныя усилія Жуковскаго и нѣкоторыхъ другихъ писателей, познакомить насъ съ германскимъ міромъ, мы почти всѣ воспитаны на французскій манеръ, на французскомъ языкѣ и французскими мыслями. Нападки на французскихъ гувернеровъ

будутъ не новостію: какому-нибудь портному или сапожнику, выгнанному изъ Франціи голодомъ, потому что онъ и свое ремесло худо знаетъ, повѣрялось воспитаніе дѣтей.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь:
Такъ просвѣщеньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

И эта односторонность, эта пустота нашего домашняго воспитанія, есть главная причина призрачности нашего новаго поколѣнія. Вмѣсто того, чтобъ разжигать въ молодомъ сердцѣ искру Божію, положенную въ него самимъ Провидѣніемъ; вмѣсто того, чтобъ пробуждать въ немъ глубокое религіозное чувство, безъ котораго жизнь не имѣетъ, и не можетъ имѣть, никакого значенія и превращается въ безсмысленное прозябаніе; вмѣсто того, чтобъ образовать въ немъ глубокое эстетическое чувство, которое спасаетъ человѣка отъ всѣхъ грязныхъ, непросвѣтленныхъ сторонъ жизни, вмѣсто всего этого его наполняютъ пустыми, безсмысленными французскими фразами, которыя убиваютъ душу въ ея зародышѣ и вытѣсняютъ изъ нея все, что въ ней есть святого, прекраснаго. Вмѣсто того, чтобъ пріучать молодой умъ къ дѣйствительному труду; вмѣсто того, чтобъ разжигать въ немъ любовь къ знанію, и внушать ему, что знаніе есть само себѣ цѣль, есть источникъ великихъ, неистощимыхъ наслажденій, и что употребленіе его, какъ средства для блистанія въ обществѣ, есть святотатство,—его пріучаютъ къ пренебреженію трудомъ, къ легковѣрности, къ пустой, блестящей болтовнѣ обо всемъ.—И мудрено ли, что подобное воспитаніе образуетъ не крѣпкаго и дѣйствительнаго русскаго человѣка, преданнаго царю и отечеству, а что-то такое среднее, безцвѣтное и безхарактерное? И еще разъ повторяю: вотъ источникъ нашей общей болѣзни, нашей призрачности! Разверните, какое вамъ угодно, собраніе русскихъ стихотвореній и посмотрите,

что составляетъ, а особливо составляло, пищу для ежедневнаго вдохновенія нашихъ самозванцевъ-поэтовъ: безсильное и слабое прекраснодушіе. Одинъ объявляетъ, что онъ не вѣритъ въ жизнь, что онъ разочарованъ; другой, что онъ не вѣритъ дружбѣ, третій, что онъ не вѣритъ любви, четвертый, что онъ хотѣлъ бы сдѣлать счастіе своихъ собратій-людей, но что они его не слушаютъ и что онъ оттого очень несчастливъ.—Но оставимъ этихъ призрачныхъ поэтовъ призрачнаго самоосклабленія и обратимъ свое вниманіе на великаго Пушкина, на этого чисто-русскаго генія, разсмотримъ главные моменты его жизни—и мы увидимъ въ его развитіи удивительную логическую послѣдовательность. Онъ также получилъ ложное, призрачное воспитаніе и былъ нѣкоторое время въ томъ состояніи, которое онъ такъ ясно, такъ могущественно описалъ въ своемъ «Онѣгинѣ»; онъ также началъ прекраснодушною борьбою съ дѣйствительностію, и прошелъ черезъ долгія и мучительныя испытанія. Борьба и примиреніе съ дѣйствительностью дорого стоили ему: борьба съ дѣйствительностью должна была повергнуть его въ отчаяніе, потому что дѣйствительность всегда побѣждаетъ, и человѣку остается или помириться съ нею и сознать себя въ ней и полюбить ее, или самому разрушиться — и посмотрите, какъ было глубоко отчаяніе Пушкина:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ оковалъ?..
Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Но Пушкинъ не могъ долго оставаться въ этой призрачности: его геніальная субстанція вырвала его изъ этой безконечной пустоты духа и насильно вела его къ примиренію съ дѣйствительностью.

За этимъ отчаяніемъ, за этою сухостью духа, послѣдовала тихая, благотворная грусть, какъ свѣтлый лучъ неба, какъ вѣстница очищенія и просвѣтлѣнія, и онъ выразилъ свое преображеніе въ этихъ прекрасныхъ стихахъ:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать:
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ-быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Да, грусть есть начало просвѣтлѣнія духа: она освѣжаетъ душу, она есть начало вѣры, начало любви; грусть есть начало выздоровленья, и Пушкинъ скоро выздоровѣлъ: въ то самое время, какъ всѣ думали, что его поэтическій геній угасъ, потухъ, подъ тяжестью свѣтскихъ заботъ, онъ совершалъ свое великое примиреніе съ дѣйствительностью, и его послѣднія произведенія, напечатанныя въ «Современникѣ», торжественно доказываютъ это.

Да, счастіе не въ призракѣ, не въ отвлеченномъ снѣ, а въ живой дѣйствительности; возставать противъ дѣйствительности и убивать въ себѣ всякій живой источникъ жизни — одно и то же; примиреніе съ дѣйствительностью, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени, и

Гегель и Гёте — главы этого примиренія, этого возвращенія изъ смерти въ жизнь. Будемъ надѣяться, что наше новое поколѣніе также выйдетъ изъ призрачности, что оно оставитъ пустую и безсмысленную болтовню, что оно сознаетъ, что истинное знаніе и анархія умовъ и произвольность въ мнѣніяхъ совершенно противуположны, что въ знаніи царствуетъ строгая дисциплина и что безъ этой дисциплины нѣтъ знанія. Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится, наконецъ, съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью, и что, оставивъ всѣ пустыя претензіи на геніальность, оно ощутитъ, наконецъ, въ себѣ законную потребность быть дѣйствительными русскими людьми.

Гегель возстаетъ противъ самолюбивой и смѣшной увѣренности нашего времени, что можно быть философами и учеными безъ всякаго труда и усилія; говоритъ, что эта глупая увѣренность, завлекая слабыхъ людей, отрываетъ ихъ отъ всякаго другого поприща, на которомъ они могли бы быть дѣйствительными и полезными людьми. Для доказательства этого, мы перевели три рѣчи изъ говоренныхъ имъ на публичныхъ актахъ Нюрнбергской гимназіи, изъ которыхъ одна, по распоряженію редакціи, помѣщается здѣсь, а другая предназначена для слѣдующей книжки «Наблюдателя».

Михаилъ Бакунинъ.

2.

Статья изъ журнала „Deutsche Jahrbücher“: Реакція въ Германіи [1]).

Свобода, завоеваніе свободы—кто можетъ отрицать, что въ этомъ заключается ближайшая задача, которую ставитъ предъ нами исторія? Друзья и враги должны будутъ согласиться съ этимъ, такъ какъ никто вѣдь не

[1]) Эта замѣчательная статья М. Бакунина была помѣщена въ №№ 244 и 251 дрезденской радикальной газеты «Deutsche Jahrbücher» издававшейся лѣвымъ гегеліанцемъ Арнольдомъ Руге, въ 1842 г.

рѣшится смѣло и открыто признать себя врагомъ свободы. Но, къ сожалѣнію, существуетъ множество людей, у которыхъ свобода только на языкѣ, въ глубинѣ же души они не вѣрятъ въ свободу и не хотятъ ея. Ради пользы дѣла свободы стоитъ остановиться съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ они того заслуживаютъ, на нѣкоторыхъ разновидностяхъ подобнаго сорта людей. Къ этой категоріи принадлежатъ прежде всего высокопоставленныя, пожилыя и умудренныя опытомъ особы; въ своей молодости они тоже были дилетантами политической свободы, потому что для богатаго и знатнаго человѣка есть нѣкоторое пикантное наслажденіе въ томъ, чтобы говорить о свободѣ и равенствѣ, что дѣлаетъ его къ тому же вдвойнѣ интереснымъ въ обществѣ. Когда же это настроеніе проходитъ вмѣстѣ съ способностью къ юношескому наслажденію жизнью, они стараются скрыть свое физическое и умственное убожество подъ покровомъ словъ «жизненный опытъ», которыми такъ часто злоупотребляютъ. Безразсудно было бъ пытаться убѣдить ихъ въ чемъ-нибудь. Они никогда не смотрѣли серьезно на свободу, и свобода никогда не была для нихъ религіей, дающей величайшее наслажденіе и глубочайшее блаженство лишь въ концѣ тяжелаго, скорбнаго пути, требующаго безусловнаго самоотреченія. Ихъ можно просто скинуть со счетовъ, такъ какъ къ тому же они стары и волей-неволей скоро умрутъ.

Но, къ несчастію, есть много молодыхъ людей, которые раздѣляютъ съ ними тѣ же убѣжденія или, скорѣе, тотъ же недостатокъ всякихъ убѣжденій. Эти люди принадлежатъ большею частью или къ аристократіи, политически уже сыгравшей свою роль въ Германіи, или къ высшей буржуазіи и чиновничеству. Они такъ же мертвы для свободы, какъ и первые, даже болѣе, такъ какъ у первыхъ въ началѣ поприща была хоть тѣнь жизни, а эти пришли въ міръ гальванизированными трупами. Погруженные съ головой въ свои

мелочные интересы наживы или тщеславія, вполнѣ захваченные повседневными заботами, они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о жизни, о томъ, что происходитъ вокругъ нихъ, такъ что если бы имъ не пришлось слышать въ школѣ кое-что объ исторіи и о развитіи человѣческаго духа, то они навѣрное думали бы, что міръ никогда не былъ инымъ, чѣмъ онъ есть теперь. Это натуры безцвѣтныя, призрачныя; онѣ не могутъ принести ни вреда ни пользы; съ ихъ стороны намъ опасаться нечего, потому что только живое можетъ дѣйствовать, намъ же некогда терять время, чтобы хоронить мертвецовъ.

Но есть третья категорія—это противники самаго принципа революціи: члены *реакціонной партіи*, возникшей въ Европѣ послѣ реставраціи и наложившей свою печать на всѣ проявленія человѣческаго духа.

Въ политикѣ вліяніе этой партіи сказалось *консерватизмомъ*, въ юридической наукѣ реакція создала такъ называемую *историческую школу* и въ умозрительной наукѣ—*позитивную философію*. Съ людьми этой партіи мы принуждены бороться; было бы глупо съ нашей стороны игнорировать ихъ и дѣлать видъ, какъ будто мы не придаемъ имъ значенія. Наоборотъ, мы откровенно сознаемся, что эта партія теперь господствуетъ повсюду и является правящей, и еще болѣе того: мы признаемъ, что ея настоящее могущество не есть игра случая, а имѣетъ свою глубокую причину въ развитіи современнаго духа. Вообще происхожденія ни одной изъ движущихъ силъ исторіи я не приписываю случайности; исторія есть свободное, но въ то же время и необходимое развитіе свободнаго духа; и, называя случайнымъ настоящее господство реакціонной партіи, я оказалъ бы этимъ плохую услугу демократическому символу вѣры, который основывается единственно на безусловной свободѣ духа, несовмѣстимой съ случайностью или произволомъ. Ложное успокоеніе было бы

для насъ тѣмъ болѣе опасно, что мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще очень далеки отъ пониманія истиннаго положенія вещей, и часто въ невѣдѣніи дѣйствительнаго источника нашей силы и истинной природы нашего врага мы или совершенно теряемъ мужество, удрученные печальной картиной повседневности, или—что, можетъ-быть, еще хуже, такъ какъ удрученное состояніе все равно не можетъ долго длиться у живого человѣка,—мы предаемся непонятному мальчишескому и безплодному задору. Ничто не можетъ быть полезнѣе для демократической партіи, какъ откровенное сознаніе ея мгновенной слабости и относительной силы ея противника; только обладая правильнымъ представленіемъ о своихъ силахъ, можетъ она спуститься съ заоблачныхъ высотъ утопіи къ реальной дѣйствительности, въ условіяхъ которой она должна жить, страдать и въ концѣ-концовъ побѣдить. Вслѣдствіе яснаго сознанія своихъ силъ, ея воодушевленіе сдѣлается болѣе стойкимъ и цѣлесообразнымъ; и только тогда, когда изъ болѣзненныхъ соприкосновеній съ дѣйствительностью она извлечетъ ясное представленіе о своей цѣли и о своихъ обязанностяхъ, когда изъ безконечныхъ затрудненій, которыя повсюду стоятъ на ея пути и вытекаютъ не только изъ обскурантизма ея противника, какъ она часто склонна думать, но и изъ сложности человѣческихъ интересовъ,—демократическая партія выяснитъ недостатки, она пойметъ, что ея врагъ находится не внѣ, а въ ней самой, и что она должна начать съ побѣды надъ этимъ внутреннимъ врагомъ; только когда она убѣдится въ томъ, что задача демократіи заключается не въ оппозиціи существующимъ правительствамъ, не въ борьбѣ за конституцію или политико-экономическія реформы, которыя всегда есть компромиссъ, а въ полномъ разрушеніи существующаго строя и въ созданіи на его развалинахъ новой жизни, никогда не виданной въ исторіи; только когда она пой-

метъ, что идея демократіи есть идея религіозная, и что, какъ таковой, ею должны быть проникнуты не только мысли, но также и чувства и поступки—все до мельчайшихъ появленій жизни,—только тогда демократическая партія побѣдитъ міръ.

Слѣдовательно, мы должны откровенно сознаться, что настоящая сила реакціонной партіи не случайна, а необходима; причина этого лежитъ не въ недостаткахъ демократическаго принципа (послѣдній заключается въ осуществленіи среди людей свободы и равенства и есть, слѣдовательно, самое завѣтное, всеобщее и всеобъемлющее, однимъ словомъ, единственное себѣ довлѣющее свойство духа), но въ недостаткахъ демократической партіи, въ сознаніи которой еще не выяснились положительные элементы, вытекающіе изъ основного принципа, и она поэтому существуетъ только *какъ отрицаніе* реальной дѣйствительности. Какъ таковое, какъ только отрицаніе, она несомнѣнно имѣетъ всю полноту жизни внѣ себя, полноту, которую она не можетъ развить изъ своего принципа, ею самою понимаемаго почти отрицательно.

Поэтому она до сихъ поръ только партія, а не живая дѣйствительность, будущее, а не настоящее. Уже то, что демократы образуютъ только партію, и къ тому же, какъ то видно по всѣмъ ея выступленіямъ, партію слабую, и что они, какъ партія, заставляютъ предполагать существованіе другой, противоположной имъ сильной партіи, уже это одно должно было бы навести ея членовъ на мысль о наличности какого-то существеннаго внутренняго несовершенства. По своей сущности, по своему принципу демократическая партія должна представлять нѣчто всеобщее, всеобъемлющее; въ дѣйствительсти же какъ партія, она есть только *отрицательное* внѣбытіе, чему противостоитъ другое положительное внѣбытіе. Все значеніе и неудержимое стремленіе отрицательнаго заключается въ томъ, чтобы

погубить положительное, но вмѣстѣ съ положительнымъ оно губитъ и себя, поскольку то и другое адэкватно по формѣ. Демократизмъ не существуетъ еще какъ себѣ довлѣющая самосущность, онъ существуетъ лишь какъ отрицаніе положительнаго и поэтому въ такой несовершенной формѣ онъ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ положительнымъ, чтобы обновленнымъ свободно возродиться во всей своей жизненной полнотѣ. И это внутреннее измѣненіе демократической партіи не будетъ только количественной перемѣной, т.-е. не только выходить изъ ея нынѣшняго обособленнаго и поэтому безплоднаго существованія—сохрани Богъ!—конечнымъ результатомъ подобной поверхностной метаморфозы было бы абсолютное ничтожество,—нѣтъ, рѣчь идетъ о качественномъ измѣненіи въ самой сущности; рѣчь идетъ о новомъ животворящемъ откровеніи, о новомъ небѣ и новой землѣ, юномъ и чудесномъ мірѣ, въ которомъ всѣ нынѣшніе диссонансы разрѣшатся въ гармоническомъ единствѣ.

Еще менѣе можно помочь несовершенству демократической партіи, устранивъ односторонность ея существованія, какъ партіи, посредствомъ компромисса съ положительнымъ; это было бы тщетнымъ усиліемъ, потому что положительное и отрицательное разъ и навсегда несовмѣстимы другъ съ другомъ; отрицательное, взятое отдѣльно само по себѣ, какъ противоположность положительному, кажется безсодержательнымъ и безжизненнымъ, и эта кажущаяся безсодержательность есть главный упрекъ, который реальные политики дѣлаютъ демократамъ; но упрекъ этотъ основывается лишь на недоразумѣніи, потому что отрицательное, какъ нѣчто отдѣльное, было бы ничто; оно существуетъ только какъ противоположность положительнаго; все его жизненное содержаніе заключается только въ разрушеніи положительнаго. «Революціонная пропаганда,—говоритъ Пентархистъ,—по своему внутреннему содер-

жанію есть отрицаніе существующаго государственнаго строя и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ разрушеніемъ существующаго». Но возможно ли, чтобы нѣчто, вся жизнь котораго есть одно разрушеніе, могло бы вступить въ мирное сожительство съ объектомъ своей разрушительной дѣятельности? Такъ могутъ думать только равнодушные межеумки, не относящіеся серьезно ни къ положительному, ни къ отрицательному.

Реакціонная партія раздѣляется теперь внутри самой себя на два главные отдѣла: на чистыхъ, послѣдовательныхъ реакціонеровъ и на реакціонеровъ непослѣдовательныхъ, склонныхъ къ компромиссамъ; первые принимаютъ противоположность во всей чистотѣ; они ясно сознаютъ, что положительное и отрицательное точно такъ же не допускаютъ между собой посредниковъ, какъ огонь и вода, и такъ какъ они не видятъ въ отрицательномъ никакихъ положительныхъ свойствъ и, слѣдовательно, не могутъ понять цѣнности отрицательнаго, то совершенно правильно заключаютъ изъ этого, что отрицательное должно быть искоренено, а положительное должно поддерживаться всѣми находящимися въ его распоряженіи силами. При этомъ они не видятъ, что положительное только до тѣхъ поръ остается тѣмъ положительнымъ, которое они защищаютъ, пока ему противопоставляется отрицательное, и что, слѣдовательно, оно, въ случаѣ полной побѣды надъ отрицательнымъ, будетъ уже вовсе не положительнымъ, а скорѣе довершеніемъ отрицательнаго; что они этого не видятъ, для нихъ простительно,—такъ какъ слѣпота составляетъ главную характерную черту всего положительнаго, а проницательность свойственна только отрицательному. Въ наше скверное время, когда столь многіе стараются закрыть глаза на неизбѣжные выводы изъ основныхъ принциповъ ихъ подленькаго міросозерцанія, чтобы сохранить видимость порядочности

и избѣгнуть презрѣнія передовыхъ элементовъ общества, надо быть очень благодарными этимъ господамъ. Они искренни, честны, они хотятъ быть вполнѣ людьми. Много говорить съ ними не приходится, потому что они глухи къ доводамъ разума и даже вовсе не хотятъ ихъ слушать. Не легка ихъ жизнь теперь, когда повсюду распространился анализирующій ядъ отрицательнаго,—имъ становится все труднѣе и труднѣе держаться въ сферѣ абсолютно положительнаго, такъ какъ имъ приходится бояться даже самихъ себя, логики своего собственнаго разума, благодаря которой малѣйшая попытка доказать свои убѣжденія обращается въ опроверженіе послѣднихъ. Они очень хорошо сознаютъ все это, и потому бранятся тамъ, гдѣ они должны были бы доказывать; и все-таки они честные и цѣльные люди, или, вѣрнѣе, они хотятъ быть честными и вполнѣ цѣльными людьми; такъ же, какъ и мы, они ненавидятъ все половинчатое, потому что они знаютъ, что только цѣльный человѣкъ можетъ быть добрымъ и честнымъ, половинчатость же есть источникъ всякихъ гнусностей.

Эти фанатическіе реакціонеры обвиняютъ насъ въ ереси; если бы было возможно, они бы, можетъ-быть, вызвали подземную силу инквизиціи изъ арсеналовъ исторіи, чтобы употребить ее противъ насъ; они отказываютъ намъ во всемъ добромъ, во всемъ человѣчномъ; они видятъ въ насъ воплощенныхъ антихристовъ, противъ которыхъ всякое средство дозволено. Будемъ ли мы платить имъ тою же самою монетой? Нѣтъ, это было бы недостойно насъ и того великаго дѣла, которому мы служимъ. Великіе принципы, на служеніе которымъ мы себя посвятили, даютъ намъ между многими другими привилегіями цѣнное преимущество быть справедливыми и безпристрастными, нисколько не вредя этимъ нашему дѣлу. Все одностороннее и партійное не можетъ пользоваться истиной какъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, такъ какъ истина по

своему существу есть отрицаніе всякой односторонности; и фанатизмъ и ненависть—необходимые атрибуты всякой партійности и односторонности, потому что ни то ни другое не можетъ утвердиться иначе, какъ насильственнымъ уничтоженіемъ всѣхъ другихъ, ему противоположныхъ и такихъ же полноправныхъ односторонностей. Уже однимъ своимъ существованіемъ односторонность предполагаетъ существованіе другихъ односторонностей, и, однако, по сущности своей природы, она должна ихъ исключить, чтобы удержаться самой. Это противорѣчіе есть проклятіе, тяготѣющее надъ нею, прирожденное проклятіе, превращающее всѣ свойственныя человѣку, какъ таковому, добрыя чувства въ ихъ прямую противоположность.

Мы несравненно счастливѣе въ этомъ отношеніи. Какъ партія, мы стоимъ противъ реакціонныхъ партій и сражаемся съ ними; въ пылу борьбы и въ насъ также пробуждаются всѣ дурныя страсти; поскольку мы принадлежимъ къ партіи, мы также очень часто бываемъ пристрастны и несправедливы; но вѣдь мы не только противоположная положительнымъ отрицательная партія; наша партія, кромѣ того, является носительницей всеобъемлющаго принципа безусловной свободы, который заключаетъ въ себѣ все доброе, что только есть въ положительномъ, и который возвышается какъ надъ положительнымъ, такъ и надъ нами самими, какъ партіей. Какъ партія, мы занимаемся только политикой; и у насъ не было бы никакого преимущества надъ партіей реакціонной, не лежи въ основѣ нашей дѣятельности великій принципъ свободы. Поэтому мы, хотя бы изъ чувства самосохраненія, должны оставаться вѣрными нашему принципу, какъ единственному основанію нашей силы и нашей жизни, т.-е. мы должны непрестанно одухотворять прозу повседневной политической жизни религіознымъ духомъ всеобъемлющаго принципа свободы.

Не только политично должны мы поступать, но все наше поведеніе должно быть также и религіозно, религіозно въ смыслѣ свободы, единственное истинное выраженіе которой есть справедливость и любовь. Да, намъ однимъ, называемымъ врагами христіанской религіи, намъ однимъ предоставлено и даже вмѣнено въ высокую обязанность, даже въ пылу самой жаркой борьбы, осуществлять возвышеннѣйшую заповѣдь Христа, составляющую истинную сущность христіанства.

Итакъ, будемъ справедливы и къ нашимъ врагамъ и признаемъ, что они *дѣйствительно стремятся* желать добра, даже что они по своей природѣ призваны къ добру, къ жизненному творчеству и только благодаря какому-то непонятному злому року уклонились отъ своего истиннаго назначенія. Мы не говоримъ о тѣхъ, которые примкнули къ ихъ партіи только изъ-за матеріальныхъ выгодъ или чтобы дать просторъ своимъ дурнымъ страстямъ. Къ несчастію, есть много Тартюфовъ во всѣхъ партіяхъ; но мы говоримъ только объ искреннихъ сторонникахъ «реальной политики».

Въ абсолютномъ принципѣ свободы многіе видятъ лишь холодную и трезвую абстрактность, исключающую все живое, прекрасное, святое. Распространенію этого взгляда не мало способствовали его трезвые и сухіе защитники. Они забываютъ, что этотъ принципъ нельзя смѣшивать съ его настоящимъ, призрачнымъ, только отрицательнымъ бытіемъ, и что онъ можетъ побѣдить и восторжествовать только, какъ живое самоутвержденіе, имѣющее уничтожить какъ отрицательное, такъ и положительное. Они думаютъ, что отрицательное стремится распространиться какъ таковое, и полагаютъ, въ чемъ съ ними вполнѣ согласны и мы, что распространеніе его было бы опошленіемъ всего духовнаго міра; въ то же время непосредственное чувство влечетъ ихъ къ живой, полной жизни, и такъ какъ въ отрицательномъ они находятъ только опошленіе ея, то они воз-

вращаются назадъ къ прошедшему, къ тому прошедшему, какимъ оно было еще до возникновенія противоположенія между отрицательнымъ и положительнымъ. Они правы, поскольку это прошедшее было дѣйствительно живымъ и цѣлостнымъ, и какъ таковое оно кажется гораздо богаче и жизненнѣе, чѣмъ разрозненное настоящее; но ихъ великая ошибка состоитъ въ томъ, что они полагаютъ, будто бы они могутъ возстановить въ настоящемъ эту прошедшую жизненность; они забываютъ, что цѣлостность минувшаго для нихъ существуетъ теперь лишь подъ видомъ анализирующаго и расколотаго рефлекса нынѣ существующаго, неизбѣжнаго и возникшаго изъ самого себя противорѣчія, и что какъ цѣлостность, она есть только бездушный, т.-е. предоставленный механическому и химическому процессу разложенія, трупъ самой себя. Какъ приверженцы слѣпого позитивизма, они не понимаютъ этого; но какъ живые по своей натурѣ люди, они очень хорошо чувствуютъ безнадежность своего положенія, и такъ какъ имъ чуждо сознаніе, что уже самымъ фактомъ своей положительности они обусловливаютъ существованіе отрицательнаго, то они сваливаютъ всю отвѣтственность за раздирающее ихъ противорѣчіе и за невозможность удовлетворить свойственное и имъ стремленіе къ жизни и правдѣ—на отрицательное. Это необходимый внутренній процессъ во всякомъ послѣдовательномъ позитивистѣ [1]); поэтому я и говорю, что они поистинѣ достойны сожалѣнія, такъ какъ источникъ ихъ стремленій почти всегда честный.

Позитивисты-оппортюнисты занимаютъ совсѣмъ другое положеніе. Они отличаются отъ послѣдовательныхъ,

---

1) Позитивистами обыкновенно называютъ послѣдователей Огюста Конта, но Бакунинъ употребляетъ это слово въ его грамматическомъ смыслѣ: позитивисты, т.-е. положительные приверженцы и защитники существующаго строя въ противоположность отрицательнымъ — «демократамъ», стремящимся его свергнуть.

съ одной стороны, тѣмъ, что еще болѣе, чѣмъ послѣдніе, изъѣдены рефлективной болѣзнью времени, и не только не отвергаютъ безусловно отрицательное, какъ абсолютное зло, но готовы даже признать за нимъ относительное, временное право на существованіе; съ другой стороны, имъ недостаетъ той прямоты, которой отличаются послѣдовательные, безпощадные позитивисты въ своихъ поступкахъ и сужденіяхъ, и которую мы отмѣтили какъ признакъ цѣльной и честной натуры. Точку зрѣнія оппортюнистовъ мы можемъ, наоборотъ, назвать точкой зрѣнія теоретической нечестности, я говорю — теоретической, потому что очень желалъ бы избѣжать всякаго личнаго обвиненія въ нечестности практической, и потому что я не думаю, чтобы личная злая воля могла тормозить развитіе духа; хотя нужно сознаться, что теоретическая нечестность, по необходимости, почти всегда переходитъ въ практическую.

Позитивисты-оппортюнисты умнѣе и проницательнѣе, чѣмъ послѣдовательные; они—мудрецы, теоретики par excellence, и въ ихъ рукахъ всѣ нити реальной политики. Мы могли бы примѣнить къ нимъ то, что въ началѣ іюльской революціи было сказано въ одной французской газетѣ о представителяхъ центра (juste-milieu): «Лѣвая говоритъ: дважды два четыре, правая говоритъ: дважды два шесть, а центръ говоритъ: дважды два пять». Но они разсердились бы на насъ за это, и поэтому попытаемся изслѣдовать ихъ запутанную и многосложную сущность со всею серьезностью и съ глубочайшимъ почтеніемъ передъ ихъ мудростью. Съ ними гораздо труднѣе справиться, чѣмъ съ послѣдовательными; эти послѣдніе знаютъ и въ ясныхъ выраженіяхъ говорятъ о томъ, чего хотятъ; такъ же, какъ и мы, они ненавидятъ всякую неопредѣленность, всякую неясность, потому что они, какъ практическія, энергичныя натуры, могутъ свободно дышать только

въ чистомъ и ясномъ воздухѣ. Съ оппортюнистами дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: они хитры, о, они мудры! Они никогда не позволяютъ непосредственному порыву къ истинѣ разрушить искусственное зданіе ихъ теорій; они слишкомъ опытны, слишкомъ умны, чтобы снизойти до того, чтобы прислушиваться къ голосу простой человѣческой совѣсти. Съ высоты своей точки зрѣнія они смотрятъ на нее сверху внизъ, и когда мы говоримъ, что только простое истинно и жизненно, такъ какъ только ему одному присуща творческая сила, то они, наоборотъ, утверждаютъ, что истинно только сложное, потому что имъ стоило величайшаго труда собрать все вмѣстѣ, и еще потому, что сложность производимыхъ ими комбинацій—единственный признакъ, по которому ихъ, умныхъ людей, можно отличить отъ глупой и необразованной черни. Съ ними очень трудно справиться уже потому, что имъ все извѣстно; потому, что, какъ опытные люди, они считаютъ непростительною слабостью удивляться чему-нибудь; потому что со своими разсужденіями они проникли во всѣ уголки физической и духовной вселенной, и главнымъ образомъ потому, что они, послѣ этого долгаго и труднаго рефлективнаго путешествія, пришли къ убѣжденію, что міръ реальный, дѣйствительная жизнь не заслуживаютъ того, чтобы съ ними считаться. Прійти съ этими людьми къ какому-нибудь опредѣленному соглашенію трудно, почти невозможно, потому что они, какъ нѣмецкія конституціи, правой рукой берутъ назадъ то, что даютъ лѣвой; они никогда не отвѣчаютъ «да» или «нѣтъ», они говорятъ: «*нѣкоторымъ образомъ* вы правы, *но, однако*»... а когда имъ нечего уже больше сказать, то они говорятъ: «Да, это дѣло щекотливое».

И все-таки мы попытаемся войти съ ними въ сношенія. Партія оппортюпистовъ, несмотря на свою внутреннюю неустойчивость и неспособность произвести

что-нибудь изъ самой себя, въ настоящее время партія сильная, даже сильнѣйшая, само собою разумѣется, по своей многочисленности, а не по содержанію; она представляетъ одно изъ самыхъ важныхъ знаменій времени, и потому нельзя ее игнорировать и обходить.

Вся ихъ мудрость состоитъ въ томъ, что они утверждаютъ, что два противоположныя направленія уже какъ таковыя односторонни и поэтому невѣрны; если же два члена противоположенія сами по себѣ, отвлеченно взятые, не вѣрны, то надо установить между ними посредничество, чтобы достигнуть истины. Это разсужденіе кажется почти неопровержимымъ; вѣдь мы сами согласились, что отрицательное, если оно противопоставлено положительному и въ этомъ противоположеніи ссылается на себя, то оно односторонне; не должно ли изъ этого необходимо слѣдовать, что оно имѣетъ въ положительномъ свое существенное дополненіе? И не правы ли оппортюнисты, желая установить связь между положительнымъ и отрицательнымъ? Да, если эта комбинація возможна. Но дѣйствительно ли она возможна?..»

Далѣе Бакунинъ доказываетъ невозможность этой комбинаціи, анализируя «логическую природу противоположенія». Мы выпускаемъ эти туманныя и длинныя разсужденія гегеліанца, какъ не убѣдительныя, и переходимъ прямо къ его окончательному выводу.

...«Разрушеніе и разложеніе положительнаго, вотъ единственно возможное взаимоотношеніе положительнаго съ отрицательнымъ, составляющее имманентную совокупность движенія и движущую силу противоположенія; всякія попытки установить между ними какую-нибудь иную связь безплодны, и каждый, имѣющій поползновеніе къ посредничеству между положительнымъ и отрицательнымъ, доказываетъ этимъ, что онъ не проникся духомъ времени, а слѣдовательно, или глупъ или лишенъ убѣжденій, потому что человѣкъ только

тогда уменъ и нравственень, когда онъ вполнѣ предается этому духу и проникается имъ. Противоположеніе цѣлостно и истинно, съ этимъ согласны даже посредствующіе оппортунисты, и какъ цѣлостное, оно жизнедѣятельно, и энергія его всеобъемлющей жизненности заключается именно, какъ мы только что видѣли, въ этомъ безпрерывномъ самосожженіи положительнаго на очистительномъ огнѣ отрицательнаго.

Что же дѣлаютъ оппортунисты? Они соглашаются съ нами во всемъ этомъ, они признаютъ цѣлокупность противоположенія такъ же, какъ и мы, но только отнимаютъ у него его активность, его жизненность, всю его душу, или, лучше сказать, только хотятъ отнять, потому что жизненность противоположенія есть реальная, несокрушимая сила, которую они, съ ихъ половинчатыми и безсильными душами, не въ силахъ ни задержать, ни задушить. Положительное, какъ мы сказали и доказали, взятое само по себѣ, не имѣетъ права на существованіе, оно пріобрѣтаетъ его лишь постольку, поскольку оно вызываетъ жизнедѣятельность отрицательнаго, вступая съ нимъ въ коллизію, и превращаясь такимъ образомъ въ отрицаніе отрицательнаго.

Эту-то дѣятельность отрицанія, до которой возвышаются позитивисты, руководимые присущей всѣмъ живымъ натурамъ силою противоположенія, составляющею ихъ единственное оправданіе и единственное проявленіе ихъ жизненной энергіи,—именно эту дѣятельность отрицанія оппортунисты и хотятъ у нихъ отнять. Вслѣдствіе непостижимаго злого рока, или скорѣе вслѣдствіе злосчастнаго отсутствія убѣжденій и полнаго практическаго безсилія, они цѣнятъ въ позитивистахъ именно то, что въ нихъ умерло, сгнило, и ждетъ только погребенія, и отвергаютъ то, что жизнеспособно: активную борьбу съ отрицательнымъ, живое проявленіе въ нихъ противоположенія.

Они говорятъ положительнымъ: «Господа, вы правы, охраняя гнилые и высохшіе остатки старины; такъ хорошо и пріятно живется въ этихъ развалинахъ, въ этомъ противномъ разуму мірѣ-рококо, воздухъ котораго такъ же здоровъ для вашихъ чахоточныхъ умовъ, какъ воздухъ скотнаго двора для чахоточнаго тѣла; что касается насъ, то мы съ величайшею радостью поселились бы въ вашемъ мірѣ,—въ мірѣ, руководимомъ не разумомъ, не живой человѣческой волей, а окаменѣвшими, неподвижными традиціями,—въ мірѣ, идеаломъ котораго является Китай, съ его мандаринами и бамбуковыми палками! Но что дѣлать, господа! Времена настали скверныя; наши общіе враги—отрицатели, заняли много мѣста; мы ненавидимъ ихъ такъ же, а можетъ-быть, еще болѣе, чѣмъ вы сами, такъ какъ они въ своей необузданности позволяютъ себѣ презирать насъ; но они стали сильны, и надо волей-неволей считаться съ ними, чтобы не быть совершенно уничтоженными; не будьте же такъ фанатичны, господа, отведите и имъ небольшой уголокъ; что за бѣда, если въ вашемъ историческомъ музеѣ они займутъ мѣсто нѣкоторыхъ, хотя и очень почтенныхъ, но совершенно сравнявшихся съ землей развалинъ? Повѣрьте намъ: вполнѣ осчастливленные честью, которую вы имъ этимъ окажете, они будутъ держать себя въ вашемъ почтенномъ обществѣ очень скромно и спокойно; такъ какъ это вѣдь всего только молодые люди, озлобленные противъ нашего безпечальнаго житья нуждой и лишеніями, которые потому такъ кричатъ и дѣлаютъ столько шума, что надѣются этимъ добиться нѣкотораго значенія и занять болѣе выгодное положеніе въ обществѣ».

Потомъ они обращаются къ отрицательнымъ и говорятъ имъ: «Господа, ваши стремленія благородны! Мы понимаемъ ваше юношеское увлеченіе благородными принципами и питаемъ къ вамъ величайшую симпатію; но повѣрьте намъ, благородные принципы

непримѣнимы во всей своей чистотѣ къ жизни; для жизни необходима нѣкоторая доза эклектизма; міромъ нельзя овладѣть тѣмъ способомъ, на который вы разсчитываете; чтобы управлять имъ, нужно дѣлать ему уступки; иначе вы ничего не добьетесь въ свѣтѣ». И, какъ польскіе евреи, о которыхъ разсказываютъ, что во время послѣдняго возстанія они хотѣли въ одно и то же время служить обѣимъ воюющимъ сторонамъ, какъ полякамъ, такъ и русскимъ, при чемъ и тѣ и другіе ихъ вѣшали,—такъ и эти несчастные мучатся надъ неразрѣшимой задачей соединить несоединимое, и въ благодарность получаютъ отъ обѣихъ партій презрѣніе. Жаль только, что въ наше сентиментальное время нельзя примѣнить къ нимъ законъ Солона.

Все это фразы, возразятъ мнѣ; оппортунисты по большей части люди почтенные и научно образованные. «Между нами есть много всѣми уважаемыхъ и высокопоставленныхъ лицъ, а вы выставили насъ людьми безъ убѣжденій!» Но чѣмъ же я виноватъ, если это дѣйствительно такъ? Я не хочу задѣвать ничьей личности; внутренняя жизнь индивида—для меня неприкосновенная святыня, нѣчто несоизмѣримое, о чемъ я никогда не позволю себѣ судить; эта внутренняя жизнь можетъ имѣть для самого индивида безконечное значеніе; для внѣшняго же міра, она имѣетъ цѣнность лишь постольку, поскольку она выражается въ той или иной дѣятельности; каждый человѣкъ есть въ дѣйствительсти то, чему онъ служитъ; чернаго же я никакъ не могу назвать бѣлымъ.

Да, возразятъ мнѣ, вамъ кажутся ихъ усилія черными или, скорѣе, сѣрыми; на дѣлѣ же они желаютъ и имѣютъ въ виду только прогрессъ и содѣйствуютъ ему гораздо больше, чѣмъ вы сами, такъ какъ дѣйствуютъ обдуманно, а не такъ, какъ демократы, которые задорно хотятъ взорвать весь міръ. Но мы видѣли, что такое этотъ мнимый прогрессъ, который будто бы

имѣютъ въ виду постепеновцы; мы видѣли, что они собственно не хотятъ ничего другого, какъ только задушить единственный живой принципъ нашей столь бѣдной современности; они хотятъ задушить творческій и чреватый грядущимъ принципъ анализирующаго движенія; они такъ же хорошо, какъ и мы, видятъ, что наше время есть время противоположенія; они соглашаются съ нами, что общество въ современномъ состояніи безсилія и разрозненности обречено на вырожденіе; и вмѣсто того, чтобы завершеніемъ противоположенія создать новую, утверждающую и создающую дѣйствительность, они хотятъ вѣчно поддерживать это жалкое и безплодное существованіе посредствомъ безконечной постепенности. Развѣ это прогрессъ? Они говорятъ положительнымъ: «Поддерживайте старое, но позвольте въ то же время отрицательнымъ постепенно разрушать его»,—а отрицательнымъ: «Разрушайте старое, только не сразу и не совсѣмъ, для того, чтобы вамъ всегда было что дѣлать»; т.-е. «оставайтесь каждый въ своей односторонности; мы же, избранные, сохранимъ для себя наслажденіе жизнью въ ея цѣломъ»,—жалкомъ цѣломъ, которымъ могутъ удовлетвориться только убогіе умы. Они отнимаютъ у противоположенія его движущую практическую душу и радуются, что могутъ распоряжаться съ нимъ по своему усмотрѣнію. Вырисовавшееся во всемъ своемъ величіи противоположеніе нашихъ дней не представляется имъ реальной, практической силой современности, которой каждый живой человѣкъ долженъ отдаться безъ оглядки, чтобы остаться живымъ, а лишь теоретической игрушкой. Они не прониклись духомъ времени, поэтому они безнравственные люди; да именно они, такъ хвастающіеся своею нравственностью — безнравственны, потому что нравственность внѣ душеспасительной церкви свободнаго человѣчества—невозможна. По отношенію къ нимъ

надо повторить то, что сказано въ Апокалипсисѣ по адресу оппортунистовъ того времени.

«Я знаю твои дѣла, что ты ни холоденъ ни горячъ. Ахъ, если бы ты былъ холоденъ или горячъ!»

«Но такъ какъ ты не холоденъ и не горячъ, а тепелъ, извергну тебя изъ устъ моихъ».

«Ты говоришь: я богатъ, всего у меня вдоволь и я ни въ чемъ не нуждаюсь; а не знаешь того, что ты жалокъ и несчастенъ, бѣденъ, слѣпъ и нагъ».

Но, скажутъ мнѣ, не возвращаетесь ли вы съ вашими, не допускающими компромиссовъ, крайностями назадъ, на абстрактную точку зрѣнія, давно оставленную Шеллингомъ и Гегелемъ? Не самъ ли Гегель, котораго вы такъ высоко цѣните, совершенно справедливо замѣтилъ однажды, что при абсолютномъ свѣтѣ можно видѣть такъ же мало, какъ и въ абсолютной тьмѣ, и что только конкретное взаимодѣйствіе обоихъ дѣлаетъ вообще возможнымъ зрѣніе,—и не заключается ли великая заслуга Гегеля въ сдѣланномъ имъ открытіи, что все живое только потому и живо, что оно имѣетъ свое отрицательное не внѣ себя, а въ самомъ себѣ, какъ имманентное жизненное условіе; и что, если бы оно было только положительно, а отрицаніе имѣло внѣ себя, то оно было бы неподвижно и безжизненно? Это я очень хорошо знаю, господа! Я согласенъ съ вами, что живымъ организмомъ можетъ быть названъ только организмъ, носящій въ себѣ зародышъ смерти; но если ужъ вы хотите цитировать мнѣ Гегеля, то вы должны цитировать его вполнѣ; тогда вы увидите, что отрицательное только до тѣхъ поръ бываетъ жизненнымъ условіемъ даннаго организма, пока оно находится въ гармоническомъ состояніи съ элементами положительными. Когда же наступаетъ моментъ торжества отрицательнаго и послѣднее уже обращается въ самостоятельный принципъ, то этотъ моментъ бываетъ моментомъ смерти даннаго организма, моментомъ, который въ Гегелевской

философіи обозначенъ какъ трансформація природы въ новый качественный міръ, въ свободный міръ духа.

То же самое повторяется въ исторіи. Возьмемъ, напримѣръ, католицизмъ: принципъ теоретической свободы былъ присущъ ему съ самаго начала его существованія; этотъ принципъ былъ источникомъ всѣхъ ересей, которыми былъ такъ богатъ католицизмъ; безъ этого принципа католицизмъ былъ бы неподвиженъ. Такимъ образомъ принципъ свободы былъ въ то же время причиной его жизненности, но только до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ преобладанія надъ остальными элементами католицизма и постепенно не обратился въ протестантизмъ; такимъ образомъ послѣдній проистекаетъ изъ основъ самого католицизма. Но однажды гармонія основныхъ элементовъ была нарушена, и принципъ теоретической свободы возвысился до самостоятельнаго, независимаго бытія: тогда только противоположеніе обнаружилось въ своей чистотѣ, и вы навѣрное знаете, господа,—вы, называющіе себя протестантами, что отвѣтилъ Лютеръ оппортунистамъ своего времени, когда они предложили ему свои услуги.

Вы видите, мое мнѣніе о природѣ противоположенія находитъ себѣ не только логическое, но также и историческое подтвержденіе; но я знаю, что для васъ неубѣдительны никакіе доводы, такъ какъ для васъ ничего не стоитъ исказить и перетолковать факты исторіи въ свою пользу, вопреки непреложному свидѣтельству истины. Не даромъ васъ называютъ штопальщиками.

«Мы еще не побиты,—отвѣтятъ мнѣ, быть-можетъ, оппортунисты,—все, что вы говорите о противоположеніи, вѣрно; въ одномъ только мы не можемъ съ вами согласиться, а именно, что наше время такъ ужъ плохо, какъ вы это утверждаете; конечно, подчеркиваемыя вами противоположенія существуютъ, но они не такъ опасны, какъ вы увѣряете. Посмотрите: всюду спокойно, повсюду движеніе улеглось. Никто не думаетъ о войнѣ,

и большинство націй, какъ въ цѣломъ, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, напрягаютъ всѣ силы, чтобы удержать миръ, потому что они хорошо знаютъ, что безъ мира невозможны развитіе матеріальной культуры и экономическій прогрессъ, которые, повидимому, сдѣлались теперь главной цѣлью политиковъ и гражданъ. Сколько было важныхъ поводовъ къ войнѣ и къ разрушенію существующаго порядка вещей съ іюльской революціи до нашего времени! Коллизіи, возникавшія не разъ въ теченіе этихъ двѣнадцати мѣсяцевъ, бывали зачастую настолько запутаны, что никакъ нельзя было ожидать ихъ мирнаго разрѣшенія; бывали моменты, когда всеобщая война казалась почти неизбѣжной, бывали моменты, когда буря революціи казалась неотвратимой, и, однако, всѣ затрудненія постепенно разрѣшились, все осталось спокойно, и, повидимому, миръ навсегда снизошелъ на землю».

Миръ, говорите вы: да, смотря по тому, что называть миромъ. Я же, наоборотъ, утверждаю, что никогда враждебныя силы не достигали такого напряженія, какъ теперь; что противорѣчіе между свободой и тираніей достигло своей послѣдней и высочайшей вершины, и наша эпоха являетъ всѣ симптомы эпохъ, предшествовавшихъ великимъ историческимъ переворотамъ.

Развѣ вы не читали на стѣнѣ воздвигнутаго революціей храма свободы таинственныя и страшныя слова: *Свобода, Равенство и Братство*, и развѣ вы не знаете и не чувствуете, что эти слова означаютъ полное уничтоженіе существующаго политическаго и соціальнаго міра? Развѣ вы ничего не слыхали о буряхъ революціи и не знаете, что Наполеонъ, этотъ мнимый укротитель демократіи, какъ достойный сынъ революціи, побѣдоносной рукой распространилъ ея нивелирующіе принципы по всей Европѣ? Развѣ вы ничего не слыхали о Кантѣ, Фихте, Шеллингѣ и Гегелѣ и дѣйствительно ничего не знаете о философіи, которая въ мірѣ интел-

лектуальномъ выдвинула тотъ же самый нивелирующій революціонный принципъ, принципъ автономіи духа, и неужели вы не понимаете, что этотъ принципъ стоитъ въ величайшемъ противорѣчіи со всѣми господствующими религіями и существующими церквами?

«Да,—отвѣтите вы мнѣ,—но вѣдь эти противорѣчія стали достояніемъ исторіи, и даже въ самой Франціи революція побѣждена мудрымъ правленіемъ Людовика-Филиппа, а новѣйшая философія недавно побѣждена однимъ изъ ея величайшихъ знатоковъ, Шеллингомъ, противоположеніе разрѣшено теперь повсюду, во всѣхъ сферахъ жизни».

И вы дѣйствительно вѣрите въ это разрѣшеніе, въ эту побѣду надъ революціоннымъ духомъ? Развѣ вы слѣпы и глухи, развѣ у васъ нѣтъ глазъ и ушей для того, что происходитъ вокругъ васъ? Нѣтъ, господа, революціонный духъ не побѣжденъ, а только ушелъ въ глубину, послѣ того, какъ первымъ своимъ появленіемъ потрясъ до основанія весь міръ; онъ только на время укрылся въ глубинѣ народнаго сознанія, чтобы вскорѣ опять появиться какъ созидающій, творческій геній. Теперь онъ копается — если мнѣ позволено употребить это выраженіе Гегеля, — какъ кротъ подъ землею, а что онъ работаетъ не напрасно, это вы можете видѣть по безчисленнымъ развалинамъ, которыми уже покрыта наша религіозная, политическая и соціальная почва. Вы говорите о разрѣшеніи, о примиреніи! Оглянитесь только кругомъ и скажите мнѣ, что осталось живымъ отъ стараго католическаго и протестантскаго міра? Вы говорите о побѣдѣ надъ отрицательнымъ принципомъ! Но развѣ вы не читали Штрауса, Фейербаха и Бруно Бауэра, и не знаете, что ихъ сочиненія у всѣхъ въ рукахъ? Неужели вы не видите, что вся нѣмецкая литература, книги, брошюры, газеты, даже сочиненія самихъ позивитистовъ невольно и безсознательно проникнуты этимъ отрицательнымъ духомъ?—И это вы называете примиреніемъ и миромъ!

Вамъ хорошо извѣстно, что человѣчество, слѣдуя своему высокому назначенію, можетъ удовлетвориться и успокоиться только на какомъ-нибудь универсальномъ жизненномъ принципѣ, на принципѣ, который могущественно соединяетъ въ себѣ тысячи разнородныхъ проявленій духовной жизни; но гдѣ же этотъ принципъ, господа?

Вѣроятно, и вы въ теченіе вашего печальнаго существованія когда-нибудь переживали мгновенія душевнаго подъема,—мгновенія, когда вы отбрасывали мелочныя побужденія повседневной жизни и стремились къ истинѣ, къ великому, къ святому; отвѣтьте же мнѣ откровенно, положа руку на сердце, въ такія мгновенья не снизошло ли на васъ вдохновеніе? Не открыли вы въ эти мгновенія подъ развалинами, которыя насъ окружаютъ, великой идеи, которой вы могли бы вполнѣ отдаться и въ братскомъ общеніи со всѣмъ человѣчествомъ возродиться вновь? Не протестантизмъ ли эта идея? Но въ немъ царитъ страшнѣйшая анархія; на сколько различныхъ сектъ онъ распадается? «Безъ великаго, всеобщаго энтузіазма бываютъ только секты, а не общественное движеніе»,—говоритъ Шеллингъ, а нынѣшній протестантскій міръ далекъ, какъ отъ неба, отъ того, чтобы быть проникнутымъ всеобщимъ энтузіазмомъ; это самый трезвый міръ, какой только можно себѣ представить. Не католицизмъ ли это? Но гдѣ его прежнее великолѣпіе? Не превратился ли теперь онъ, повелѣвавшій нѣкогда цѣлымъ міромъ, въ послушное орудіе чуждой ему, безнравственной политики? Или, можетъ-быть, вы находите успокоеніе въ современномъ государствѣ?

Да, чего бы, кажется, лучше? Но увы! Современное государство находится въ глубочайшемъ внутреннемъ противорѣчіи, потому что государство безъ религіи, безъ сильнаго общественнаго мнѣнія—невозможно; если хотите въ этомъ убѣдиться, посмотрите только на Францію и Англію; о Германіи я не хочу ужъ и говорить.

Загляните, наконецъ, въ себя, господа, и скажите откровенно, довольны ли вы самими собой и возможно ли вообще для васъ это довольство? Развѣ вы сами, всѣ безъ исключенія, не самыя печальныя и жалкія фигуры нашего печальнаго и скуднаго времени? Развѣ вы не полны противорѣчій? Похожи ли вы на цѣльныя натуры? Вѣрите ли вы крѣпко во что-нибудь? Знаете ли вы, чего хотите, и можете ли вообще чего-нибудь хотѣть? Оставилъ ли въ васъ современный рефлексъ, эпидемія нашего времени, хоть одно живое мѣсто? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Рефлексіей пропитаны вы насквозь, и стали отъ этого разслабленными и безплодными! Вамъ ничего не остается, какъ сознаться въ томъ и признать, наконецъ, что ваше время—печальное время, и что всѣ мы еще болѣе печальныя его дѣти!

Но, съ другой стороны, нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть вокругъ грозныхъ явленій, возвѣщающихъ намъ, что духъ революціи, этотъ старый кротъ, почти окончилъ уже свою подземную работу, и что онъ скоро опять появится на свѣтъ, чтобы произвести свой судъ; повсюду, а въ особенности во Франціи и въ Англіи, образуются соціально-религіозные союзы, которые, будучи совершенно чужды современному политическому міру, черпаютъ свою жизненность изъ новыхъ, неизвѣстныхъ намъ источниковъ, и въ тишинѣ растутъ. Народъ, бѣднѣйшій классъ, составляющій, безъ сомнѣнія, большинство человѣчества,—классъ, права котораго теоретически уже признаны, но который до сихъ поръ еще въ силу своего рожденія и обстоятельствъ осужденъ на нищету, невѣжество, а, слѣдовательно, и на фактическое рабство,—этотъ классъ, собственно и составляющій народъ, занимаетъ повсюду угрожающія позиціи и начинаетъ считать ряды слабаго, по сравненію съ нимъ, непріятеля и требовать реальнаго удовлетворенія своихъ, уже признанныхъ всѣми правъ. Всѣ народы и всѣ классы полны тревожнаго предчувствія, и каждый, чьи жизненные

органы не парализованы, смотритъ съ трепетнымъ ожиданіемъ навстрѣчу приближающемуся будущему, которое произнесетъ спасительное слово.

Даже въ Россіи, этой безконечной, занесенной снѣгомъ имперіи, которую мы такъ мало знаемъ, и которой, быть-можетъ, предстоитъ великое будущее, — даже въ Россіи собираются темныя, предвѣщающія грозу тучи! О, воздухъ удушливъ, онъ чреватъ бурями! И поэтому мы взываемъ къ нашимъ ослѣпленнымъ братьямъ: «Покайтеся! Покайтеся! Царствіе Божіе приближается!»

Мы говоримъ позитивистамъ: откройте ваши духовныя очи, оставьте мертвымъ погребать мертвецовъ, и убѣдитесь, наконецъ, что нельзя искать вѣчно юнаго, вѣчно рождающагося вновь духа среди руинъ! А оппортунистамъ мы совѣтуемъ открыть глаза для истины и освободиться отъ ихъ жалкой и слѣпой мудрости, отъ ихъ теоретическаго лицемѣрія и отъ рабскаго страха, который сушитъ ихъ душу и парализуетъ движенія.

Довѣримся же вѣчному духу, который разрушаетъ и уничтожаетъ только потому, что онъ есть непостижимый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни. Духъ разрушенія есть въ то же время созидающій духъ!

Жюль Элизаръ (М. Бакунинъ).

ПИСЬМА.

1.

А. И. Герцену.

1840 г. 11 октября. Берлинъ [1]).

Я надѣялся, что до отъѣзда Черняева выйдетъ логика Вердера, и хотѣлъ послать ее тебѣ, но она, къ несчастью, еще не вышла, и ты долженъ довольствоваться первою частью вновь изданной энциклопедіи. Съ Вер-

[1]) Изъ этого письма выпущена середина о книгѣ поэта Шефера, которую Бакунинъ подноситъ женѣ Герцена, Н. А. Герценъ. («М. А. Бакунинъ». М. Драгоманова. 1906 г.).

деромъ я уже познакомился, на вакаціяхъ онъ уѣхалъ изъ Берлина, но на-дняхъ долженъ возвратиться. Какъ только пріѣдетъ, я немедленно начну брать у него уроки; какой онъ славный человѣкъ, Герценъ. Духъ, знаніе стало въ немъ плотію, въ немъ такъ много Gemüthlichkeit, которая, противополагая себя разумному содержанію духа, выдаетъ себя за истину, — не той, которая вытекаетъ изъ живого свободнаго единства знанія и жизни, — не мертвая буква, но плодъ религіознаго внутренняго стремленія. Я надѣюсь сблизиться съ нимъ и ожидаю отъ него много пользы какъ въ интеллектуальномъ, такъ и нравственномъ отношеніи. Если будетъ возможность выслать тебѣ эту логику, то я непремѣнно ею воспользуюсь... Вы, вѣроятно, захотите знать, какъ я провелъ эти три мѣсяца. Большая часть времени была посвящена заботамъ. Сестра, о которой я тебѣ уже говорилъ, здѣсь съ сыномъ и, къ тому же больная, такъ что въ продолженіе нѣкотораго времени я боялся даже за ея жизнь, теперь ей нѣсколько лучше, но все еще весьма слаба: бѣдная, она вынесла такъ много страданій, такъ много внѣшнихъ и внутреннихъ отрицаній въ своей жизни, что я удивлялся еще крѣпости ея организма. Одна смерть Станкевича, котораго мы всѣ такъ горячо любили, должна была сильно потрясти ее. А что, Герценъ, вотъ и Станкевича нѣтъ, единственный человѣкъ, одно непосредственное присутствіе котораго заставляетъ вѣрить въ идею,—этотъ человѣкъ оставилъ насъ, его смерть еще болѣе убѣдила меня въ необходимости безсмертія индивидуальнаго духа. Штраусъ и Вердеръ также вѣрятъ въ безсмертіе, я не успѣлъ еще много говорить объ этомъ предметѣ съ Вердеромъ и потому не знаю еще, есть ли эта вѣра результатъ его философскаго знанія, или нѣтъ.

Несмотря на великія и многосложныя заботы, я успѣлъ, однако, нѣсколько оглядѣться и приняться за дѣло. Логику прочелъ до Quantität, и что я прочелъ,

кажется мнѣ такъ ясно, что я могу это передать ребенку. Теперь я чувствую, что знаю все, что мнѣ нужно, и потому покоенъ.

Черезъ 6 дней начнутся лекціи, я буду слушать:

1) Werder. 1. Logik. 7. Geschichte der neuen Philosophie.
2) Hotho. 1. Aesthetik.
3) Vatke. 2. Menschenwerdung Gottes.
4) Курсъ физики.
5) Фехтованіе и верховая ѣзда.

А дома буду заниматься, кромѣ этого, новѣйшею исторіей.

Берлинъ—городъ хорошій; музыка отличная, жизнь дешевая, театръ очень порядочный, въ кондитерскихъ журналовъ много, и я ихъ читаю всѣ подрядъ, — однимъ словомъ, все хорошо, очень хорошо.

Нѣмцы ужасные филистеры, если бъ 10-я часть ихъ богатаго духовнаго сознанія перешла въ жизнь, то они были бы прекрасные люди, но до сихъ поръ—увы!—пресмѣшной народъ. Вотъ тебѣ двѣ надписи, прочитанныя мною на домахъ во время послѣднихъ праздниковъ.

На одной нарисованъ прусскій орелъ и подъ нимъ портной гладитъ, надъ портнымъ же написано:

Unter deinen Flügeln, kann ich ruhig bügeln.

А на другомъ транспарантѣ:

Es lebe hoch das Königspaar.
Und wenn es möglich ist, zwei tausend Jahr.
Doch wenn es auch unmöglich scheint,
So ist es doch recht gut gemeint.

А на третьемъ:

Ein preussich Herz, ein gutes Bier.
Was wollen sie noch mehr von mir.

И много другихъ разныхъ остротъ [1]).

[1]) «Въ письмѣ этомъ можно уловить начало вниманія къ политическому положенію Германіи. Но еще нѣкоторое время Бакунинъ, видимо, не выходилъ изъ круга абстрактно-философскихъ интересовъ «правой» стороны гегеліанства...» (М. Драгомановъ).

Что дѣлаешь ты? Чѣмъ занимаешься? Вѣришь ли или сомнѣваешься?—Я думаю, что и то и другое вмѣстѣ, это общее состояніе духа. Пріѣзжай скорѣе сюда, наука разрѣшитъ всѣ сомнѣнія или, по крайней мѣрѣ, покажетъ путь, на которомъ они должны разрѣшиться. Напиши мнѣ, пожалуйста, о вашемъ житьѣ-бытьѣ, я слышалъ, что Огаревъ собирается въ Берлинъ,—правда ли это и гдѣ онъ теперь? Гдѣ Сатинъ, что Кетчеръ? При случаѣ поклонись имъ отъ меня. Что русская журналистика,—что доказываетъ Бѣлинскій, и чему вѣрятъ Языковъ и Панаевъ?

Не вышло ли чего-нибудь изъ сочиненій Пушкина, Гоголя и Лермонтова?

Пожми, пожалуйста, руку Ветлинскому, другой разъ я ему напишу. Закажи ему, чтобы онъ написалъ мнѣ письмо, не ожидая моего. Не сбирается ли онъ на Кавказъ и посѣщаетъ ли университетъ?

Прощай, милый Герценъ.

Отъ души твой М. Бакунинъ.

Мой адресъ: á M-r Mendelsohn et Comp. à Berlin pour remettre á M. Bakounine.

Напечатана ли 2-я половина моей статьи, и если напечатана, нравится ли она публикѣ и тебѣ въ особенности?

2.

П. В. Анненкову.

28 Decembre 1847. Bruxelles 12, Montagne de la Cour [1]).

Наконецъ добрался я до васъ, любезный Аншенковъ. Брюссель не то, что Парижъ, до сихъ поръ мнѣ все здѣсь какъ-то дико и холодно, несмотря на самый радушный пріемъ, особенно со стороны бельгійцевъ.

---

1) Оба письма (2 и 3) Бакунина къ Анненкову взяты изъ кн. «Анненковъ и его друзья» (1892 г. Спб. изд. Суворина). Въ этомъ письмѣ вышущены нами сообщенія Бакунина о разныхъ знакомыхъ ему и Анненкову лицахъ.

Жизнь совсѣмъ другая — тѣсная, частная, домино и фаро (брюссельское пиво) процвѣтаютъ, впрочемъ, и политика также, да во всемъ этомъ движеніи нѣтъ того, что бы насъ могло непосредственно интересовать, не говоря уже объ увлеченіи: здѣсь увлеченья нѣтъ, да и быть не можетъ, потому что нѣтъ той невидимой среды, той невидимой силы, которая въ Парижѣ пронимаетъ и поддерживаетъ каждаго, соединяя его со всѣми, какъ бы уединенно онъ ни жилъ. Жаль Парижа, жаль васъ всѣхъ, я здѣсь только узналъ, какъ я васъ всѣхъ люблю. Богъ знаетъ, когда и гдѣ мы съ вами увидимся, но вѣдь мы не потеряемъ другъ друга изъ виду, не перестанемъ знать другъ объ другѣ, — не правда ли, Анненковъ. Мы становимся стары, кругъ нашъ не будетъ уже такъ легко расширяться, какъ въ молодости, и уединенье страшно.

Изъ поляковъ видѣлъ я Лелевеля, Скржнецкаго, графа Тышкевича и еще двухъ, которыхъ и называть не стоитъ. Исключая Лелевеля, съ которымъ я знакомъ уже съ давнихъ лѣтъ, всѣ другіе мнѣ какъ-то несимпатичны, они составляютъ особенную партію подъ предводительствомъ Тышкевича и довели мелкую ненависть и сплетни, эту общую болѣзнь всѣхъ эмиграцій, особливо польской, до высшей степени развитія. И несмотря на это, я, вѣроятно, скоро долженъ буду снова ораторствовать; покамѣстъ не говорите объ этомъ, кромѣ Тургенева, никому: я боюсь, чтобъ черезъ Сазонова не узнали объ этомъ славянщики, а дѣло еще не совсѣмъ рѣшено. Можетъ статься, что меня и отсюда также прогонятъ,—пусть себѣ гоняютъ, и я буду тѣмъ смѣлѣе, чутче и мѣтче говорить. Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній, куда она меня поведетъ—Богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу, и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила

и все мое достоинство, въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни, въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ: будетъ, какъ будетъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма, — скажете вы, да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный, а потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ; право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый шагъ нашъ можетъ ихъ вызвать наружу безъ нашего вѣдома и часто даже независимо отъ нашей воли.

Пріемъ, сдѣланный мнѣ поляками, наложилъ на меня огромную обязанность, но вмѣстѣ показалъ и далъ мнѣ возможность дѣйствовать. Я знаю, милый Анненковъ, что вы отнесетесь ко всему этому нѣсколько скептически, и вы съ своей стороны правы, и я также переношусь иногда на вашу точку зрѣнья, но что жъ дѣлать! Природы не измѣнишь. Вы—скептикъ, я—вѣрующій, у каждаго изъ насъ свое дѣло, но въ сущности мы всегда будемъ другъ съ другомъ симпатизировать, потому что, несмотря на всѣ различья, дѣло наше одно... Здѣшніе журналы встрѣтили меня очень привѣтливо, вообще мое положенье сдѣлано. Теперь должно много работать. Не забудьте прислать мнѣ «Современникъ», Тургенева три части и Шницлера. Послѣдній особливо мнѣ очень нуженъ. Вчера получилъ отъ Bèranger премилое письмо, сегодня же буду отвѣчать ему.

3.

Cöln, 17 апрѣля 1848 года [1]).

Любезный другъ Анненковъ, я такъ спѣшилъ и забѣгался въ послѣдній день въ Парижѣ, что не успѣлъ

1) Письмо взято нами безъ выпусковъ, но конецъ письма не сохранился.

даже проститься съ вами и съ Тургеневымъ. Вы не можете себѣ вообразить, какъ мнѣ это было грустно, но въ послѣднее время я былъ какъ сумасшедшій, не могъ ни прійти въ себя, ни вздохнуть свободно, только здѣсь въ Германіи и, еще опредѣленнѣе, здѣсь только въ Кельнѣ опомнился. Во Франкфуртѣ я все еще былъ какъ въ лихорадкѣ, здѣсь лихорадка невозможна, потому что, несмотря на все мнимое, кажущееся движеніе, здѣсь царствуетъ филистерское спокойствіе. Странная вещь! Большая часть Германіи въ безпорядкѣ, но безъ собственной революціи, что не мѣшаетъ нѣмцамъ говорить, запивая рейнвейномъ: «innere Revolution». Впрочемъ, въ Берлинѣ, говорятъ, живѣе, а въ Баденъ-Баденѣ, безъ всякаго сомнѣнія, уже дерутся. Отсутствіе всякой централизаціи теперь ощутительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ Ахенѣ (6 часовъ ѣзды отъ Кельна) вотъ уже два дня, какъ работники отчаянно дерутся противъ bourgeoisie, а здѣсь мертвое спокойствіе; правда, что клубовъ и здѣсь много, гдѣ нѣмецъ съ гордостью пользуется безопасностью слова, но революціи здѣсь рѣшительно нѣтъ. Во Франкфуртѣ было гораздо живѣе, и опять будетъ живо въ маѣ мѣсяцѣ, когда соберутся депутаты со всѣхъ сторонъ Германіи. Я познакомился тамъ, по крайней мѣрѣ, съ пятьюдесятью живыми, энергическими и вліятельными демократами и подружился особенно съ тремя: съ Jakobi изъ Кенигсберга, съ графомъ Рейхенбахъ изъ Силезіи и съ отставнымъ поручикомъ артиллеріи Willich, выгнаннымъ изъ прусской службы за распространеніе коммунистическихъ мыслей. Послѣднему ввѣрено теперь начальство надъ соединенною революціонерною арміей баденскихъ крестьянъ и нѣмецкихъ выходцевъ изъ Парижа и Швейцаріи, тамъ и нашъ другъ Гервегъ теперь дѣйствуетъ, объ немъ я ничего не слышалъ... Бѣда, если имъ не удастся, потому что реакція хотя и сломана, но обломки ея еще являются вездѣ и грозятъ безпрестанно,—теперь сильны не короли

и не князья, но bourgeoisie, которая отчаянно отвергаетъ республику, какъ ведущую за собою соціальные вопросы и торжество демократіи.

Впрочемъ, республика въ Германіи неминуема: старая власть всдѣ рушится, вездѣ лишена иниціативы, анархія безъ революціи—вотъ положеніе Германіи, и только республика можетъ стать на мѣсто убитаго и обруганнаго Германскаго союза и дать единство, этотъ идеалъ всякаго нѣмца, Германіи. Deutsche Einheit — вы не можете себѣ вообразить, сколько глупостей наговорено уже на эту тему. Въ продолженіе этихъ четырнадцати дней нѣмецъ много говорилъ и хочетъ, чтобъ все, что онъ говорилъ, было напечатано. Что живо въ Германіи, это начинающій двигаться пролетаріатъ и крестьянское сословіе. Здѣсь будетъ еще революція страшная, настоящій потокъ взрывовъ. Потокъ этотъ смоетъ съ лица земли развалины стараго міра, и тогда доброму, говорливому Bürger'у будетъ плохо, очень плохо. Симптомы этой революціи уже вездѣ показываются: денегъ мало, покупателей еще менѣе, фабрики останавливаютъ работы, и работники безъ работы съ каждымъ днемъ умножаются. Демократическая революція начнется здѣсь никакъ не позже двухъ или трехъ мѣсяцевъ, теперь предводители ея организуютъ мало-по-малу свои силы и стараются ввести единство въ революціонерное движеніе цѣлой Германіи; есть умные, дѣльные люди, и они дѣйствуютъ хорошо. Филистеръ же теперь занимается двумя вещами: во-первыхъ, онъ готовится къ выборамъ въ германскій парламентъ, который долженъ открыться 1 мая во Франкфуртѣ и долженъ рѣшить, какую форму правленья будетъ имѣть Германія: «Republik oder Monarchie», во-вторыхъ, принимаетъ всѣ возможныя мѣры противъ народа, вооружается со страхомъ пополамъ, и въ третьихъ, высылаетъ молодыхъ людей противъ Даніи для спасенья нѣмецкихъ братьевъ in Schleswig und Holstein. Это Schleswig-Holstein'ское движеніе совершенно

реакціонное, во главѣ его прусскій король: Es soll beweisen werden dass die Könige auch für die deutsche Herrlichkeit und für die Würde der deutschen grossen Nation sorgen! И странная вещь! Нѣмецъ объявляетъ Шлезвигъ нѣмецкою землею, несмотря на то, что половина народонаселенія тамъ состоитъ изъ датчанъ, и въ Позенѣ, гдѣ нѣмецъ поселился насильственно, всякою неправдой и всѣми подлыми средствами, филистеръ не хочетъ признать... права поляковъ. Вообще позенскіе нѣмцы ведутъ себя самымъ подлымъ образомъ, что вамъ, впрочемъ, должно быть извѣстно изъ газетъ,—для насъ это хорошо.

Теперь нѣсколько словъ обо мнѣ. Я сижу здѣсь пять дней въ ожиданіи своихъ вещей изъ Брюсселя, но вещи не пришли, и сегодня вечеромъ отправляюсь въ Берлинъ. Въ Берлинѣ пробуду не болѣе двухъ дней и оттуда прямо въ Позенъ. Сказать ли вамъ, Анненковъ: чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ становится мнѣ грустнѣе и страшнѣе...

IV.

В. Г. Бѣлинскій.

ПИСЬМА.

1.

Къ...[1])

Пятигорскъ, 7 августа 1837 г.

«... Есть между людьми братство, о которомъ проповѣдывалъ Христосъ, есть между ними родство, основанное на любви и стремленіи къ Богу, а Богъ есть любовь и истина»[2]).

«Богъ не есть нѣчто отдѣльное отъ міра, но Богъ въ мірѣ, потому что Онъ вездѣ. Да, Его, какъ говоритъ великій Іоаннъ, любимѣйшій ученикъ Христа, Его никто не видалъ; но Онъ во всякомъ благородномъ порывѣ человѣка, во всякой свѣтлой его мысли, во всякомъ святомъ движеніи его сердца. Міръ или вселенная есть Его храмъ, а душа и сердце человѣка, или, лучше сказать, внутреннее Я человѣка есть Его алтарь, престолъ, Его святая святыхъ.

«Итакъ, ищи Бога не въ храмахъ, созданныхъ людьми, но ищи въ сердцѣ своемъ, ищи Его въ любви своей.

---

[1]) Письмо написано къ одному близкому молодому человѣку, не принадлежавшему къ кружку. Взято въ извлеченіи, какъ напечатано въ «Сочин. Бѣлинскаго». (2-е изд. Павленкова). Писано въ періодъ философскихъ увлеченій «разумною дѣйствительностью» въ примирительномъ съ окружающимъ духѣ.

[2]) Ср. съ основной идеей письма Чаадаева—объединеніе всего человѣчества подъ однимъ верховнымъ принципомъ.

У тони, исчезни въ наукѣ и искусствѣ, возлюби науку и искусство, возлюби ихъ какъ цѣль и потребность твоей жизни, а не какъ средство къ образованію и успѣху въ свѣтѣ — и ты будешь блаженъ, а кто достигъ блаженства, тотъ носитъ въ себѣ Бога... Богъ есть истина, слѣдовательно, кто сдѣлался сосудомъ истины, тотъ есть и сосудъ Божій; кто знаетъ, тотъ уже и любитъ, потому что, не любя, невозможно познавать, а познавая, невозможно не любить; Богъ есть вмѣстѣ и истина, и любовь, и разумъ, и чувство, такъ, какъ солнце есть вмѣстѣ и свѣтъ и теплота»...

«... Внѣ мысли все призракъ, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты самъ? Мысль, одѣтая тѣломъ; тѣло твое сгніетъ, но твое Я останется; слѣдовательно, тѣло твое есть призракъ, мечта, но Я твое существенно и вѣчно. Философія—вотъ что должно быть предметомъ твоей дѣятельности. Философія есть наука идеи чистой, отрѣшенной; исторія и естествознаніе суть науки идеи въ явленіи. Теперь спрашиваю тебя: что важнѣе—идея или явленіе, душа или тѣло? Идея ли есть результатъ явленія, или явленіе есть результатъ идеи? Безъ сомнѣнія, явленіе есть результатъ идеи. Если такъ, то можешь ли ты понять результатъ, не зная его причины? Можетъ ли для тебя быть понятна исторія человѣчества, если ты не знаешь, что такое человѣкъ, что такое человѣчество? Вотъ почему философія есть начало и источникъ всякаго знанія, вотъ почему безъ философіи всякая наука мертва, непонятна и нелѣпа [1]).

«Но тебѣ нельзя начать прямо съ философіи: тебѣ надо приготовиться къ ней путемъ искусства. Какъ къ душевному просвѣтлѣнію черезъ причастіе христіанинъ готовится путемъ поста и покаянія, такъ искусствомъ долженъ ты очистить свою душу отъ проказы земной

---

1) Ср. съ письмами Станкевича къ Грановскому (14 и особенно 15).

сусты, холоднаго себялюбія, отъ обольщеній внѣшней жизни, и приготовить ее къ принятію чистой истины. Искусство укрѣпитъ и разовьетъ въ тебѣ любовь; оно дастъ тебѣ религію или истину въ созерцаніи, потому что религія есть истина въ созерцаніи, тогда какъ философія есть истина въ сознаніи. Кто увѣренъ въ истинѣ по чувству и не можетъ вывести ее изъ разума собственною свободною самостоятельностью, для того истина существуетъ только въ созерцаніи. Но не имѣя истины въ созерцаніи, невозможно имѣть ее и въ сознаніи. Ты былъ еще ребенкомъ, а уже умѣлъ отличать добро отъ зла, истину ото лжи — значитъ, что истина въ созерцаніи всегда предшествуетъ истинѣ въ сознаніи. Но въ дѣтствѣ ты могъ чувствовать только житейскую, практическую истину; теперь ты долженъ пріобрѣсти созерцаніе истины отвлеченной, чистой, и это созерцаніе дается тебѣ искусствомъ.

«... Только въ ней (въ философіи) ты найдешь отвѣты на вопросы души твоей, только она дастъ миръ и гармонію душѣ твоей и подаритъ тебя такимъ счастіемъ, какого толпа и не подозрѣваетъ и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать тебѣ, ни отнять у тебя. Ты будешь не въ мірѣ, но весь міръ будетъ въ тебѣ. Въ самомъ себѣ, въ сокровенномъ святилищѣ своего духа найдешь ты высшее счастіе, и тогда твоя маленькая комнатка, твоей убогій и тѣсный кабинетъ будетъ истиннымъ храмомъ счастья. Ты будешь свободенъ, потому что не будешь ничего просить у міра, и міръ оставитъ тебя въ покоѣ, видя, что ты ничего у него не просишь [1]). Пуще всего оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мыслей. Политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро,

1) Такое же бѣгство отъ жизни, какъ у Станкевича и др., такое же, по позднѣйшему выраженію Бѣлинскаго, бѣгство «со всѣхъ ногъ въ книгу».

и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страною въ мірѣ. Просвѣщеніе—вотъ путь ея къ счастью...»

«Для Россіи назначена совсѣмъ другая судьба, нежели для Франціи, гдѣ политическое направленіе и наукъ, и искусства, и характера жителей имѣетъ свой смыслъ, свою законность и свою хорошую сторону. Франція есть страна опыта, примѣненія идей къ жизни. Совсѣмъ другое назначеніе Россіи. Если хочешь понять ея назначеніе—прочти исторію Петра Великаго — она объяснитъ тебѣ все. Ни у какого народа не было такого государя. Всѣ великіе государи другихъ народовъ ниже Петра; всѣ они были выраженіемъ жизни своихъ народовъ, и только выполняли волю своихъ народовъ, творя великое, словомъ, всѣ они были подъ вліяніемъ своихъ народовъ. Петръ, наоборотъ, былъ выскочкою изъ своего народа, онъ не воспиталъ его, но перевоспиталъ, не создалъ, но пересоздалъ. Цари всѣхъ народовъ развивали свои народы, опираясь на прошедшее, на преданіе; Петръ оторвалъ Россію отъ прошедшаго, разрушивъ ея традицію, и теперь смѣшно и жалко смотрѣть на нашихъ пустоголовыхъ ученыхъ и поэтовъ, которые ищутъ народности для мышленія и искусства въ исторіи съ Рюрика до Алексѣя, въ этой допотопной исторіи Россіи. Петръ есть ясное доказательство, что Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получитъ то и другое отъ своихъ царей, такъ какъ уже много получила отъ нихъ того и другого. Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами. Россія еще дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы

сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать дитяти полную свободу — значитъ погубить его. Дать Россіи, въ теперешнемъ ея состояніи, конституцію—значитъ погубить Россію. Въ понятіи нашего народа, свобода есть воля, а воля — озорничество. Не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣжалъ бы онъ пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые бреютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ, хотя бы, впрочемъ, у большей части этихъ дворянъ не было ни дворянскихъ грамотъ, ни копейки денегъ. Вся надежда Россіи на просвѣщеніе, а не на перевороты, не на революціи и не на конституціи. Во Франціи были двѣ революціи и результатомъ ихъ конституція — и что же? Въ этой конституціонной Франціи гораздо менѣе свободы мысли, нежели въ самодержавной Пруссіи».

«И это оттого, что свобода конституціонная есть свобода условная, а истинная, безусловная свобода настаетъ въ государствѣ съ успѣхами просвѣщенія, основаннаго на философіи, на философіи умозрительной, а не эмпирической, на царствѣ чистаго разума, а не пошлаго здраваго смысла. Гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ, а внутренняя свобода пріобрѣтается сознаніемъ. И такимъ-то прекраснымъ путемъ достигнетъ свободы наша Россія. Приведу тебѣ еще примѣръ. Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостного права, а между тѣмъ исподволь освобождаетъ крестьянъ. Посмотри, какъ, благодаря тому, что у насъ нѣтъ майоратства, издыхаетъ наше дворянство само собою, безъ всякихъ революцій и внутреннихъ потрясеній».

«И если у насъ будутъ дѣти, то, доживя до нашихъ лѣтъ, они будутъ знать о крѣпостномъ правѣ, какъ о фактѣ историческомъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ. И все

это сдѣлается прочнѣе и лучше. Давно ли мы съ тобой живемъ на свѣтѣ, давно ли помнимъ себя, и уже посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ-помѣщиковъ, а которые и остались, не презираютъ ли ихъ самые помѣщики? Видишь ли, что и въ Россіи все идетъ къ лучшему. Давно ли паденіе при дворѣ сопровождалось ссылкою въ Сибирь? А теперь оно сопровождается много-много если ссылкою въ свою деревню. Давно ли Минихъ, фельдмаршалъ, герой, былъ осужденъ на четвертованіе и только по милосердію императрицы былъ сосланъ на всю жизнь въ Сибирь, а теперь уже и насъ съ тобою, людей совершенно ничтожныхъ въ гражданскомъ отношеніи, не будутъ четвертовать даже и въ такомъ случаѣ, когда бы мы были достойны этого».

«Помнишь ли ты, какъ отличались, какъ мило вели себя господа военные, особенно кавалеристы, въ царствованіе Александра, котораго мы съ тобою видѣли собственными глазами за годъ или за два до его смерти? Помнишь ли ты, какъ они нахальствовали на постояхъ, увозили женъ отъ мужей изъ одного удальства, были ужасомъ и страхомъ мирныхъ гражданъ и безнаказанно разбойничали? А теперь? Теперь они тише воды, ниже травы. Ты уже не боишься ихъ, если имѣешь несчастіе быть фрачникомъ, или имѣть мать, сестру, жену, дочь. Не болѣе, какъ года за два до нашего поступленія въ университетъ, студенты были не лучше военныхъ, и еще при насъ академисты изрѣдка свершали подобные подвиги,—а теперь? Теперь студентъ, который въ состояніи выпить ведро вина и держаться на ногахъ, уже не заслужитъ, какъ прежде, благоговѣйнаго удивленія отъ своихъ товарищей, но возбудитъ къ себѣ ихъ презрѣніе и ненависть. А что всему этому причиною? Установленіе общественнаго мнѣнія, вслѣдствіе распространенія просвѣщенія, и, можетъ-быть, еще болѣе того, самодержавная власть. Эта самодержавная власть

даетъ намъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла. Она пропускаетъ къ намъ изъ-за границы такія книги, которыя никакъ не позволитъ перевести и издать. И что жъ,—все это хорошо и законно съ ея стороны, потому что то, что можешь знать ты, не долженъ знать мужикъ, потому что мысль, которая тебя можетъ сдѣлать лучше, погубила бы мужика, который, естественно, понялъ бы ее ложно. Правительство позволяетъ намъ выписывать изъ-за границы все, что произведетъ германская мыслительность, самая свободная, и не позволяетъ выписывать политическихъ книгъ, которыя послужили бы только ко вреду, кружа головы неосновательныхъ людей. Въ моихъ глазахъ эта мѣра превосходна и похвальна. Главное дѣло въ томъ, что граница Россіи со стороны Европы не есть граница мысли, потому что мысль свободно проходитъ чрезъ нее, но есть граница вреднаго для Россіи политическаго направленія, а въ этомъ я не вижу ни малѣйшаго стѣсненія мысли, но, напротивъ, самое благонамѣренное средство къ ея распространенію. Вино полезно для людей взрослыхъ и умѣющихъ имъ пользоваться, но гибельно для дѣтей, а политика есть вино, которое въ Россіи можетъ превратиться даже въ опіумъ».

«... Итакъ, оставимъ итти дѣламъ, какъ они идутъ, и будемъ вѣрить свято и непреложно, что все идетъ къ лучшему, что существуетъ одно добро, что злость—понятіе отрицательное и существуетъ только для добра, а сами обратимъ вниманіе на себя, возлюбимъ добро и истину, путемъ науки будемъ стремиться къ тому и другому»...

«Но когда ты возвысишься до той любви, которая полагаетъ душу свою за братій, когда ты постигнешь ясно свое назначеніе и обнимешь умомъ свои міровыя истины, тогда ты всегда и вездѣ будешь полезенъ

своему отечеству. Если тебѣ будетъ ввѣрена судьба твоихъ ближнихъ — эта судьба будетъ вѣрна, потому что она предается человѣку благородному и просвѣщенному... Быть апостолами просвѣщенія—вотъ наше назначеніе. Итакъ, будемъ подражать апостоламъ Христа, которые не дѣлали заговоровъ и не основывали ни явныхъ, ни тайныхъ политическихъ обществъ, распространяя ученіе своего божественнаго учителя, но которые не отрекались отъ него передъ царями и судьями и не боялись ни огня, ни меча. Не суйся въ дѣла, которыя до тебя не касаются, но будь вѣренъ своему дѣлу, а твое дѣло — любовь къ истинѣ; да, впрочемъ, тебѣ никто не помѣшаетъ служить ей, если ты не будешь вмѣшиваться не въ свои дѣла. Итакъ, учиться, учиться и еще-таки учиться! Къ чорту политику, да здравствуетъ наука! Во Франціи и наука, и искусство, и религія сдѣлались, или, лучше сказать, всегда были орудіемъ политики, и потому тамъ нѣтъ ни науки, ни искусства, ни религіи, и потому, еще больше французской политики, бойся французской науки, въ особенности французской философіи. Право народное должно выходить изъ права человѣческаго, а право человѣческое должно выходить изъ вопроса о причинѣ и цѣли всего сущаго, а вопросъ этотъ есть задача философіи. Французы же все выводятъ изъ настоящаго положенія общества, и потому у нихъ нѣтъ вѣчныхъ истинъ, но истины дневныя, т.-е. на каждый день новыя истины. Они все хотятъ вывести не изъ вѣчныхъ законовъ человѣческаго разума, а изъ опыта, изъ исторіи, и потому не удивительно, что они въ концѣ XVIII вѣка хотѣли возобновить римскую республику, забывъ, что одно и то же явленіе не повторяется дважды, и что римляне не примѣръ французамъ. Опытъ ведетъ не къ истинѣ, а къ заблужденію, потому что факты разнообразны до безконечности и противорѣчивы до такой степени, что истину, выведенную изъ одного факта, можно тотчасъ

же пришибить другимъ фактомъ; найти же внутреннюю связь и единство въ этомъ разнообразіи и противорѣчіи фактовъ можно только въ духѣ человѣческомъ, слѣд., философія, основанная на опытѣ, есть нелѣпость. Новѣйшіе французы хватились за нѣмцевъ, но не поняли ихъ, потому что французъ никогда не можетъ возвыситься до всеобщности и, на зло самому себѣ, всегда остается французомъ, а въ области мышленія должны исчезать всѣ національныя различія и долженъ оставаться одинъ человѣкъ. Итакъ, къ чорту французовъ; ихъ вліяніе, кромѣ вреда, никогда ничего не приносило намъ. Мы подражали ихъ литературѣ—и убили свою... Германія — вотъ Іерусалимъ новѣйшаго человѣчества, вотъ куда съ надеждою и упованіемъ должны обращаться его взоры... Доселѣ христіанство было истиною въ созерцаніи,—словомъ, было вѣрою; теперь оно должно быть истиною въ сознаніи—философіею. Да, философія нѣмцевъ есть явное и отчетливое, какъ математика, развитіе и объясненіе христіанскаго ученія, какъ ученія, основаннаго на идеѣ любви и идеѣ возвышенія человѣка до божества, путемъ сознанія. Мнѣ кажется, что юной и дѣвственной Россіи должна завѣщать Германія и свою семейственную жизнь, и свои общественныя добродѣтели, и свою мірообъемлющую философію [1]). У насъ много зла, много безалаберщины, много чуждыхъ вліяній, и худыхъ и хорошихъ, но этотъ-то безпорядокъ и ручается за наше прекрасное будущее, потому

[1]) Отрицаніе общественно-политическихъ вопросовъ, стремленіе къ личному самоусовершенствованію, ненависть къ французамъ, пренебреженіе къ опытному знанію, поклоненіе «мірообъемлющей» нѣмецкой философіи, строю нѣмецкой жизни — все это общія черты міровоззрѣнія нашихъ западниковъ 30-хъ гг. Бѣлинскій, по своей страстности и недостаточному знакомству съ политическою жизнью западно-европейскихъ государствъ, слишкомъ смѣло развивалъ эти взгляды, доводилъ ихъ до крайнихъ предѣловъ и выражалъ рѣзче и сильнѣе, чѣмъ, напр., Бакунинъ. (Ср. «Предисловіе» Бакунина къ гимназ. рѣч. Гегеля со статьями Бѣлинскаго о Бород. годовщинѣ и Менцелѣ).

что еще никакое чуждое вліяніе, худое или хорошее, не взяло у насъ рѣшительнаго перевѣса. Мы, по праву, наслѣдники всей Европы [1]). Итакъ, наше (т.-е. насъ, молодыхъ людей) назначеніе уже и теперь ясно: мы должны начать этотъ союзъ съ Германіею»...

2.

М. Бакунину [2]).

Москва, 10 сентября, 1838 г.

... Это мое письмо есть окончаніе предшествовавшаго, въ которомъ я далеко не все высказалъ, что хотѣлъ высказать. Постараюсь это сдѣлать какъ можно полнѣе... Тѣмъ болѣе почитаю это нужнымъ сдѣлать, что не увѣренъ—буду ли, по полученіи отъ тебя отвѣта, писать тебѣ въ этомъ духѣ...

... Я мало принесъ жертвъ для мысли, или лучше сказать, только одну принесъ для нея жертву,—готовность лишаться самыхъ задушевныхъ субъективныхъ чувствъ для нея.

... Я бралъ мысли готовыя, какъ подарокъ, но этимъ не все оканчивалось, и при одномъ этомъ я ничего бы не выигралъ, ничего бы не пріобрѣлъ: жизнію моею, цѣною слезъ, воплей души усвоилъ я себѣ эти мысли, и онѣ вошли глубо въ мое существо...

Такова моя натура: съ напряженіемъ, горестно и трудно, принимаетъ мой духъ въ себя и любовь, и вражду, и знаніе, и всякую мысль, всякое чувство, но, принявъ, весь проникается ими, до сокровенныхъ и глубокихъ изгибовъ своихъ. Такъ, въ горнилѣ моего духа

---

[1]) И Чаадаевъ въ своей «Апологіи сумасшедшаго» смотритъ на эту пустоту въ нашемъ прошломъ съ точки зрѣнія выгоды для насъ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей жизни: у насъ нѣтъ прочныхъ традицій, мѣшающихъ движенію впередъ.

[2]) Письмо приводится въ томъ видѣ, какъ напечатано въ «Сочин. Бѣлинскаго». (Издан. 2-е Павленкова). Исключены нами въ серединѣ и концѣ два мѣста, касающіяся отношеній Бѣлинскаго къ сестрамъ Бакунина.

выработалось самобытно значеніе великаго слова дѣйствительность. Я бы сказалъ ложь и глупость, сказавъ, что я дѣйствителенъ и постигъ дѣйствительность; но я скажу правду, сказавъ, что сдѣлалъ новый великій шагъ въ томъ и другомъ... Я гляжу на дѣйствительность, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея ничего нельзя выкинуть, и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть. Я думаю точно такъ же о жизни, о бракѣ, о службѣ,—словомъ, о всѣхъ человѣческихъ и общественныхъ отношеніяхъ, какъ и всѣ практическіе люди, столько еще недавно презираемые и ненавидимые мною, и въ то же время я думаю обо всемъ этомъ совершенно не такъ, какъ они. Да,—такъ и не такъ! Долгъ, нравственная точка зрѣнія, самоотверженіе, пожертвованіе собою, благодать, воля, свобода въ благодати, прямота дѣйствій, политика, бракъ по любви, бракъ по расчету, чувство въ изящномъ, вкусъ въ изящномъ, чувство, приличіе—словомъ, всѣ самыя противоположныя понятія получили для меня какой-то цѣлостный смыслъ и уже не дерутся между собою, но образуютъ цѣлое зданіе со многими сторонами, одну общую картину изъ разныхъ красокъ, жизнь изъ безконечно разнообразныхъ элементовъ. Теперь я понимаю, что искусственное (отвлеченное) сознаніе есть просвѣтлѣніе естественнаго, но что результаты ихъ одни и тѣ же, потому что истинное сознаніе есть естественное, просвѣтленное искусственнымъ...

... Дѣйствительность! твержу я, вставая и ложась спать, днемъ и ночью,—и дѣйствительность окружаетъ меня, я чувствую ее вездѣ и во всемъ, даже въ себѣ, въ той новой перемѣнѣ, которая становится замѣтнѣе со дня на день. Давно ли я спорилъ... что не хочу и не обязанъ терять времени и принуждать себя съ людьми чуждаго міра?.. И что же? Я теперь каждый день стал-

киваюсь съ людьми практическими, и мнѣ уже не душно въ ихъ кругу, они уже интересны для меня объективно, и я не въ тягость имъ. Захочу ли я высказать горькую правду человѣку, мнѣ чуждому, то чѣмъ я враждебнѣе ему по моей натурѣ и моей сформировкѣ, чѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ горькой и рѣзкой правды, тѣмъ голосъ мой тише, трепетнѣй, но отъ любви къ нему на эту минуту, тѣмъ слова мои деликатнѣе, полнѣе любви и потому дѣйствительнѣе... Это перемѣна—и большая. Дикость моей натуры со дня на день исчезаетъ, грусть смягчила и просвѣтлила ее. Я конь рьяный и горячій, но выѣзженный. Мои сношенія съ людьми только одно дѣлаетъ еще тягостными, но именно потому, что это одно есть болѣзнь, отъ которой я еще только хочу начать выздоравливать. Это то горькое, мучительное, какъ раскаленнымъ желѣзомъ прожигающее душу чувство, которое наслано на меня судьбою, какъ посылаются бури на засохшую почву, чтобы увлажнилась и принесла плодъ свой сторицею. Да, я снова начинаю вѣрить, что и моя буря пройдетъ мимо, чтобы ярче засіяло солнце моего духа, и при одной этой мысли его лучи, еще слабые и блѣдные, пробиваются сквозь мглистыя тучи, заволокшія его...

Дѣйствительность есть чудовище, вооруженное желѣзными когтями и желѣзными челюстями. Кто охотно не отдается ей, того она насильно схватываетъ и пожираетъ. Иной всю жизнь мечталъ о какой-то небесной женщинѣ, а женится на тряпкѣ, иной всю жизнь мечталъ о благѣ общественномъ, а потомъ преспокойно, добившись тепленькаго мѣстечка, беретъ взятки...

Чѣмъ выше были мечты человѣка, чѣмъ важнѣе былъ бунтъ человѣка противъ общества, къ которому онъ принадлежитъ, тѣмъ ужаснѣе смиреніе и наказаніе за это. Да, вмѣсто женщины—тряпка, вмѣсто подвизанія на поприщѣ общаго блага—взяточничество.

Дѣйствительность мститъ за себя насмѣшливо, ядовито, и мы безпрестанно встрѣчаемъ жертвы ея мести. Личное свободное стремленіе, не примиренное съ внѣшнею необходимостію, вытекающею изъ жизни общества, производитъ коллизіи.

Человѣкъ мечталъ о небесной женщинѣ, но эта женщина была идея, а не живой образъ, одностороннее отвлеченіе въ родѣ шиллеровскихъ женщинъ. Онъ мечталъ объ общемъ благѣ и личномъ своемъ участіи въ немъ: но это благо было мечтательное, а не дѣйствительное.

Не всѣмъ суждено любить (т.-е. влюбиться), быть любимыми и жениться по любви, почувствованной и сознанной прежде, чѣмъ вошла въ голову мысль о женитьбѣ.

... Идеальный человѣкъ, не встрѣчая нигдѣ своей идеальной женщины, потому что ея нигдѣ нѣтъ, приходитъ въ отчаяніе и увѣряется, что грязная и пошлая дѣйствительность есть истинная дѣйствительность. Вотъ тутъ-то судьба и ставитъ свою ловушку. Идеальный человѣкъ не понимаетъ, что выходомъ изъ этого положенія вовсе не должна быть противоположность, что, кромѣ расчета пошлаго, есть еще расчетъ человѣческій, что разсудокъ не есть единственный выходъ изъ состоянія чувства, но то и другое можетъ дѣйствовать вмѣстѣ и въ ладу. Если же онъ останется упрямо при своихъ мечтахъ, даже не вѣря имъ, тогда дѣйствительность казнитъ его иначе, но только все-таки отнимая, сокрушая его силу, его достоинство. Обманутый въ своихъ стремленіяхъ, онъ скажетъ, что здѣсь юдоль плача и испытанія, но что все—тамъ, и самый лучшій его выходъ будетъ мистицизмъ. Повторяю: дѣйствительность есть чудовище, вооруженное желѣзными когтями и огромною пастью съ желѣзными челюстями. Рано или поздно, пожретъ она всякаго, кто живетъ съ ней въ разладѣ и идетъ ей наперекоръ. Чтобы освободиться отъ

нея и, вмѣсто ужаснаго чудовища, увидѣть въ ней источникъ блаженства, для этого одно средство — сознать ее.

Знаніе дѣйствительности состоитъ въ какомъ-то инстинктѣ, тактѣ, вслѣдствіе которыхъ всякій шагъ человѣка вѣренъ, всякое положеніе истинно, всѣ отношенія къ людямъ безошибочны, не натянуты... Разумѣется, кто къ этому инстинктуальному проникновенію присоединитъ сознательное, черезъ мысль, тотъ вдвойнѣ овладѣетъ дѣйствительностью, но главное — знать ее, какъ бы ни знать, и этого знанія нельзя достигнуть одною мыслью—надо жить, надо двигаться въ живой дѣйствительности, быть естественну, просту...

Любовь, основанная на сознательномъ пониманіи любимаго субъекта, кажется Бѣлинскому «порожденіемъ» логическихъ хитросплетеній и самолюбивыхъ эгоистическихъ потребностей.

Женщина не мужчина, и чтобы понимать и любить ее, надо понимать и любить ее, какъ женщину, просто, а не какъ идеалъ или героиню. Кто видѣлъ въ любимой женщинѣ идеалъ, того любовь могла заключать въ себѣ много глубоко-истинныхъ элементовъ, но въ своей цѣлости была что-то уродливое, неестественное.

... Кто снова не пріобрѣлъ простоты, утраченной идеальностію, тотъ не живетъ и не знаетъ жизни, и жизнь того не знаетъ. Вся его жизнь—парадъ и рисованіе, содержаніе само по себѣ, а форма сама по себѣ. Послѣ этого нашему брату не мудрено увидѣть во снѣ свою отвлеченность. Понимаю Николая [1]), понимаю эту великую геніальную душу, онъ давно тосковалъ по этой простотѣ, онъ первый объявилъ гоненіе претензіямъ, и въ этомъ отношеніи я безконечно обязанъ ему: при немъ я всегда былъ проще. Онъ чувствовалъ себя не довольно простымъ, а жаждалъ простоты: вотъ почему

[1]) Н. В. Станкевича.

онъ такъ завидуетъ людямъ, можетъ-быть, не далекимъ, но дѣйствительнымъ, которые поэтому въ самомъ дѣлѣ лучше и выше его. Вотъ почему онъ и мнѣ отдавалъ преимущество передъ собою. Если однажды, когда я ему сказалъ, что сѣсть подлѣ любимой женщины и преклониться головою къ ея плечу есть блаженство, онъ отвѣтилъ мнѣ, что его блаженство выше, и я не въ состояніи понять его—то какъ часто послѣ онъ говорилъ мнѣ чуть не со слезами, что я нормальнѣе, простѣе его въ понятіяхъ о любви. Онъ готовъ былъ всегда и написать и перевести статью для журнала, но не терпѣлъ, чтобъ его и въ шутку называли литераторомъ. Это означаетъ глубокое чувство простоты. Я—литераторъ, потому что это мое призваніе и мое ремесло вмѣстѣ...

Бѣлинскій получилъ въ это время мѣсто учителя въ Межевомъ институтѣ, и хотя эта дѣятельность была ему совсѣмъ не по характеру, онъ старается увѣрить себя, что доволенъ.

Съ ненасытимымъ любопытствомъ вглядываюсь я въ эти пружины, въ эти средства, по наружности столь грубыя, пошлыя и прозаическія, которыми созидается эта польза, не блестящая, незамѣтная, если не слѣдить за ея развитіемъ во времени, неуловимая для поверхностнаго взгляда, но великая и благодатная своими слѣдствіями для общества. Пока есть сила, я самъ рѣшаюсь на все, чтобы принести на алтарь общественнаго блага и свою лепту. Къ намъ пріѣхалъ попечитель, назначилъ у себя въ комнатахъ экзамены выпускнымъ ученикамъ; я ожидалъ своего экзамена безъ радости, безъ безпокойства, сдѣлалъ его со всѣмъ присутствіемъ духа, смѣло, хорошо, попечитель меня обласкалъ, я говорилъ съ нимъ и—не узналъ самого себя... Да, дѣйствительность вводитъ въ дѣйствительность. Смотря на каждаго не по ранѣе заготовленной теоріи, а по даннымъ, имъ же самимъ представленнымъ, я начинаю

умѣть становиться къ нему въ настоящія отношенія, и потому мною всѣ довольны, и я всѣми доволенъ. Я начинаю находить въ разговорѣ общіе интересы съ такими людьми, съ какими никогда не думалъ имѣть чего-либо общаго. Требуя отъ каждаго именно только того, чего отъ него можно требовать, я получаю отъ него одно хорошее и ничего худого. Нѣтъ ничего идеальнѣе (т.-е. пошлѣе), какъ сосредоточеніе въ какомъ-то кругѣ, похожемъ на тайное общество и не похожемъ ни на что остальное и враждебное всему остальному [1]). Всякая форма, поражающая людей своею рѣзкостію и странностію и пробуждающая о себѣ толки и пересуды, пошла, т.-е. идеальна. Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ. Кто удивляетъ своею оригинальностію (разумѣется, такою, которая большинству не нравится), тотъ похожъ на человѣка, который пріѣхалъ на балъ въ платьѣ страннаго или стариннаго покроя, для показанія своего полнаго презрѣнія къ условіямъ общества и приличію. Не даромъ общество заклеймило такихъ людей именемъ опасныхъ и безпокойныхъ, впрочемъ, если бы оно назвало ихъ пустыми, то было бы правѣе (!). Теперь единственное мое стараніе, чтобы всякій, знающій меня по литературѣ и увидѣвшій въ первый и во сто-первый разъ, сказалъ: «Это-то Б — ій, да онъ, какъ всѣ». Простота, и если сила и достоинство, то все-таки въ простотѣ—вотъ главное...

М. Бакунину.

Москва, 12 октября 1838 г. [2])

...Не бойся, что я сдѣлаюсь Шевыревымъ или Погодинымъ... для меня это совершенно невозможно... Я

---

[1]) Такъ стала ему теперь чужда отдѣльность и исключительность ихъ кружка, которую въ прежнее время (и послѣ) онъ понималъ совсѣмъ иначе (Пыпинъ, «Бѣлинскій и его переписка» I, 229, изд. первое).

[2]) Письмо взято изъ изд. Павленкова за исключеніемъ начала, касающагося отношеній Бѣл. къ Бакунину и его сестрамъ.

не буду ни любителемъ буквы, ни книжнымъ спекулянтомъ... Не боюсь за мою будущую участь, потому что знаю, что буду тѣмъ, чѣмъ буду, а не тѣмъ, совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ бы самъ захотѣлъ быть...

...Воля Божія есть предопредѣленіе востока, fatum древнихъ, провидѣніе христіанства, необходимость философіи, наконецъ, дѣйствительность. Я признаю личную, самостоятельную свободу, но признаю и высшую волю. Коллизія есть результатъ враждебнаго столкновенія этихъ двухъ воль. Поэтому все бываетъ и будетъ такъ, какъ бываетъ и будетъ! Устою — хорошо; паду—дѣлать нечего...

...Напрасно ты твердишь, что я отложилъ мысль въ сторону, отрекся отъ нея навсегда и пр. пр... Ты создалъ себѣ призракъ и колотишь себѣ по немъ, въ полной увѣренности, что бьешь меня. Это, наконецъ, смѣшно и скучно. Повторяю тебѣ: уважаю мысль и цѣню ее, но только мысль конкретную, а не отвлеченную; отвлеченная мысль въ моихъ глазахъ ниже, безполезнѣе, дряннѣе эмпирическаго опыта, а недопеченный философъ хуже добраго малаго [1]).

...Но чувство мое вполнѣ уважаю, и вотъ почему: мое созерцаніе [2]) всегда было огромнѣе, истинныя мои предощущенія и мое непосредственное ощущеніе всегда были вѣрнѣе моей мысли.

Человѣкъ, который живетъ чувствомъ въ дѣйствительности, выше того, кто живетъ мыслію въ призрачности (т.-е. внѣ дѣйствительности); но человѣкъ, который живетъ (конкретною) мыслію въ дѣйствительности, выше того, кто живетъ въ ней только своею непосредственностію. Безъ примѣровъ и фактовъ у меня ничего не дѣлается, потому что безъ нихъ я ровно ничего не понимаю.

---

[1]) «Добрый малый» въ кружкѣ было браннымъ выраженіемъ.

[2]) Непосредственное пониманіе.

Петръ Великій, который былъ очень плохой философъ, понималъ дѣйствительность больше и лучше, нежели Фихте. Всякій историческій дѣятель понималъ ее лучше его. По моему мнѣнію, если понимать дѣйствительность сознательно, такъ понимать ее, какъ понималъ Гегель; но много ли такъ понимаютъ ее?— Пятьдесятъ человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ; такъ неужели же всѣ остальные—не люди?

Я мыслю (сколько въ силахъ), но уже если моя мысль не подходитъ подъ мое созерцаніе или стукается о факты—я велю ее мальчику вымести вмѣстѣ съ соромъ. Объясню это фактомъ: нѣкогда я думалъ, что поэтъ не можетъ перемѣнить ни стиха, ни слова; мнѣ говорили, что черновыя тетради Пушкина доказываютъ противное, а я отвѣчалъ: если бы самъ Пушкинъ увѣрялъ меня въ этомъ—я бы не повѣрилъ. Такой мысли я теперь не хочу и не ставлю ее ни въ грошъ.

...Ты помнишь, какую фразу отпустилъ я за столомъ, и какъ она подѣйствовала на А. М. [1]); но знаешь ли что?—Я нисколько не раскаиваюсь въ этой фразѣ и нисколько не смущаюсь воспоминаніемъ о ней: ею выразилъ я совершенно добросовѣстно и со всею полнотою моей неистовой натуры тогдашнее состояніе моего духа. Да, я такъ думалъ тогда; что было, то должно было быть, и если было необходимо, то было и хорошо и благо. Повторяю: искренно и добросовѣстно выразилъ я этою фразою напряженное состояніе моего духа, черезъ которое необходимо долженъ былъ пройти...

...Но я былъ философъ, и даже совѣсть и здравый смыслъ принесъ въ жертву философіи фразерства...

---

1) Бѣлинскій намекаетъ здѣсь на разговоръ въ деревнѣ у Бакуниныхъ о французской революціи при большомъ обществѣ. А. М. Бакунинъ, отецъ, былъ смущенъ рѣзкостью выраженія. Этотъ эпизодъ относится къ 1836 году, къ фихтеанскому періоду мыслей Бѣлинскаго. Тогда онъ понималъ фихтеанизмъ именно въ радикальномъ политическомъ значеніи (А. Пыпинъ, т. I, стр. 175).

...Это моя исторія того времени и причина большей части тогдашнихъ моихъ мученій...

...Но это распаденіе [1]) и эта отвлеченность были ужаснымъ зломъ и страшною мукою для меня только въ настоящемъ, а въ будущемъ они принесли благодарные плоды, заставивъ меня серьезно подумать и передумать обо всемъ, о чемъ я прежде думалъ только слегка, и стремиться дать моему образу мыслей логическую полноту и цѣлость.

...Я даже примирился и съ католическимъ періодомъ моей жизни, когда я былъ убѣжденъ отъ всей души, что у меня нѣтъ ни чувства, ни ума, ни таланта, никакой и ни къ чему способности, ни жизни, ни огня, ни горячей крови, ни благородства, ни чести, что хуже меня не было никого у Бога, что я пошлѣйшее и ничтожнѣйшее созданіе въ мірѣ... Да, я призналъ и созналъ и необходимость и великую пользу для меня этого періода; теперешняя моя увѣренность въ себѣ и все, что теперь есть во мнѣ хорошаго,—всѣмъ этимъ я обязанъ этому періоду, и безъ него ничего хорошаго во мнѣ не было бы...

...У меня нѣтъ охоты смотрѣть въ будущее,—вся забота—что-нибудь дѣлать, быть полезнымъ членомъ общества. А я дѣлаю, что могу. Я много принесъ жертвъ для этой потребности дѣлать. Для нея я хожу въ рубищѣ, терплю нужду, тогда какъ всегда въ моей возможности имѣть десять тысячъ годового дохода съ моей деревни—неутомимаго пера. Говорю это не для хвастовства, а потому, что и меня задѣли за слишкомъ живую струну, не отдали мнѣ справедливости въ томъ, въ чемъ я имѣю несомнѣнное и не совсѣмъ незначительное значеніе. Я уже не кандидатъ въ члены общества, а членъ его, чувствуя себя въ немъ и его въ себѣ,

---

[1]) Такъ Бѣлинскій называетъ свое тогдашнее настроеніе (Павленк. изд.).

приросъ къ его интересамъ, впился въ его жизнь, слилъ съ нею мою жизнь и принесъ ей въ дань всего самого себя... Почетнаго имени въ гражданствѣ я не желаю, потому что не сомнѣваюсь его имѣть и даже теперь его имѣю въ извѣстной степени...

Да, я попрежнему буду дѣлать, буду жить, чтобы мыслить и страдать; многимъ, можетъ-быть, укажу на возможность блаженства, многимъ помогу дойти до него, многихъ заставлю, не зная меня лично, любить, уважать себя и признавать ихъ обязаннымъ мнѣ своимъ развитіемъ, минутами своего блаженства; но самъ, кромѣ минутъ, буду знать одно страданіе... Не всѣмъ одна дорога, не всѣмъ одна участь... У меня надежда на выходъ не въ мысли (исключительно), а въ жизни [1]), какъ въ большемъ участіи въ дѣйствительности не созерцательно, а дѣятельно... Что же касается до моего развитія... оно идетъ, какъ шло, и такъ же будетъ итти... Мои отношенія къ мысли останутся тѣми же, какими были всегда. Попрежнему меня будетъ интересовать всякое явленіе жизни—и въ исторіи, и въ искусствѣ, и въ дѣйствительности; попрежнему буду я о всемъ этомъ разсуждать, судить, спорить и хлопотать, какъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Только уже никогда не буду предпочитать конечной логики своей своему безконечному созерцанію, выводовъ своей конечной логики безконечнымъ явленіямъ дѣйствительности...

Отвлеченіе — не моя сфера, и мнѣ душно и гадко въ этой сферѣ, и въ мысли, какъ мысли собственно, я играю роль слишкомъ не блестящую; моя сфера—огненныя слова и живые образы—тутъ только мнѣ и просторно и хорошо. Моя сила, мощь—въ моемъ непосредственномъ чувствѣ, и потому никогда не откажусь

---

1) По идеалистической теоріи кружка—для всякаго есть выходъ въ мысли, и всякій можетъ достигнуть абсолютнаго блаженства посредствомъ мысли (Пыпинъ, т. I, стр. 237).

я отъ него, потому что не имѣю охоты отказаться отъ самого себя.

Нѣкоторые изъ друзей Бѣлинскаго, въ томъ числѣ и Бакунинъ, въ признакъ полнаго отчужденія его отъ глубоко отвлеченной мысли, приписали ему религію Беранже. Все французское: жизнь, поэзія, литература, философія, для московскихъ гегельянцевъ было предметомъ величайшаго презрѣнія за отсутствіе абсолютнаго пониманія и, слѣдовательно, за пустоту.

...Противъ этого не почитаю за нужное и оправдываться: не только моими письмами не подалъ я повода къ подобному заключенію, но одной уже моей инстинктуальной, непосредственной и фанатической ненависти къ французамъ и всему французскому (!) достаточно для того, чтобы защитить меня отъ подобныхъ комментарій [1]).

...Можетъ-быть, я и ошибаюсь (человѣку сродно ошибаться, говоритъ Евангеліе—и то же говоритъ толпа, руководствуемая простымъ эмпирическимъ опытомъ); можетъ-быть, я и ошибаюсь, но, право, слесарша Пошлепкина, какъ художественное созданіе, для меня выше Теклы, этого десятаго, послѣдняго, улучшеннаго, просмотрѣннаго и исправленнаго изданія одной и той же женщины Шиллера [2]). А Орлеанка—что же мнѣ дѣлать съ самимъ собою! Орлеанка, за исключеніемъ нѣсколькихъ чисто лирическихъ мѣстъ, имѣющихъ особое, свое собственное значеніе, для меня—пузырь бараній—не больше! Повторяю, можетъ-быть, я и ошибаюсь и, понимая Шекспира и Пушкина, еще не возвысился до

---

[1]) Позднѣе его отношеніе къ французамъ было совсѣмъ иное (2-е изд. «Соч. Бѣл.», Павленкова).

[2]) Въ первомъ періодѣ своей «идеальности» Бѣлинскій восторгался Шиллеромъ; во второмъ, когда онъ убѣдился въ «разумности существующаго», онъ отвергъ Шиллера, потому что, съ его новой эстетической точки зрѣнія, истинная поэзія отвергаетъ всякую субъективность и тенденціозность, которыя онъ нашелъ въ Шиллерѣ (Пыпинъ, т. I, стр. 233).

пониманія Шиллера; но... когда дѣло идетъ объ искусствѣ и особенно о его непосредственномъ пониманіи, или о томъ, что называется эстетическимъ чувствомъ, или воспріемлемостію [1]) изящнаго,—я смѣлъ и дерзокъ, и моя смѣлость и дерзость въ этомъ отношеніи простирается до того, что и авторитетъ самого Гегеля имъ не предѣлъ. Да, пусть Гегель признаетъ Мольера художникомъ: я не хочу для него отречься отъ здраваго смысла и чувства, даннаго мнѣ Богомъ. Понимаю мистическое уваженіе ученика къ своему учителю, но не почитаю себя обязаннымъ, не будучи ученикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, играть роль Сеида. Глубоко уважаю Гегеля и его философію, но это мнѣ не мѣшаетъ думать (можетъ-быть, ошибочно: что до этого?), что еще не всѣ приговоры во имя ея неприкосновенно-святы и непреложны. Гегель не говоритъ ни слова о личномъ безсмертіи, а ученикъ его Гёшель эту великую задачу, безъ удовлетворительнаго разрѣшенія которой еще далеко не кончено дѣло философіи, избралъ предметомъ особеннаго разрѣшенія. Ретшеръ философски, съ абсолютной точки зрѣнія, разобралъ «Лира», а Бауманъ кинулъ на это гигантское созданіе царя поэтовъ, Христа искусства, нѣсколько своихъ собственныхъ взглядовъ, уничтожившихъ взгляды Ретшера (именно на характеръ Корделіи); слѣд., промахи и непониманіе возможны и для людей абсолютныхъ, гражданъ спекулятивной области, а слѣдовательно, всему вѣрить безусловно не годится. Глубоко уважаю и люблю Марбаха, этого философа-поэта въ области мысли, но его прекрасныя объясненія второй части «Фауста» мнѣ кажутся логическими натяжками, мыслями, взятыми мимо непосредственнаго чувства, безъ всякаго его участія. Опять повторяю — понимаю возможность ошибки съ моей стороны и въ этомъ случаѣ; но символы и алле-

---

1) Употреблялось вмѣсто воспріимчивость (изд. Павленк.).

горіи для меня—не поэзія, но совершенное отрицаніе поэзіи, униженіе ея... Я не одинъ такой еретикъ: Кудрявцевъ, котораго эстетическое чувство и художественный инстинктъ имѣютъ тоже свою цѣну и котораго свѣтлая голова больше моей доступна мысли, Кудрявцевъ, недавно прочитавшій Марбаха и восхитившійся имъ, обрадовался, когда услышалъ отъ меня эту мысль, потому что и самъ думалъ то же...

4.

Н. В. Станкевичу [1]).

Москва, 8 ноября 1838 г.

«...Если бъ ты зналъ, какъ подѣйствовали на меня слова Вердера [2]), переданныя тобою въ письмѣ! Какъ глубоко понялъ я ихъ! Новый свѣтъ, новое откровеніе озарило меня при чтеніи ихъ. Вотъ такую философію я уважаю, хоть и никогда философомъ не буду. Она не отрицаетъ мистическихъ вѣрованій сердца, но разумомъ оправдываетъ ихъ, она не превращаетъ жизни въ сухое понятіе, въ мертвый скелетъ. Меня напугали философіею, во имя ея меня хотѣли увѣрить, что я пошлякъ, ничтожный человѣкъ, потому только, что моя кровь горяча, а сердце требуетъ любви и сочувствія. И я повѣрилъ добродушно. Но... (теперь...) я узналъ, что или философія вздоръ или ее не понимаютъ. Разумѣется, философія отстояла себя въ душѣ моей, а нѣкоторые авторитеты [3]) шлепнулись. Теперь дышу свободнѣе. Слова Вердера озарили меня еще больше и еще болѣе утвердили мою вѣру въ философію. Какой это долженъ быть человѣкъ! И какъ много должно значить его участіе къ тебѣ! «Въ ея письмахъ [4]), — говорилъ онъ, — вѣялъ ему духъ другой

[1]) Взято тамъ же.

[2]) Профессоръ философіи въ Берлинѣ и другъ Станкевича.

[3]) Бѣл. разумѣетъ, главнымъ образомъ, авторитетъ М. Бакунина.

[4]) Въ письмахъ невѣсты Станкевича.

жизни»; не умѣю объяснить тебѣ, что вѣетъ мнѣ въ этихъ словахъ: тутъ и мысль глубокая, и музыка, и поэтическій образъ. Есть же на свѣтѣ такіе люди, которые однимъ выраженіемъ умѣютъ передать весь благоухающій букетъ своей непосредственности, всю сущность свою. Вердеръ для меня теперь не понятіе, но живой образъ... Чудный, святой человѣкъ! О, если бы я узналъ еще, что онъ съ грустцою отъ какихъ-нибудь воспоминаній, сердечныхъ мистерій, что міръ Божій хотя и такъ хорошъ для него, что онъ не находитъ въ немъ ничего, что бы требовало его поправки, а между тѣмъ собственно для себя желалъ бы поправить что-нибудь, въ то же время сознавая разумную необходимость всего и такъ, какъ оно есть... Прекраснодушіе [1]). Но къ чему философскія маски: будь всякій тѣмъ, что есть...

«Съ М. [2]) я разстался. Чудесный человѣкъ, глубокая, самобытная, львиная природа—этого у него нельзя отнять: но его претензіи... дѣлаютъ невозможнымъ дружбу съ нимъ. Онъ любитъ идеи, а не людей, хочетъ властвовать своимъ авторитетомъ, а не любить. Съ весны я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я—самъ по себѣ, что ругать себя и кланяться другимъ на свой счетъ — глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни и пр. Ему это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила, и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно—сшибу, да еще копытомъ лягну. Началась борьба—перепискою. Онъ былъ израненъ, выслушалъ горькія истины, выраженныя энергическимъ языкомъ. Примирился. Послѣ этого-то я былъ въ... нѣ [3]). Послѣ опять

---

[1]) «Прекраснодушіе»—слово, пущенное въ оборотъ М. Бакунинымъ (Schönseeligkeit) — означало недовольство дѣйствительностью, желаніе исправленія ея, имѣло ироническій смыслъ у идеалистовъ - гегельянцевъ.

[2]) Съ М. Бакунинымъ.

[3]) Въ Прямухинѣ, деревнѣ Бакунинныхъ, лѣтомъ 1838 г.

война. Онъ опять съ миромъ, а я пишу ему, что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ въ смыслѣ bon vivant et bon camarade и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, а хочу со всѣми быть, какъ всѣ. Но это тебѣ непонятно. Я изложу тебѣ подробно всю кампанію, пришлю даже планы сраженій. Ты услышишь чудеса. Пока скажу немножко...

«Да, Николай, простое, живое чувство, задушевность, преданность человѣческимъ интересамъ тамъ [1]) уже не много значатъ и мало цѣнятся: тамъ требуютъ мысли, знанія и вздыхаютъ о мысли и знаніи, безъ которыхъ (для нихъ!!!) нѣтъ любви, нѣтъ жизни. Я все и расписалъ философскому другу [2]) откровенно и энергически; онъ взбѣсился и прислалъ мнѣ въ отвѣтъ анаѳему, а я не струсилъ и повелъ дѣло такъ, что онъ растерялся, сталъ противорѣчить себѣ и просить мира. Дѣйствительность вытанцовалась и колотитъ его нещадно. Ото всѣхъ, даже отъ Петра Кл—ва, онъ услышалъ то же, что отъ меня. Богъ съ нимъ. А я тебѣ все подробно изложу, ты вѣдь любишь прочесть иногда что-нибудь забавное [3]). Это будетъ поэма, въ которой побивается Улиссъ самымъ не хитрымъ (но здоровымъ) витяземъ.

«Помнишь ли, Н., мои дикіе вопли противъ скульптуры и вообще греческаго искусства? Порадуйся — я поумнѣлъ. Новый свѣтъ озарилъ меня, и греки пред-

[1]) Въ кругу Бакунина.
[2]) М. Бакунину.
[3]) Гоголевская фраза.

стали мнѣ въ лучезарномъ блескѣ, какъ народъ, который больше евреевъ имѣетъ права на названіе Божьяго народа. Скульптура для меня теперь — божественное искусство. Съ Шиллеромъ я совсѣмъ разссорился. Богъ съ нимъ — потѣшился онъ надо мною, а теперь я не подъ закономъ, а подъ благодатіею. Женщинъ его очень не жалую. Вообще, какъ поэтъ,—онъ потерялъ для меня всякое значеніе. Можетъ-быть, тутъ проявляется дикость моей натуры, — такъ и быть: буду самъ по себѣ».

5.

Н. В. Станкевичу [1]).

Москва, съ 29 сентября по 8 октября 1839 г.

«...Не думай, Николай, чтобы я не видѣлъ смѣшныхъ сторонъ моего Телескопскаго ратованія [2]), но я никакъ не могу понять, чтобы онѣ могли заслонять его истинную, его дѣйствительную сторону. Истина какъ золото: для одного зернышка возятся съ пудомъ песку. Мнѣ сладко думать, что я, лишенный не только наукообразнаго, но и всякаго образованія, сказалъ первый нѣсколько истинъ, тогда какъ премудрый университетскій синедріонъ поролъ дичь. Истина не презираетъ никакихъ путей и пробирается всякими. Что же касается до смѣшной стороны, то не только въ «Телескопѣ», я давно уже вижу ее и въ «Наблюдателѣ» [3]). Я довольно непосѣденъ и недолго сижу на одномъ мѣстѣ, и по-

---

[1]) Письмо это, по словамъ Пыпина, могло бы составить цѣлую брошюру. Бѣлинскій пишетъ о новыхъ душевныхъ волненіяхъ. Нами взято оно въ томъ видѣ (съ сокращ.), какъ напечатано въ изд. Павленкова.— Кромѣ того, мы выпустили въ началѣ и серединѣ—о тяжеломъ душевномъ состояніи Бѣл., о первомъ знакомствѣ съ Грановск., о Лермонтовѣ и Пушкинѣ, о Кудрявцевѣ и о ссорахъ въ кружкѣ.

[2]) Станк. указывалъ Бѣл. на недостатки въ его статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Телескопѣ».

[3]) «Моск. Наблюдатель»—журналъ, который редактировалъ (неофиціально) Бѣлинскій въ 1838 г.

тому я давно уже дальше «Наблюдателя». Смѣшная и дѣтская сторона его совсѣмъ не въ нападкахъ на Шиллера, а въ этомъ обиліи философскихъ терминовъ (очень поверхностно понятыхъ), которые и въ самой Германіи, въ популярныхъ сочиненіяхъ, употребляются съ большею экономіею. Мы забыли, что русская публика не нѣмецкая, и, нападая на прекраснодушіе, сами служили самымъ забавнымъ примѣромъ его. Статья Б—на [1]) погубила «Наблюдатель» не тѣмъ, что она была слишкомъ дурна, а тѣмъ, что увлекла насъ (особенно меня, за что я и золъ на нее), дала дурное направленіе журналу и на первыхъ порахъ оттолкнула отъ него публику и погубила его безвозвратно въ ея глазахъ. Что же до достоинства этой статьи, которая тебѣ показалась лучшею въ журналѣ, такъ же, какъ стихотв. Клюшк. «Къ Петру» превосходнымъ, — я опять не согласенъ съ тобою: о содержаніи (философской статьи) не спорю, но форма весьма неблагообразна, и ея непосредственное впечатлѣніе очень невыгодно и для философіи, и для личности автора...

«Вмѣсто представленій въ статьѣ одни понятія, вмѣсто живого изложенія одна сухая и крикливая отвлеченность. Вотъ почему эта статья возбудила въ публикѣ не холодность, а ненависть и презрѣніе, какъ будто бы она была личнымъ оскорбленіемъ каждому читателю».

(Дальше Бѣлинскій защищаетъ отъ обвиненій Станкевича свои отзывы о Шиллерѣ).

«...Тутъ вмѣшались личности. Шиллеръ тогда былъ мой личный врагъ; и мнѣ стоило труда обуздывать мою къ нему ненависть и держаться въ предѣлахъ возможнаго для меня приличія. За что эта ненависть? За субъективно-нравственную точку зрѣнія, за страшную идею долга, за абстрактный героизмъ, за прекрасно-

---

[1]) «Предисловіе переводчика» къ «Гимназическимъ рѣчамъ» Гегеля М. Бакунина. Эту статью см. выше.

душную войну съ дѣйствительностью,—за все это, отъ чего страдалъ я во имя его. Ты скажешь, что не вина Шиллера, если я ложно, конечно, и односторонне понялъ великаго генія и взялъ отъ него только его темныя стороны, не постигши разумныхъ; такъ, да и не моя вина, что я не могъ понять его лучше. Его «Разбойники» и «Коварство и любовь», вкупѣ съ «Фіеско»— этимъ произведеніемъ нѣмецкаго Гюго, наложили на меня дикую вражду съ общественнымъ порядкомъ, во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ. Его «Донъ-Карлосъ» — эта блѣдная фантасмагорія образовъ безъ лицъ и риторическихъ олицетвореній, эта апотеоза абстрактной любви къ человѣчеству безъ всякаго содержанія — бросила меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораго я все презиралъ, все ненавидѣлъ (и если бъ ты зналъ, какъ дико и болѣзненно!) и въ которомъ я очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, сознавалъ себя нулемъ. Его «Орлеанская Дѣвственница» — эта драма съ двумя элементами, рѣзко отдѣлившимися одинъ отъ другого, какъ отдѣляется вода отъ масла, налитыя въ одинъ сосудъ, — съ элементомъ мистическимъ и католическимъ (а я теперь поохладѣлъ къ первому и всегда дико ненавидѣлъ второй, съ чѣмъ и умру) и потомъ съ элементомъ плохой и блѣдной драмы (гдѣ является Анна д'Аркъ— тамъ мистицизмъ и католицизмъ и, признаюсь, могучая романтическая поэзія; гдѣ являются другія лица— тамъ скука, блѣдность и мелочность, вслѣдствіе безсилія Шиллера возвыситься до объективной обрисовки характеровъ и драматическаго дѣйствія)—«Орлеанская Дѣва» ринула меня въ тотъ же абстрактный героизмъ, въ то же пустое, безличное, субстанціальное, безъ всякаго индивидуальнаго опредѣленія—общее. Его Текла, это улучшенное и исправленное изданіе шиллеровской

женщины—дала мнѣ идеалъ женщины, внѣ котораго для меня не было женщины... До чего довелъ меня Шиллеръ?

«И куда самъ онъ заходилъ, запутываясь своими противорѣчіями! Влюбившись въ дѣвушку и женившись на ней, онъ скоро охладѣлъ къ ней, дурно съ нею обращался и написалъ свои «Die Ideale» [1]), гдѣ распрощался со всѣми призраками жизни — поэзіею, знаніемъ, славою, любовію,—и остался только съ дружбою и трудомъ. Въ «Resignation» онъ принесъ въ жертву общему все частное—и вышелъ въ пустоту, потому что его общее было Молохомъ, пожирающимъ собственныхъ чадъ своихъ, а не вѣчною любовію, которая открываетъ себя во всемъ, въ чемъ только есть жизнь. Въ своемъ «Der Kampf» онъ прощается съ гнетущею его добродѣтелью, посылаетъ ее къ чорту и въ дикомъ изступленіи говоритъ—хочу грѣшить! Что это за жизнь, гдѣ рефлексія отравляетъ всякую блаженную минуту, вышедшую изъ полноты жизни, гдѣ общее велитъ смотрѣть, какъ на грѣхъ, на всякое человѣческое наслажденіе, гдѣ религія является католицизмомъ среднихъ вѣковъ, стоицизмъ Катоновскій—искупленіемъ!..—Вотъ почему я возненавидѣлъ Шиллера; чаша переполнилась—духъ рвался на свободу изъ душной тѣсноты...

«...Пріѣзжаю въ Москву съ Кавказа, пріѣзжаетъ Бакунинъ—мы живемъ вмѣстѣ. Лѣтомъ просмотрѣлъ онъ философію религіи и права Гегеля. Новый міръ намъ открылся. Сила есть право и право есть сила:—нѣтъ, не могу описать тебѣ, съ какимъ чувствомъ услышалъ эти слова—это было освобожденіе. Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей; я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случай-

---

[1]) «Идеалы» были переведены для «Наблюдателя» К. Аксаковымъ. Прим. въ изд. Павленкова.

ности—и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ. Я раскланялся съ французами. Передъ этимъ еще К—въ [1]) передалъ мнѣ, какъ умѣлъ, а я принялъ въ себя, какъ могъ, нѣсколько результатовъ Эстетики—Боже мой! Какой новый свѣтлый, безконечный міръ! Я вспомнилъ тогда твое недовольство собою, твои хлопоты о побіеніи фантазій, твою тоску о нормальности. Слово «дѣйствительность» сдѣлалось для меня равнозначительно слову «Богъ»! И ты напрасно совѣтуешь мнѣ чаще смотрѣть на синее небо — образъ безконечнаго, чтобы не впасть въ кухонную дѣйствительность: другъ, блаженъ, кто можетъ видѣть въ образѣ неба символъ безконечнаго, но вѣдь небо часто застилается сѣрыми тучами, потому тотъ блаженнѣе, кто и кухню умѣетъ просвѣтлить мыслію безконечною.

«...Но буду продолжать тебѣ мою внутреннюю исторію. Б. первый (тогда же) провозгласилъ, что истина только въ объективности и что въ поэзіи субъективность есть отрицаніе поэзіи; что безконечнаго должно искать въ каждой точкѣ, что въ искусствѣ оно открывается черезъ форму, а не черезъ содержаніе, потому что само содержаніе высказывается черезъ форму, а гдѣ наоборотъ — тамъ нѣтъ искусства. Я освирѣпѣлъ, опьянѣлъ отъ этихъ идей—и неистовыя проклятія посыпались на благороднаго адвоката человѣчества у людей — Шиллера. Учитель мой возмутился духомъ, увидѣвъ слишкомъ скорые и слишкомъ обильные и сочные плоды своего ученія, хотѣлъ меня остановить, но поздно: я уже сорвался съ цѣпи и побѣжалъ благимъ матомъ. Извѣстно, что Шиллеръ совѣтовалъ Гете поставить въ углу герцога Альбу, когда его сынъ говорилъ съ Эгмонтомъ, дабы оный злодѣй или умилился и покаялся, или востерзался отъ своего неистовства—

---

[1]) Катковъ.

верхъ прекраснодушія, образецъ драматическаго безсилія! М. хотѣлъ отъ меня скрыть этотъ фактъ и по обыкновенію самъ же проболталъ мнѣ его—я взревѣлъ отъ радости. Въ это же время начались гоненія на прекраснодушіе во имя дѣйствительности. Въ это же время пошли толки о Гете [1]), и что со мною стало, когда я прочелъ «Утреннія жалобы», а потомъ—

Лежу я въ потокѣ на камняхъ... какъ радъ я!
Идущей волнѣ простираю объятья, и пр.

«Новый міръ! новая жизнь! Долой ярмо долга... гнилой моралізмъ и идеальное резонерство! Человѣкъ можетъ жить—все его, всякій моментъ жизни великъ, истиненъ и святъ! Тутъ подоспѣли для меня переводы милаго Гейне, и скоро мы прочли «Ромео и Юлію», чтобы узнать, что такое женщина... Бѣдный Шиллеръ!..»

«...Я не зналъ, что въ любви дѣйствительность есть возможность чувства, лежащая во святая святыхъ духа нашего...» но что осуществленіе возможности любить, встрѣча съ родною душою есть чистѣйшая случайность, и что отъ этой случайности блаженство не только не ниже, но еще выше, потому что въ противномъ случаѣ это была бы мертвящая душу невольническая неизбѣжность.

«Такимъ точно образомъ—встрѣтилъ [2])—бери, хватай, не упускай, истощи всѣ силы, всю энергію для достиженія блаженства; барышня еще не показывается—не трать жизни въ пустыхъ жалобахъ, идеальныхъ ожиданіяхъ при лунѣ и сальныхъ свѣчахъ. Нашелъ—твое; не нашелъ—и не ищи. Вообще, я только теперь—странное дѣло! и вѣдь, кажись, малый очень неглупый—понялъ, что только тотъ достоинъ блаженства, кто довольно силенъ духомъ, чтобы отказаться отъ

[1]) Отличительную черту Гете видѣли въ объективности (въ противоположность субъективности Шиллера). Прим. въ изд. Павленкова.

[2]) Т.-е. встрѣтилъ родную душу. Прим. въ изд. Павленкова.

него (resignation), когда его нѣтъ, или когда это велитъ не дѣтскій экстазъ, не идеальная выспренность, не резонерство, но разумность. Я все это и прежде еще и думалъ, и даже говорилъ, но не вѣрилъ этому, а повѣрилъ только тогда, какъ надѣлалъ тьму глупостей, отъ которыхъ сердце то судорожно сжималось, то хотѣло разорваться, и текли слезы и бѣшенства, и отчаянія, и оскорбленнаго самолюбія, и чортъ знаетъ еще чего. Что дѣлать—у всякаго свой путь къ истинѣ и свое развитіе...

«...Недѣли черезъ двѣ послѣ отправленія этого письма ѣду въ Питеръ на житье. Зачѣмъ?

«Горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться».

«Безъ фразъ, я узналъ теперь, что не годится порядочному человѣку отдавать свою жизнь и свое счастіе на волю случайностей, что для того и другого надо побороться, поработать. Если бы я пріобрѣлъ невозмущаемую ни въ горести, ни въ радости ровность духа, совершенное забвеніе самого себя, какъ частное, и—чего больше всего мнѣ недостаетъ—доброжелательство, участіе и ласку не къ однимъ слишкомъ близкимъ мнѣ людямъ, но ко всякому человѣческому явленію—я бы это назвалъ своимъ царствомъ небеснымъ, а все остальное охотно отдалъ бы на волю Божію. Знаешь ли, Николай, я много измѣнился даже и во внѣшности: стучанье по столу кулакомъ—ужъ анахронизмъ въ твоемъ передразниваніи меня—шутка ли!—а внутри меня все переродилось: умѣрились дикіе порывы; нападая на дурную или ложную, по моему мнѣнію, сторону предмета, я уже умѣю не потерять изъ виду хорошей, и истинное чувство мое уже не огненно, но тепло, и тѣмъ глубже, чѣмъ тише; я уже не боюсь разочарованій и охлажденія, не боюсь истощенія духовныхъ силъ... но знаю, что только теперь наступила пора ихъ полнаго развитія, и что еще долго онѣ будутъ итти возрастая,

и хоть я не могу похвалиться кудрями, но часто твержу про себя эти чудные стихи Кольцова:

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

«Да, я въ тысячу разъ счастливѣе прежняго, глубже и сильнѣе чувствую блаженство жизни, какъ жизни, достоинства человѣка, доступнѣе впечатлѣніямъ искусства,—словомъ, любящѣе, но все это неровно. Ты знаешь мое образованіе, знаешь, сколько потрачено времени, знаешь, что работа для меня — вдохновеніе, порывъ, или желѣзная нужда, а не фундаментъ жизни, не источникъ силъ. Да, я не пріучилъ ума своего къ дисциплинѣ системы, не подвергалъ его гимнастикѣ ученія, и не пріучилъ себя къ работѣ, какъ къ чему-то постоянному и систематическому. Я люблю искусство выше всего, и много міровыхъ интересовъ живетъ въ душѣ моей, но все это диллетантизмъ и добрая натура. (Онъ жалуется на недостатокъ выработанной воли...) И потому мнѣ страшно самому себѣ выговорить мои намѣренія, не только другому. Чтобы привести ихъ въ исполненіе, мнѣ надо оторваться отъ своего родного круга, мнѣ, робкой, запертой въ самой себѣ натурѣ,—перенестись въ сферу чуждую, враждебную—страшно подумать, а время близко! Это послѣдній опытъ—не удастся, всѣ надежды къ чорту! Москва погубила меня, въ ней нечѣмъ жить и нечего дѣлать, и нельзя дѣлать, а разстаться съ нею тяжелый опытъ. «...Усталъ... уходила проклятая исторія, а между тѣмъ и половины не разсказалъ» [1]).

---

1) 8 окт., говоритъ Пыпинъ, Бѣл. принялся за продолженіе письма, но окончанія его не было въ нашемъ матеріалѣ,— не знаемъ, было оно дописано (Пыпинъ, т. I, стр. 303).

6.

В. П. Боткину.

Петербургъ, 22 ноября 1839 г. [1]).

... Несмотря на мое рѣшеніе избѣгать всякихъ знакомствъ, я завелъ ихъ бездну. Разумѣется, я прежде всего познакомился съ К—скимъ. Чрезвычайно добрый, теплый и умный человѣкъ! Въ немъ есть даже и чувство изящнаго, но оно не развито... Плетневъ добрый и простой человѣкъ, но онъ теперь на покоѣ у жизни. Князь Одоевскій принялъ и обласкалъ меня, какъ нельзя лучше. Онъ очень добрый и простой человѣкъ, но повытерся свѣтомъ и жизнью, и потому безцвѣтенъ, какъ изношенный платокъ. Теперь его больше всего интересуетъ мистицизмъ и магнетизмъ. Очень также хорошо отзывался онъ и о моемъ «Пятидесятилѣтнемъ Дядюшкѣ». У Панаева есть закадычный другъ Я—въ: это, братъ, московскій человѣкъ, и я выключаю его изъ числа знакомыхъ... Да, и въ Питерѣ есть люди, но это все москвичи, хотя бы они и въ глаза не видали Бѣлокаменной. Собственно Питеру принадлежитъ все половинчатое, полуцвѣтное, сѣренькое, какъ его небо, обтершееся и гладкое, какъ прекрасные тротуары. Въ Питерѣ только поймешь, что религія есть основа всего, и что безъ нея человѣкъ — ничто, ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святое и заставить въ немъ выйти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя—человѣкъ онъ, получеловѣкъ или скотина: если будетъ страдать въ немъ—человѣкъ, если Питеръ полюбится ему, будетъ или богатъ, или дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Самъ городъ красивъ, но основанъ на плоскости, и потому Москва—красавица пе-

---

1) Изъ письма этого, переполненнаго, главнымъ образомъ, впечатлѣніями отъ Петербурга, взята середина, цѣнная по общей характеристикѣ города и нѣкоторыхъ столичныхъ литераторовъ.

редъ нимъ. Въ театрѣ я былъ два раза (т.-е. въ Александринскомъ) и въ третій страхъ не хочется итти... Публика—господа офицеры и чиновники... позоръ и оскорбленіе человѣчества и общества.

Булгаринъ, встрѣчаясь съ Панаевымъ на Невскомъ, на другой день послѣ выхода 11 № «О. З.», сказалъ: «почтеннѣйшій, почтеннѣйшій, бульдога-то это вы привезли меня травить?»

Скажи Грановскому, что чѣмъ больше живу и думаю, тѣмъ больше, кровнѣе люблю Русь, но начинаю сознавать, что это съ ея субстанціальной стороны, но ея опредѣленіе, ея дѣйствительность настоящая начинаютъ приводить меня въ отчаяніе — грязно, мерзко, возмутительно - нечеловѣчески, — я понимаю Фроловыхъ [1]).

7.

В. П. Боткину [2]).

Петербургъ, 16 декабря 1839 г.

... Всякая односторонность уже не бѣситъ, а глубоко оскорбляетъ меня. Одинъ кричитъ о высокомъ, прекрасномъ и идеальномъ, другой, съ ироническою усмѣшкой человѣка, постигшаго мудрость мудрости, говоритъ о паровыхъ машинахъ и о комфортѣ; одинъ уважаетъ общее и презираетъ личное, другой не вѣритъ общему и лакомится только частнымъ,—все это ограниченности и односторонности. Міръ древній жилъ въ исторіи и искусствѣ и пускалъ въ трагедію только царей, героевъ и боговъ, а новый міръ начался словами: «пріидите ко мнѣ всѣ страждущіе и обремененные»,—и Тотъ, кто

---

[1]) Фроловы переселились въ Берлинъ; въ ихъ домѣ собирался кругъ русской учащейся молодежи.

[2]) Изъ этого очень длиннаго письма, которое и у Павленкова приведено съ выпусками, взята нами только небольшая часть въ серединѣ, гдѣ развивается мысль о правахъ личности, сильно выражено чувство одиночества среди петербургскаго общества и жажда счастія.

сказалъ ихъ, возлежалъ съ мытарями и грѣшниками, Бога назвалъ отцомъ людей, а людей—братьями другъ другу. Оттого въ новую трагедію вошли и плебеи и шуты, ибо героемъ ея сталъ человѣкъ, какъ субъективная личность. Смѣшно и досадно, любовь Ромео и Юліи есть общее, а потребность любви или любовь читателя есть частное и призрачное. Жизнь въ книгахъ, а въ жизни ничто...

Всѣ эти аллегоріи и «придворные экивоки» клонятся къ тому, что права личнаго человѣка такъ же священны, какъ и мірового гражданина, и что кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ высоко, какъ на отпаденіе отъ общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ,—а мнѣ тотъ и другой, и третій равно несносны. Говорить о себѣ да о себѣ, или все о моихъ да своихъ страданіяхъ, забывши, что и другой также думаетъ о себѣ и также богатъ страданіями, не хорошо и не умно, но тяжело и давить въ себѣ все и не имѣть никого, кто бы дружески откликнулся на наши стоны... Ахъ, мой добрый Василій, такъ тяжело, какъ еще никогда не бывало! Моя одинокость въ мірѣ терзаетъ меня, никогда такъ мучительно не жаждала душа груди, которая отвѣтила бы вздохомъ на ея вздохъ, которая съ любовью приняла бы на себя усталую отъ горя голову... Великое благо въ сей жизни дружба, и особенно великое для меня, потому что оно одно, которое я вполнѣ вкусилъ, но—знаешь ли что? мужская грудь и холодна и жестка, а пожатіе грубой мужской руки, хотя бы и дружней, даетъ только жизнь,— а не смерть, ту сладкую и блаженную смерть, о которой говоритъ Гете въ своемъ божественномъ «Прометеѣ». А мнѣ хотѣлось бы хоть на мгновеніе умереть отъ избытка жизни, а послѣ этого, пожалуй, хоть и умереть въ буквальномъ смыслѣ. И что же? Каждый новый день говоритъ мнѣ: это не для тебя — пиши статьи и толкуй о литературѣ, да еще о русской лите-

ратурѣ... Это выше силъ—глубоко оскорбленная натура ожесточается... и хочетъ оргій, оргій...

Вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва!..

8.

В. П. Боткину.

30 декабря 1839 г. [1])

... Вотъ, другъ Василій, какой промежутокъ въ моемъ письмѣ — почти половина мѣсяца! А въ эту половину много во мнѣ измѣнилось, хотя и все то же осталось, что и было,—мучительное и безотрадное страданіе. Не хочу и перечесть написаннаго—стыдно будетъ. Боже мой! скоро ли настанетъ время, когда я перестану стыдиться написаннаго и сказаннаго мною, перестану переходить отъ одной дѣтскости къ другой... Скоро ли мое слово будетъ мыслію, а не фразою, скоро ли ощущенія, производимыя на меня объективнымъ міромъ, будутъ формироваться во мнѣ мыслями, а не случайными порывами...

... Ты правду говоришь, что кружокъ (московскихъ противниковъ) [2]), къ которому приклеился нашъ юноша, не твой и не мой, ей Богу, не мой, братъ. Знакомые—ништо, разъ другой въ мѣсяцъ сойтись съ ними (и то въ толпѣ) не мѣшаетъ—люди честные, благородные, но неразумные и даже не разсудочные. Я уважаю людей съ сильнымъ разсудкомъ—это народъ дѣльный, полезный, безъ претензій,—словомъ, дѣйствительный... Будь каждый изъ этихъ людей математикъ, статистикъ, агрономъ—каждый изъ нихъ былъ бы лучше и меня и тебя. Но они глубоко оскорбляютъ духъ, о которомъ хлопочутъ и которому они не родня... Я теперь въ та-

---

[1]) Письмо взято въ томъ видѣ (очевидно, съ выпусками), въ какомъ напечатано у Павленкова.

[2]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о славянофильскомъ кружкѣ, борьба съ которымъ еще не началась, но разница взглядовъ уже давала себя чувствовать и Боткину и Бѣлинскому.

комъ состояніи, что оскорбленіе духа грубымъ непониманіемъ при поползновеніи резонерствовать о немъ приводитъ меня въ остервенѣніе. Г—нъ былъ восторженъ и упоенъ Каратыгинымъ въ роли Гамлета: эхъ, заняться бы статистикой-то—славная наука. Знаешь ли что: въ комъ сильный разсудокъ, тотъ не можетъ быть призракомъ и попасть въ чуждую себѣ сферу. Право, мы оскорбляемъ разсудокъ, приписывая его резонерамъ...

9.

В. П. Боткину.

3 февраля 1840 г. [1])

... Въ душѣ моей сухость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и проч. и проч. Вѣра въ жизнь, въ духа, въ дѣйствительность отложена на неопредѣленный срокъ, до лучшаго времени, а пока въ ней безвѣріе и отчаяніе. Не могу завидовать блаженству пошляковъ—ненавижу и презираю его всѣми силами моей дико-страстной натуры, но, право, часто жалѣю, зачѣмъ я не рожденъ однимъ изъ этихъ господъ: по крайней мѣрѣ, зналъ бы хоть какое-нибудь довольство и удовлетвореніе. А теперь не знаю никакого... И между тѣмъ мое мученіе нисколько не однообразно: каждая минута даетъ мнѣ новое, а потому я не могу кончить къ тебѣ ни одного письма: начавъ вчера, нынче вижу, что не то. Петербургъ былъ для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе. Это было необходимо, и лишь бы послѣ стало лучше, я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти грустныя финскія болота. Но пока это невыносимо, выше всякой мѣры терпѣнія... Насъ губилъ китаизмъ. Мы весь Божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ. По-

---

[1]) Въ этомъ письмѣ, напечатанномъ у Павленкова съ сокращеніями, выпущено нами начало и конецъ, гдѣ говорится о причинѣ молчанія Бѣл. о разныхъ журнальныхъ статьяхъ, о цензурныхъ непріятностяхъ и пр.

явилось стихотвореніе, повѣсть, восхитили тебя, меня, К—ва и прочихъ чудаковъ, а мы и говоримъ, что публика поняла это сочиненіе. Чтобъ узнать, что такое русская читающая публика, надо пожить въ Петерб. Представь себѣ, что двое литераторовъ приняли мою ругательную, наглую статью о романѣ Кам—го за преувеличенную похвалу и наглую лесть Кам—му, и упрекали за то Краевскаго. Вотъ вамъ и публика! Что же сказать о моихъ дѣльныхъ статьяхъ? Для кого онѣ пишутся? Что же сказать о моемъ нелѣпѣйшемъ и натянутомъ вступленіи въ разборъ брошюрокъ о Бородинской битвѣ, которымъ всѣ восхитились? Дорого далъ бы я, чтобы истребить его...

10.

В. П. Боткину.

Петербургъ, 18 февраля 1840 г. [1])

«...Вѣдь ты, вѣрно, для того желаешь видѣть «Ричарда» [2]) въ печати, чтобы его читали и прочли? Знаешь ли ты, что «Макбета», переведеннаго извѣстнымъ литераторомъ—Вронченко, разошлось ровно пять экземпляровъ?.. Я того и гляжу, что премудрый синедріонъ, состоящій изъ московскихъ душъ, вздумаетъ перевести всего Шекспира и великолѣпно издать его для удовольствія россійской публики. Смотрите же, господа, печатайте больше — экземпляровъ 100.000: россійская публика просвѣтится, а вы настроите себѣ каменныхъ домовъ и накупите деревень. Въ Питеръ бы васъ, дураковъ—тамъ бы вы поумнѣли, тамъ бы вы узнали, что такое россійская дѣйствительность и россійская публика. Въ журналѣ она прочтетъ и Шекспира: за

---

[1]) Выпущена первая половина письма—о разныхъ статьяхъ Бѣлин. и цензурныхъ непріятностяхъ.

[2]) Рѣчь идетъ о шекспировской пьесѣ «Ричардъ II», которую Боткинъ хотѣлъ издать отдѣльно.

журналъ она платитъ деньги и за свои деньги читаетъ все сплошь...

Кого она поддерживаетъ, кого любитъ? Или людей по плечу себѣ, или плутовъ и мошенниковъ, которые ее надуваютъ.

Чѣмъ взялъ Сенковскій? Основною мыслію своей дѣятельности, что учиться не надо, и что на все въ мірѣ надо смотрѣть шутя. Русскій человѣкъ любитъ жить на шеромыгу... Потомъ, кого любитъ наша публика?—Греча, Булгарина,—да, они, особенно первый, въ Питерѣ, даже при жизни Пушкина, были важнѣе его и доселѣ сохраняютъ свой авторитетъ. О публичныхъ лекціяхъ Греча и теперь говорятъ, какъ о чудѣ, съ восторгомъ и благоговѣніемъ. Вотъ наша публика: давайте жъ, о невинныя московскія души, скорѣе давайте ей Шекспира—она ждетъ его. Нѣтъ, переведитека лучше всего В. Гюго съ братіею, да всего Поль-де-Кока, да и издайте великолѣпно съ романами Булгарина и Греча, съ повѣстями Брамбеуса и драмами Полевого: тутъ успѣхъ несомнителенъ, а бѣднаго Шекспира печатайте въ журналахъ—только въ нихъ и прочтутъ его...»

«Ты говоришь, что я мало развилъ въ себѣ Entsagung. Можетъ-быть, его и совсѣмъ нѣтъ во мнѣ. Такъ какъ я понимаю его въ другихъ и высоко цѣню, то недостатокъ его въ себѣ и считаю ограниченностью, въ которой, однакожъ, не стыжусь признаться. Кажется, что для меня настаетъ время такихъ простыхъ признаній. По крайней мѣрѣ, теперь они для меня очень не трудны. Я этому радъ. Вообще я уже много посбавилъ цѣны въ собственномъ мнѣніи, и надѣюсь, что скоро сознаю себя тѣмъ, что я есть—безъ пошлаго смиренія и пошлой гордости. А можетъ быть, во мнѣ и кроется возможность этого таинственнаго Entsagung, но какъ это мнѣ узнать? Вообрази себѣ мужика, который всю жизнь свою не ѣдалъ ничего, кромѣ хлѣба, пополамъ

съ пескомъ и мякиною, и, пришедъ въ большой городъ, увидѣлъ горы и колачей, и кондитерскихъ издѣлій, и плодовъ: можно сказать, что у него нѣтъ самообладанія и человѣческой воздержности, если онъ на эти вещи будетъ смотрѣть глазами тигра... а захвативши что-нибудь, начнетъ пожирать съ звѣрскою жадностію, а когда у него станутъ отнимать, онъ въ бѣшенствѣ разобьетъ себѣ черепъ? Какъ же отъ него требовать Entsagung? У всякаго есть своя исторія, мой добрый Василій...

11.

В. П. Боткину [1]).

Петербургъ, 14 марта, 1840 г.

...«И добро бы Сенковскій мѣшалъ?—Нѣтъ, Гречъ съ Булгаринымъ—хвала и честь рассейской публикѣ... Живя въ Москвѣ, я даже стыдился много и говорить о Гречѣ, считая его призракомъ; но въ Питерѣ онъ авторитетъ больше Сенковскаго. Лекціи свои онъ началъ читать, чтобы уронить «О. З.»—онъ говоритъ это публично. Вотъ тебѣ и дѣйствительность!.. Но если бы и не это, если бы у меня и были деньги, мнѣ все не легче: я теперь понимаю саркастическую желчность, съ какою Гофманъ нападалъ на идіотовъ и филистеровъ; я связанъ съ рассейскою публикою страшными узами, какъ съ постылою женою... О я теперь лучше бы сошелся съ Грановскимъ [2]), лучше бы понялъ и оцѣнилъ эту чистую, благородную душу, эту здоровую и нормальную натуру, для которой слово и дѣло—одно и то же»...

...Попрежнему брезгую французами... но идея обшества обхватила меня крѣпче,—и пока въ душѣ оста-

---

[1]) Письмо взято въ томъ видѣ, какъ напечатано въ изд. Павленкова, съ выпусками.

[2]) Грановскій былъ противникомъ примиренія съ «дѣйствительностію» не признавалъ ея разумности.

нется хоть искорка, а въ рукахъ держится перо,—я дѣйствую. Мочи нѣтъ, куда ни взглянешь—душа возмущается, чувства оскорбляются. Что мнѣ за дѣло до кружка—во всякой стѣнѣ, хотя бы и не китайской, плохое убѣжище. Вотъ ужъ нашъ кружокъ и разсыпался, и еще больше разсыплется, а куда приклонить голову? гдѣ сочувствіе, гдѣ пониманіе, гдѣ человѣчность? Нѣтъ, къ чорту всѣ высшія стремленія и цѣли! Мы живемъ въ страшное время, судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить... Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «О. З.» Я литераторъ—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ рассейской моя жизнь и моя кровь. Теперь стараюсь поглупѣть, чтобы рассейская публика лучше понимала меня: благодаря одуряющему вліянію финскихъ болотъ и гнусной плоскости, на которой основанъ Питеръ, надѣюсь вполнѣ успѣть въ этомъ...

12.

К. С. Аксакову [1]).

С.-Петербургъ, іюня 14, 1840 г.

...Ты пишешь, что живешь хорошо, доволенъ собою, понимаешь Гегеля, видишь свое мѣсто въ наукѣ; а въ то же время говоришь, что тебѣ не выйти изъ твоей односторонности и что дѣйствительность закрыта и недоступна для тебя. Если ты правъ, ты долженъ бояться науки, ибо дѣйствительность знанія есть дѣйствительность жизни, но безъ послѣдней она порождаетъ (въ наукѣ) Третьяковскихъ и Шевыревыхъ. Го-

[1]) Изъ письма, взятаго у Павленкова, исключены начало, касающееся личныхъ отношеній или, точнѣе, личныхъ счетовъ Бѣлинскаго съ Аксаковымъ, и конецъ, заключающій въ себѣ взглядъ Бѣлинскаго на Гоголя и Пушкина. И то и другое не имѣетъ никакого отношенія къ нашей задачѣ.

ворю тебѣ это смѣло, не имѣя желанія оскорбить тебя, но желая показать тебѣ собственное твое противорѣчіе съ самимъ собою. Сказать правду, оно столько же радуетъ меня, сколько и трогаетъ: я вижу въ немъ начало благодѣтельнаго перелома, первый шагъ выхода изъ непосредственности. Тебѣ еще страшно взглянуть на свое положеніе прямыми глазами и назвать вещь ея настоящимъ именемъ; но ты уже много пріятныхъ мечтаній принесъ въ жертву истинѣ. Я надѣюсь, что скоро кончатся и твои другія предубѣжденія, и ты убѣдишься, что если въ тебѣ что-нибудь было оскорбляемо мною или кѣмъ другимъ, такъ это твое самолюбіе, а не твое человѣческое достоинство. Странно обвинять тебѣ меня въ томъ, что я не хотѣлъ и не могъ дѣлить съ тобою мечтаній и называть ихъ дѣйствительностью, а я знаю, что это и называешь ты гоненіями. Я способенъ принимать мечты за дѣйствительность, но я всегда жестоко наказывалъ себя за подобныя заблужденія, и всегда имѣлъ силу плевать на свои пошленькія чувствованьица. Теперь, слава Богу, кажется, я потерялъ навсегда способность къ дѣтскимъ увлеченіямъ. Я рѣшилъ, что самая мертвая, самая животная апатія лучше, выше, благороднѣе мечтаній и пошлыхъ чувствъ. За то теперь я или въ апатіи, или, если чувствую, то не имѣю причины стыдиться своего чувства. У меня теперь много ложныхъ мыслей и рефлексій, но нѣтъ ужъ пошлыхъ чувствъ. Вотъ, любезный Константинъ, истинная причина того, что ты называешь оскорбленіями и гоненіями съ моей стороны— это разность нашихъ направленій. Я такъ думаю, хотя могу и ошибаться. Во всякомъ случаѣ, тебѣ не за что сердиться на меня: это отвѣтъ на твое письмо...

13.

К. С. Аксакову [1]).

С.-Петербургъ, августа 23, 1840 г.

Я совершенно согласенъ съ тобой, любезный Константинъ, что всѣ заочныя объясненія ужасно глупы, особенно письменныя,—итакъ, къ чорту ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, пора намъ перестать быть дѣтьми и понимать взаимныя наши отношенія просто, не натягивая ихъ ни на какія мѣрки.

...Что тебѣ сказать мнѣ о самомъ себѣ? И много хотѣлось бы, а не говорится ничего.

Увидимся—потолкуемъ. Худо, братъ, худо: мнѣ все кажется, что жизнь слишкомъ ничтожна для того, чтобы стоило труда жить; а между тѣмъ и живешь, и страдаешь, и любишь, и стремишься, и желаешь. Станкевичъ умеръ,—и что послѣ него осталось?—трупъ съ червями. Однимъ словомъ, такъ или иначе, только результатъ одинъ и тотъ же:

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка!

Да и какая намъ жизнь-то еще? Въ чемъ она, гдѣ она? Мы люди внѣ общества, потому что Россія не есть общество! У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатія, томленіе въ безплодныхъ порывахъ—вотъ наша жизнь. Что за жизнь для человѣка внѣ общества! Мы вѣдь не монахи среднихъ вѣковъ.

Гадкое государство Китай, но еще гаже государство, въ которомъ есть богатые элементы для жизни, но которое спеленано въ тискахъ желѣзныхъ и представляетъ собою образъ младенца въ англійской болѣзни. Гадко, гнусно, ужасно! Нѣтъ больше силъ, нѣтъ терпѣнія.

---

[1]) Письмо взято изъ Павленковскаго изд. цѣликомъ за выпускомъ четырехъ обычныхъ для писемъ заключительныхъ строкъ въ самомъ концѣ.

14.

А. П. Ефремову [1]).

С.-Петербургъ, августа 23, 1840 г.

Странную роль назначено тебѣ, любезный Ефремовъ, играть въ отношеніи ко мнѣ: вотъ уже въ другой разъ увѣдомляешь ты меня объ ужасной утратѣ, о смерти, которой ты былъ свидѣтелемъ. Станкевича нѣтъ, и я уже не услышу его никогда, и никто никогда не увидитъ его — странная, дикая, неестественная идея! Мнѣ все не вѣрится, все кажется, что смерть не посмѣла бы разрушить такой божественной личности. Разлука много отняла у меня: ты знаешь, какъ мы всѣ были глупы, когда оставилъ онъ насъ. Онъ не былъ свидѣтелемъ самаго важнаго періода моего развитія, онъ давно уже существовалъ для меня въ прошедшемъ, какъ воспоминаніе, какъ живое представленіе лучшаго, прекраснѣйшаго, что зналъ я въ жизни. О, если бы ты зналъ, Ефремовъ, какъ я завидую тебѣ: ты жилъ съ нимъ цѣлый годъ, ты присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ, ты навсегда сохранилъ живую память его просіявшаго по смерти лица. Я ничего не знаю, что бы могло сравниться съ твоимъ счастіемъ. Конечно, тебѣ чувствительнѣе всѣхъ насъ его потеря—твоя рана и теперь еще сочится теплою кровью, но—Боже мой?—что жизнь и всѣ ея радости, все блаженство, въ сравненіи со счастіемъ—вѣчно носить въ душѣ такую рану! Да, Ефремовъ, я завидую твоей святой скорби, твоему святому страданію,—завидую, потому что самъ чуждъ ихъ. Странное дѣло! какъ глубоко страдалъ я и какъ религіозно было мое страданіе, когда умерла она [2]), которая была совершенно чужда мнѣ, хотя и прекрасное явленіе! Для

[1]) Письмо взято у Павленкова. Вторая половина, гдѣ идетъ рѣчь объ отношеніи Ефремова къ Бѣлинскому, о разныхъ знакомыхъ и журналѣ «О. З.», выпущена, какъ ненужная для нашей цѣли.

[2]) Одна изъ сестеръ Бакунина, бывшая невѣстой Станкевича.

меня было величайшимъ счастіемъ знать ее, видѣть и слышать,—и я такъ хорошо зналъ ее, такъ много видѣлъ и слышалъ ее; но большаго для меня и не могло быть; тогда какъ онъ называлъ меня своимъ другомъ, ему обязанъ я всѣмъ, что есть во мнѣ человѣческаго,—и его смерть произвела на меня такое неглубокое впечатлѣніе! Можетъ-быть, тутъ много значитъ, что я хоть мигъ, но видѣлъ ее незадолго до смерти. Но я думаю, что главная причина—мое теперешнее состояніе, которое можно характеризовать такъ: вѣры нѣтъ, знанія и не бывало, а сомнѣнія превратились въ убѣжденія. Мысль о томъ, что все живетъ одно мгновеніе, что послѣ самого Наполеона осталось только нѣсколько костей да слава, въ которой ему теперь ни чорта нѣтъ толку, которая хотя и не скоро, но все же погибнетъ вмѣстѣ съ нашею планетою,—эта мысль превратила для меня жизнь въ мертвую пустыню, въ безотрадное царство страданія и смерти. Смерть, смерть! вотъ истинный Богъ міра! Ея владычества для всѣхъ равно и несомнѣнно—ей слава вѣчная, ей поклоненіе! Что такое общее (для познанія котораго Станкевичъ жилъ и умеръ вдали отъ насъ)? Молохъ, пожирающій собственныхъ чадъ. Зачѣмъ родился, зачѣмъ жилъ Станкевичъ? Что осталось отъ его жизни, что дала ему она? Нѣтъ, ему надо было умереть, потому что, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. И мы, знавшіе его, всѣ умремъ,—и тогда даже и памяти на землѣ не останется о немъ. Вотъ въ такихъ-то мысляхъ застало меня письмо твое. Право, мнѣ кажется, что надо мною уже безсильна всякая утрата и всякое бѣдствіе, кромѣ нужды и физическаго страданія, но и къ нимъ можно привыкнуть.

Бога ради, Ефремовъ, увѣдомь меня, какъ можно подробнѣе, обо всѣмъ, до малѣйшей подробности—и какъ онъ жилъ и какъ умиралъ. Не полѣнись, душа моя,—помни, что то, что ты знаешь о немъ, есть общее наше достояніе. О, какъ жажду я видѣться съ

тобою! Будетъ ли это когда-нибудь, или и ты скоро же умрешь? Собери всѣ мои письма къ Станкевичу для доставленія ко мнѣ, если воротишься или найдешь случай. Для меня священна собственная моя строка, которую читали его глаза. Пожалуйста...

15.

В. П. Боткину [1]).

Петербургъ, 5 сентября 1840 г.

... Ахъ, Боткинъ, ты не можешь себѣ и вообразить, какъ я измѣнился. Нѣкогда ты упрекалъ меня въ недостаткѣ Entsagung: его и теперь нѣтъ, но вмѣсто его явилось презрѣніе, какое-то недовѣріе къ тѣмъ благамъ, которыхъ такъ мучительно еще недавно жаждала душа моя. Придутъ сами—ништо, попробуемъ, вѣдь надо же чѣмъ-нибудь занимать себя, живучи на бѣломъ свѣтѣ: не придутъ—чортъ съ ними, не о чемъ жалѣть, вѣдь все глупо и ничтожно, и всякій нуль равенъ нулю.

...Я въ томъ разнюсь отъ тебя, что дымъ называю дымомъ, не стою за нашъ вѣкъ, за который ты ратуешь съ такимъ донъ-кихотскимъ задоромъ! Другъ, это все слова и фразы, это тотъ дымъ, которымъ испарилась наша молодость. Ты переживаешь себя, заживо умираешь, а все по старой привычкѣ кричишь о разумности жизни. Если какой-нибудь гегеліанецъ (кажется, Фрауэнштетъ), подкапываясь подъ основанія гегелизма, доходитъ до результата, что мысль (которую мы приняли за критеріумъ бытія) насъ надуваетъ, надѣвая на наши глаза очки, сквозь которыя мы видимъ все, какъ ей угодно, а не какъ должно,—и восклицаетъ съ отчаяніемъ: «спасите меня, погибаю»,—такъ намъ ли, о Боткинъ, не вопить, или, по крайней мѣрѣ, намъ ли защищать дѣйствительность, если она, столь безконечно

---

1) Въ письмѣ выпущено начало и конецъ: о женскомъ обществѣ и Кольцовѣ.

могущественнѣйшая насъ, такъ плохо защищаетъ сама себя? Что до личнаго безсмертія,—какія бы ни были причины, удаляющія тебя отъ этого вопроса и дѣлающія тебя равнодушнымъ къ нему,—погоди, придетъ время, не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины, и что въ его рѣшеніи—наше искупленіе. Я плюю на философію, которая потому только съ презрѣніемъ прошла мимо этого вопроса, что не въ силахъ была рѣшить его. Гегель не благоволилъ ко всему фантастическому, какъ прямо противоположному опредѣленно дѣйствительному. К—въ говоритъ, что это—ограниченность. Я съ нимъ согласенъ...

Ты говоришь, что вѣришь въ свое безсмертіе, но что же оно такое? Если оно и то, и другое, и все, что угодно—и стаканъ съ квасомъ, и яблоко, и лошадь,—то я поздравляю тебя съ твоею вѣрой, но не хочу ея себѣ. У меня у самого есть поползновеніе вѣрить то тому, то другому, но нѣтъ силъ вѣрить, а хочется знать достовѣрно. Ты говоришь, что при извѣстіи о смерти Станкевича тебя вдругъ охватилъ вопросъ: что же стало съ нимъ? А развѣ это пустой вопросъ? Развѣ безъ его рѣшенія возможно примиреніе? Если такъ, то ты не любилъ Станкевича и еще ни разу не терялъ любимаго человѣка. Нѣтъ, я такъ не отстану отъ этого Молоха, котораго философія назвала Общимъ, и буду спрашивать у него: куда дѣлъ ты его и что съ нимъ стало? Ты говоришь—страшна потеря любимаго человѣка! А почему страшна она? Потому что она—потеря, потому что ужъ нѣтъ и не будетъ больше потяннаго. А должно ли въ жизни быть что-либо страшное? Если смерть человѣка не страшна тебѣ, значитъ, ты не любилъ его; если ты любилъ его—она страшна тебѣ, а что страхъ—откуда онъ, изъ разумности или случайности? Ты говоришь: ради Бога, станемъ гнать отъ себя разсудочныя рефлексіи о томъ, о будущей жизни, какъ понапрасну мѣшающія настоящему, его силѣ и жизни. Прекрасно, но

гдѣ достовѣрность того, что эти рефлексіи—разсудочныя, а не разумныя? Потомъ я хочу прямо смотрѣть въ глаза всякому страху и ничего не гнать отъ себя, но ко всему подходить. Наконецъ: что даетъ тебѣ настоящее, которому (по старой привычкѣ) приписываешь ты силу и жизнь? Что даетъ оно тебѣ?—Дымъ фантазій? Сражайся за него, ратуй елико возможно и не замѣчай, какъ злобно издѣвается оно надъ тобою...

16.

В. П. Боткину [1]).

Петербургъ, 4—5 октября 1840 г.

... Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма! какъ восклицалъ великій Пушкинъ. Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества. Это мысль и дума вѣка! Боже мой, страшно подумать, что со мною было—горячка или помѣшательство ума—я словно выздоравливающій. Да, Б., ты ничего путнаго не сдѣлаешь, хотя и доказалъ, что ты много-много прекраснаго могъ бы сдѣлать; но ни ты, ни твоя натура въ томъ не виноваты. Это общая наша участь,—и на этотъ счетъ я спою тебѣ славную пѣсенку.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ, безъ шума и слѣда (и проч.).

Ну, а пока будемъ что-нибудь дѣлать хоть для забавы, разсѣянія отъ скуки или отъ безполезныхъ думъ объ испанскихъ дѣлахъ...

---

[1]) Взято въ томъ видѣ, какъ въ изд. Павленкова, за исключеніемъ конца, гдѣ говорится о мимолетномъ сердечномъ увлеченіи Бѣлинскаго и о Кольцовѣ.

... Увидимся, потолкуемъ и поспоримъ... но не могу пока умолчать объ одномъ, что меня теперь всего поглотила идея достоинства человѣческой личности и ея горькой участи — ужасное противорѣчіе! М. Б. пишетъ, что Станкевичъ вѣрилъ личному безсмертію, Штраусъ и Вердеръ вѣрятъ. Но мнѣ отъ этого не легче: все такъ же хочется вѣрить и все такъ же не вѣрится».

«... Именно, оно (Entsagung) есть свободное, вслѣдствіе нравственнаго понятія, отреченіе отъ блага жизни и принятіе на себя страданія, а не невольное. Вотъ я и правъ былъ, что это слово и бѣсило, и оскорбляло меня. У меня отнимали то, чего я не имѣлъ еще и случая выказать. Можетъ-быть, во мнѣ этого и нѣтъ, а можетъ-быть, и есть — кто знаетъ? Я самъ не могу знать. Ты пишешь, что опять сошелся съ самимъ собою, что призракъ счастія разбитъ — признаюсь въ грѣхѣ — плохо вѣрю... Я вообще съ тобою въ одномъ страшно и дико разошелся: читаю и не вѣрю глазамъ своимъ, когда ты говоришь о жизни и счастіи, съ уваженіемъ и не шутя, съ какою-то вѣрою. Я не сойдусь, не помирюсь съ пошлою дѣйствительностью, но счастія жду отъ однѣхъ фантазій и только въ нихъ бываю счастливъ. Дѣйствительность—это палачъ...

17.

В. П. Боткину [1]).

Петербургъ, 10—11 декабря 1840 г.

... Однакожъ, чортъ возьми, я ужасно измѣняюсь; но это не страшитъ меня, ибо съ пошлою дѣйствительностью я все болѣе и болѣе расхожусь, въ душѣ чувствую больше жару и энергіи, больше готовности уме-

[1]) Изъ этого большого письма выпущены изъявленіе радости по поводу обѣщанія Боткина пріѣхать въ Петербургъ, разсужденіе о любви и женщинѣ, о Кольцовѣ, Катковѣ, разныхъ журнальныхъ статьяхъ, о болѣзни Гоголя, о двухъ родахъ поэзіи и желаніи слышать музыку.

реть и пострадать за свои убѣжденія. Въ прошедшемъ меня мучатъ двѣ мысли: первая, что мнѣ представлялись случаи къ наслажденію, и я упускалъ ихъ, вслѣдствіе пошлой идеальности и робости своего характера; вторая: мое гнусное примиреніе съ гнусною дѣйствительностью. Боже мой, сколько отвратительныхъ мерзостей сказалъ я печатно, со всею искренностію, со всѣмъ фанатизмомъ дикаго убѣжденія! Болѣе всего печалитъ меня теперь выходка противъ Мицкевича, въ гадкой статьѣ о Менцелѣ: какъ! отнимать у великаго поэта священное право оплакивать паденіе того, что дороже ему всего въ мірѣ и въ вѣчности—его родины... И этого-то благороднаго и великаго поэта назвалъ я печатно крикуномъ, поэтомъ риѳмованныхъ памфлетовъ. Послѣ этого всего тяжелѣе мнѣ вспомнить о «Горѣ отъ ума», которое я осудилъ съ художественной точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это — благороднѣйшее, гуманическое произведеніе, энергическій (и притомъ еще первый) протестъ противъ гнусной россійской дѣйствительности, противъ чиновниковъ, взяточниковъ, баръ-развратниковъ, противъ... свѣтскаго общества, противъ невѣжества, добровольнаго холопства и пр. и пр. и пр.

Конечно, идея, которую я силился развить въ ст. по случаю книги Глинки «О Бород. Сраж.» вѣрна въ своихъ основаніяхъ, но должно было бы развить и идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго, и безъ котораго исторія человѣчества превратилась бы въ стоячее и вонючее болото,—а если этого нельзя было писать, то долгъ чести требовалъ, чтобы ужъ и ничего не писать. Тяжело и больно вспомнить! А дичь, которую изрыгалъ я въ неистовствѣ... противъ французовъ—этого энергическаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священнѣйшія права человѣчества?.. Проснулся я—и страшно вспомнить мнѣ

о моемъ снѣ... А это насильственное примиреніе съ гнусною рассейскою дѣйствительностью...

Идея либерализма въ высшей степени разумная и христіанская, ибо его задача—возвращеніе правъ личнаго человѣка, возстановленіе человѣческаго достоинства, и самъ Спаситель сходилъ на землю и страдалъ на крестѣ за личнаго человѣка. Конечно, французы не понимаютъ абс. (абсолютнаго) ни въ искусствѣ, ни въ религіи, ни въ знаніи,—да не это ихъ назначеніе; Германія — нація абсолютная, но государство позорное... Конечно, во Франціи много крикуновъ и фразеровъ, но въ Германіи много гофратовъ, филистеровъ, колбасниковъ и другихъ гадовъ. Если французы уважаютъ нѣмцевъ за науку и учатся у нихъ, зато и нѣмцы догадались, наконецъ, что такое французы — и у нихъ явилась эта благородная дружина энтузіастовъ свободы, извѣстная подъ именемъ «юной Германіи», во главѣ которой стоитъ такая чудная, такая прекрасная личность, какъ Гейне, на котораго мы нѣкогда взирали съ презрѣніемъ, увлекаемые своими дѣтскими, односторонними убѣжденіями. Чортъ знаетъ, какъ подумаешь, какими зигзагами совершалось мое развитіе, цѣною какихъ ужасныхъ заблужденій купилъ я истину, и какую горькую истину, — что все на свѣтѣ гнусно, а особенно вокругъ насъ... Ты помнишь мои первыя письма изъ Питера—ты писалъ ко мнѣ, что онѣ производили на тебя тяжелое впечатлѣніе, ибо въ нихъ слышался скрежетъ зубовъ и вопли нестерпимаго страданія: отчего же я такъ ужасно страдалъ?—отъ дѣйствительности, которую называлъ разумною и за которую ратовалъ... Странное противорѣчіе. Къ пріѣзду К—ва я былъ уже приготовленъ,—и при первой стычкѣ съ нимъ отдался ему въ плѣнъ безъ противорѣчія. Смѣшно было: хотѣлъ спорить, и вдругъ вижу, что ужъ нѣтъ ни силъ ни жару, а черезъ $^1/_4$ часа вмѣстѣ съ нимъ, началъ ратовать противъ всѣхъ, сбитыхъ съ толку мною же...

Да, Б., только въ Питерѣ... созналъ я, что я человѣкъ, и чего-нибудь да стою; только въ Питерѣ узналъ я цѣну нашему человѣческому святому кружку. Мнѣ милы теперь и самыя ссоры наши: онѣ выходили изъ того, что мы возмущались гадкими сторонами одинъ другого. Нѣтъ, я еще не встрѣчалъ людей, передъ которыми мы могли бы скромно сознаться въ своей незначительности. Многихъ людей я отъ души люблю въ П., многіе люди и меня любятъ тамъ больше, чѣмъ я того стою; но, мой Б., я одинъ, одинъ, одинъ! Никого возлѣ меня! Я начинаю замѣчать, что общество Г.[1]) доставляетъ мнѣ больше наслажденія, чѣмъ ихъ: съ тѣми я или говорю о вздорѣ, или тщетно стараюсь завести общій интересный разговоръ, или проповѣдую, не встрѣчая противорѣчія, и умолкаю, не докончивши; а эта живая натура вызываетъ наружу всѣ мои убѣжденія, я съ нимъ спорю, и, даже когда онъ явно вретъ, вижу все-таки самостоятельный образъ мыслей...

... На счетъ историческихъ статей взяты мѣры, — и Г—нъ уже переводитъ изъ кн. Тьерри о Меровингахъ, и будетъ обработывать другія вещи въ этомъ родѣ. Его живая, дѣятельная и практическая натура въ высшей степени способна на это. Кстати: этотъ человѣкъ мнѣ все больше и больше нравится. Право, онъ лучше всѣхъ: какая воспріимчивая, движимая, полная интересовъ и благородная натура. Объ искусствѣ я съ нимъ говорю слегка, потому что оно и доступно ему только слегка, но о жизни не наговорюсь съ нимъ. Онъ видимо измѣняется къ лучшему въ своихъ понятіяхъ. Мнѣ съ нимъ легко и свободно. Что онъ ругалъ меня въ Москвѣ за мои абсолютныя статьи—это новое право съ его стороны на мое уваженіе и расположеніе къ нему. Въ 12 № «От. Зап.» прочтешь ты отрывокъ изъ его записокъ—какъ все живо, интересно, хотя и легко!..

---

[1]) Подъ буквой *Г.* и ниже подъ *Г-нъ* разумѣется Герценъ.

... Герценъ кричитъ противъ статьи Ретшера о Wahlverwandschaften, и знаешь ли что?—мнѣ хочется съ нимъ согласиться...

18.

Боткину [1]).

15 января 1841 г.

...«Вообще, всѣ общественныя основанія нашего времени требуютъ строжайшаго пересмотра и коренной перестройки, что и будетъ рано или поздно. Пора освободиться личности человѣческой, и безъ того несчастной, отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности—мнѣнія черни и преданія варварскихъ вѣковъ. Ахъ, Боткинъ, чувствую, что при свиданіи мы подеремся: письма мои не могутъ дать тебѣ и слабаго намека на то, какъ ужасно перемѣнился я...»

19.

В. П. Боткину [2]).

Петербургъ, 1 марта 1841 г.

...«Отрывокъ изъ «Hallische Jahrbücher» меня очень порадовалъ и даже какъ будто воскресилъ и укрѣпилъ на минуту—спасибо тебѣ за него, сто разъ спасибо. Я давно уже подозрѣвалъ, что философія Гегеля только моментъ, хотя и великій, но что абсолютность ея результатовъ никуда не годится; что лучше умереть, чѣмъ помириться съ ними. Это я собирался писать къ тебѣ до полученія твоего этого письма. Глупцы врутъ, говоря, что Г. (Гегель) превратилъ жизнь въ мертвыя схемы; но это правда, что онъ изъ явленій жизни сдѣ-

---

1) Изъ этого письма (изд. Павленкова) взято въ концѣ нѣсколько строкъ. Все длинное разсужденіе о недостаткахъ Каткова и немногихъ достоинствахъ его выпущено нами, какъ не имѣющее для насъ значенія.

2) Письмо взято тамъ же. Выпущено объ отношеніи Бѣлинскаго къ своимъ статьямъ, о Грановскомъ, Лермонтовѣ и письмахъ изъ-за границы Анненкова.

лалъ тѣни, сцѣпившіяся костяными руками и пляшущія на воздухѣ, надъ кладбищемъ. Субъектъ у него не самъ себѣ цѣль, но средство для мгновеннаго выраженія общаго, а это общее является у него въ отношеніи къ субъекту Молохомъ, ибо, пощеголявъ въ немъ (въ субъектѣ), бросаетъ его, какъ старые штаны. Я имѣю особенно важныя причины злиться на Г. (Гегеля), ибо чувствую, что былъ вѣренъ ему (въ ощущеніи), мирясь съ рассейскою дѣйствительностью, хваля Загоскина и подобныя гнусности и ненавидя Шиллера. Въ отношеніи къ послѣднему я былъ еще послѣдовательнѣе самого Г. (Гегеля), хотя и глупѣе Менцеля. Всѣ толки Г. (Гегеля) о нравственности—вздоръ сущій, ибо въ объективномъ царствѣ мысли нѣтъ нравственности, какъ и въ объективной религіи (какъ, напр., въ индійскомъ пантеизмѣ, гдѣ Брама и Шива—равно боги, т.-е. гдѣ добро и зло имѣютъ равную автономію). Ты—я знаю—будешь надо мною смѣяться... но смѣйся какъ хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности, важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т.-е. гегелевской Allgemeinheit). Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣстницы развитія, а споткнешься—падай—чортъ съ тобою — таковскій и былъ сукинъ сынъ... Благодарю покорно, Егоръ Ѳедорычъ (Гегель), кланяюсь вашему философскому колпаку; но, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр. и пр., иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и

даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ-быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи. Впрочемъ, если писать объ этомъ все, и конца не будетъ. Выписка изъ Эхтермейера порадовала меня, какъ энергическая стукушка по философскому колпаку Г. (Гегеля), какъ фактъ, доказывающій, что и нѣмцамъ предстоитъ возможность сдѣлаться людьми, человѣками, и перестать быть нѣмцами. Но собственно для меня тутъ не все утѣшительно. Я изъ числа людей, которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола,—и это, кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру. Впрочемъ, я отъ этого страдаю, но не стыжусь этого. Человѣкъ самъ по себѣ ничего не знаетъ — все дѣло (зависитъ) отъ очковъ, которыя надѣваетъ на него независящее отъ его воли расположеніе его духа, капризъ его натуры. Годъ назадъ я думалъ діаметрально-противоположно тому, какъ думаю теперь,—и право, я не знаю, счастіе или несчастіе для меня то, что для меня думать и чувствовать, понимать и страдать — одно и то же.

«Вотъ гдѣ должно бояться фанатизма. Знаешь ли, что я теперешній болѣзненно ненавижу себя прошедшаго... Будешь видѣть на всемъ хвостъ дьявола, когда видишь себя живого въ саванѣ и въ гробѣ, съ связанными назади руками. Что мнѣ въ томъ, что я увѣренъ, что разумность восторжествуетъ, что въ будущемъ будетъ хорошо, если судьба велѣла мнѣ быть свидѣтелемъ торжества случайности, неразумія, животной силы? Что мнѣ въ томъ, что моимъ или твоимъ дѣтямъ будетъ хорошо, если мнѣ скверно? Не прикажешь ли уйти въ себя? Нѣтъ, лучше умереть, лучше быть живымъ трупомъ! Выздоровленіе? Да въ чемъ же оно? Слова! слова! слова!.. филистеры, люди пошлой непо-

средственной дѣйствительности, смѣются надъ нами, торжествуютъ свою побѣду [1])...

20.

В. П. Боткину [2]).

Петербургъ, 13 марта 1841 г.

По моему мнѣнію, вы оба не любите другъ друга; но въ васъ лежитъ (или лежала) сильная возможность полюбить другъ друга. Тебя сгубило то же, что и ее—фантазмъ... Ты имѣлъ о любви самыя экстатическія и мистическія понятія. Это лежало въ самой твоей натурѣ... Марбахъ и Беттина (отъ которыхъ ты съ ума сходилъ) развили это направленіе до чудовищности. И ты не совсѣмъ былъ не правъ: такая любовь возможна и дѣйствительна... но возможна и дѣйствительна, какъ моментъ, какъ вспышка, какъ утро, какъ весна жизни... Понимаешь ли ты теперь, что твоя любовь нисколько не ризомовала съ бракомъ и вообще съ дѣйствительностію жизни, состоящею изъ поэзіи и прозы, изъ которыхъ каждая имѣетъ на насъ равно законныя требованія? Вотъ на чемъ срѣзался Станкевичъ, и вотъ на чемъ суждено было срѣзаться и тебѣ. Отсюда выходили твои экзажерованныя понятія о брачныхъ отношеніяхъ, гдѣ каждый поцѣлуй долженъ былъ выходить изъ полноты жизни, а не изъ рефлексіи и пр. Признаюсь, это мнѣ всегда казалось страшною дичью, и я потому казался тебѣ и М. страшною дичью. Но я былъ правъ. Я понималъ, что въ жизни не разъ при-

---

[1]) По справедливому замѣчанію Пыпина, эта тирада могла бы показать, что философія тургеневскаго Базарова не была особенной новостью и могла бы не удивлять и не приводить въ священный ужасъ «людей сороковыхъ годовъ».

[2]) Конецъ этого письма, гдѣ развивается мысль о томъ, что самоотреченіе въ пользу общаго не нужно, что не слѣдуетъ много рефлектировать, а надо пользоваться подходящимъ случаемъ и жить, нѣсколько нами сокращенъ, безъ ущерба для смысла.

дется спросить жену, принимала ли она слабительное... Это противоположность поэзіи и прозы жизни ужасала меня, но я не могъ закрыть на нее глаза, не могъ не видѣть, что она есть. Тебя это часто оскорбляло, и я внутренно презиралъ себя, видя, что ты, по крайней мѣрѣ, не уважаешь меня. Что дѣлать—когда ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ быть собою, ибо каждый хотѣлъ быть абсолютнымъ (т.-е. безцвѣтнымъ и абстрактнымъ) совершенствомъ. Теперь мы умны; но дорого достался намъ этотъ умъ...

Я теперь понимаю основную мысль «Ромео и Юліи», т.-е. необходимость трагической коллизіи, катастрофы.

Ихъ любовь была не для земли, не для брака и не для годовъ, а для неба, для любви, для полнаго и дивнаго мгновенія... Я понимаю возможность, что они опротивѣли бы со временемъ другъ другу. Не знаю, что собственно разумѣлъ Гегель подъ «разумнымъ бракомъ», но если я такъ понимаю его идею, то онъ—мужикъ умный. Любовь для брака дѣло не только не лишнее, но даже необходимое; но она имѣетъ тутъ другой характеръ—тихій, спокойный: удалось—хорошо; не удалось—такъ и быть, не умираютъ, не дѣлаются несчастными... Разсудокъ тутъ играетъ роль не меньшую чувства, если еще не большую... Жена—не любовница, но другъ и спутникъ нашей жизни...

Нѣкогда ты писалъ мнѣ, что во мнѣ нѣтъ Entsagung, и я чуть было не пришелъ въ отчаяніе, что у меня нѣтъ этой прекрасной вещи—даже думалъ, гдѣ бы прикупить оной, или (къ чему я болѣе привыкъ) призанять. У меня и теперь нѣтъ ни Entsagung, ни Resignation, и я не хочу ни того, ни другого, не видя въ нихъ нужды. То и другое есть отрицаніе себя для общаго, а я ненавижу общее, какъ надувателя и палача бѣдной человѣческой личности. Но я думаю, что человѣку надо быть себѣ на умѣ насчетъ жизни, и больше всего опасаться придавать ей много важности.

Ты тонешь въ рѣкѣ: удалось выплыть—хорошо, можно позаняться тѣмъ или другимъ, хотя пообѣдать лишній разъ; тонешь—утѣшай себя мыслію, что все равно, что равно глупо остаться жить, какъ и умереть. Чтобы наслаждаться жизнію, надо имѣть въ запасѣ нѣсколько холодности и презрѣнія къ ней, и спѣшить на ея призывы и обольщенія, какъ ѣхать съ визитомъ къ человѣку, который очень нуженъ и важенъ для тебя со стороны внѣшнихъ обстоятельствъ и съ которымъ у тебя нѣтъ ничего общаго, котораго ты не любишь и не уважаешь за личный характеръ; и вотъ ты ѣдешь къ нему и думаешь: застану дома—хорошо, мои дѣлишки поправятся, не застану—еще лучше, избавлюсь отъ непріятности дружески бесѣдовать съ непріятнымъ для меня человѣкомъ...

21.

В. П. Боткину [1]).

Петербургъ, 27—28 іюня 1841 г.

Увы, другъ мой, безъ общества нѣтъ ни дружбы, ни любви, ни духовныхъ интересовъ, а есть только порыванія ко всему этому, порыванія неровныя, безсильныя, безъ достиженія, болѣзненныя, недѣйствительныя. Вся наша жизнь, наши отношенія служатъ лучшимъ доказательствомъ этой горькой истины. Общество живетъ извѣстною суммой извѣстныхъ принципій... (въ его средѣ развивается конкретная жизнь его членовъ...) Человѣчество есть абстрактная почва для развитія души индивидуума, а мы всѣ выросли изъ этой абстрактной почвы, мы—несчастные Анахарсисы новой Скиѳіи. Оттого мы зѣваемъ, толчемся, суетимся, всѣмъ интересуемся, ни къ чему не прилѣпляясь, все пожираемъ, ничѣмъ не насыщаясь...

---

[1]) Письмо взято изъ того же источника. Выпущено въ концѣ о Лермонтовѣ, «гегелятахъ» и цензурѣ.

Мы любили другъ друга, любили горячо и глубоко... но какъ же проявлялась и проявляется наша дружба? Мы приходили другъ отъ друга въ восторгъ и экстазъ, мы ненавидѣли другъ друга, мы удивлялись другъ другу, мы презирали другъ друга...; во время долгой разлуки мы рыдали и томились при одной мысли о свиданіи, истаивали и исходили любовію другъ къ другу, а сходились и видѣлись холодно, тяжело чувствовали взаимное присутствіе и разставались безъ сожалѣнія.

Какъ хочешь, а это такъ. Пора намъ перестать обманывать самихъ себя, пора смотрѣть на дѣйствительность прямо, въ оба глаза, не щурясь и не кривя душою... Теперь посмотри на нашу любовь: что это такое? Для всѣхъ это—радость, блаженство, пышный цвѣтъ жизни; для насъ это—трудъ, работа, тяжкая скорбь. Вездѣ богатство и роскошь фантазіи, но во всемъ скудость и нищета дѣйствительности... (Въ жизни общества такія же фальшивыя явленія.)

...Ученые профессоры наши—педанты, гниль общества; полуграмотный купецъ Полевой даетъ толчокъ обществу, дѣлаетъ эпоху въ его литературѣ и жизни, а потомъ вдругъ... отступаетъ... Не знаю, имѣю ли я право упомянуть тутъ и о себѣ, но вѣдь и обо мнѣ говорятъ же, меня знаютъ многіе, кого я не знаю, я, какъ ты мнѣ самъ говорилъ въ послѣднее свиданіе, фактъ русской жизни. Но посмотри, что же это за уродливый... фактъ! Я понимаю Гёте и Шиллера лучше тѣхъ, которые знаютъ ихъ наизусть, а не знаю по-нѣмецки... Такъ повинить ли мнѣ себя? О нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Мнѣ кажется, дай мнѣ свободу дѣйствовать для общества хоть на десять лѣтъ... и я, можетъ-быть, въ три года возвратилъ бы мою потерянную молодость... полюбилъ бы трудъ, нашелъ бы силу воли. Да, въ иныя минуты я глубоко чувствую, что это—свѣтлое

сознаніе своего призванія, а не голосъ мелкаго самолюбія, которое силится оправдать свою лѣность, апатію, слабость воли, безсиліе и ничтожность натуры. Обращусь къ тебѣ. Ты часто говорилъ, что не можешь, ибо не призванъ, писать. Но почему же ты пишешь, и притомъ такъ, какъ не многіе пишутъ? Нѣтъ, въ тебѣ есть все для этого, все, кромѣ силы и упорства, которыхъ нѣтъ потому, что нѣтъ того, для кого должно писать: ты не ощущаешь себя въ обществѣ, ибо его нѣтъ...

...Все это я веду отъ одного къ одному—мы сироты, дурно воспитанные, мы—люди безъ отечества, и оттого мы хоть и хорошіе люди, а все-таки ни Богу свѣча, ни чорту кочерга, и оттого рѣдко пишемъ другъ къ другу. Да и о чемъ писать? О выборахъ? Но у насъ есть только дворянскіе выборы, а это предметъ (*слѣдуетъ рѣзкій отзывъ*)... О министерствѣ? но ни ему до насъ, ни намъ до него нѣтъ дѣла, притомъ же... О движеніи промышленности, администраціи, общественности, о литературѣ, наукѣ?—но у насъ ихъ нѣтъ. О себѣ самихъ? Но мы выучили уже наизусть свои страданія, и страшно надоѣли ими другъ другу... Прощай пока.

По совѣту твоему купилъ Плутарха Дестуниса и прочелъ. Книга эта свела меня съ ума. Боже мой, сколько еще кроется во мнѣ жизни, которая должна пропасть даромъ! Изъ всѣхъ героевъ древности трое привлекли всю мою любовь, обожаніе, энтузіазмъ—Тимолеонъ и Гракхи. Біографія Катона (Утическаго, а не скотины Старшаго) пахнула на меня мрачнымъ величіемъ трагедіи,—какая благороднѣйшая личность! Периклъ и Алкивіадъ взяли съ меня полную и обильную дань удивленія и восторговъ.

«А что же Цезарь?» спросишь ты. Увы, другъ мой, я теперь забился въ одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего. Ты знаешь, что мнѣ не суждено

попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга: нѣтъ, я какъ-то всегда очутюсь на самомъ краю. Такъ и теперь: я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь въ паѳосѣ правды и чести, и мимо ихъ мало замѣчаю какое бы то ни было величіе. Теперь ты поймешь, почему Тимолеонъ, Гракхи и Катонъ Утическій... заслонили собою въ моихъ глазахъ и Цезаря и Македонскаго.

Во мнѣ развилась какая-то... фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести. Принимаясь за Плутарха, я думалъ, что греки заслонятъ отъ меня римлянъ—вышло не такъ. Я бѣсновался отъ Перикла и Алкивіада, но Тимолеонъ и Фокіонъ (эти греко-римляне) закрыли для меня своей суровою колоссальностію прекрасные и граціозные образы представителей аѳинянъ.

Но въ римскихъ біографіяхъ душа моя плавала въ океанѣ. Я понялъ черезъ Плутарха многое, чего не понималъ. На почвѣ Греціи и Рима выросло новѣйшее человѣчество. Безъ нихъ средніе вѣка ничего не сдѣлали бы. Я понялъ и французскую революцію, и ея римскую помпу, надъ которою прежде смѣялся...

Обаяленъ міръ древности. Въ его жизни зерно всего великаго, благороднаго, доблестнаго, потому что основа его жизни—гордость личности, неприкосновенность личнаго достоинства. Да, греческіе и латинскіе языки должны быть краеугольнымъ камнемъ всякаго образованія, фундаментомъ школы.

...Я во всемъ разочаровался, ничему не вѣрю, ничего и никого не люблю, и однакожъ интересы прозаической жизни все менѣе и менѣе занимаютъ меня, и я все болѣе и болѣе—гражданинъ вселенной. Безумная жажда любви все болѣе и болѣе пожираетъ мою внутренность, тоска тяжелѣе и упорнѣе. Это мое, и только это мое. Но меня сильно занимаетъ и не мое. Лич-

ность человѣческая сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество по-маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечомъ истребилъ бы остальную... [1]).

22.

В. П. Боткину [2]).

Петербургъ, 8 сентября 1841 г.

...Видишь ли, въ чемъ дѣло, душа моя: непосредственно поняли мы, что въ жизни для насъ нѣтъ жизни, а такъ какъ, по своимъ натурамъ, безъ жизни мы не могли жить, то и ударили со всѣхъ ногъ въ книгу, и по книгѣ стали жить и любить, изъ жизни и любви сдѣлали для себя занятіе, работу, трудъ и

---

[1]) Слѣдуетъ страстная тирада въ защиту достоинства человѣческой личности, обвиненіе противъ ея угнетателей. Его новый идеалъ Шиллеръ, Тиверій Гракхъ нашего вѣка, Гегель его больше не удовлетворяетъ. Онъ думаетъ, что ему надо познакомиться съ сенъ-симонистами: «Я на женщину смотрю ихъ глазами». «Женщина есть жертва, раба новѣйшаго общества». За ней не признаютъ равнаго человѣческаго права, мужчина считаетъ себя ея господиномъ; ея честь понимается самымъ «киргизъ-кайсацкимъ» образомъ. Изображая обычныя отношенія брака, отношенія неровныя, стѣснительныя только для женщины, Бѣлинскій спрашиваетъ: «...Почему это? Превосходство мужчинъ? Но оно тогда законное право, когда признается сознаніемъ и любовью жены, выходитъ изъ ея свободной довѣренности... иначе право (мужа) надъ нею—кулачное право. Нѣтъ, братъ, женщина въ Европѣ столько же раба, сколько въ Турціи и Персіи... И мы еще можемъ фантазировать, что человѣчество стоитъ на высокой степени совершенства».

Всѣхъ далѣе ушли въ этомъ отношеніи французы: у нихъ нравы предоставляютъ уже женщинѣ больше свободы; у нихъ явилась «вдохновенная пророчица, энергическій адвокатъ правъ женщины»—Жоржъ-Зандъ. Бѣлинскій зналъ ее раньше, но относился къ ней равнодушно или враждебно, теперь его мнѣніе перемѣнилось, какъ вообще перемѣнилось мнѣніе о «нѣмцахъ» и «французахъ» (Пыпинъ, II, 118).

[2]) Въ началѣ письма, по поводу ссоръ, кружковыхъ столкновеній, уже высказывается Бѣлинскимъ господствующая въ данный моментъ въ немъ идея соціальная, но мы выпустили это начало въ виду того, что эта идея выражается далѣе, во второй половинѣ, сильнѣе и образнѣе.

заботу. Между тѣмъ наши натуры всегда были выше нашего сознанія, и потому намъ слушать другъ отъ друга одно и то же становилось и скучно, и пошло, и мы другъ другу смертельно надоѣдали. Скука переходила въ досаду, досада во враждебность, враждебность въ раздоръ...

Ища исхода, мы съ жадностью бросились въ обаятельную сферу германской созерцательности и думали, мимо окружающей насъ дѣйствительности, создать себѣ очаровательный, полный тепла и свѣта, міръ внутренней жизни. Мы не понимали, что эта внутренняя, созерцательная субъективность составляетъ объективный интересъ германской національности, есть для нѣмцевъ то же, что соціальность для французовъ. Дѣйствительность разбудила насъ, открыла намъ глаза, но для чего..

Лучше бы закрыла она намъ ихъ навсегда, чтобы тревожныя стремленія жаднаго жизни сердца утолить сномъ ничтожества...

Но третій ключъ—холодный ключъ забвенья—
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ...

Соціальность... вотъ девизъ мой. Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними во Христѣ, но кто мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозрѣваетъ его возможностей? Прочь же отъ меня блаженство, если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ!

Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братіями моими! Сердце мое обливается кровью

и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ мышкою чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу; подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло, и какъ будто не желая услышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ. И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ, съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакѣ—и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла!.. И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности!.. И послѣ этого имѣетъ ли право человѣкъ забываться въ искусствѣ, въ знаніи! [1]) Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ, въ качествѣ вѣрованія, волю человѣка!..

23.

Н. А. Бакунину [2]).

Петербургъ, 7 ноября 1842 г.

...До меня дошли слухи о М. [3])—и я написалъ къ нему письмо!! Не удивляйтесь — отъ меня все можетъ статься... Дѣло очень просто: съ нѣкотораго времени во мнѣ произошелъ сильный переворотъ: я давно уже

---

[1]) И здѣсь, по замѣчанію Пыпина, обнаруживается идея Базарова—имѣетъ ли право человѣкъ забываться въ искусствѣ, знаніи, когда кругомъ грязь и нищета, когда страдаютъ меньшіе братья.

[2]) Н. А. Бакунинъ, братъ М. А. Бакунина, съ которымъ Бѣлинскій порвалъ отношенія.

[3]) М. Бакунинъ. До Бѣлинскаго дошли слухи о статьѣ Бакунина «Реакція въ Германіи», напечатанной въ „Deutsche Jahrbücher“, журналѣ лѣвыхъ гегеліанцевъ, подписанной Jule Elysard.

отрѣшился отъ романтизма, мистицизма и всѣхъ «измовъ»; но это было только отрицаніе, и ничто новое не замѣняло разрушеннаго стараго, а я не могу жить безъ вѣрованій, жаркихъ и фанатическихъ, какъ рыба не можетъ жить безъ воды, дерево расти безъ дождя. Вотъ причина, почему вы видѣли меня прошлаго года такимъ неопредѣленнымъ... Теперь я опять иной. И странно: мы, я и М. искали Бога по разнымъ путямъ— и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегеліанизма съ К., и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. М. во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки,—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа. Притомъ же дорога, на которую онъ вышелъ теперь, должна привести его ко всяческому возрожденію... Для меня теперь человѣкъ — ничто; убѣжденіе человѣка— все. Убѣжденіе одно можетъ теперь и раздѣлять, и соединять меня съ людьми.

Мнѣ стало легче жить... Если я страдаю, мое страданіе стало возвышеннѣе и благороднѣе, ибо причины его уже внѣ меня, а не во мнѣ. Въ душѣ моей есть то, безъ чего я не могу жить, есть вѣра, дающая мнѣ отвѣты на всѣ вопросы. Но это уже не вѣра, и не знаніе, а религіозное знаніе и сознательная религія. Но объ этомъ послѣ, когда увидимся...

24.

Къ одному изъ московскихъ друзей.

Петербургъ, январь 1845 г. [1]

«Вѣсти... о лекціяхъ Ш. [2], о фуроръ, который онѣ произвели въ зернистой московской публикѣ, о рукоплесканіяхъ, которыми прерывается каждое слово сего

[1] Взято изъ кн. Пыпина.

[2] Шевырева.

московскаго скверноуста—все это меня не удивило нисколько: я увидѣлъ въ этомъ повтореніе исторіи съ лекціями Грановскаго. Наша публика—мѣщанинъ во дворянствѣ: ее лишь бы пригласили въ парадно-освѣщенную залу, а ужъ она, изъ благодарности, что ее, холоповъ, пустили въ барскія хоромы, непремѣнно останется всѣмъ довольною. Для нея хорошъ и Грановскій, да не дуренъ и Шевыревъ; интересенъ Вильменъ, да любопытенъ и Гречъ. Лучшимъ она всегда считаетъ того, кто читалъ послѣдній. Иначе и быть не можетъ, и винить ее за это нельзя. Французская публика умна, но вѣдь къ ея услугамъ и тысячи журналовъ, которые имѣютъ право не только хвалить, но и ругать; сама она имѣетъ право не только хлопать, но и свистать. Сдѣлай такъ, чтобы во Франціи публичность замѣнилась авторитетомъ полиціи, и публика, въ театрѣ и на публичныхъ чтеніяхъ, имѣла бы право только хлопать и не имѣла бы права шикать и свистать: она скоро сдѣлалась бы такъ же глупа, какъ и русская публика. Если бы Г—нъ имѣлъ право между первою и второю лекціею Ш. тиснуть статейку,—вторая лекція, навѣрное, была бы принята съ меньшимъ восторгомъ. По моему мнѣнію, стыдно хвалить то, чего не имѣешь права ругать: вотъ отчего мнѣ не понравились статьи (Г—на) о лекціяхъ Грановскаго. Но довольно объ этомъ. Москва сдѣлала наконецъ, рѣшительное пронунціаменто, хорошій городъ! Питеръ тоже не дуренъ. Да и все хорошо. Спасибо тебѣ за стихи Яз. Жаль, что ты не вполнѣ ихъ прислалъ...

«А что ты пишешь... будто моя статья [1]) не произвела на ханжей впечатлѣнія и что они гордятся ею—вздоръ; если ты этому повѣрилъ, значитъ, ты плохо знаешь сердце человѣческое и совсѣмъ не знаешь сердца литературнаго — ты никогда не былъ печатно

---

[1]) Статья «Русская литература въ 1844 году».

обруганъ. Штуки, сударь ты мой, изъ которыхъ я вижу ясно, что ударъ былъ страшенъ. Теперь я этихъ людей не оставлю въ покоѣ.

N. [1]) писалъ тебѣ о парижск. «Ярбюхерѣ», и что будто я отъ него воскресъ и переродился. Вздоръ! Я не такой человѣкъ, котораго тетрадка можетъ удовлетворить... Два дня я отъ нея былъ добръ и веселъ—и все тутъ. Истину я взялъ себѣ... *(рѣзкія выраженія противъ «тьмы, мрака, цѣпей» и пр.)*... Все это такъ, но вѣдь я попрежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и какъ я думаю. А чортъ ли въ истинѣ, если ея нельзя популяризировать и обнародовать?— мертвый капиталъ!..

25.

А. И. Герцену [2]).

Одесса, 1846 г., іюля 4.

...Въ Харьковѣ я прочелъ «Московскій Сборникъ»: луплю и наяриваю объ немъ. Статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, несмотря на то, что авторъ отправляется отъ неблагопристойнаго принципа кротости и смиренія, и, подлецъ, зацѣпляетъ меня въ лицѣ «О. З». Какъ умно и зло казнитъ онъ аристократическія замашки Соллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, будучи славянофиломъ. Зато Хомяковъ — я жъ его, ракалію! Дамъ я ему зацѣплять меня, узнаетъ онъ мои крючки! Ну, ужъ статья! Вотъ безталанный .....! Потѣшусь, чувствую, что потѣшусь.

Я не читалъ еще ругательства Сенковскаго, но радъ ему, какъ новому матеріалу для моей статьи...

---

1) Имя одного изъ общихъ друзей.

2) Выпущены начало и конецъ письма, содержащіе летучія замѣтки о путевыхъ впечатлѣніяхъ, о печальномъ состояніи рус. театра, о здоровьѣ, о знакомыхъ и т. п.

Изъ этого видишь, что моя статья будетъ журнально-фельетонною болтовней о всякой всячинѣ, сдобренною полемическимъ задоромъ. Ужъ сдобрю.

Въ Калугѣ столкнулся я съ Иваномъ Аксаковымъ. Славный юноша! Славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ. Вообще, я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами дѣйствительно могутъ быть порядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего!..

26.

А. И. Герцену [1]).

Симферополь, 1846 г., 6 сентября.

Здравствуй, любезный Герценъ! Пишу къ тебѣ изъ тридевятаго царства, чтобы зналъ ты, что мы еще существуемъ на бѣломъ свѣтѣ, хотя онъ и кажется намъ куда какъ чернымъ. Въѣхавши въ крымскія степи, мы увидѣли три новыя для насъ націи: крымскихъ барановъ, крымскихъ верблюдовъ и крымскихъ татаръ. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разныя колѣна одного племени, — такъ много общаго въ ихъ физіономіи. Если они говорятъ и не однимъ языкомъ, то, тѣмъ не менѣе, хорошо понимаютъ другъ друга. А смотрятъ рѣшительно славянофилами. Но — увы!—въ лицѣ татаръ даже и настоящее, коренное, восточное, патріархальное славянофильство поколебалось отъ вліянія лукаваго Запада: татары большею частью носятъ на головѣ длинные волосы, а бороду бреютъ! Только бараны и верблюды упорно держатся святыхъ праотеческихъ обычаевъ временъ Кошихина: своего мнѣнія не имѣютъ, буйной воли и буйнаго разума боятся пуще чумы и безконечно уважаютъ старшаго въ родѣ, т.-е. татарина, позволяя ему вести себя,

---

1) Конецъ письма съ мелкими замѣтками о разныхъ разностяхъ выпущенъ.

куда угодно, и не позволяя себѣ спросить его, почему, будучи ничѣмъ не умнѣе ихъ, гоняетъ онъ ихъ съ мѣста на мѣсто? Словомъ, принципъ смиренія и кротости постигнутъ ими въ совершенствѣ, и на этотъ счетъ они могли бы проблеять что-нибудь поинтереснѣе того, что блеетъ Шевырко [1]) и вся почтенная славянофильская братія...

27.

В. П. Боткину [2]).

Петербургъ, 17 февраля 1847 г.

Сколько можно получить понятіе о предметѣ изъ вторыхъ рукъ, я понялъ Конта, въ чемъ мнѣ особенно помогли разговоры и споры съ тобою, которые только теперь уяснились для меня. Контъ — человѣкъ замѣчательный, но чтобъ онъ былъ основателемъ новой философіи—далеко кулику до Петрова дня! Для этого нуженъ геній, котораго нѣтъ и признаковъ въ Контѣ...

(По поводу мнѣнія Конта, что природа несовершенна и могла бы быть совершеннѣе, Бѣлинскій замѣчаетъ):

Послѣднее — чепуха, первое справедливо, — да въ несовершенствѣ-то природы и заключается ея совершенство. Совершенство есть идея абстрактнаго трансцендентализма, и потому оно — подлѣйшая вещь въ мірѣ. Человѣкъ смертенъ, подверженъ болѣзни, голоду, долженъ отстаивать съ бою жизнь свою—это его несовершенство, но имъ-то и великъ онъ, имъ-то и мила, и дорога ему жизнь его. (Если застраховать человѣка отъ смерти, болѣзни и пр.) онъ—турецкій паша, скучающій

---

[1]) Шевыревъ.

[2]) Изъ этого длиннаго письма взятъ нами небольшой отрывокъ о неблагопріятномъ мнѣніи Бѣлинскаго о Контѣ и Шеллингѣ второго періода.

въ вѣковомъ блаженствѣ, хуже—онъ превратится въ скота, Контъ не видитъ историческаго процесса, живой связи, проходящей живымъ нервомъ по животному организму исторіи человѣчества. Изъ этого я вижу, что область исторіи закрыта для его ограниченности.

У меня было какое-то смутное понятіе о новомъ мистическомъ ученіи Шеллинга. Тома (авторъ статьи) говоритъ, что Шеллингъ деизмъ называетъ imbecile (съ чѣмъ и поздравляю Пера Леру) и презираетъ его больше атеизма, который онъ несказанно презираетъ. Кто же онъ? онъ пантеистъ - христіанинъ, и создалъ для избранныхъ натуръ (аристократіи человѣчества) удивительно изящную церковь, въ которой обителей много. Бѣдное человѣчество! Добрый Одоевскій разъ не шутя увѣрялъ меня, что нѣтъ черты, отдѣляющей сумасшествіе отъ нормальнаго состоянія ума, и что ни въ одномъ человѣкѣ нельзя быть увѣреннымъ, что онъ не сумасшедшій. Въ приложеніи не къ одному Шеллингу, какъ это справедливо! У кого есть система убѣжденій, тотъ долженъ трепетать за нормальное состояніе своего разсудка...

28.

В. П. Боткину [1]).

Петербургъ, 8 марта 1847 г.

Прочти, пожалуйста, повѣсть Диккенса «Битва жизни»; изъ нея ты ясно увидишь всю ограниченность, все узколобіе этого дубоваго англичанина, когда онъ является не талантомъ, а просто человѣкомъ. Это едва ли не единственная плохая вещь, помѣщенная въ № 3 «Совр.»,—что мнѣ очень досадно. Уважаю практическія натуры, въ hommes d'action, но если вкушеніе сладости ихъ роли непремѣнно должно быть основано на условіи безвыходной ограниченности, душной узкости —

[1]) Письмо взято цѣликомъ, какъ напечатано въ изд. Павленкова.

слуга покорный, я лучше хочу быть созерцающею натурою, человѣкомъ просто, но лишь бы все чувствовать и понимать широко привольно и глубоко. Я—натура русская. Не хочу быть даже французомъ, хотя эту націю люблю и уважаю больше другихъ. Русская личность пока эмбріонъ, но сколько ширoты и силы въ натурѣ этого эмбріона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость. Она боится ихъ, не терпитъ ихъ больше всего—и хорошо, по моему мнѣнію, дѣлаетъ, довольствуясь пока ничѣмъ, вмѣсто того, чтобы закабалиться въ какую-нибудь дрянную односторонность. А что мы всеобъемлющи потому, что намъ нечего дѣлать,—чѣмъ больше объ этомъ думаю, тѣмъ больше сознаю и убѣждаюсь, что это ложь. Грузинцамъ тоже нечего дѣлать, и мало ли другихъ народовъ, ничего не дѣлающихъ и все-таки бѣдныхъ замѣчательными личностями. Русакъ пока еще дѣйствительно ничего, но посмотри, какъ онъ требователенъ, не хочетъ того, не дивится этому, отрицаетъ все, а между тѣмъ чего-то хочетъ, къ чему-то стремится. Но о такомъ предметѣ надо говорить много или совсѣмъ не говорить, и потому мнѣ досадно на себя, что я заговорилъ. Не думай, чтобы я въ этомъ вопросѣ былъ энтузіастомъ. Нѣтъ, я дошелъ до его рѣшенія (для себя) тяжкимъ путемъ сомнѣнія и отрицанія. Не думай, чтобы я со всѣми объ этомъ говорилъ такъ: нѣтъ, въ глазахъ нашихъ квасныхъ патріотовъ, славянофиловъ... витязей прошедшаго и обожателей настоящаго, я всегда останусь тѣмъ, чѣмъ они до сихъ поръ считали меня...

29.

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ *разсерженнаго* человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое

привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ, отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства: нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большого числа и которыя, въ свою очередь, тоже никогда не видали васъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и нелитературные—Чичиковы, Ноздревы, Городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ. Если бы она и была написана вслѣдствіе глубокаго, искренняго убѣжденія, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатлѣніе. И если ее приняли всѣ (за исключеніемъ немногихъ людей, которыхъ надо видѣть и знать, чтобы не обрадоваться ихъ одобренію) за хитрую, но

черезчуръ нецеремонную продѣлку для достиженія небеснымъ путемъ чисто-земной цѣли, — въ этомъ виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительнымъ. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому, чтобъ вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что столько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего *прекраснаго далека*; а вѣдь извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть; потому, что въ этомъ *прекрасномъ далекѣ* вы живете совершенно чуждымъ ему въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потерянаго въ грязи и сорѣ,—права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ во-

ровъ и грабителей! Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими и безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехххвостною плетью.

Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатическомъ снѣ! И въ это-то время великій писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ—является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше... И это не должно было привести меня въ негодованіе?.. Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки... И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ! Если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова ученія—совсѣмъ не то написали бы вы вашему адепту изъ помѣщиковъ. Вы сказали бы ему, что, такъ какъ его крестьяне его братья о Христѣ, а какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать имъ свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами какъ можно выгоднѣе для нихъ, сознавая себя, въ глубинѣ своей совѣсти, въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ.

А выраженіе: «*Ахъ, ты неумытое рыло*!» Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, что-

бы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго? Да, это и такъ у насъ дѣлается въ частую, хотя еще чаще всего порютъ только праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія, и другая поговорка говоритъ тогда: безъ вины виноватъ! И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтлѣнія! Не можетъ быть! Или вы больны—и вамъ надо спѣшить лѣчиться, или... не смѣю досказать моей мысли!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ—что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги,—вѣдь вы стоите надъ бездною... Что вы подобное ученіе опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ? Что вы нашли общаго между нимъ и какою-нибудь, а тѣмъ болѣе православною церковью? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ и было *спасеніемъ* людей, пока не организовалось въ церковь и не приняло за основаніе принципа ортодоксіи. Церковь же явилась іерархіей, стало-быть, поборницей неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми,—чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ поръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ костей

его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты, патріархи! Неужели вы этого не знаете! Вѣдь это теперь не новость для всякаго гимназиста... А потому неужели вы, авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», неужели вы искренно отъ души пропѣли гимнъ гнусному русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше духовенства католическаго? Положимъ, вы не знаете, что второе когда-то было чѣмъ-то, между тѣмъ какъ первое никогда ничѣмъ не было, кромѣ какъ слугою и рабомъ свѣтской власти; но неужели же въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа? Про кого русскій народъ разсказываетъ похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть ли попъ на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, безстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По-вашему, русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! Основа религіозности есть піэтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій. А русскій человѣкъ произноситъ имя Божіе, почесывая себѣ... Онъ говоритъ объ образѣ: г о д и т с я — м о л и т ь с я, а н е г о д и т с я — г о р ш к и п о к р ы в а т ь.

Приглядитесь попристальнѣе, и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается съ ними; живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными и гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ-быть, огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность

не прививалась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ, исключительныхъ личностей, отличавшихся такою холодною аскетической созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантствомъ да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ, его скорѣе можно похвалить за образцовый индиферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольническихъ сектахъ, столь противоположныхъ, по духу своему, массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ нею числительно.

Не буду распространяться о вашемъ диѳирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по ихъ направленію. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да и выгодно), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего *прекраснаго далека:* вблизи-то оно не такъ прекрасно и не такъ безопасно... Замѣчу только одно: когда европейцемъ, особенно католикомъ овладѣваетъ религіозный духъ, онъ дѣлается обличителемъ неправой власти, подобно еврейскимъ пророкамъ, обличавшимъ беззаконія сильныхъ земли. У насъ же наоборотъ: постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей-психіатровъ подъ именемъ religiosa mania, онъ тотчасъ же земному богу подкуритъ болѣе, нежели небесному, да еще такъ хватитъ черезъ край, что тотъ и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ окомпрометировалъ бы себя въ глазахъ общества... Бестія нашъ братъ, русскій человѣкъ!..

Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только передавши ее бумагѣ, вы знали, что говорили... Но, можетъ-быть, вы скажете: «Положимъ, что я заблуждался, и всѣ мои мысли ложны, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?» Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно, въ вашей книгѣ болѣе ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ: но зато они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и съ большей послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ; тогда какъ вы, желая поставить по свѣчкѣ и тому и другому, впали въ противорѣчіе, отстаивали, напримѣръ, Пушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея погибели... Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія—ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не

мѣсяцъ, а, можетъ-быть, годъ, два или три; въ ней есть связь; сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну наслѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ о Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете неудовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда ими будетъ доволенъ царь. Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя, и еще болѣе какъ человѣка?

Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почтенно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ, даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое, такъ называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, искренно или неискренно отдающихъ себя въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ Пушкинъ, которому стоило написать только два-три вѣрноподданническихъ стихотворенія и надѣть ка-

меръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ» вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною и талантомъ и менѣе горькія правды высказали ей? И старая школа, дѣйствительно, сердилась на васъ до бѣшенства, но «Ревизоръ» и «Мертвыя Души» оттого не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!..

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ, что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ Петербургѣ слухъ, что правительство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣнѣ,—мои друзья пріуныли; но я тогда же сказалъ имъ, что, несмотря ни на что, книга не будетъ имѣть успѣха, и о ней скоро забудутъ. И дѣйствительно, она памятнѣе теперь всѣми статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубокъ, хотя и не развитъ еще инстинктъ истины.

Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль—довести о немъ до свѣдѣнія публики—была самая несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ все равно и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди, или никогда не носившіе его въ груди своей, или потерявшіе его. Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжко зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей, тотъ носитъ Христа въ груди своей и тому не зачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смиреніе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ не ново, а во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, страшною гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ можетъ быть плодомъ или гордости или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ неизбѣжно къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ въ вашей книгѣ вы позволили себѣ цинически-грязно выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжливо), но и о самомъ себѣ—это уже гадко; потому что если человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, то человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлѣны; вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги!

И что за языкъ, что за фразы?—«Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ», неужели вы думаете, что сказать *всякъ* вмѣсто *всякій*—значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляетъ умъ и талантъ! Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, кто бы подумалъ, что это надутая и неопрятная шу-

миха словъ и фразъ—произведеніе автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»?

Что же касается до меня лично, повторяю вамъ, вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы только это разсердило меня, я только объ этомъ и отозвался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ не хорошъ. Я понимаю необходимость щелкнуть иногда глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому что какъ-то по-человѣчески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все же не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть-можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла; но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ, да еще вдобавокъ обвинить ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы, конечно, сдѣлали это по увлеченію главной мыслью вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземскій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ, развилъ вашу мысль и напечаталъ на вашихъ почитателей (стало-быть, на меня всѣхъ болѣе) частный доносъ. Онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохого риѳмоплета, произвели въ великіе поэты, кажется, сколько я помню, за его «вялый, влачащійся по землѣ стихъ». Все это не хорошо. А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ

смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ; не могъ, да признаться, и не хотѣлъ бы знать. Передо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи, я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошніе «Шпекины» распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и Некрасовъ переслалъ мнѣ ваше письмо въ Зальцбруннъ, откуда я сегодня же ѣду съ Анненковымъ въ Парижъ, черезъ Франкфуртъ-на-Майнѣ. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить вполовину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи.

И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія

въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія.

Зальцбруннъ.
15 іюля 1847 года.

30.

В. П. Боткину [1]).

Петербургъ, декабрь (начало) 1847 г.

...Для меня иностранная повѣсть должна быть слишкомъ хороша, чтобы я могъ читать ее безъ нѣкотораго усилія, особенно въ началѣ; и трудно вообразить такую гнусную русскую, которой бы я не могъ осилить (доказательство—я прочелъ съ начала до конца Вѣру въ «От. З.»—да и задалъ же я ей при обзорѣ!), а будь повѣсть русская хоть сколько-нибудь хороша, главное—сколько-нибудь дѣльна—я не читаю, а пожираю... Ты—сибаритъ, сластена...—тебѣ, вишь, подавай поэзіи да художества—тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т.-е. не впадала въ аллегорію, или не отзывалась диссертаціею...

Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигнетъ этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества,—она для меня тѣмъ не менѣе интересна... Я съ удовольствіе прочелъ, напр., повѣсть не повѣсть, даже разсказъ не разсказъ, и разсужденіе не разсужденіе—«Записки человѣка», Г—ва (въ 12 № «Отеч. Зап.»), да еще съ какимъ удовольствіемъ! [2]) Разумѣется, если по-

---

[1]) Начало—объ отношеніи Бѣлинскаго къ друзьямъ и конецъ о романахъ «Домби и сынъ» и «Оттилія» вышущены нами.

[2]) «Записки человѣка» были подписаны псевдонимомъ *Сто одинъ* (А. Д. Галаховъ), изображали разладъ тогдашняго поколѣнія съ дѣйствительностью и вызвали неудовольствіе москов. митрополита Филарета.

вѣсть возбуждаетъ вопросы и производитъ нравственное впечатлѣніе на общество, при высокой художественности, тѣмъ она для меня лучше; но главное-то у меня все-таки въ дѣлѣ, а не въ щегольствѣ. Будь повѣсть хоть расхудожественна, да если въ ней нѣтъ дѣла, то я къ ней совершенно равнодушенъ... Я знаю, что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея, и жалѣю и болѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней. Вотъ почему въ «Антонѣ» я не замѣтилъ длиннотъ или, лучше сказать, упивался длиннотами... Боже мой! Какое изученіе русскаго простонародья въ подробныхъ до мелочности описаніяхъ ярмарки!.. Но перечитывать «Антона» я не буду, хотя всегда перечитываю по нѣскольку разъ всякую русскую повѣсть, которая мнѣ понравится. Ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія; читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину—законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ...

31.

П. В. Анненкову [1]).

С.-Петербургъ, $^{15}/_{27}$ февраля 1848 года.

Читаю теперь романы Вольтера и ежеминутно мысленно плюю въ рожу дураку, ослу и скоту Луи-Блану. Изъ Руссо я только читалъ его «Исповѣдь» и, судя по ней да и по причинѣ религіознаго обожанія ословъ, возымѣлъ сильное омерзеніе къ этому господину. Онъ такъ похожъ на Достоевскаго, который убѣжденъ глу-

[1]) Выпущено нами начало письма: сообщеніе о болѣзни Бѣлинскаго, мнѣніе его о повѣсти Анненкова, присланной для помѣщенія въ «Совр.», и другихъ новыхъ повѣстяхъ Тургенева, Герцена, Достоевскаго. Письмо писано не рукою Бѣлинскаго, а продиктовано другому лицу: Бѣлинскій уже лежалъ на смертномъ одрѣ.

боко, что все человѣчество завидуетъ ему и преслѣдуетъ его. Жизнь Руссо была мерзка, безнравственна. Но что за благородная личность Вольтера! Какая горячая симпатія ко всему человѣческому, разумному, къ бѣдствіямъ простого народа! Что онъ сдѣлалъ для человѣчества! Правда, онъ иногда называетъ народъ vile populace, но за то, что народъ невѣжественъ, суевѣренъ, изувѣръ, кровожаденъ, любитъ пытки и казни. Кстати, мой вѣрующій другъ [1]) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ.

Гдѣ и когда народъ освободилъ себя?

Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль.

Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать.

Что за наивная, аркадская мысль!

Послѣ этого отчего же не предположить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное гусударство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и, наконецъ, перейдутъ въ республику? Пій IX въ два года доказалъ, что значитъ великій человѣкъ для всей земли. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда

---

[1]) Такъ Бѣлинскій называлъ М. Бакунина.

русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ!

Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли,—тутъ я и назадъ.

Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу. Не удивляйтесь сближенію: лучшіе изъ славянофиловъ смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ; они высосали эти понятія изъ соціалистовъ и въ статьяхъ своихъ цитуютъ Жоржа Занда и Луи Блана. Но довольно объ этомъ.

Дѣло объ освобожденіи крестьянъ идетъ, а впередъ не подвигается.

На-дняхъ прошелъ въ Государственномъ Совѣтѣ законъ, позволяющій крѣпостному крестьянину имѣть собственность съ позволенія своего помѣщика. Черезъ годъ снимутся таможни на русско-польской границѣ. Передѣлывается, говорятъ, тарифъ вообще.

Когда будете писать Герцену, крѣпко кланяйтесь отъ меня Натальѣ Александровнѣ и Марьѣ Ѳедоровнѣ. Тургенева обнимаю и мыслью и руками. Слышалъ я, дѣла его плохи, и живетъ онъ чортъ знаетъ гдѣ и чортъ знаетъ зачѣмъ, и по всему этому и представляется мнѣ какимъ-то миѳомъ. Усталъ диктовать, а потому и говорю вамъ: прощайте, мой благоутробный и не мистически, а раціонально обожаемый другъ мой, Павелъ Васильевичъ!

V.

А. И. Герценъ.

Избранныя мѣста изъ „Дневника Герцена“ [1]).

1.

1842 г.

29 іюля.

Съ славянофилами столько же мало можно говорить, и они такъ же нелѣпы и вредны, какъ піэтисты.

Рѣшительно нѣтъ мѣста рѣчи и слову. Религіозные люди, напримѣръ, часто прибѣгаютъ къ уловкѣ: «да, по разуму-то такъ, да разумъ-то спотыкается». Такъ и славянофилы: «да, все это по-европейски такъ, а по-нашему нѣтъ».

Вредные они до чрезвычайности. Причина очевидна. Marmier въ Москвѣ. Они принялись было его образовывать въ славянофильство, предложили ему изслѣдовать все превосходство православія надъ католицизмомъ (Marmier, вѣроятно, послѣ школы впервые услышалъ о важномъ преніи). Затаскали его до того, что ему, наконецъ, опротивѣли монахи, похвалы древняго быта и т. п.

Православіе—ихъ знамя.

Въ Польшѣ молодые гегелисты отрекаются торжественно отъ всякой положительной религіи, сопряженной съ формализмомъ ритуаловъ etc.

---

[1]) Избранныя нами мѣста изъ «Дневника» А. И. Герцена взяты изъ VI тома «Сочиненій А. И. Герцена», изд. въ Россіи въ 1905 г.

2.

15 августа.

«Deutsche Jahrbücher». Ими философія германская выступаетъ изъ аудиторіи въ жизнь, становится соціальна, революціонна, получаетъ плоть и, слѣдовательно, прямое дѣйствіе въ мірѣ событій. Тутъ видны, ясны большіе шаги въ политическомъ воспитаніи, и нѣмцы дѣлаются почти свободны отъ обвиненій, обыкновенно налагаемыхъ на нихъ. Въ статьѣ, въ которой они говорятъ объ отреченіи отъ положительной религіи со всѣмъ формализмомъ ея, благородство удивительное. «А что (въ концѣ статьи) сдѣлаетъ государство? Или оно оставитъ насъ въ покоѣ и признаетъ тогда церковь за общество, сущее рядомъ и по одинаковому праву съ другимъ обществомъ. Или оно будетъ послѣдовательно характеру, взятому имъ прежде, неразрывно съ церковью, и тогда оно въ правѣ насъ гнать. Тогда насъ ждетъ ссылка.

И мы пойдемъ въ нее. И для того говоримъ, чтобъ предупредить слабыхъ, чтобъ они знали, что такой шагъ можетъ влечь за собой такія послѣдствія, и остереглись бы. Сами мы не такъ думаемъ: кто отца или мать возлюбилъ болѣе Христа, тотъ недостоинъ быть Христовъ.»

Давно ли нѣмцы стали говорить этимъ языкомъ, давно ли сердце забилось у нихъ отъ такихъ реальныхъ причинъ, и не пророчитъ ли это многое въ будущемъ, то-есть въ будущемъ близкомъ, которое мы увидимъ. Se muove, se muove!

Одна изъ статей оканчивается прямо,—надобно рѣшиться и однажды навсегда: «Христіанство и Монархія, или Философія и Республика!»

И вотъ Германія lancée въ эмансипацію политическую и съ своимъ характеромъ твердой мысли, глубины и притомъ піэтизма.

Какъ противоположны характеры Германіи и Франціи въ дѣлѣ эмансипаціи,—ясно, слѣдя за «Deutsche Jahrb.» и «Revue Indépendante». Въ «Revue» сколько жизни, огня, словъ такихъ, которыя сейчасъ соберутъ кружки на бульварахъ, и притомъ какая плоскость пониманія истинъ независимо отъ современныхъ интересовъ. Философско-политическія статьи просто смѣшны; Франція двумя вѣками отстала въ спекуляціи отъ нѣмцевъ, такъ какъ нѣмцы пятью отъ французовъ въ приложеніи идеи права къ дѣйствительности.

3.

Сентября 10.

Споръ съ Чаадаевымъ о католицизмѣ и современности; при всемъ большомъ умѣ, при всей начитанности и ловкости въ изложеніи и развитіи своей мысли, онъ ужасно отсталъ.

Даже мнѣ было жаль употреблять всѣ средства; въ немъ какъ-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма. Онъ въ ней нашелъ примиреніе и отвѣтъ, и притомъ не путемъ мистика и піэтиста, а соціально-политическимъ воззрѣніемъ. Но, тѣмъ не менѣе, и это голосъ изъ гроба, голосъ изъ страны смерти и уничтоженія. Намъ странень этотъ голосъ. Истиннаго оправданія нѣтъ имъ, что они не понимаютъ живого голоса современности.

4.

18 ноября.

Былъ на-дняхъ у Елагиной, матери если не Гракховъ, то Кирѣевскихъ. Видѣлъ второго Кирѣевскаго. Мать чрезвычайно умная женщина, безъ цитатъ, просто и свободно. Она груститъ о славянобѣсіи сыновей. Между тѣмъ оно растетъ въ Москвѣ. Чѣмъ кончится это безумное направленіе, становящееся костью въ теченіи образованія. Оно принимаетъ видъ фанатизма

мрачнаго, нетерпимаго. Можетъ, хорошо, что возможность такихъ убѣжденій обнаруживается, а съ ними вмѣстѣ обнаруживается вся нелѣпость ихъ.

5.

23 ноября.

Вчера провелъ вечеръ у Елагиной. Были оба Кирѣевскіе, Дмитріевъ. И вздоръ!—Иванъ Кирѣевскій, конечно, замѣчательный человѣкъ; онъ фанатикъ своего убѣжденія такъ, какъ Бѣлинскій своего. Такихъ людей нельзя не уважать, хотя бы съ ними и былъ діаметрально противоположенъ въ воззрѣніи; ненавистны тѣ люди, которые не умѣютъ рѣзко стоять въ своей системѣ, которые хитро отступаютъ, боятся высказываться, стыдятся своего убѣжденія и остаются при немъ. Кирѣевскій coeur et âme свое убѣжденіе, онъ нетерпящъ, онъ грубо и дерзко возражаетъ, вѣренъ своимъ началамъ и, разумѣется, одностороненъ.

Человѣкъ этотъ глубоко перестрадалъ вопросъ о современности Руси, слезами и кровью купилъ разрѣшеніе—разрѣшеніе нелѣпое, однако не такъ отвратительное, какъ піэтическій оптимизмъ Аксакова.

Онъ вѣритъ въ славянскій міръ, но знаетъ гнусность настоящаго. Онъ страдаетъ—и знаетъ, что страдаетъ, и хочетъ страдать, не считая въ правѣ снять крестъ тяжелый и черный, положенный фатумомъ на него. Таковъ онъ показался мнѣ; натура сильная и держащаяся всегда въ какой-то экзальтаціи, которая, полагаю, должна быть неразрывна съ фанатической односторонностью. Въ такихъ убѣжденіяхъ страсти участвуютъ наравнѣ съ разумомъ, а страсти не даютъ величаваго спокойствія мысли.

М. Дмитріевъ—другого рода человѣкъ: во-первыхъ, какъ родной братъ похожъ на Краевскаго, умѣренно либералъ, умѣренно остеръ, романтикъ à la Casimir Delavigne, говорунъ и оберъ-прокуроръ. Толкуетъ о

Европѣ, о жандармахъ и полиціи и печатаетъ доносы въ стихахъ.

Дошла рѣчь до «Отечественныхъ Записокъ» и до Бѣлинскаго. Кирѣевскій отозвался съ негодующимъ презрѣніемъ. Дмитріевъ съ остротою. Рѣчь шла о какой-то неважной статьѣ; я вдругъ бросилъ имъ свое мнѣніе также рѣзко въ пользу «Отеч. Зап.» Сдѣлалось молчаніе. Перемѣнили разговоръ тотчасъ. Елагина была съ моей стороны. А смѣшно Дмитріевъ бранитъ (съ умѣренностью) все—и недоволенъ, что Бѣлинскій не имѣетъ достаточнаго уваженія къ тому, къ чему онъ самъ не имѣетъ уваженія.

6.

21 декабря.

Вчера продолжительный споръ у меня съ Хомяковымъ о современной философіи.

Удивительный даръ логической фасцинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ; вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière-pensée, къ которой идетъ.

Необыкновенная способность. Я радъ былъ этому спору, я могъ нѣкоторымъ образомъ извѣдать силы свои, съ такимъ бойцомъ помѣриться стоитъ всякому ученью, и мы разошлись каждый при своемъ, не уступивши іоты [1])...

7.

1843 г.

7 января.

«Deutsche Jahrbücher» запрещены въ Саксоніи. Ввозъ лейпцигскихъ газетъ запрещенъ въ Пруссіи за крупныя слова между королемъ прусскимъ и Гервегомъ. А

[1]) Мы опустили подробное изложеніе содержанія спора, такъ оно переполнено философскими терминами, затрудняющими пониманіе для неподготовленнаго читателя.

какъ все еще смѣшно, жалко! Въ Петербургѣ Клейнмихель, министръ инженерный, велѣлъ посадить двухъ цензоровъ на гауптвахту, и они были посажены, а потомъ кто-то велѣлъ ихъ выпустить, и ихъ выпустили. Послѣ этого просто по улицамъ ходить опасно, первый генералъ вздумаетъ посадить, потомъ извинится.

Объ «Deutsche Jahrbücher» жалѣть особенно нечего, потому что полные энергіи издатели не сядутъ, сложа руки, а такъ, какъ переѣхали изъ Галле въ Лейпцигъ, такъ переѣдутъ въ Цюрихъ, Женеву, пожалуй, въ Бельгію. Въ одномъ изъ послѣднихъ № была статья француза Jul. Elisard [1]) о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. И это чуть ли не первый французъ (котораго я знаю), понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый обладаніемъ симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ; онъ протягиваетъ руку консерватистамъ, какъ имѣющій власть, раскрываетъ имъ съ неимовѣрной ясностью смыслъ ихъ анахронистическаго стремленія и зоветъ въ человѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется, понявши ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung. У нѣмца нѣтъ еще языка на это. Въ этомъ дѣлѣ, можетъ, и мы можемъ вложить лепту.

8.

8 января.

Аксаковъ, князь Гагаринъ и др. Когда настаетъ эпоха современнаго развитія, разумнаго и сознательнаго для народа, мыслящіе проникнуты единымъ духомъ, увлечены одной всеобщей мыслью — религіей. Возможно еще противодѣйствіе религіи — своя рели-

---

1) Герценъ тогда еще не зналъ, что это — статья Бакунина.

гія прошедшаго. Но когда народъ ощущаетъ одинъ темный трепетъ призванія, одно броженіе чего-то неяснаго, но влекущаго его въ сферу шири, тогда мыслящіе, не имѣя общей связи, начинаютъ метаться во всѣ стороны. Страшное сознаніе гнусной дѣйствительности, борьбы, заставляетъ искать примиренія во что бъ ни стало, примиренія во всякой нелѣпости, себяобольщенія,—лишь бы была дѣйствительность мысли, лишь бы оторваться отъ дѣйствительности и найти причину, почему она такъ гадка. Вотъ причина этого множества партій самыхъ непонятныхъ въ Москвѣ. Общая связь одна—всѣ убѣждены въ тягости настоящаго, но выходъ находитъ каждый молодецъ на свой образецъ. Партія католиковъ всѣхъ дальше въ нелѣпости. Она нелѣпа во Франціи, ибо католицизмъ имѣетъ торжественный моментъ развитія и столько же торжественный моментъ признанія дряхлости, безсилія (его воскрешеніе смѣшно думать на Западѣ); ну, да французы католики par métier, каково же въ нашъ вѣкъ сдѣлаться католикомъ par affinité élective, сдѣлаться іезуитскимъ пропагандистомъ. Жаль откровенность, съ которой бросаются въ эти мертвые пути. Таковъ князь Гагаринъ; онъ считаетъ Чаадаева отсталымъ. Понять можно: аристократъ, вѣроятно, не получившій серьезнаго образованія, ни сильнаго таланта,—между тѣмъ умъ и горячее сердце, Богъ привелъ взглянуть на Францію, на Европу. Дома-то черно, страшно. Путь человѣчества неизвѣстенъ. Основныя, краеугольныя начала современнаго взгляда, автономія разума, исторія—terra incognita. А тутъ случайная встрѣча съ іезуитомъ, съ безумнымъ католикомъ; передъ непривычнымъ глазомъ развертывается въ первый разъ ученіе, мощно развитое изъ своихъ началъ (которыя впередъ втѣсняетъ своимъ авторитетомъ), и удивленный человѣкъ предается вымершему принципу. Таланты Чаадаева дѣлаютъ его болѣе отвѣтственнымъ. Vice versa: партія православныхъ,

Кирѣевскій его tête, а потомъ и Шевыревъ—дилетантъ религіи, и славянофилы, и Аксаковъ полу-гегельянецъ и полуправославный. Они передъ католиками имѣютъ важный шагъ впередъ, потому что они родились въ православіи, связаны воспитаніемъ, народными воспоминаніями etc. Сверхъ того, православіе никогда не имѣло такого торжественнаго финала, какъ реформація; оно покойное, никогда не шло ни впередъ, ни назадъ, и потому это безжизненное, но и не мертвое бытіе, въ самомъ дѣлѣ имѣетъ нѣчто проблематическое, о чемъ мечтать можно. Почемъ знать, чѣмъ оно разовьется, такъ какъ можно ждать еще развитія византійскаго зодчества, а уже готическаго нельзя. Я говорилъ долго съ Аксаковымъ, желая посмотрѣть, какъ онъ примирилъ свое православіе съ своимъ гегельянизмомъ; но онъ и не примиряетъ, онъ признаетъ религію и философію разными областями и позволяетъ имъ жить какъ-то вмѣстѣ, это—конкубинатъ sui generis. Другіе, какъ Кирѣевскій, отвергаютъ все западное, не хотятъ даже знать, боятся знать, т.-е. боятся углубиться въ себя, чтобъ не найти тамъ зародышей скептицизма. Споры между католиками и православными пресмѣшные,—такъ и переносишься въ блаженной памяти средніе вѣка. Типъ этихъ споровъ одинъ: «откуда вѣдьмы,—изъ Кіева или изъ Чернигова?» Для людей, не вѣрящихъ въ вѣдьмы, остается зѣвать и жалѣть расточенія силъ. Эти господа дѣлали преспеціальныя изученія исторіи церкви, знаютъ подробности ненужныя и мелочныя, дающія пищу ихъ контроверзѣ, и совершенно незнакомы съ краеугольными истинами историческаго развитія, до смѣшного; князь Гагаринъ однажды доказывалъ, что въ XVI, что ли то, вѣкѣ было незаконное избраніе русскаго патріарха, и отсюда выводилъ заключеніе о мѣрѣ законности постановленій и проч.; но развѣ греко-россійская церковь не есть событіе, которое требуетъ только признанія? и что поможетъ доказательство, что она не

имѣетъ въ такомъ-то смыслѣ, такого-то оправданія. Тутъ еще не всѣ. Есть и протестанты, улыбающіеся надъ тѣми и другими, какъ надъ отсталыми, смѣющіеся надъ невѣждами, утверждающими, что вѣдьмы изъ Кіева или изъ Чернигова, а сами они знаютъ навѣрное, что вѣдьмы идутъ изъ Житомира. Ихъ положеніе тѣмъ незавидно, что ихъ бьютъ со всѣхъ сторонъ религіозные и совсѣмъ не религіозные; куда они ни обернутся,—это чужая собака, пристающая къ грызущимся. И грызущіеся тотчасъ обращаются на чужую, оставляя свой раздоръ.

И на это расточается большая дѣятельность, хоть плода ждать нельзя; но, какъ бы то ни было, нельзя не признать, что самая дѣятельность эта утѣшительна, безъ нея Москва была бы гробъ; привычка заниматься всеобщимъ, переносить свои интересы въ сферу вопросовъ религіозныхъ—хороша. Привычка собираться для споровъ, излагать, защищать свое profession de foi постановляетъ въ люди насъ, все-таки безличныхъ рабовъ. Итакъ, спасибо и на томъ!

9.

14 января.

Правительство подыскиваетъ и приготовляетъ ловушку славянофиламъ. Оно само поставило знаменемъ народность, но оно и тутъ не позволяетъ итти дальше себя: о чемъ бы ни думали, какъ бы ни думали — не хорошо. Надобно слугъ и солдатъ, которыхъ вся жизнь проходитъ въ случайныхъ интересахъ и которые принимаютъ за патріотизмъ дисциплину. Передъ Рождествомъ Клейнмихель велѣлъ посадить на гауптвахту двухъ цензоровъ за не понравившееся ему выраженіе объ офицерахъ. Врядъ поймутъ ли, сообразятъ ли европейцы этотъ случай. Министръ инженерный, который только начальникъ публичныхъ работъ, военный, приказалъ арестовать чиновниковъ, служащихъ по

иному вѣдомству и для которыхъ, какъ для всѣхъ, есть же законный судъ, вслѣдствіе котораго можно наказать. Въ родѣ осаднаго положенія.

10.

23 марта.

Что за прекрасная, сильная личность Ивана Кирѣевскаго! Сколько погибло въ немъ и притомъ развитаго. Онъ сломился такъ, какъ можетъ сломаться дубъ. Жаль его, ужасно жаль. Онъ чахнетъ, борьба въ немъ продолжается глухо и подрываетъ его. Онъ одинъ искупаетъ всю партію славянофиловъ.

11.

5 апрѣля.

Длинный разговоръ о философіи съ И. Кирѣевскимъ. Глубокая, сильная, энергичная до фанатизма личность. Наука, по его мнѣнію, чистый формализмъ, самое мышленіе—способность формальная, оттого огромная сторона истины, ея субстанціальность является въ наукѣ только формально и, слѣдовательно, абстрактно, не истинно или бѣдно-истинно. Философія не можетъ рѣшить свою задачу, не достигнетъ примиренія и истины, потому что ея путь недостаточенъ etc., etc. Слово есть также формальное выраженіе, не исчерпывающее того, что хочешь сказать, а передающее односторонне. Конечно, наука par droit de naissance абстрактна и, пожалуй, формальна; но въ полномъ развитіи своемъ ея формализмъ — діалектическое развитіе, составляющее практическое тѣло истины, ея форму, но такую, въ которую утянуто само содержаніе. Содержаніе животнаго — не члены его, взятые, какъ члены, но и не внѣ членовъ; оно само ставитъ органы и расчленяется. Конечно, та же наука имѣетъ результатомъ негацію и переходитъ себя, ибо философія каждой эпохи есть фактическій, историческій міръ той эпохи,

схваченный въ мышленіи. Переходя себя, она переходитъ необходимо въ новый положительный міръ, уничтоживъ все незыблемотвердое стараго. А Кирѣевскій хочетъ спасенія стараго во имя несостоятельности науки. Такъ легко критика не засыпаетъ. A propos. Въ 11 № «Revue des Deux Mondes» статья какого-то Lebre о Гегелѣ и Шеллингѣ. Очень умно и проницательно написана. Честь французу. Все ловко и живо схвачено, многое понято вѣрно и горячо. Жаль, что сжатыя рамки не позволили ему высказаться. Онъ говоритъ о реакціи Шеллинга, какъ о неудачной попыткѣ положительной философіи, внѣ логики (а между тѣмъ на разумѣ) опертой и пр. Все то, что я замѣтилъ изъ нѣсколькихъ лекцій, прочтенныхъ мной,—поэтически возвышенное стремленіе, разбивающееся объ форму несвойственную, мистическіе обѣты, видѣнія. Но въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Гречъ подавалъ доносъ на «Отеч. Зап.», и III отдѣленіе собственной канцеляріи отвергнуло его съ презрѣніемъ, написало ему полный отвѣтъ. Литераторъ, уничтоженный, замятый въ грязь Дубельтомъ во имя гуманности!

12.

13 мая.

Баронъ Гакстгаузенъ и Козегартенъ, путешественники изъ Пруссіи, занимающіеся изслѣдованіемъ славянскихъ племенъ и въ особенности бытомъ и состояніемъ крестьянъ въ Европѣ. Я имѣлъ случай говорить съ Гакстгаузеномъ; меня удивилъ ясный взглядъ на бытъ нашихъ мужиковъ, помѣщичью власть, земскую полицію и управленіе вообще. Онъ находитъ важнымъ элементомъ сохранившуюся изъ древности общинность, ее-то надобно развивать, сообразно требованіямъ времени. Индивидуальное освобожденіе съ землею и безъ земли онъ не считаетъ полезнымъ, оно противопоставляетъ единичную, слабую семью всѣмъ страшнымъ

притѣсненіямъ земской полиціи, das Beamtenwesen ist grässlich in Russland. «Зачѣмъ у васъ судейская власть не поставлена самобытно относительно другихъ властей? Зачѣмъ дворяне не умѣютъ пользоваться выборами и избирать на уѣздныя мѣста порядочныхъ людей?» Мало ли зачѣмъ. Затѣмъ, что правительство не вынесетъ никакой самобытной власти, затѣмъ, что исправникъ трактуется какъ лакей, затѣмъ, что въ уѣздныхъ городахъ жить нельзя—нѣтъ ни лѣкарей, ни средства воспитать дѣтей, ни общества, ни удобствъ жизни. Онъ хотѣлъ, чтобы ему сказали нормальное отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ господину, напримѣръ, въ Московской губерніи, алгебраическую формулу, такъ сказать. Но это вздоръ; если бъ отношеніе общины сельской къ помѣщику измѣнялось съ ея величиною, съ количествомъ земель или иныхъ условій жизни, тогда можно бы понять какую-нибудь норму. Это не такъ. Состояніе общины N зависитъ отъ того, что помѣщикъ ея богатъ или бѣденъ, служитъ или не служитъ, живетъ въ Петербургѣ или въ деревнѣ, управляетъ самъ или приказчикомъ. Вотъ это-то и есть жалкая и безпорядочная случайность, подавляющая собою развитіе. Между прочимъ, говоря о дворовыхъ людяхъ и мастеровыхъ, баронъ Гакстгаузенъ замѣтилъ: «il y a des principes d'un saint-simonisme renversé (à chacun selon ses talents»), т.-е., что чѣмъ талантливѣе, тѣмъ больше дуютъ съ него оброка. Демократическая нивелировка.

13.

26 іюня.

А какъ взглянешь около себя... Бѣдный, бѣдный русскій мужикъ. И что досаднѣе всего видѣть, средства поправить его состояніе по большей части подъ руками: алчность помѣщиковъ и неустройство государственныхъ крестьянъ повергаетъ ихъ въ это положеніе. Глядя на ихъ жизнь, кажется чѣмъ-то чудовищно-

преступнымъ жить въ роскоши; обыкновенно мужикъ здѣшней полосы никогда не ѣстъ мяса, у него едва хватаетъ хлѣба; коли побогаче, ѣстъ капусту; онъ каждый день съ своей семьей отыгрывается отъ голодной смерти. О запасахъ думать нечего; умри лошадь, корова—онъ пошелъ ко дну. У кого много работниковъ въ семьѣ, тѣ живутъ получше; но много ли такихъ? Возлѣ ихъ бѣдныхъ полей, богатыя поля помѣщика, обработанныя его руками, скирды хлѣба, копны сѣна. Какое ангельское самоотверженіе! Сегодня приходили къ нему нищіе изъ сосѣдней деревни; помѣщикъ выгоняетъ ихъ ежедневно на работу поголовно,—у нихъ хлѣба нѣтъ, это бросается въ глаза, а если ѣстъ только хлѣбъ, то совѣсть помѣщика чиста: чего же имъ болѣе, они сыты. Мы дивимся гладіаторамъ, а развѣ черезъ вѣкъ не будутъ дивиться намъ, нашей свирѣпой жестокости, отсутствію человѣколюбія въ насъ? Чѣмъ мы лучше суринамскихъ колонистовъ, англичанъ въ Индіи? Нѣтъ, мы хуже, потому что крестьяне наши лучше дикихъ; кротко, грустно несутъ они тяжелый крестъ жизни, черно проводятъ ее, имѣя въ перспективѣ розги, голодъ и барщину, если оброчный,—рекрутство, взятіе во дворъ. Наши славянофилы толкуютъ объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей; все это хорошіе зародыши и долею они основаны на неразвитости,—такъ, у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистичнаго характера европейскаго; но они забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, глупую выносливость всякихъ притѣсненій,—словомъ, возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ. Мудрено ли, что у нашего крестьянина не развилось право собственности въ смыслѣ личнаго владѣнія, когда его полоса—не его полоса, когда даже жена, дочь и сынъ—не его. Какая собственность у раба? Онъ хуже пролетарія—онъ res, орудіе для обрабатыванія полей. Баринъ

не можетъ убить его такъ же, какъ не могъ при Петрѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ срубить дубъ; дайте ему право суда, тогда только онъ будетъ человѣкомъ. Двѣнадцать милліоновъ людей hors la loi: Carmen horrendum.

14.

29 іюня.

Дочиталъ первые три тома L. Blanc. Какъ поэтически явился сенъ-симонизмъ, какъ геройски явилась республиканская партія и какъ вдругъ уничтожились одни и обезсилѣли другіе. Но если они видимо уничтожились и ослабли, то въ нравахъ, въ общемъ мнѣніи осталось очень-очень много. У нихъ не было полной отгадки. Между тѣмъ необходимость соціальнаго переворота теперь стала очевидна; враги развитія, какъ Гизо, понимаютъ и трепещутъ. Измѣненіе правъ собственности, коммунальная жизнь, организація работъ—вопросы, занимающіе всѣхъ, видящихъ далѣе носа; нелѣпость случайнаго и нелѣпаго распредѣленія такого важнаго орудія, какъ богатство, нелѣпость гражданскаго порядка, приносящаго на жертву огромное большинство, невозможность равенства при такомъ устройствѣ,—все это стало очевидно, а давно ли? Воззрѣнія со стороны консерватистовъ проникнуты сознательно или безсознательно эгоизмомъ и своекорыстіемъ привилегированныхъ кастъ. Теперь, напримѣръ, толкуютъ, что при организаціи равнаго воспитанія, отецъ не можетъ дать того воспитанія, которое онъ считаетъ лучшимъ, а забываютъ, что теперь всѣ отцы низшихъ классовъ не могутъ дать никакого воспитанія своимъ дѣтямъ. Конечно, при лучшемъ общественномъ устройствѣ многіе не будутъ имѣть возможности тратить деньги, какъ теперь, они стѣснятся,—но никто не будетъ мереть съ голоду! Франціи принадлежитъ великая иниціатива этого переворота. Она ему

положила начало Конвентомъ. Болѣзненно достигаетъ она до осуществленія. Достигнетъ ли когда? Все равно человѣчество ей не забудетъ первый шагъ. Удивляюсь, какъ славянобѣснующіеся не понимаютъ исторіи, не понимаютъ европейскаго развитія,—это помѣшательство. Славяне въ будущемъ, вѣроятно, призваны ко многому, но что же они сдѣлали въ прошедшемъ со своимъ стоячимъ православіемъ и чуждостью отъ всего человѣчества?

15.

18 августа.

Брошюра Фрауенштета о Шеллингѣ. Нѣтъ дѣла болѣе неблагодарнаго, какъ то, что дѣлаетъ Шеллингъ; подготовка и прилаживаніе философскаго мышленія къ данному неподвижному прошедшему воззрѣнію. Это схоластика и съ тѣмъ вмѣстѣ ложь. Сколько поэтическаго дара и остроумія истощено на объясненіе миѳовъ, и между тѣмъ объясненія эти оставляютъ какое-то непріятное чувство; чувствуешь, что все придумано послѣ. Положеніе Шеллинга понятно; понятно, какъ его платоническому духу болѣзненно видѣть негацію, одну негацію; но какъ понять, что онъ удовлетворился жалкими мистико-философскими, натянутыми и худо склеенными воззрѣніями. Онъ начинаетъ съ пантеизма и приходитъ къ іудаизму, и этотъ іудаизмъ называетъ положительной философіей. По мѣрѣ того, какъ онъ развиваетъ свою положительную науку, становится тягостнѣе и неловче; чувствуешь, что его рѣшеніе не разрѣшаетъ, что все покрыто туманомъ, не свободно. Мало-по-малу онъ совершенно оставляетъ паукообразный путь и теряется въ самомъ эксцентрическомъ мистицизмѣ, объясняетъ сатану, чудеса, воскресеніе, сошествіе духа au pied de la lettre. Не вѣришь, что это написано въ XIX вѣкѣ; кажется, это слова схоластика XIV вѣка или теолога первыхъ лѣтъ рефор-

маціи. Языкъ и воззрѣніе Бекона понятнѣе для насъ и современнѣе. Новое доказательство, какъ германскій умъ всегда готовъ свихнуться въ область туманныхъ фантазій и тратить талантъ и геній на пустую работу, лишь бы внѣ практическихъ сферъ, лишь бы внѣ тѣхъ сферъ, въ которыя человѣкъ призванъ. А послѣ Канта могли бы итти путемъ трезвымъ. Впрочемъ, Шеллингъ нанесъ ударъ страшный христіанству, его философія обличила, наконецъ, всю нелѣпость христіанской философіи, онъ своимъ именемъ, своей ссорой съ Гегелемъ заставилъ обернуться на себя всю ученую Германію и подумать о своемъ бредѣ. Есть вещи, для которыхъ гласность, обличеніе, обслѣдованіе—смерть.

Шеллингъ сдѣлался вверхъ ногами поставленный Яковъ Бемъ. Тотъ, полный мистическаго созерцанія во всѣ стороны, восходилъ къ глубокому философскому воззрѣнію; Шеллингъ изъ глубокаго философскаго воззрѣнія опустился въ дѣтскій мистицизмъ. Бемъ, заключенный въ мистическую терминологію, живши въ началѣ XVII столѣтія, нашелъ твердость не останавливаться на буквѣ, имѣлъ мужество принимать страшныя консеквенціи для боязливой совѣсти того вѣка; онъ дѣйствовалъ разумомъ, и мистицизмъ окрылялъ его разумъ. У Шеллинга вездѣ видна покорность разума и устремленіе всѣхъ силъ подчиниться теизму и преданію, безъ истинно наивной вѣры. Простая вѣра не станетъ употреблять его Spitzfindigkeiten.

16.

26 октября.

Разговоръ съ П. В. Кирѣевскимъ. Ихъ воззрѣніе странно до подозрительности, оно, безъ сомнѣнія, не изъято поэзіи, хотя односторонность очевидна. Религіозное воззрѣніе имѣетъ необходимо долю ложную, но ихъ воззрѣніе есть еще частно религіозное, именно греко-россійское христіанство: они отвергаютъ все за-

падное христіанство; исторія, какъ движеніе человѣчества къ освобожденію и себяпознанію, къ сознательному дѣянію, для нихъ не существуетъ; ихъ взглядъ на исторію приближается къ взгляду скептицизма и матеріализма съ противоположной стороны. Вся жизнь человѣчества — болѣзненное, абнормальное явленіе. Въ этомъ есть сумасшедшая консеквенція, принять грѣхопаденіе, т.-е. осуществленіе развитія передъ ними должно ввести страшный безпорядокъ и перекувыркнуть смыслъ исторіи. Они принимаютъ за истину церковь, за единую дверь къ благодати, остальное все нечестиво, сбилось съ дороги etc. И съ тѣмъ вмѣстѣ признаютъ, что и греческая церковь подавлена, никуда негодна у насъ. Что же остается? И для кого искупленіе рода человѣческаго? Неужели христіанство, вначалѣ имѣвшее 12 апостоловъ, черезъ 1800 лѣтъ оканчивается двумя или тремя лицами, знающими какую-то подъ спудомъ хранящуюся истину въ церкви, живущей по ихъ сознанію во лжи? Дѣятельность и стремительное движеніе европейское они называютъ мелочной хлопотливостью и находятъ единымъ идеаломъ квіетическое спокойствіе какой-то созерцательной жизни на индійскій манеръ. Внутренній страхъ, что ихъ мысль не признана, дѣлаетъ ихъ фанатически нетерпимыми, въ нихъ, какъ во всѣхъ фанатикахъ, недостаетъ любви. Они на Западъ смотрятъ съ ненавистью. Это такъ же пошло, нелѣпо, какъ воображать, что все наше національное гнусно и отвратительно. Оттого, что Руси общечеловѣческое начало начали прививать насильственно, они ополчились противъ общечеловѣческой цивилизаціи Европы, считая ее однимъ блескомъ пустымъ и ложнымъ. Присутствуя при прививкѣ формъ, они проглядѣли, что долго на родной почвѣ въ этихъ формахъ обитала прекрасная сущность. Въ одномъ французскомъ водевилѣ кто-то кричитъ: «Ma voiture, ma voiture, 50 fr. pour ma voiture!» Въ перело-

женіи на русскіе нравы того же водевиля, актеръ кричитъ: карету, карету или 50 палокъ! Виноватъ ли европеизмъ! Да, какъ тяжело отъ этого искусственнаго періода. А зачѣмъ же мы представляли нѣсколько вѣковъ стоячее болото? Да, въ этой-то стоячести вся прелесть созерцательной жизни. Противъ этого говорить нечего, разные критеріумы, — надобно итти врозь или замолчать... Петръ Кирѣевскій выражаетъ собою, въ числѣ самыхъ отчаянныхъ славянофиловъ, ультраславяниста, разумѣется, что, при всемъ уродливомъ взглядѣ, онъ — человѣкъ талантливый, восторженный и благородный, онъ, можетъ, во многомъ долженъ будетъ уступить брату, но далеко оставляетъ за собой многихъ одномышленниковъ. Съ своей точки зрѣнія они очень консеквентны. А опору точки зрѣнія не подвергаютъ анализу, даже минуютъ ее высказать. Это—вѣрованіе и какъ вѣрованіе имѣетъ корень въ субъективномъ чувствѣ. Кирѣевскіе послѣдовательнѣе Аксакова и Самарина: тѣ хотятъ на основаніяхъ современной науки построить зданіе славяно-византійское, они по Гегелю доходятъ до православія и по западной наукѣ до отверженія западной исторіи; они принимаютъ прогрессъ, смотрятъ нашими глазами на будущность человѣчества, оттого у нихъ потеряна необходимая консеквентность. П. В. обращенъ на одно прошедшее Руси, онъ смотритъ на будущее безъ вѣры, народъ, «какъ индивидуальность, какъ случайная личность», носитъ въ груди возможность гибели, но прожитое имъ—его руно, которое онъ стремится возстановить для Руси.

17.

4 ноября.

Die Kommunisten in der Schweiz. Wörtlicher Abdruck des Kommissionalberichtes an die Regierung von Zürich. Первое, что удивило въ этой книгѣ, это фамилія Ба-

кунина, названнаго не токмо въ числѣ коммунистовъ, но упомянутаго какъ одинъ — изъ «venin». Они были захвачены, слѣдовательно, и онъ. Странная судьба этого человѣка. Пока онъ былъ въ Россіи, этого конца предсказать было нельзя. Jules Elysard указалъ великую перемѣну,—его консеквентность не могла остановиться. Что съ нимъ будетъ? Коммунистское движеніе въ Швейцаріи имѣло представителемъ своимъ Вейтлинга, прежде портного, потомъ энергическаго писателя и пропагандиста. Мѣста изъ его писаній, приведенныя комиссіей, краснорѣчивы и сильны. Распространеніе коммунизма шло очень быстро между работниками швейцарскими и германскими. Начала ихъ извѣстны: Eine vollkommene Gesellschaft hat keine Regierung, sondern eine Verwaltung— организація работъ, равенство in facto, война собственности etc., etc. Много одушевленія, слова Вейтлинга иногда поднимаются до апостольской проповѣди, прекрасно опредѣляютъ они свое отношеніе къ либераламъ. Есть нелѣпости (напримѣръ, теорія воровства), но есть зато рѣзкая истина.

Болтовня де-Санглена имѣетъ свой интересъ, какъ живая хроника за 50 послѣднихъ лѣтъ. Поверхностный и мало-объемлющій умъ, но большая живость, своего рода острота и бездна фактовъ интересныхъ. Нѣкоторыя подробности о смерти Павла, множество анекдотовъ объ александровскихъ временахъ, которыя онъ имѣлъ случай хорошо знать en qualité начальника тайной полиціи, о Барклаѣ (онъ былъ генералъ-полицмейстеромъ первой арміи 1802 г.). Конечно, незавидно время было тогда, но какая разница! Что-то гуманное, кроткое, хранившее благопристойность было въ правительствѣ. Нынче маска не считается нужной.

Недавно сѣкли инженерныхъ юнкеровъ и потомъ на 6 лѣтъ въ солдаты за какую-то дѣтскую шалость. Боже мой!

18.

24 ноября.

Вчера Грановскій началъ свои публичныя лекціи. Превосходно. Какой благородный, прекрасный языкъ, потому именно, что выражаетъ благородныя и прекрасныя мысли. Я очень доволенъ. Его лекціи въ самомъ дѣлѣ событіе, какъ говоритъ Чаадаевъ. Слыханное ли дѣло, чтобъ на лекціи, безъ опытовъ физики или химіи, сошлось множество людей, изъ которыхъ 50 заплатили за входъ по 50 рублей. И какъ современны онѣ, какой камень въ голову узкимъ націоналистамъ! Писалъ сегодня статейку объ нихъ для «Московскихъ Вѣдомостей», повезу ее завтра къ графу Строганову. Кажется, не дурно. Множество дамъ, разумѣется, онѣ не слушать ѣздятъ, а казать себя,—но все это хорошо и, впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ есть желаніе интересовъ всеобщихъ.

19.

26 ноября.

Вчера возилъ графу Строганову первую статью о лекціяхъ Грановскаго. Онъ согласенъ, чтобъ она была напечатана въ «Москов. Вѣдом.», но чтобъ имя Гегеля не было произнесено. Откуда эта гегелефобія? Потомъ длинный разговоръ объ «Отечественныхъ Запискахъ», Бѣлинскомъ, Боткинѣ, etc., онъ знаетъ множество подробностей. Странно, какое вниманіе обращено на меня и на всѣхъ. Предостереженія, совѣты. Въ графѣ Строгановѣ бездна рыцарски-благороднаго. Длинный, замѣчательный разговоръ.

20.

28 ноября.

Вчерашняя лекція Грановскаго была превосходна. Какое благородство языка, смѣлое, открытое изложеніе! Были минуты, въ которыхъ его рѣчь подымалась до вдохновенія. Рѣчь шла о философіи исторіи: есть нѣ-

которыя неясности, отъ которыхъ люди отдѣлываются словами, которымъ придаютъ какое-то страшное по содержанію значеніе, или себя увѣряютъ, что вопросъ уясненъ, а онъ только переведенъ на другой языкъ. Читая Гегеля и находясь весь еще подъ его самодержавной властью, я самъ во многихъ случаяхъ разрѣшалъ логическими штуками или логической поэзіей не такъ-то легко разрѣшимое. Съ такими вещами я встрѣтился и у Грановскаго, онъ, не имѣя твердости сдѣлаться свирѣпымъ имманентомъ (какъ выражается Хомяковъ) и удерживая своего рода идеализмъ, необходимо наталкивается на антиномію, которую приходится разрѣшать поэзіей, антропоморфизмомъ всеобщаго etc. Онъ прекрасно защитилъ философію въ обвиненіи, что она всегда за сильнаго, и объяснилъ намъ... Словомъ, ничего подобнаго въ Москвѣ никогда не было читано всенародно. И публика была внимательна, даже увлечена. Статья моя объ его лекціяхъ напечатана вчера. Сюрпризъ удался вполнѣ, онъ и не подозрѣвалъ. Утромъ Коршъ ему прислалъ №. Грановскій былъ такъ тронутъ, что не могъ сразу все прочесть. Когда кончилась лекція, все порядочное въ аудиторіи съ восторгомъ изъявляло свою благодарность профессору. Это одинъ изъ лучшихъ дней въ жизни Грановскаго. И какъ счастлива, съ горящимъ лицомъ и со слезами на глазахъ, сидѣла его жена. Публичныя чтенія удивительно заманчивы, кабы позволили... Статья сдѣлала эффектъ, всѣ довольны, славянофилы и яростные тоже довольны. Пора приниматься за вторую статью.

21.

17 декабря.

Вторую статью о лекціяхъ Грановскаго графъ Строгановъ отказалъ помѣстить въ «Моск. Вѣдом.», — можетъ, онъ правъ: боязнь крика, поповъ, доносовъ справедлива. Я долго былъ у него, разстались, кажется,

довольны другъ другомъ. Странный онъ человѣкъ, но я уважаю многое изъ его качествъ, и, безъ сомнѣнія, онъ очень важенъ для Московскаго университета a partant de là и для просвѣщенія всей Россіи. «Москвитянина» нѣтъ еще...

22.

21 декабря.

Вчера Грановскій публично съ каѳедры оправдывался въ гнусныхъ обвиненіяхъ, расточаемыхъ Шевыревымъ и Погодинымъ и, наконецъ, напечатанныхъ въ «Москвитянинѣ». Окончивъ чтеніе, онъ сказалъ: «Я считаю необходимымъ оправдаться передъ вами въ нѣкоторыхъ обвиненіяхъ на мой курсъ. Обвиняютъ, что я пристрастенъ къ Западу, я взялся читать часть его исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ потомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается почти даромъ, какое же право не любить его? Если бъ я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее принесъ бы ту же любовь. Далѣе меня обвиняютъ въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ, лучше было бы сказать, что я имѣю мои ученыя убѣжденія, да я ихъ имѣю, и только во имя ихъ я явился на этой каѳедрѣ, разсказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моей цѣлью. Проникнуть ихъ мыслью»... и тутъ еще нѣсколько словъ, которыя я не разобралъ. Громъ рукоплесканій и неистовое bravo, bravo окончило его рѣчь, съ невыразимымъ чувствомъ одушевленія былъ сдѣланъ этотъ аплодисментъ, проводившій Грановскаго до самыхъ дверей аудиторіи. На этотъ разъ публика была достойна профессора. И какая плюха доносчикамъ! Такія проявленія, сколько они ни бѣдны, какъ они ни рѣдки, радуютъ. Глядя на гамъ и шумъ, у меня сердце билось и кровь стучала въ голову: есть - таки симпатіи. Можетъ, послѣ этого власть наложитъ свою лапу, закроютъ курсъ, —

но дѣло сдѣлано, указанъ новый образъ дѣйствія университета на публику, указана возможность открыто, благородно защищаться передъ публикой въ обвиненіяхъ щекотливыхъ, и подтверждена возможность единодушной оцѣнки такого подвига, возможность возбудить симпатію.

Что за великое дѣло публичность! Именно какъ Proudhon говоритъ, что работникамъ платятъ каждому отдѣльно, а не цѣнятъ новую силу, происходящую изъ совокупности ихъ. Да, множество людей представляютъ не ариѳметическую сумму силъ ихъ, а несравненно сильнѣйшую мощь, происходящую отъ поглощенія ихъ въ едино, каждый сильнѣе всею мощью всѣхъ»...

Надняхъ пробѣжалъ я 1-й № «Европейца». Статьи Ив. Кирѣевскаго удивительныя, онѣ предупредили современное направленіе въ самой Европѣ. Какая здоровая, сильная голова, какой талантъ, слогъ... И что вышло изъ него? Сломился, какъ благородная натура, онъ не измѣнилъ своему направленію, а бросился въ самый темный лѣсъ мистицизма,—тамъ ищетъ спасенья. Бѣдныя жертвы и великія жертвы, приносимыя Молоху!

1844 г.

23.

7 января.

... Былъ на-дняхъ у графа Строганова, интриганы изъ профессоровъ сбиваютъ его видимо; онъ любитъ и желаетъ просвѣщенія, онъ любитъ Европу и все благородное, но боится рѣзко и рѣшительно объявить себя противъ дикихъ славянофиловъ, а они, пользуясь его шаткостью, пугаютъ, лгутъ и получаютъ мѣсто въ его убѣжденіяхъ. «Я,—говорилъ онъ,—всѣми мѣрами буду противодѣйствовать гегелизму и нѣмецкой философіи. Она противорѣчитъ нашему богословію. На что намъ раздвоенность—два разные догмата, догматъ откровенія и догматъ

науки? Я даже не приму того направленія, которое афишируетъ примиреніе науки съ религіей: религія въ основѣ». На это я сказалъ ему, что очень хорошо не принимать людей, толкующихъ о соглашеніи и примиреніи, потому что они лжецы и трусы. Примиренія нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимаютъ, и наука не имѣетъ нужды ни въ мирѣ, ни въ войнѣ. Въ заключеніе графъ сказалъ, что если онъ не успѣетъ другимъ образомъ, то готовъ или оставить свое управленіе, или закрыть нѣсколько каѳедръ: «вы, вѣроятно, съ другими, назовете тогда меня варваромъ, вандаломъ». Я опустилъ глаза и промолчалъ. Разговоръ сталъ слабѣть и скоро кончился. Не жаль ли, что это доблестно-рыцарская натура падаетъ подъ нерѣшительностью? И какъ будто есть двѣ науки въ самомъ дѣлѣ. Останавливать современную науку, значитъ убивать вообще развитіе науки и сводить преподаваніе на сухія, историческія, филологическія, естествознательныя, математическія свѣдѣнія, не связанныя ни единою мыслью.

24.

24 января.

Безпрерывные споры и разговоры съ славянами много способствовали, съ прошлаго года, къ уясненію вопроса, и добросовѣстность съ обѣихъ сторонъ сдѣлала большія уступки, образовавшія мнѣніе болѣе основательное, чѣмъ чистая мечтательность славянъ и гордое презрѣніе ультра-оксидентныхъ.

Gottes ist der Orient
Gottes ist der Occident.

Главная ошибка ихъ, что, вѣря (и не безъ основанія) въ огромное будущее славянъ, какъ того племени, которое имѣетъ призваніе своею непосредственностью соотвѣтствовать высшему, логически-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотятъ и въ самомъ

младенчествѣ его видѣть что-то высшее европейскаго развитія, какъ будто возможность будущаго значитъ превосходство и надъ дѣйствительностью развитою и осуществившею свое призваніе. Впрочемъ, я собираюсь объ этомъ писать цѣлую статью. Движеніе умственное, безпокойное, ищущее разрѣшеній, говорящее въ Москвѣ, усиливается очевидно. Страшно думать, что, когда эту дѣятельность хорошенько разглядятъ, развѣютъ опять по лицу Россіи всѣхъ порядочныхъ людей.

25.

Февраль.

Письмо отъ Кетчера.—Булгаринъ писалъ къ князю Волконскому, что со времени его попечительства въ литературѣ показывается вредная тенденція, что «Отеч. Зап.» подрываютъ православіе, самодержавіе и народность, что должно назначить комиссію для разбора этого журнала, что онъ туда явится присяжнымъ доносителемъ, и грозитъ Волконскому, буде онъ не сдѣлаетъ никакихъ распоряженій, довести все это до свѣдѣнія государя черезъ прусскаго короля. Волконскій ничего не могъ сдѣлать противъ подлаго шпіона, цензуру стѣснили, тѣмъ пока и кончилось. Итакъ, всего аристократическаго положенія Волконскому недостаточно было, чтобъ подавить доносъ. Еще шагъ и »Отеч. Зап.» рухнули бы со всѣми участниками. Чѣмъ болѣе мерзости, тѣмъ ближе къ концу, но въ данномъ случаѣ близкаго конца нигдѣ не видать. За ихъ покой, за ихъ жизнь въ будущемъ вѣкѣ, за ихъ праздность въ настоящемъ—нѣтъ полной симпатіи къ славянамъ. А славянофилъ за надежды, за возможности смотритъ съ пренебреженіемъ на европейцевъ, съ гордостью. Дѣтское заблужденіе. Въ этомъ, какъ и во многомъ, останутся рѣзкія преграды между нами.

26.

12 февраля.

Лекціи Мицкевича au Collège de France 1840—1842.

Мицкевичъ славянофилъ, въ родѣ Хомякова и К°, со всею той разницей, которую ему даетъ то, что онъ полякъ, а не москаль, что онъ живетъ въ Европѣ, а не въ Москвѣ, что онъ толкуетъ не объ одной Руси, но о чехахъ, иллирійцахъ и пр., и пр. Нѣтъ никакого сомнѣнія, въ славянизмѣ есть истинная и прекрасная сторона. Эта прекрасная сторона вѣрованія въ будущее всего прекраснѣе у поляка, у поляковъ, носящихъ съ собою свою родину. Но съ этимъ прекраснымъ характеромъ надежды у славянъ всегда является какое-то самодовольство, jactance, которое тѣмъ страннѣе, чѣмъ очевиднѣе ужасъ современнаго положенія. Славяне всегда робки, вездѣ холопы смирные, пассивные холопы. Демократическій элементъ, на который они опираются, утраченъ, крѣпостное состояніе—достаточное доказательство. И когда цвѣло это общинное устройство? Въ періодъ величайшей неразвитости. Бедуины — демократы, и патріархализмъ имѣетъ всегда своего рода семейно-общинное начало. Конечно, славяне имѣли болѣе внѣшнихъ препятствій къ развитію, нежели романо-германскіе народы; одни физическія препятствія очень важны (которыми никакъ не должно пренебрегать, какъ это дѣлаютъ идеалисты), климатъ большею частію сырой и холодный, перемѣнчивый и суровый, плоскость, недостатокъ водяныхъ сообщеній и ужасныя разстоянія. Тутъ, впрочемъ, и могла развиться деревня, но всякая централизація должна была встрѣтить большія препятствія, города не могли получить важнаго значенія, а деревни были впослѣдствіи подавлены. Демократическій элементъ не могъ выработаться; лучшее доказательство—псевдо-аристократія, крѣпостное состояніе и страшно нелѣпый фактъ, что лишеніе правъ боль-

шей части населенія шло, увеличиваясь отъ Бориса Годунова до нашего времени.

27.

17 февраля.

... Мицкевичъ говоритъ, что разгадка судебъ міра славянскаго лежитъ скрытая въ будущемъ. Это говорятъ всѣ славянофилы, но они не имѣютъ геройства послѣдовательности, они все же хотятъ отыскать отгадки въ прошедшемъ. Прошедшее христіанство принадлежитъ Европѣ романо-германской—католицизму, феодализму и ихъ разложенію. Во всемъ этомъ славяне не участвовали. Разумѣется, и Византія и Русь имѣли жизнь и жизнь болѣе близкую къ Европѣ, нежели Китай etc, но для нихъ ихъ исторія не была полнымъ осуществленіемъ всей скрытой въ нихъ мысли. Византія замирала въ чиновничьей, мертвой централизаціи, мудрствовала о догматахъ и развивала ихъ въ теологическія тонкости. Русь по какому-то глубокому провидѣнію взяла, сложившись, гербомъ Византійскаго орла, двуглаваго, врозь смотрящаго. Истинно полнаго слитія государства съ народомъ никогда не было; народъ спокойно, покорно, но безучастно прозябалъ въ своихъ деревняхъ, будто ожидая чего-то. Великій смыслъ былой исторіи государства,—это такое гигантское развитіе его, несмотря на всѣ препятствія. Еще менѣе вѣрно воззрѣніе, что Польша представила своимъ былымъ самую развитую фазу славянскаго міра. Конечно, самую развитую, но не славянскую; это было совершенно ложное направленіе для славянскаго народа, и тѣмъ хуже, что оно глубоко проникло въ высшіе классы. Мицкевичъ сравниваетъ поэмы и лѣтописи чеховъ, руссовъ, поляковъ и пр.; безучастіе и простота Нестора ему не понравились, а между тѣмъ Галлусъ—сколокъ съ западныхъ лѣтописцевъ, духъ, вѣющій въ немъ, не чисто славянскій, какъ, напр. въ «Словѣ о Полку Иго-

ревѣ» или какъ въ сербскихъ отрывкахъ, имъ приведенныхъ. Сербы были всего менѣе подъ вліяніемъ Запада. Образецъ высшаго развитія славянской общины—черногорцы. Русское правительство сдѣлало въ 1834 г. опытъ, надавало земли владыкѣ, посовѣтовало завести сенатъ—все это не удалось, у нихъ полнѣйшая демократія, патріархально-дикая, но энергическая и сильная. Европа болѣе и болѣе обращаетъ вниманіе свое на этотъ нѣмой міръ, которой называетъ себя славянами. Много, много удивительнаго въ этомъ мірѣ, напр., у насъ, при управленіи не національномъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ виденъ шагъ впередъ. Оппозиціозность растетъ, всѣ боятся и всѣ говорятъ, мы менѣе всѣхъ, потому что мы сознаемъ себя оппозиціей, а другіе безсознательно; по счастію они не умѣютъ слѣдить ни за литературой, ни за чѣмъ,—нѣтъ умно учрежденнаго шпіонства, оно болѣе устроено, нежели сообразно цѣли. Если бы теперь сколько-нибудь не такъ терзали всякую свободную мысль, доходящую до нихъ, мы вдругъ шагнули бы ужасно.

28.

7 марта.

...Грановскій заключилъ послѣднюю лекцію превосходными словами; разсказавъ, какъ французскій король губилъ Тампліеровъ, онъ прибавилъ: «необходимость гибели, ихъ виновность даже ясна, но средства употребленныя гнусны; такъ и въ новѣйшей исторіи мы часто видимъ необходимость побѣды, но не можемъ отказать ни въ симпатіи къ побѣжденнымъ, ни въ презрѣніи къ побѣдителю». И неужели эта аудиторія, принимающая его слова, особенно такія слова, съ ужаснѣйшими рукоплесканіями, забудетъ ихъ? Забыть ихъ, впрочемъ, имѣетъ право, но неужели они пройдутъ безслѣдно, не возбудивъ ни одной мысли, ни одного вопроса, ни одного сомнѣнія? Кто на это отвѣтитъ? Страшно сказать «нѣтъ», и «да» страшно сказать.

29.

22 апрѣля.

Окончился курсъ Грановскаго. Этотъ курсъ—событіе, событіе, имѣющее большое значеніе. Сверхъ внутренняго своего достоинства, онъ имѣетъ внѣшнюю важность тѣмъ, что теперь начнутся публичные курсы; публика узнала новое, сильное, волнующее наслажденіе всенародной, энергической рѣчи. Доценты увидѣли, какою аудиторіею можетъ Москва окружить ихъ.

Симпатія къ Грановскому далеко превосходитъ все, что можно себѣ представить: публика была удивлена, поражена благородствомъ, откровенностью и любовью, Грановскій прямо касался самыхъ волнующихъ душу вопросовъ и нигдѣ не явился трибуномъ, демагогомъ, а вездѣ свѣтлымъ и чистымъ представителемъ всего гуманнаго. На послѣдней лекціи аудиторія была биткомъ набита. Когда онъ въ заключеніе началъ говорить о славянскомъ мірѣ, какой-то трепетъ пробѣжалъ по аудиторіи, слезы были на газахъ и лица у всѣхъ облагородились. Наконецъ онъ всталъ и началъ благодарить слушателей, — просто, свѣтлыми, прекрасными словами, слезы были у него на глазахъ, щеки горѣли, онъ дрожалъ... «Благодарю тѣхъ,—такъ кончилъ онъ,—которые съ симпатіей слушали меня и раздѣляли добросовѣстность тона ученыхъ убѣжденій; благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ!» Онъ молчалъ и кланялся. Безумный, буйный восторгъ увлекъ аудиторію: крики, рукоплесканія, шумъ, слезы, какой-то торжественный безпорядокъ, нѣсколько шапокъ было брошено на воздухъ. Дамы бросились къ доценту, жали его руку; я вышелъ изъ аудиторіи въ лихорадкѣ.

Слава доценту и слава аудиторіи! Литераторы, товарищи, друзья приготовляли обѣдъ; вліяніе послѣд-

нихъ словъ было такъ сильно и такъ живо, что всѣ противоположныя воззрѣнія примирились въ дружескомъ торжествѣ и самыя противоположныя натуры искали другъ друга, чтобъ заявить свое различіе и уваженіе. Весело, шумно и, наконецъ пьяно, окончился этотъ день. Его отмѣтятъ многіе, онъ многимъ вспомянется, какъ прекрасный праздникъ любви и симпатіи.

30.

4 мая.

Нѣтъ ничего забавнѣе и досаднѣе, какъ juste milieu во всякомъ дѣлѣ; это безразличная точка въ магнитѣ, это статическая задача, употребляющая всѣ силы на поддержаніе равновѣсія и не имѣющая послѣ силъ въ остаткѣ для какого-нибудь дѣйствованія, это австрійская политика. Храбрость послѣдовательности—великое дѣло. Вчера я душевно смѣялся на старанія Рѣдкина вывести личнаго Бога и христіанство путемъ чистаго мышленія. Логика доводитъ до идеи, до безличнаго духа, который личенъ въ человѣкѣ и черезъ человѣка себя познающъ; далѣе не выведешь ничего, кромѣ непростительной таутологіи, которой угощали берлинскіе философы Германію. Разъ духъ—какъ всеобщій духъ человѣчества, которому оно необходимо, другой духъ—личный, экстрамундальный; но духъ безъ міра, an sich, есть логическая абстракція, стало, и тотъ духъ имѣетъ свою объективность, свое aussersich sein—и опять schlechte Unendlichkeit. Въ логикѣ слова: Gott, Geist, übergreifende Subjectivität, вовсе не значатъ eine bestimmte Persönlichkeit, eine Individualität; индивидуальность подчинена категоріи времени, она употребляетъ эти слова persona moralis, какъ духъ такого-то народа, такой-то эпохи. А этимъ господамъ страшно, они имѣютъ голосъ въ груди, препятствующій итти до этихъ результатовъ. Хорошо, ну, такъ принять, что путь, который привелъ къ не-

лѣпости, ложенъ, и надобно отбросить науку; опять трусость и непослѣдовательность. Да мы примиримъ, уладимъ и науку, и религію. Религія приметъ ли такое примиреніе? Она отречется во имя церкви такъ, какъ наука отречется во имя логики. Бакунинъ горько выразился, говоря, что люди du juste milieu похожи на польскихъ жидовъ, которыхъ и Россія и Польша вѣшали.

31.

12 мая.

...Хомяковъ писалъ къ И. В. Кирѣевскому, предлагая «Москвитянина» и стращая его, что ихъ противники хотятъ купить голосъ его; все это продолжалось въ то время, какъ Хомяковъ торжественно мирилъ и примирялъ. Иванъ Васильевичъ отклонилъ предложеніе и спрашиваетъ, кто эти противники, не Грановскій ли съ друзьями, что въ такомъ случаѣ онъ къ нимъ чувствуетъ болѣе симпатіи, нежели ко всѣмъ славянофиламъ. Черта истинно московско-русская въ Хомяковѣ— это лукавство, прикрытое бономіей. Истиннаго сближенія между ихъ воззрѣніемъ и моимъ не могло быть, но могло быть довѣріе и уваженіе, которое и есть между другими, напримѣръ, между нами и Кирѣевскими.

Съ полной гуманностью, подвергаясь упрекамъ со стороны всѣхъ друзей, протягивалъ я имъ руку, желалъ ихъ узнать, оцѣнилъ хорошее въ ихъ воззрѣніи. Но они фанатики и нетерпящіе люди. Они создали міръ химеръ и оправдываютъ его двумя-тремя порядочными мыслями, на которыхъ они выстроили не то зданіе, которое слѣдовало. Всѣхъ ближе изъ нихъ къ общечеловѣческому взгляду—Самаринъ; но и у него еще много твердо и исключительно славянскаго. Аксаковъ во вѣки вѣковъ останется благороднымъ, но и не поднимется дальше москвофиліи.

32.

17 мая.

Огромное письмо, въ родѣ диссертаціи, отъ Бѣлинскаго. Возраженіе на мое, писанное къ Ивану Павловичу [1]); энергія и невозможность дѣла сломили его. Возможность внутренняя и невозможность внѣшняя превращаетъ силы въ ядъ, отравляющій жизнь; они загниваютъ въ организмѣ, бродятъ и разлагаютъ, отсюда взглядъ гнѣва и желчи, односторонность въ самомъ мышленіи. Бѣлинскій пишетъ: «Я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу». Онъ страдаетъ и за свои страданья хочетъ ненавидѣть и ругать филистимлянъ, которые вовсе не виноваты въ его страданіяхъ. Филистимляне для него славянофилы, я самъ не согласенъ съ ними, но Бѣлинскій не хочетъ понять истину въ fatras ихъ нелѣпостей. Онъ не понимаетъ славянскій міръ; онъ смотритъ на него съ отчаяніемъ, и не правъ, онъ не умѣетъ чаять жизни будущаго вѣка, а это чаяніе есть начало возникновенія будущаго. Отчаяніе—умерщвленіе плода во чревѣ матери.

Буду писать къ нему такое же длинное письмо. Странное положеніе мое, какое-то невольное juste milieu въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними я человѣкъ Запада, передъ ихъ врагами—человѣкъ Востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени эти одностороннія опредѣленія не годятся.

33.

4 іюня.

...Вчера Самаринъ защищалъ свою диссертацію. Непонятно сочетаніе высокихъ діалектическихъ способностей этого человѣка съ жалкими православными теоріями и съ утрированнымъ славянизмомъ; въ немъ

[1]) Иванъ Павловичъ Галаховъ—пріятель Герцена и одинъ изъ членовъ Московскаго кружка. См. о немъ въ «Быломъ и Думахъ», гл. XXIX. стр. 383—387. II ч. «Соч. Герцена».

противорѣчіе это бросается особенно въ глаза потому, что у него рѣшительно логика преобладаетъ надъ всѣмъ. Онъ, правда, и самъ видитъ шаткость своей фантастической основы, но не отступаетъ отъ нея. Можетъ, юность, всегда готовая предаваться отвлеченнымъ теоріямъ, виною этого направленія, недостатокъ фактическихъ свѣдѣній и неумѣнье покоряться историческому элементу. Вообще диссертація и защита ея произвела какое-то грустное чувство. Во всемъ этомъ есть что-то ретроградное, негуманное, узкое, какъ и во всей партіи національной. Какъ съ ними ни ладь въ нѣкоторыхъ вопросахъ,—остается страшный оврагъ, дѣлящій и непереходимый. Въ нихъ бездна дѣтской суетливости: такъ, вчера Хомяковъ восторгался фразами о православіи, на которыя никто не смѣлъ возражать. Католикъ могъ точно такъ же изъ своихъ началъ хвалить католицизмъ. Это былъ бы разговоръ двухъ поврежденныхъ.

34.

14 августа.

Письмо отъ Бѣлинскаго, съ желчью и досадой писанное. Странный человѣкъ, онъ ищетъ любви, онъ полонъ нѣжности и между тѣмъ такъ раздражителенъ, такъ невѣротерпимъ, что при малѣйшемъ разномыслiи готовъ обругать человѣка. Я знаю его и люблю, но иной могъ бы отвѣчать въ квадратѣ колко; Бѣлинскій не остался бы позади, и прекрасныя отношенія лопнули бы. Не такъ ли онъ разошелся съ Аксаковымъ? Разумѣется, онъ къ мнѣніямъ Аксакова симпатій, наконецъ, не могъ имѣть; Аксаковъ свое москвобѣсіе довелъ до absurdissimum, но нельзя же было и порвать такъ холодно связи многихъ лѣтъ. Дружба должна быть снисходительна и пристрастна, она должна любить лицо, а не идею; идея—общій элементъ сближенія, она можетъ дать товарища, единовѣрца, но дружба требуетъ признанія лица, а не всеобщей мысли

его. Психологически занимательный вопросъ, отчего пріятель, любящій другого, любитъ укорить его, радуется, старается доказать, высказать его маленькій недостатокъ и готовъ, можетъ-быть, въ то же время скрыть его пороки, пожертвовать собою, защищая его. Sonderbar!

35.

4 сентября.

...Пора ѣхать въ Москву, а смерть не хочется. Здѣсь жизнь какъ-то чище и благороднѣе. Дѣйствительнаго дѣянія, на которое мы бы были призваны, нѣтъ; выдыхаться въ вѣчномъ плачѣ, въ сосредоточенной скорби не есть дѣло.

Что же мнѣ дѣлать въ Москвѣ? Быть тутъ—зачѣмъ? Два-три близкихъ человѣка и толпа глупая, гадкая. Когда я смотрю на бѣдныхъ крестьянъ, у меня сердце обливается кровью, я стыжусь своихъ правъ, стыжусь, что и я долей способствую заѣдать ихъ жизнь, и этотъ стыдъ поднимаетъ душу и не безплоденъ; тутъ на бѣдной, жалкой скалѣ я могу что-нибудь сдѣлать. А та толпа вселяетъ презрѣніе, она не голодна, она сыта и рада, что сыта. О, если бъ гдѣ-нибудь въ тепломъ краю годъ-два пожить, пожить дѣятельно и мыслію и сердцемъ, но безъ толпы. Мнѣ даже люди выше обыкновенныхъ начинаютъ быть противны; этотъ суетный, сорокалѣтній парень Хомяковъ, просмѣявшійся цѣлую жизнь и ловившій нелѣпый призракъ русско-византійской церкви, дѣлающейся всемірной, повторяющій одно и то же, погубившій въ себѣ гигантскую способность, и Аксаковъ, безумный о Москвѣ, ожидающій не нынче—завтра воскресенія старинной Руси, перенесенія столицы и чортъ знаетъ что... Даже И. В. Кирѣевскій странenъ при всемъ благородствѣ. Бѣлинскій правъ. Нѣтъ мира и свѣта съ людьми до того разными.

36.

9 ноября.

...Грановскій написалъ диссертацію о Винетѣ и Волинѣ, гдѣ онъ доказываетъ, что Винета славянскихъ преданій никогда не существовала и проч. Такова дикая нетерпимость славянофиловъ, что они хотятъ возвратить диссертацію, что, вѣроятно, примѣра не имѣетъ, и готовы преслѣдовать Грановскаго, какъ лицо. Преслѣдовать за Винету—это дѣлаетъ маленькое указаніе: если бъ эти люди получили власть въ руки, что бы они сдѣлали со всѣми непокоряющимися ихъ варварскимъ мнѣніямъ; они показали бы, что такое цензура великаго народа и что такое кроткая сила слова православной церкви. Теперь они ликуютъ и не нарадуются вѣсти, что «Отеч. Зап.» запрещены, и черезъ кого, какъ не черезъ Погодина и Шевырева. И Грановскаго журналъ отчего не позволяютъ; я увѣренъ, что по ихъ гадкимъ доносамъ и проискамъ.

37.

9 ноября.

Толки и переговоры съ Иваномъ Васильевичемъ насчетъ участвованія нашего въ «Москвитянинѣ.» Я сначала сказалъ, что такъ какъ опредѣленная и весьма большая разница въ нашихъ убѣжденіяхъ очевидна, но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать личныхъ симпатій, искренняго уваженія къ его лицу, то я полагаю лучше подождать книжку, другую журнала и потомъ посмотрѣть, возможно ли намъ участвовать. Безпристрастіе есть своего рода неопредѣленность и апатія; личное уваженіе есть тоже личность, вредная дѣлу. Сверхъ того, Иванъ Васильевичъ не дошелъ до послѣдней точки москвизма, но вся его партія щеголяетъ дикими и исключительными анти-гуманными мыслями.

Хомяковъ согласился со мною и присовокупилъ, что онъ не далъ бы статьи Грановскому. Я замѣтилъ ему,

что, проводя ту же консеквентность, Грановскій не взялъ бы и не помѣстилъ бы ея. Многосторонность симпатій nous éparpillent; надобно рѣзко и опредѣленно обозначить, въ чемъ наша мысль, и прямо высказать дѣломъ и словомъ невозможность общенія съ противоположнымъ мнѣніемъ.

Жалкія и парадоксальныя мнѣнія отчаянныхъ славянофиловъ не такъ бы бѣсили, если бы они были только нелѣпы, а то они нечеловѣчественны и противны. На похоронахъ Погодиной въ лютеранской церкви они держали себя неблагопристойно; я просилъ Хомякова вспомнить, какъ онъ рекомендовалъ поступить съ иностранцемъ, который бы не снялъ шляпы въ проходѣ сквозь Спасскія ворота.

Потомъ толкъ о Гагаринѣ. Хомяковъ находитъ наглымъ и дерзкимъ до невѣроятности намѣреніе его возвратиться сюда проповѣдывать католическимъ пасторомъ, натурализовавшись французомъ. Ну, да если онъ убѣжденъ чисто и благородно, что католицизмъ есть единая дверь ко спасенію. «Да, какъ же онъ отказался отъ отечества?» Не отъ отечества, а для своего спасенія отъ каторги принялъ онъ видъ француза. Этого онъ понять не могъ. «Если бъ, говоритъ онъ, англичанинъ сдѣлалъ подобный поступокъ?»—Ну, что же, былъ бы кругомъ виноватъ, потому что въ Англіи его защищалъ законъ его и проч.

38.

26 ноября.

Болѣе и болѣе расхожусь со славянами; кажется, ихъ удивилъ прямой языкъ, мой тонъ у Свербѣева. Потому думаю, что меня всѣ спрашиваютъ, какъ было, что было, главное, какъ я рѣшился сказать поэту-лауреату береговъ Неглинной, «что и не помѣстятъ его статьи въ нашъ журналъ».

И Аксаковъ становится скученъ отъ фанатизма московщины; мой разговоръ за недѣлю тому назадъ озлобилъ и удивилъ многихъ. Когда люди начинаютъ сердиться, они дозволяютъ всплыть многому, что лежитъ на днѣ души и въ чемъ неохотно себѣ сознаются. Изъ манеры славянофиловъ видно, что если бы матеріальная власть была ихъ, то намъ бы пришлось жариться гдѣ-нибудь на лобномъ мѣстѣ.

39.

10 декабря.

Славянофильство имѣетъ подобное себѣ явленіе въ новой исторіи западной литературы. Появленіе національно-романтической тенденціи въ Германіи послѣ наполеоновскихъ войнъ,—тенденціи, которая находила слишкомъ всеобщею и космополитическою науку и мысль, шедшую отъ Лейбница, Лессинга до Гердера, Гёте, Шиллера. Какъ ни естественно было появленіе неоромантизма, но оно было не болѣе какъ литературное, научное явленіе безъ симпатіи массъ, безъ истинной дѣйствительности; не трудно было угадать, что черезъ десять лѣтъ о нихъ забудутъ. Точно такое же положеніе занимаютъ славянофилы. Они никакихъ корней не имѣютъ въ народѣ, они западной наукой дошли до своихъ національныхъ теорій; это болѣзнь литературная и больше никакого значенія не имѣющая. Они вспоминаютъ то, что народъ забываетъ, и даже о настоящемъ имѣютъ вовсе несходное мнѣніе съ народнымъ. Недавно я слышалъ, какъ они говорятъ о нравственной и кротко семейной жизни сельскаго духовенства, о вліяніи этихъ добрыхъ отцовъ семейства на крестьянъ; or donc, кто когда-нибудь живалъ въ деревняхъ или говорилъ съ крестьянами хоть на большой дорогѣ, тотъ знаетъ истину такой идилліи.

«Зачѣмъ иностранцы насъ не понимаютъ, зачѣмъ смотрятъ враждебно, зачѣмъ мало занимаются нами etc.» Зачѣмъ мы сами не болѣе 15 лѣтъ стали заниматься собою, какъ самобытными; заниматься кѣмънибудь тогда только можно, когда онъ стоитъ этого. Европа очень занимается нашей силой, потому что она въ ней видитъ мощнаго раба подъ вліяніемъ розги и бича, который готовъ на время разрушить великіе плоды вѣковъ; Европа tacitement стоитъ подъ однимъ знаменемъ отъ Кенигсберга до Дублина, разногласіе ихъ частные вопросы, но есть лабарумъ, около котораго всѣ народы готовы были бы соединиться (исключая, можетъ, части Австріи).

40.

17 декабря.

Языковъ написалъ какіе-то ругательные стихи на Чаадаева, Грановскаго и Герцена! Or donc, Грановскаго онъ никогда не видалъ, меня разъ. Я не читалъ это произведеніе славянофильскихъ наущеній Хомякова и оскорбленнаго самолюбія поэта, нѣкогда нравившагося, теперь выжившаго изъ ума, отсталаго. Мы не курили ему ѳиміамъ, не считали за счастіе раздѣлять его томящую бесѣду. Наконецъ, «Отеч. Зап.» недавно въ прекрасной и ловкой статьѣ оцѣнили его по заслугамъ.

Признаюсь, мнѣ хотѣлось бы прочесть для того, чтобъ убѣдиться еще въ одной чертѣ этой котеріи; я почти увѣренъ, что тутъ есть невольный доносецъ. А Аксаковъ написалъ премилые стихи, отказываясь отъ Дмитрія Коптева и Вигеля. Это свой кругъ стариковъ, изжившихъ все бѣдное умственное достояніе, непризнанныхъ, отсталыхъ, съ ненавистью встрѣчающихъ каждую мысль, піэтисты, доносчики, злыя самолюбія, оскорбленныя притязательности: тутъ Глинка, Лихотинъ, Сушковъ и юный лѣтами, но старый подлостью Коптевъ. Эта замкнутая котерія бездарности,

догнивающіе остатки чего-то загнившаго прежде зрѣлости. О милая Москва!

Мнѣ прежде казался Иванъ Васильевичъ несравненно окончеппѣе Петра Васильевича, — это не такъ. Петръ Васильевичъ головою выше всѣхъ славянофиловъ. Онъ принялъ одинъ во всю ширину нелѣпую мысль, но именно за его консеквенціею исчезаетъ нелѣпость, и остается трагическая грандіозность. Онъ—жертва, на которую палъ громъ за его народъ, за ту національность, которая бичуется теперь. Иванъ Васильевичъ хочетъ какъ-то и съ Западомъ поладить, вообще онъ и фанатикъ и эклектикъ. Фанатикъ, чтобы быть полнымъ, именно долженъ не быть эклектикомъ; иначе то, что придаетъ ему силу, рѣзкость, какъ паяльная трубка, усиливающая огонь, сгибая его на одну сторону, сглаживается, эмусируется и выходитъ нѣчто неопредѣленное. Бездушному Хомякову все идетъ; и эта многосторонность публичныхъ женщинъ, и это лукавство, предательски соглашающееся, и этотъ смѣхъ, которымъ онъ встрѣчаетъ негодованіе. Но Кирѣевскій долженъ бы быть окончеппѣе.

41.

30 декабря.

Языковъ написалъ еще два стихотворенія: одно противъ насъ же, другое противъ Чаадаева, болѣе оскорбительное и подлое, нежели первое. Гадкая котерія, стоящая за правительствомъ и церковью и смѣлая на языкъ, потому что имъ громко отвѣчать нельзя. Они, кромѣ Аксакова и Кирѣевскихъ, не имѣютъ тѣни гуманности и благородства. И что за сумбуръ въ головѣ у этихъ людей. Недавно я вытѣснялъ на чистую воду Хомякова изъ-за лѣса фразъ, остротъ, анекдотовъ, которыми онъ уснащаетъ свою рѣчь, и онъ вывертывался старыми понятіями идеализма, битыми мистическими представленіями.

1845 г.

42.

10 января.

Славянофилы, наконецъ, болѣе и болѣе являются узенькими людьми раскола. Стихи Языкова съ доносомъ на всѣхъ насъ привели къ объясненіямъ, которыя, съ своей стороны, чуть не привели къ дуэли Грановскаго и Петра Кирѣевскаго. Я въ душѣ ненавижу не принципъ дуэлей, а нелѣпость смертной казни за оскорбленія этого принципа; однако дѣлать было бы нечего. Послѣ всего этого, наконецъ, личное отдаленіе сдѣлалось необходимымъ. Аксаковъ торжественно разстался съ Грановскимъ и мною; видно было, что ему жаль. Онъ благороденъ, чистъ, но одностороненъ, ограниченъ въ своемъ расколѣ. Мы дружески сказали другъ другу, что служили инымъ богамъ и что потому должны разойтиться одинъ направо, другой налѣво; въ уваженіи ему, какъ характеру, я не могу отказать. Онъ и, можетъ, оба Кирѣевскихъ уносятъ личное уваженіе, а остальные — чортъ съ ними. Самаринъ не думаю, чтобъ ихъ былъ.

Странная Русь. Изъ нея высшими плодами являются или люди, опередившее свое время до того, что, задавленные существующимъ, они безплодно умираютъ по ссылкамъ, или люди, впертые въ прошедшее, никакой симпатіи не имѣющіе въ настоящемъ и также безплодно влачащіе жизнь.

43.

23 февраля.

Третьяго дня Грановскій защищалъ свою диссертацію о Іомсбургѣ и Винетѣ. Это было публичнымъ и торжественнымъ пораженіемъ славянофиловъ и публичной овацій Грановскаго. Нападки были дѣланы съ невѣроятной дерзостью, съ цинизмомъ грубымъ до отвратительности. Грановскій отвѣчалъ тихо, спокойно,

кротко, вѣжливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены имъ. Но толстая шкура ихъ не поняла бы этого. Другой голосъ посильнѣй осудилъ ихъ. Грановскій былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, каждое слово Бодянскаго награждалось всеобщимъ шиканіемъ. Изъявленія эти были такъ сильны и энергичны, что никто и не подумалъ останавливать ихъ. Сверхъ дерзости въ выраженіяхъ, гнусныя продѣлки Шевырева, Бодянскаго и другихъ были извѣстны всей публикѣ, на нихъ смотрѣли съ омерзѣньемъ. Когда кончился диспутъ, и графъ Строгановъ поздравилъ Грановскаго, раздались: «Vivat! vivat!» продолжавшіеся съ четверть часа. На лѣстницѣ потомъ увидѣли какъ-то Грановскаго, — и новыя рукоплесканія, даже передъ университетомъ собралась толпа студентовъ, ожидавшая его выхода, но ее уговорили разойтись. Этотъ день торжества Грановскаго да вмѣстѣ съ тѣмъ торжества всего университета. Университетъ доказалъ, что онъ имѣетъ и мнѣніе и голосъ. Намъ доказалъ онъ, что его симпатіи далеки отъ славянофильства. Хвала студентамъ! Вчера за обѣдомъ я предложилъ первый тостъ за здоровье студентовъ Московскаго университета. Славяне огорчились и какъ-то не находятся; au reste благородные изъ нихъ были противъ всѣхъ продѣлокъ, а подлые выдумаютъ въ свое оправданіе несбыточныя мерзости, что это интрига и проч., и по своимъ котеріямъ будутъ насъ вдвое ругать. Сегодня видѣлъ Петра Васильевича, — чудный человѣкъ. Славянофилы постоянно набрасываютъ на насъ смѣшной и жалкій упрекъ, что мы ненавидимъ Россію, да изъ которой же стороны нашихъ словъ, дѣлъ, мнѣній это видно? Неужели изъ того, что мы страдали, а они нѣтъ, что мы становились въ оппозицію, которая только могла насъ вести въ ссылку, а они нѣтъ? Дѣло, кажется, просто, и одна узкая нетерпимость ихъ могла взвести на насъ пошлое обвиненіе. Мы розно поняли вопросъ о совре-

менности, мы разнаго ждемъ, желаемъ. Развѣ это мѣшаетъ намъ быть столько же патріотическими? Да, въ нашъ патріотизмъ входитъ общечеловѣческое, и не токмо входитъ, но занимаетъ первое мѣсто, а у нихъ развѣ христіанство какое-нибудь суздальское явленіе? Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы мы протянули другъ другу руки,—нѣтъ, но не слѣдуетъ и того, чтобы вся монополь любви къ отечеству принадлежала имъ, и они имѣли бы право насъ упрекать въ ненависти къ Россіи. У больного два врача: одинъ думаетъ его лѣчить отъ геморроя, другой—отъ чахотки, быть-можетъ, что они оба правы, однако гдѣ же достаточная причина считать того и другого отравителемъ? Они могутъ ни въ чемъ не соглашаться, но дѣло ихъ остается то же: желаніе излѣчить больного. Имъ нужно былое, преданіе, прошедшее, намъ хочется оторвать отъ него Россію,—словомъ, мы не хотимъ той Руси, которой и нѣтъ, т.-е. до петровской, а той новой Руси они совершенно не знаютъ, они отрицаютъ ее такъ, какъ мы отрицаемъ древнюю.

44.

26 февраля.

На-дняхъ получилъ письмо отъ Самарина. Удивительный вѣкъ, въ которомъ человѣкъ до того умный, какъ онъ, какъ бы испуганный страшнымъ, непримиримымъ противорѣчіемъ, въ которомъ мы живемъ, закрываетъ глаза разума и стремится къ успокоенію въ религіи, къ квіетизму, толкуетъ о связи съ преданіемъ. Письмо его подѣйствовало на меня грустно. Сегодня писалъ ему отвѣтъ, въ немъ я сказалъ ему. «Encore une étoile qui file et disparaît! Прощайте, идите иной дорогой: какъ попутчики, мы не встрѣтимся, это навѣрное». Да какъ это ему не стыдно принадлежать къ такимъ запакощеннымъ славянофиламъ!

VI.

Т. Н. Грановскій.

ПИСЬМА.

1.

Къ Н. В. Станкевичу [1]).

Москва, октября или ноября 1839 года.

Бѣлинскій уѣхалъ въ Петербургъ къ Краевскому. Я боюсь за него. Мнѣ даже тяжело писать тебѣ объ немъ: мы сошлись какъ старые пріятели. Убѣжденія наши рѣшительно противоположны, но это не мѣшаетъ мнѣ любить его за то, что въ немъ есть. Однимъ словомъ въ жизни, въ частныхъ сношеніяхъ его нельзя не любить, даже предостереженія твои были напрасны: моя откровенность, шипѣніе и т. д. не оскорбляли его. Но въ литературѣ онъ Богъ знаетъ что дѣлаетъ. Вообразите, душа моя, что мнѣ вездѣ приходится защищать его отъ упрека въ подлости. Болѣе всего мучитъ меня то, что студенты наши—и лучшіе—стали считать его подлецомъ въ родѣ Булгарина, особливо послѣ послѣдней статьи его. Дѣло все—въ поклоненіи дѣйствительности. Ты знаешь, съ какимъ остервенѣніемъ защищаетъ онъ свои мнѣнія, до какихъ крайностей его доводятъ про-

[1]) Начало и конецъ письма, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о разныхъ членахъ кружка Станкевича, ихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, вышущены. Взяты только сообщенія Грановскаго о Бѣлинскомъ. («Т. Н. Грановскій и его переписка» Біограф. очеркъ А. Станкевича. Т. II, стр. 363 и 4, 2-е изд.).

тивныя мнѣнія. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ дичь. Статья дѣйствительно гнусная и глупая [1]). Меня онъ презираетъ за недостатокъ художественности, за уваженіе къ Шиллеру и Уланду и проч. Катковъ (человѣкъ съ большимъ талантомъ) раздѣляетъ эти понятія. Вообще философія надѣлала имъ много вреда. Ты не повѣришь, какія вещи они говорятъ и пишутъ: «Валленштейнъ—жалкое, ничтожное произведеніе, декламація безъ жизни». Зато Борисъ Годуновъ «равенъ всему, написанному Шекспиромъ, ничуть не ниже Отелло или Ромео». О французахъ не позволено говорить безъ «съ позволенія сказать»: «народъ безъ чувства, безъ глубины, фигляръ». Не читаютъ ничего почти, кромѣ собственныхъ произведеній. И при всемъ томъ славные, даровитые люди.

2.

Н. В. Станкевичу [2]).

Москва, 25 ноября 1839 года.

Въ промежуткѣ прочелъ письмо къ тебѣ Бѣлинскаго, полученное мною отъ Боткина, по приказанію сочинителя. Ты самъ лучше, чѣмъ изъ всѣхъ моихъ разсказовъ, увидишь изъ этого письма, какъ куралеситъ этотъ народъ, и какъ имъ полезно «тереть темя льдомъ». Это письмо отчасти напугало меня,—какія у нихъ ссоры и примиренія! Но это еще вздоръ; зная Бѣлинскаго, съ нимъ нельзя разссориться: ему можно уступить скорѣе, чѣмъ, напримѣръ, тебѣ, человѣку хладнокровно-ядовитому. Бѣда въ томъ, что онъ страшно портитъ себѣ будущность, онъ хочетъ

---

[1]) Статья Бѣлинскаго по поводу «Бородинской годовщины» В. Жуковскаго. «Отеч. Зап.» 1839 г., окт.

[2]) Начало этого письма утрачено, а конецъ, въ которомъ сообщается продолженіе сердечной исторіи Боткина и объ университетскихъ дѣлахъ Грановскаго, нами выпущенъ. (Тамъ же, стр. 364 и 5.)

дѣйствовать на людей и отбиваетъ отъ себя хорошее мнѣніе ихъ. Если бы его бранили профессора и старики, я смѣялся бы, но его бранятъ и начинаютъ презирать студенты, молодежь еще теплая, еще живая. Это его будущая публика, люди, которые необходимо должны имѣть большое вліяніе на его литературную дѣятельность. Я уже говорилъ объ этомъ. Бѣлинскій видитъ въ общемъ мнѣніи ограниченность, себя считаетъ героемъ и проповѣдникомъ истины, Катковъ тоже. Въ нихъ нельзя не уважать силы убѣжденія. Но прочно ли это убѣжденіе? На чемъ, какъ не на ожесточенности реакціи противъ прошедшаго момента, оно основано? Ты это легко замѣтишь изъ письма. Онъ хотѣлъ прислать и статьи: я увѣренъ, что тебѣ будетъ больно и горько читать ихъ. У Боткина въ этомъ случаѣ закрыты глаза отчасти его телячьею терпимостью, отчасти пристрастіемъ...

3.

Н. В. Станкевичу [1]).

27 ноября 1839 г.

Бываю довольно часто у Кирѣевскихъ. Петръ (собиратель русскихъ пѣсенъ)—очень хорошій человѣкъ; къ Ивану, старшему, какъ-то не лежитъ сердце. Ты не можешь себѣ вообразить, какая у этихъ людей философія. Главныя ихъ положенія: Западъ сгнилъ и отъ него уже не можетъ быть ничего, русская исторія испорчена Петромъ,—мы оторваны насильственно отъ роднаго историческаго основанія и живемъ наудачу; единственная выгода нашей современной жизни состоитъ въ возможности безпристрастно наблюдать чужую исторію, это даже наше назначеніе въ будущемъ;

---

[1]) Конецъ письма—о семейныхъ дѣлахъ и здоровьѣ Грановскаго—выпущенъ. (Тамъ же, стр. 369 и 70.)

вся мудрость человѣческая истощена въ твореніи св. отцовъ греческой церкви, писавшихъ послѣ отдѣленія отъ западной. Ихъ нужно только изучать, дополнять нечего, все сказано. Гегеля упрекаютъ въ неуваженіи къ фактамъ. Кирѣевскій говоритъ эти вещи въ прозѣ, Хомяковъ—въ стихахъ. Досадно, что они портятъ студентовъ: вокругъ нихъ собирается много хорошей молодежи и впиваютъ эти прекрасныя идеи. Иванъ Кирѣевскій ищетъ теперь мѣсто профессора философіи. У него много покровителей, но мѣшаютъ воспоминанія о «Европейцѣ» [1]). Безспорно, онъ человѣкъ съ талантомъ и можетъ имѣть сильное вліяніе на студентовъ; послѣднее даже вѣрно, потому что онъ фанатикъ и славно говоритъ. Наша молодежь тотчасъ поддается. Изъ Кіева сюда выписываютъ адъюнкта для философіи, кажется, плохая находка. Я его не знаю, но сужу по письмамъ. Славянскій патріотизмъ здѣсь теперь ужасно господствуетъ: я съ каѳедры возстаю противъ него, разумѣется, не выходя изъ предѣловъ моего предмета. За это меня упрекаютъ въ пристрастіи къ нѣмцамъ. Дѣло идетъ не о нѣмцахъ, а о Петрѣ, котораго здѣсь не понимаютъ, и неблагодарны къ нему. Морошкинъ сказалъ о Петрѣ рѣчь, какой отъ него нельзя было ожидать. Я постараюсь прислать ее тебѣ и увѣренъ, что ты прочтешь съ наслажденіемъ. Непонятно, какъ Морошкинъ, высказавшій такія мысли и такимъ языкомъ, можетъ пороть чушь, какую я отъ него часто слышу объ исторіи философіи и назначеніи русскаго профессора. Нелѣпо! [2])

---

[1]) «Европеецъ»—журналъ, издававшійся Кирѣевскимъ и скоро прекращенный.

[2]) Ѳ. Л. Морошкинъ, даровитый ученый, юристъ, былъ профессоромъ Московск. университета, но находился подъ вліяніемъ гр. Уварова обратившимъ его «къ источникамъ самобытной силы русскаго просвѣщенія: православію, самодержавію и народности».

4.

Н. В. Станкевичу [1]).

17 февраля 1840 г.

Вчера у насъ была схватка съ Бакунинымъ. Онъ далъ мнѣ понять, что я дурно дѣлаю, посѣщая общество Кирѣевскихъ. Странный человѣкъ! Я понимаю теперь, что Боткинъ и Бѣлинскій называютъ его абсолютистомъ. Я хорошо знаю слабыя стороны Кирѣевскихъ, ихъ убѣжденія не сходны съ моими считаю ихъ даже вредными и въ данномъ мнѣ кругу дѣятельности, я борюсь съ ними. Какъ преподаватель, я всегда буду нападать на подобныя мнѣнія, какъ писатель (если буду писать) также,—но какъ частный человѣкъ я съ удовольствіемъ бываю у нихъ. Что ни говори — они люди образованные, мыслящіе (хотя и вкось), съ глубокими интересами и высокой честности—не въ пошломъ смыслѣ. Я у нихъ хорошо принятъ всѣмъ семействомъ, мнѣ бываетъ часто пріятно—и что же?—оттого, что у людей другія мнѣнія, я долженъ разстаться съ ними? Въ этомъ, можетъ-быть, было бы нѣчто высокое, но это высокое выше меня. Я не помирюсь съ нравственнымъ безобразіемъ, въ какой бы формѣ оно ни явилось, но думаю, что человѣкъ можетъ быть лучше своего мнѣнія. Я тебѣ писалъ о Иванѣ Кирѣевскомъ, ты самъ знаешь его. Мнѣ грустно видѣть его уклоненіе отъ истины, больно видѣть вліяніе на молодыхъ людей. Однако я уважаю въ немъ благородство и независимость характера (чего я видѣлъ доказательства), соединенныя съ теплотою души. Скажи свое мнѣніе — но прямо. У Кирѣевскихъ я встрѣчаюсь съ Хомяковымъ. Это человѣкъ совсѣмъ другого рода. Уменъ, много знаетъ—но нѣтъ интереса. Я съ нимъ знакомъ и въ хорошихъ свѣтскихъ отношеніяхъ,—но болѣе ничего.

---

[1]) Начало письма—объ университетской дѣятельности Грановскаго—и конецъ—о московскихъ развлеченіяхъ—выпущены. (Тамъ же, стр. 381 и 2.)

О Свербѣевыхъ и говорить нечего: я бываю у нихъ въ мѣсяцъ разъ, чтобы взглянуть на аристократическое общество, которое тамъ сходится съ литературнымъ...

5.

Н. В. Станкевичу [1]).

18 февраля, того же года.

... Отъ Бѣлинскаго вчера пришло письмо грустное и тяжелое. Ему не хорошо въ Петербургѣ. Бѣшеное уваженіе дѣйствительности проходитъ. Пишетъ, что онъ Богъ знаетъ что отдалъ бы, чтобы «воротить статью о—» [2]). Это та знаменитая статья, о которой я говорилъ тебѣ и которая заслужила страшныя похвалы въ англійскомъ клубѣ. Но жаль бѣднаго Виссаріона. При чтеніи его письма мнѣ стало больно за него. Еще одно: пріятели наши, сдѣлавъ пакость, извиняютъ ее потомъ моментомъ развитія, въ которомъ находились. Но вѣдь такимъ образомъ всю жизнь можно разбить на моменты абстрактные, безъ связи между собою и отвѣтственности одинъ за другой. Надобно же, чтобы была одна основная, неизмѣнная идея въ дѣятельности. Всѣ эти вещи я говорю имъ ежедневно. Правъ ли я? Да отвѣчай на всѣ вопросы. Имъ нуженъ авторитетъ. Гегель умеръ, ну, такъ хотя ты говори за него, тупой гегельянецъ...

... Въ наукѣ онъ (М. Бакунинъ) можетъ совершить великое (безъ тебя онъ много сдѣлалъ: истинно спекулятивной талантъ), но въ сферахъ дѣятельной жизни онъ никуда не годится. Для него нѣтъ субъектовъ, а все объекты. Чудная натура! Можетъ-быть, безъ этихъ недостатковъ она не была бы такъ сильна. Любить его

---

[1]) Начало письма—о московскихъ литературныхъ салонахъ—и середина—о Боткинской исторіи—пропущены нами. (Тамъ же, стр. 382 и 3.)

[2]) Статью о Бородинской годовщинѣ.

теплымъ чувствомъ нельзя, но онъ у каждаго вынудитъ удивленіе, уваженіе и участіе. Что изъ него будетъ? Дай Богъ ему скорѣе попасть въ Берлинъ, а оттуда въ опредѣленный кругъ дѣятельности—иначе его убьетъ вѣчная внутренняя работа. Разлады съ собою и міромъ у него каждый день сильнѣе...

6.

Н. В. Станкевичу [1]).

20 февраля 1840 г.

...Вчера вышла смѣшная вещь: я читалъ о славянскихъ племенахъ и о трудахъ славянскихъ ученыхъ. О послѣднихъ сказалъ свое мнѣніе безъ утайки: отдалъ должную справедливость ихъ знаніямъ, трудолюбію, но указалъ на ихъ мелко-патріотическій, ограниченный взглядъ на исторію. А въ числѣ моихъ слушателей сидѣлъ Петръ Кирѣевскій, отчаянный славянолюбецъ. «Вотъ подъ руку подвернулись», сказалъ я ему выходя. Смѣется и сердится. Вчера прочли отчетъ Шевырева министру, напечатанный въ «Ж. М.» Что за гадость! Ругаетъ Гегеля, какъ идіотъ, за то, что въ его системѣ нѣтъ Бога. Вѣдь это доносъ. Здѣсь опять высказалась прекрасная натура Ивана Кирѣевскаго. Онъ не любитъ Гегеля и возстаетъ противъ него, но письмо Шевырева произвело въ немъ еще болѣе негодованія, чѣмъ во мнѣ. Я даже начинаю думать, что его мистицизмъ есть только моментъ: онъ теперь крѣпко занимается Гегелевскою логикою и Religionsphilosophie. Признался, что это доставляетъ большое наслажденіе послѣ долгаго удаленія отъ философіи и что Гегель—величайшій человѣкъ нашего времени. Это для него большая уступка. Недавно Хомяковъ началъ витійствовать противъ Гегеля за его политическія убѣжденія, Preussen-

[1]) Сообщенія Грановскаго о литературныхъ новостяхъ и о себѣ въ началѣ и концѣ письма выпущены нами. (Тамъ же, стр. 385.)

thum и т. д. Кирѣевскій отвѣчалъ ему, что «это въ примѣчаніяхъ, а не въ системѣ». Помнишь, ты то же самое сказалъ когда-то. Меня очень обрадовала эта прямота. Вообще у меня къ нему какое-то пріязненное чувство...

7.

Я. М. Невѣрову.

Погорѣлецъ, 19 іюля 1840 г. [1])

...Далъ ли ты письмо Бакунину: онъ поѣхалъ съ увѣренностью, что найдетъ его въ Петербургѣ у Краевскаго. Странный человѣкъ этотъ Бакунинъ: уменъ, какъ немногіе, съ глубокимъ интересомъ къ наукѣ—и безъ всякихъ нравственныхъ убѣжденій. Въ первый разъ встрѣчаю такое чудовищное созданіе. Пока его не знаешь вблизи, съ нимъ пріятно и даже полезно говорить, но при болѣе короткомъ знакомствѣ съ нимъ становится тяжело, unheimlich какъ-то. Я боюсь, чтобы онъ опять не встрѣтилъ гдѣ-нибудь Станкевича. Онъ измучитъ его, какъ измучилъ Боткина. Я ему откровенно высказалъ мое мнѣніе о немъ въ глаза, и потому мы не сходились болѣе, чѣмъ нужно. На Бѣлинскомъ, съ которымъ они теперь враги, лежитъ его же нечистое вліяніе. Помнишь, какія гадкія, можно сказать, подлыя статьи напечаталъ Бѣлинскій о Бородинѣ и т. д. Бакунинъ первый возсталъ противъ нихъ,—а кто внушилъ эти статьи? Онъ умнѣе и ловче Бѣлинскаго. Изо всего разсѣявшагося теперь кружка Николаева только Боткинъ близокъ ко мнѣ, добрый, умный и благородный человѣкъ, мученикъ прихотей Бакунина и проч. Катковъ человѣкъ съ дарованіями, но сухой и самолюбивый до крайности; Клюшниковъ или хандритъ, или блаженствуетъ, но все отдѣльно отъ всѣхъ...

---

[1]) Выпущены нами въ началѣ и концѣ сообщенія Грановскаго своему другу о разныхъ дѣлахъ личныхъ и университетскихъ, совѣты его и предположенія по поводу дѣлъ друга. (Тамъ же, стр. 403.)

8.

Я. М. Невѣрову [1]).

Москва, 8 августа 1840 г.

Не знаю, какъ и писать къ тебѣ, милый Январій! Боюсь первый сообщить тебѣ страшную вѣсть объ утратѣ. Станкевича нашего нѣтъ болѣе въ живыхъ. Онъ умеръ въ Генуѣ. Я узналъ это отъ Тургенева. Письма Ефремова ко мнѣ пропали безъ вѣсти. Подробности смерти не знаю. Говорятъ, что онъ скончался тихо, безъ страданій. Заснулъ вечеромъ; поутру Ефремовъ пришелъ будить его, чтобъ ѣхать далѣе (въ Висбаденъ), а онъ уже не существовалъ. На лицѣ была улыбка. Тѣло привезутъ въ Россію. Дай Богъ. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ спалъ такъ далеко отъ насъ. Я еще не опомнился отъ перваго удара. Настоящее горе еще не трогало меня: боюсь его впереди. Теперь все еще не вѣрю въ возможность потери. Только иногда сжимается сердце. Ты потерялъ столько же, сколько и я. Тебѣ нечего говорить о немъ: онъ унесъ съ собою что-то необходимое для моей жизни. Никому на свѣтѣ не былъ я такъ обязанъ: его вліяніе на меня было безконечно и благотворно. Этого, можетъ-быть, кромѣ меня, никто не знаетъ. Страшно подумать о его смерти.

Душа отказывается вѣрить. Прощай; отъ всей души жму тебѣ руку. Твой Грановскій.

9.

И. В. Кирѣевскому.

Москва, 1845 г. [2])

Содержаніе письма моего будетъ, вѣроятно, для васъ неожиданно, почтеннѣйшій Иванъ Васильевичъ! Боюсь даже, чтобы вы не придали ему ненадлежащаго смы-

---

[1]) Письмо взято безъ пропусковъ. (Тамъ же, стр. 404.)

[2]) Письмо черновое, взято цѣликомъ. (Тамъ же, стр. 441—443.)

сла и не оскорбились тѣмъ, что я хочу сказать вамъ. Несмотря на различіе нашихъ понятій, я съ радостію и едва ли не одинъ изъ первыхъ предложилъ вамъ свое сотрудничество въ журналѣ, вами издаваемомъ, потому что дѣло, вами начатое и означенное вашимъ именемъ, не можетъ не быть чисто и благородно. Теперь снова повторяю мое предложеніе служить вамъ моими указаніями по части исторической литературы, рецензіями и по возможности большими статьями историческаго содержанія. Но я предложилъ свои услуги вамъ лично, а не «Москвитянину», журналу съ даннымъ направленіемъ, на оберткѣ котораго стоитъ имя редактора [1]), съ которымъ у меня нѣтъ ни одной общей мысли, и имена сотрудниковъ, о которыхъ я могъ бы сказать еще болѣе [2]). Вотъ почему я прошу васъ не называть меня пока въ спискѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Москвитянина». Подъ отдѣльными статьями своими я готовъ подписываться.

Я буду откровененъ съ вами. Здѣсь дѣло идетъ не о различіи политическихъ и другихъ убѣжденій, которымъ, кажется, мы въ Москвѣ придали незаслуженную и даже забавную важность. Такого рода противоположности могутъ имѣть значеніе только тамъ, гдѣ имъ возможна открытая и явная борьба въ виду народа и при содѣйствіи народа. Наши славяне, либералы, соціалисты и проч. едва ли кому или чему-нибудь принесутъ вредъ или пользу. Ихъ распри невинны и безплодны, пока по милости раздраженныхъ самолюбій онѣ не обращаются въ низкія продѣлки, сплетни и тому подобное. Я не хочу стать на ряду съ большею частію сотрудниковъ «Москвитянина» не потому, что они славяне и православные христіане, а я, отча-

---

1) Имя редактора, т.-е. М. П. Погодина; И. Кирѣевскій былъ негласнымъ редакторомъ и вскорѣ разошелся съ Погодинымъ.

2) Шевыревъ и разные московскіе и провинціальные друзья его и Погодина.

сти по ихъ милости, ославленъ врагомъ Церкви и Россіи, но потому, что я не уважаю ихъ какъ людей, по тому самому, почему я не хочу стать на ряду съ Булгаринымъ. Если бы былъ названъ настоящій редакторъ, если бы ваше имя стояло на оберткѣ журнала, я, разумѣется, не колебался бы ни одной минуты и съ полной довѣренностію отдалъ бы свое имя въ ваше распоряженіе; но пока не названы вы, позвольте и мнѣ остаться неизвѣстнымъ рецензентомъ историческихъ книгъ въ «Москвитянинѣ».

Не знаю, какъ примете вы просьбу мою, но иначе поступить мнѣ невозможно. Вы сами не разъ говорили мнѣ, что въ Россіи собственно только двѣ партіи—людей благородныхъ и низкихъ. Въ этомъ смыслѣ я принадлежу къ вашей партіи, и потому самому не могу принадлежать къ партіи стараго «Москвитянина». Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что Петръ Васильевичъ и вы о многомъ думаете совсѣмъ не такъ, какъ я и друзья мои; это не мѣшаетъ мнѣ глубоко уважать и любить васъ обоихъ; но негодяй останется для меня негодяемъ, будь онъ послѣдователемъ Гегеля или Авдотьи Павловны Глинки. Надѣюсь, что вы поймете меня и уважите причины, которыя заставили меня написать письмо это. Повѣрьте, что въ немъ очень мало участвовало раздраженіе (конечно, законное), произведенное во мнѣ недавнею исторіею съ моей диссертаціей. Эта исторія только подкрѣпила давнишнія предположенія мои относительно прямоты и честности моихъ противниковъ. Мнѣнія, здѣсь высказанныя, я, впрочемъ, не намѣренъ держать втайнѣ. Любопытнымъ я готовъ назвать по имени тѣхъ сотрудниковъ «Москвитянина», о которыхъ идетъ рѣчь, потому что, разумѣется, я говорилъ не обо всѣхъ безъ исключенія [1]). За мнѣнія свои я принимаю

---

[1]) Грановскій справедливо выдѣлялъ славянофиловъ, людей искреннихъ и честныхъ убѣжденій, изъ группы другихъ сотрудниковъ «Москви-

на себя полную отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что я еще не попалъ ни въ профессора, ни въ литераторы, которымъ однимъ позволяется говорить безнаказанно дерзости и творить гадости, не терпимыя ни въ какомъ другомъ кругу.

Вѣрьте глубокому уваженію и преданности, съ какими честь имѣю быть вамъ душевно преданный Т. Грановскій.

10.

Кетчеру.

Москва, начало марта 1845 г. [1])

... Поклонись Бѣлинскому. Мы его часто и любовно поминаемъ. Я помирился даже съ его невозможными рѣчами, понимая, какъ онѣ сходятъ съ благороднаго языка. Но что за дрянь большая часть нашихъ противниковъ! Напрасно мы начали войну съ ними. Это заставило ихъ подумать, что они дѣйствительно важны, что у нихъ есть великое мнѣніе. Ихъ можно было бы убить, вогнать въ прежнее положеніе молчаніемъ. Теперь поздно. На Корша жаловались графу, что онъ развращаетъ народъ «Московскими Вѣдомостями». Обо мнѣ кричатъ, что я интриганъ, тайный виновникъ всѣхъ оскорбленій, которыя наносятся славянству. Я ихъ, впрочемъ, не щажу. Хомякову сказалъ въ глаза и въ присутствіи двадцати человѣкъ такія истины о силѣ его убѣжденій, за которыя можно было бы меня ударить въ рожу всякому другому, кромѣ Хомякова. Онъ поноситъ меня заочно. Семейство Аксаковыхъ буквально плачетъ о погибели народности, семейной нравственности и православія, подрываемыхъ

тянина», представителей и защитниковъ «официальной системы» съ Шевыревымъ и Погодинымъ во главѣ.

[1]) Сообщеніе Кетчеру вѣстей о друзьяхъ и знакомыхъ въ началѣ и концѣ письма выпущено нами. (Тамъ же, стр. 464 и слѣд.)

«Отечественными Записками» и ихъ гнусною партіею. Шиканье студентовъ Шевыреву и Бодянскому, о чемъ вамъ повѣдаетъ Кудрявцевъ, произвело значительный эффектъ. Шевыревъ и Бодянскій струсили и стали еще злѣе и глупѣе. Ихъ друзья говорятъ, что въ университетѣ былъ бунтъ...

Рѣчь Т. Н. Грановскаго студентамъ послѣ защиты диссертаціи 21-го февраля 1845 г. [1]).

Мм. Гг., благодарю васъ за тотъ пріемъ, которымъ вы почтили меня 21 февраля. Онъ меня еще болѣе привязалъ къ университету и къ вамъ. Мм. Гг.! Въ этотъ день я получилъ самую благородную и самую драгоцѣнную награду, какую только могъ ожидать преподаватель. Теперь отношенія наши уяснились; поэтому я думаю, Мм. Гг., что впередъ внѣшнія изліянія вашихъ чувствъ будутъ излишни, точно такъ, какъ между двумя старинными, испытанными друзьями излишни новыя увѣренія въ дружбѣ. Теперь эти рукоплесканія могутъ только обратить на насъ вниманіе. Я прошу васъ, Мм. Гг., не перетолковывайте этихъ словъ въ дурную сторону. Я говорю ихъ не изъ страха за себя, даже не изъ страха за васъ, Мм. Гг.,—я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе разумныя, болѣе достойныя и меня, и васъ. Мы, равно и вы, и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію,—тому поколѣнію, въ рукахъ котораго жизнь и будущность. И вамъ, и мнѣ

---

[1]) Рѣчь была произнесена 24 февраля передъ лекціей. Она была вызвана восторженными оваціями студентовъ Грановскому во время диспута, происходившаго 21 февраля 1845 года, при защитѣ имъ своей диссертаціи: «Волинъ, Іомсбургъ и Винета». Студенты не воздержались отъ выраженія неодобренія нѣкоторымъ изъ противниковъ Грановскаго («Грановскій и его переписка». Біографич. очеркъ А. Станкевича. Изд. 2. М. 1897 г., т. I, стр. 138.)

предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи,—Россіи, преобразованной Петромъ, Россіи идущей впередъ и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей западнымъ формамъ, безъ всякаго собственнаго содержанія, и старческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Русь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестиво преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ праздным воображеніемъ. Побережемъ же себя на великое служеніе. Въ заключеніе скажу вамъ, Мм. Гг., что гдѣ бы то ни было, и когда бы то ни было, если кто-нибудь изъ васъ придетъ ко мнѣ во имя 21 февраля, тотъ найдетъ во мнѣ признательнаго и благодарнаго брата.

VII.

В. П. Боткинъ.

ПИСЬМА [1]).

1.

П. В. Анненкову [2]).

С.-Петербургъ, 20 ноября 1846 года.

...Встрѣча моя съ нашими общими пріятелями была для меня необыкновенно пріятна и интересна. Изъ нихъ, разумѣется, первое мѣсто принадлежитъ Бѣлинскому. Въ его понятіяхъ я нашелъ большую перемѣну, по моему мнѣнію, къ лучшему. Но я теперь еще больше убѣдился въ истинѣ того, что понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностью, въ которой поставленъ человѣкъ, а идеи, развиваемыя однѣми книгами, не повѣряемыя безпрестанно процессомъ общественнымъ, быстро улетучиваются въ отвлеченности, да кромѣ того, принимаютъ еще колоритъ и комбинаціи той общественности, куда попадаютъ эти идеи. Опредѣленность и отчетливость, къ которымъ теперь всего болѣе стремится современный процессъ, здѣсь еще мало въ ходу; этому, съ одной стороны, причиною нѣмецкія теоретическія идеи, а съ другой — отсутствіе всякаго практическаго примѣненія. Какъ бы то ни было, а сила русской литературы теперь главное состоитъ въ идеологіи. Идеологія (о, святители, какое

---

[1]) Письма взяты изъ кн. «Анненковъ и его друзья».

[2]) Въ этомъ письмѣ выпущены нами начало и конецъ, содержащіе указаніе на причины долгаго молчанія Боткина, сообщенія о плохомъ состояніи здоровья Бѣлинскаго и разныхъ городскихъ и литературныхъ новостяхъ («Анненковъ и его друзья», стр. 520—522).

густое и тяжелое тѣсто была эта идеологія!) послужила къ поднятію «Отечественныхъ Записокъ»; идеологія должна поднять и «Современникъ». Но въ этой идеологіи, къ счастію, совершилось движеніе, и послѣ долгаго скитанія по нѣмецкимъ пустотамъ она начала обращать свое вниманіе на практическій міръ, или, другими словами, нашихъ друзей занимаетъ такая идеологія, которая имѣетъ прямое отношеніе къ практическому міру. Остается только литературной критикѣ освободиться отъ своего Молоха — художественности. Это, къ сожалѣнію, пока единственное убѣжище ея. Но съ этой стороны разборъ Бѣлинскаго «Онѣгина», и особенно Татьяны, есть уже большой прогрессъ. Пока промышленные интересы у насъ не выступятъ на сцену, до тѣхъ поръ нельзя ожидать настоящей дѣльности въ русской литературѣ. Но я вру. Тогда какъ въ Англіи и Франціи литература есть зеркало нравовъ, у насъ она—наставительница. Вотъ почему вся сила ея заключается въ идеологіи. Двигаютъ массами не идеи, а интересы, но просвѣщаютъ ихъ идеи.

Саго, я вѣдь долженъ былъ прислать вамъ «Левіаѳана», но онъ остался на днѣ морскомъ [1]). Постараюсь прислать вамъ 1-ю книжку «Современника», если только не будетъ особенныхъ почтовыхъ препятствій, и для этого снесусь съ Ѳедоромъ Васильевичемъ. Фондъ «Современника» состоитъ изъ 35 тысячъ Панаева и 35 тысячъ Толстого. Редакторы—Никитенко, Панаевъ и Некрасовъ. Первый—для огражденія отъ цензурныхъ хлопотъ, послѣдній—завѣдываетъ всею матеріальною частію, а второй—будетъ писать повѣсти да раскладывать на своемъ столѣ иностранные журналы и тѣмъ придавать себѣ немалую важность. Краевскій оставленъ всѣми и желтѣетъ отъ злости. Конкуренція явилась страш-

[1]) Подъ этимъ названіемъ Бѣлинскимъ былъ проектированъ сборникъ, который не вышелъ въ свѣтъ, и всѣ статьи, назначенныя для него, были переданы въ «Современникъ».

ная. Краевскій даетъ большія деньги за малѣйшую статью съ литературнымъ именемъ. Недавно за полъ-листа печатныхъ стихотвореній Майкова заплатилъ онъ 200 руб. сер. Это все надѣлало появленіе «Современника». Видите: законы промышленности вошли уже въ русскую литературу, а вѣдь это сдѣлалось на нашихъ глазахъ; за десять лѣтъ объ этомъ слуха не было. Значитъ, литература уже есть сила. Теперь даже съ небольшимъ дарованіемъ да съ охотою къ труду можно жить литературными трудами, то-есть можно выработать себѣ до 3 или 4 тысячъ въ годъ. И это фактъ не проходящій. Явившись разъ, онъ уже останется навсегда. Теперь «Библіотека для Чтенія» и «Отечественныя Записки» имѣютъ, каждый, до 4 тысячъ подписчиковъ; этого за пять лѣтъ не было; да еще «Современникъ» является на сцену. Два первые журнала выиграли тѣмъ, что печатали у себя томы романовъ. «Современникъ» пойдетъ по другой дорогѣ; а такъ какъ онъ не столько будетъ относиться къ gros publique, сколько къ избранной публикѣ, то ему долго нельзя будетъ надѣяться на обезпеченное существованіе. Да и редакція не думаетъ наживать деньги, а лишь бы окупились расходы, а 1.200 подписчиковъ только-что окупаютъ ихъ. Герценъ теперь свободенъ и весною ѣдетъ за границу съ женой и двумя дѣтьми...

2.

Ему же [1]).

26 ноября 1846 г.

...О книгѣ «Contradictions economiques»—увы!—ничего вамъ не могу сказать [2]).

---

[1]) Въ письмѣ выпущены нами въ началѣ и концѣ сообщеніе о рожденіи сына у Бѣлинскаго, о разныхъ литературныхъ новостяхъ, замѣчанія Боткина о разныхъ статьяхъ и т. п.

[2]) Соч. Прудона.

У меня взялъ ее Мюльгаузенъ и уѣхалъ съ нею въ Москву, а я успѣлъ прочесть одно введеніе. Очень досадно мнѣ было на этого юношу, но дѣлать нечего: надо ждать моего пріѣзда въ Москву. Ваши нѣсколько словъ показываютъ мнѣ всю дѣльность этой книги, и слава автору, что онъ вышелъ изъ юношескихъ декламацій соціальной школы и взглянулъ на дѣло прямо и твердо. А помните, я вамъ—это было при Фроловѣ—какъ-то говорилъ, что если въ мірѣ природы все условливается законами, то задача современной науки отвлекать законы, дѣйствующіе въ мірѣ политическомъ и промышленномъ. Дѣло не въ томъ только, чтобы нападать на то, что есть, а отыскать, почему это есть — словомъ, отыскать законы, дѣйствующіе въ мірѣ промышленномъ. И великая заслуга Смита состоитъ именно въ томъ, что онъ открылъ многіе законы, управляющіе въ промышленности.

Съ мнѣніемъ вашимъ о византійской и итальянской школахъ я совершенно и вполнѣ согласенъ. Поэтому-то школа византійская и называется символическою. Вся новѣйшая религіозная живопись осуждена на этотъ ступидитетъ. Отъ историческаго сознанія отдѣлаться невозможно въ наше время; мы невольно переживаемъ его въ современномъ процессѣ; если же мюнхенская школа (Hess) и не впадаетъ въ ступидность, то зато приближается къ символизму византійскаго искусства,— словомъ, то или другое, а середины тутъ быть не можетъ. Не правы вы въ томъ только, будто бы церковь наша воспретила касаться религіозныхъ типовъ. Нѣтъ, у насъ существуетъ и итальянская живопись, существуетъ, по крайней мѣрѣ, для цивилизованныхъ классовъ, хотя народъ продолжаетъ не признавать ея и вѣритъ только въ свои образа. Даже и въ этомъ расходятся симпатіи нашего высшаго класса съ низшими, а это—немаловажная расходка. Мнѣ кажется, наши славяне правы, называя византійскую живопись истин-

но-религіозною и отрицая это названіе у итальянской; правы—потому что въ послѣдней, какъ вы справедливо замѣчаете, все принадлежитъ личности человѣка и объясняется его понятіями, наукой, исторіей, тогда какъ первая не допускала до себя историческаго процесса, устремляя свои взоры не внутрь себя, а внѣ себя, на первообразъ преданія. Византія не измѣнила своему родству съ Востокомъ, а личное начало, составляющее существенный характеръ европейской исторіи, обозначилось также и въ религіи. Да, славянофилы правы, но въ томъ-то ихъ и горе, что они правы: это-то и осуждаетъ ихъ. Они, къ сожалѣнію, сами запутались въ эстетическія тенета. Чтобы быть вѣрными себѣ, они должны бы съ презрѣніемъ отвергать всю итальянскую школу; но красота, къ несчастію ихъ, дѣйствуетъ на нихъ наперекоръ ихъ понятіямъ; къ тому же они отвѣдали и новѣйшей нѣмецкой философіи, отъ этого они безпрестанно противорѣчатъ сами себѣ, лгутъ, врутъ, а поставить себя настоящимъ русскимъ старообрядцемъ недостаетъ у нихъ смѣлости, да и разныя науки для этого подпортили ихъ.

Вы удивляетесь статьѣ Попова «О современномъ направленіи искусствъ». Но, caro, прочтите любую нѣмецкую философскую статью объ какихъ-нибудь произведеніяхъ искусства: будетъ нѣчто подобное. Теперь у нѣмцевъ эти статьи сдѣлались уже рѣдки, но лѣтъ десять назадъ онѣ процвѣтали въ гегеліанской школѣ. Въ такомъ же духѣ писались разборы сочиненій Шиллера и Гёте. Я самъ, несчастный, множество переводилъ ихъ въ назиданіе пріятелей и русской публики. Понятно ли вамъ теперь мое неуваженіе (больше чѣмъ неуваженіе) къ нѣмецкой философіи? Гегель теперь для меня человѣкъ геніальный, но его надобно читать съ критическимъ взглядомъ, а мы, да и всѣ его послѣдователи, изучали его, какъ новаго мессію, и кланялись ему, какъ буряты своимъ фетишамъ. Бѣлинскій, почти

освободясь отъ гегельянскихъ теорій, еще крѣпко сидитъ въ художественности, а отъ этого его критика еще далеко не имѣетъ той свободы, оригинальности, того простого и дѣльнаго взгляда, къ которымъ онъ способенъ по своей природѣ. Это слово «художественность» здѣсь грустно поразило отвыкшій отъ него слухъ мой. Майковъ, младшій, занимается теперь критикою въ «Отечественныхъ Записках». Въ статьяхъ его нѣтъ ни твердаго рисунка, ни опредѣленнаго колорита, неопытность мысли ярко обнаруживается, а часто и неопредѣленность, во всемъ очень мало такта и много растянутости и водянности, но при всемъ этомъ,—знаете ли, что въ его статьяхъ есть добраго? То, что этотъ человѣкъ не зараженъ нѣмецкими теоріями и получилъ французское образованіе. Нѣмецкія теоріи чуть не убили здравый смыслъ въ нашей критикѣ, и если Бѣлинскій успѣлъ-таки сберечь его въ себѣ, зато сколько же и нагородилъ онъ дикостей на своемъ вѣку! Да, французскій взглядъ, то-есть взглядъ, опирающійся на здравомъ смыслѣ, исторіи, имѣющей въ виду множество, а не посвященныхъ и избранныхъ, вотъ что нужно для русской критики! Для такого взгляда нужна твердая рука и мѣткій умъ, ну, а въ Майковѣ—увы!—этого еще не видать. Авось, выработается. Послѣднія статьи Бѣлинскаго объ «Онѣгинѣ» въ этомъ отношеніи очень хороши...

3.

Ему же [1]).

Москва, 28 февраля 1847 г. 17° морозу.

...Можете представить себѣ, какое странное впечатлѣніе произвела здѣсь книга Гоголя; но замѣчательно

[1]) Изъ этого письма взята нами середина о впечатлѣніи, какое произвела на образованное общество книга Гоголя (т.-е. «Переписка съ друзьями») и отношеніе къ ней славянофиловъ, всѣ же прочія, очень раз-

также и то, что всѣ журналы отозвались о ней, какъ о произведеніи больного и полупомѣшаннаго человѣка; одинъ только Булгаринъ привѣтствовалъ Гоголя, но такимъ язвительнымъ тономъ, что эта похвала для Гоголя хуже пощечины. Этотъ фактъ для меня имѣетъ важность: значитъ, что въ русской литературѣ есть направленіе, съ котораго не совратить ея и таланту посильнѣе Гоголя; русская литература брала въ Гоголѣ то, что ей нравилось, а теперь выбросила его, какъ скорлупку выѣденнаго яйца. Воображаю, какой ударъ будетъ напыщенному невѣжеству Гоголя, и ничего бы такъ не желалъ теперь, какъ вашей съ нимъ встрѣчи. Онъ теперь въ Неаполѣ; говорятъ, что ходитъ каждый день къ обѣднѣ и съ большимъ усердіемъ молится Богу. Замѣчательно еще то, что здѣсь славянская партія теперь отказывается отъ него, хотя и сама она натолкнула на эту дорогу. Хотѣлось бы мнѣ сообщить вамъ обстоятельно о здѣшнихъ славянофилахъ, но эти господа такъ раздѣлены въ своихъ доктринахъ, такъ что что голова, то и особое мнѣніе, разумѣется, и въ нихъ есть правая и лѣвая стороны, и правой сторонѣ книга Гоголя пришлась совершенно по сердцу. Издали эти славянскія стремленія имѣютъ много привлекательности: я это испыталъ на себѣ; а какъ присмотришься и прислушаешься, то видишь, что въ сущности лежитъ вопросъ о невѣжествѣ и цивилизаціи. Въ славянскомъ вопросѣ такъ, какъ онъ ставляется здѣсь, упущена только бездѣлица—принципъ политико-экономическій и государственный; это есть не болѣе, какъ романтическія фантазіи о сохраненіи національныхъ предразсудковъ. Замѣчательно, что ни одинъ журналъ съ славянскимъ направленіемъ здѣсь

нообразныя свѣдѣнія и замѣчанія Боткина, сообщаемыя Анненкову, выпущены, какъ не имѣющія близкаго отношенія къ нашей темѣ (тамъ же, стр. 529 и 30).

не можетъ удержаться; и послѣдній органъ ихъ, «Москвитянинъ», переходя изъ рукъ въ руки, потерявъ подписчиковъ, теперь сданъ какимъ-то двумъ студентамъ. Разработка историческихъ матеріаловъ вмѣсто того, чтобы помочь славянской доктринѣ, на каждомъ шагу бьетъ ее, обличая только безалаберность и скотство древней жизни. А по этой части теперь дѣлается много; «Акты археографической комиссіи» есть великое дѣло. Статья Кавелина была бы несравненно лучше, если бы не была написана съ нѣмецко-философской точки зрѣнія...

4.

Ему же [1]).

Москва 20 марта 1847 года.

На-дняхъ выйдетъ здѣсь «Московскій Сборникъ», изданный славянами. Въ слѣдующемъ письмѣ напишу вамъ о немъ отчетъ. Вы знаете, что славяне своего журнала не имѣютъ теперь: это лучшее доказательство, до какой степени эти господа мало имѣютъ практическаго смысла. Покойный Языковъ сбирался было дать капиталъ на основаніе славянскаго журнала, но онъ умеръ, и дѣло стало. Приглядѣвшись къ этимъ господамъ, я теперь вижу, что эти господа—все самые отвлеченные теоретики, и притомъ вовсе лишенные государственнаго смысла. Наконецъ скажу вамъ, рискуя получить отъ васъ упрекъ въ аристократизмѣ, я не понимаю этого обожающаго поклоненія массамъ; я чувствую глубокое состраданіе къ ихъ положенію, съ скорбію преклоняюсь предъ ихъ трагическимъ жребіемъ, упрекаю эту гор-

[1]) Изъ письма взяты нами сообщенія Боткина о имѣющемъ выйти въ скоромъ времени «Московскомъ Сборникѣ», славянофильскомъ изданіи, и о славянофилахъ, о ихъ отношеніи къ кн. Гоголя, о рецензіи на нее Павлова и о жизни московскаго кружка; всѣ же проч. подробности письма выпущены, какъ ненужныя для нашей цѣли. (Тамъ же, стр. 533—535.)

деливую цивилизацію въ ея безсиліи, въ ея безсмысленномъ равнодушіи къ массамъ, но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть все глубокое невѣжество массъ. Говоря это, я имѣлъ въ виду новую книгу Мишле, по крайней мѣрѣ, то, что я знаю о ней. Наши славяне книгу Гоголя приняли холодно, но это потому только, что Гоголь имѣлъ храбрость быть послѣдовательнымъ и итти до послѣднихъ результатовъ, а сѣмена бѣлены посѣяны въ немъ тѣми же самыми славянами: «Нечего зеркало бранить, когда рожа крива». Павловъ (Н. Ф.) написалъ разборъ книги Гоголя въ формѣ писемъ къ нему и для большого круга читателей печатаетъ ихъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; эти письма—образецъ остроумія, сарказма и ловкости. Я вамъ писалъ уже, кажется, о замѣчательномъ фактѣ нашей журналистики; разумѣю то, какъ письма Гоголя были приняты журналами. Не нашлось ни одного журнала, чтобъ похвалить ихъ, но въ публикѣ, именно въ московской и провинціальной, они нашли себѣ большую симпатію. Для этой-то публики написаны письма Павлова. До сихъ поръ напечатано только еще одно письмо, я вамъ пришлю его...

Вы не можете представить себѣ, какъ здѣсь трудно живется, какихъ здѣсь все исполнено требованій, какъ на все смотрятъ съ точки зрѣнія вѣчности. И бѣда въ томъ, что вся жизнь проходитъ въ однихъ только великихъ требованіяхъ. О практическихъ примѣненіяхъ никто не думаетъ, да они, съ здѣшней точки зрѣнія, и невозможны. Умѣренность и терпимость, которыя такъ привлекательны во французскомъ обществѣ, здѣсь это— не добродѣтели, это—презрѣнныя ереси. Имѣйте ихъ, и васъ тотчасъ обвинятъ въ фривольности. Несчастіе въ томъ, что все это живетъ по книгамъ и въ книгахъ, никакой оригинальности въ мысляхъ, никакой самостоятельности во взглядахъ, даже интимные кружки отзываются какою-то официальностью (въ смыслѣ общихъ идей), какою-то рутиною мысли и чувства.

5.

Ему же [1]).

29 марта 1847 г.

Залежалось у меня это письмо, дорогой мой Анненковъ. Все хотѣлъ познакомить васъ съ «Московскимъ Сборникомъ» славянъ нашихъ. Но и тутъ какое разногласіе! Хомяковъ рѣшительно презираетъ Западъ и его гніющую цивилизацію, и все обѣщаетъ русскую науку. Невольно вспомнишь замѣчаніе Ривароля одному подобному господину: «C'est vrai, vous avez un avantage de u'avoir rien fait, mais il ne faut pas en abuser». Но я только вечеромъ вчера получилъ этотъ сборникъ и потому едва успѣлъ взглянуть на него. Иванъ Аксаковъ, братъ Константина, не принадлежитъ къ славянскому согласію и пишетъ иногда очень недурные стихи. Вотъ одни изъ напечатанныхъ имъ въ «Сборникѣ» и лучшіе изъ всей книги.

«Смотри! Толпа людей нахмурившись стоитъ»...

6.

Ему же [2]).

Москва. 14 мая, 1847 года.

Что жъ сказать мнѣ вамъ, мой тысячу разъ милый Павелъ Васильевичъ? Чѣмъ отплатить мнѣ вамъ за ваше мастерское описаніе выставки? Развѣ разсказомъ обѣда, даннаго Шевыреву по случаю окончанія его публичныхъ лекцій? Но онъ замѣчателенъ былъ только тѣмъ, что Шевыревъ предложилъ тостъ за поэзію и за представителя ея Ѳ. Н. Глинку въ особенности. Тутъ

[1]) Взято о «Московск. Сборн.»; сообщенія же Боткина о московскихъ удовольствіяхъ, о французской литературѣ, о своей болѣзни и пр. выпущены. (Тамъ же, стр. 535.)

[2]) Мнѣніе Боткина о статьяхъ Кудрявцева, о письмахъ Герцена и отъѣздѣ Бѣлинскаго за границу выпущены нами. (Тамъ же, стр. 538—540.)

же Аксаковъ сводилъ Грановскаго и Хомякова для ихъ взаимнаго примиренія, которое состоялось, какъ и всѣ внѣшнія примиренія, изъ приличія. Вы, конечно, изъ письма Грановскаго къ Герцену знаете объ этомъ спорѣ, возставшемъ изъ пустяковъ (изъ переселеній бургундовъ),въ сущности его лежала ошибка славянства съ общеевропейской точки зрѣнія; по этому случаю Грановскій наговорилъ Хомякову нѣсколько язвительныхъ колкостей. Эта схватка, разумѣется, надѣлала очень много шуму въ московскомъ учебно-салонномъ мірѣ, гдѣ послѣ отвѣта Грановскаго ореолъ Хомякова дѣйствительно много потускнѣлъ. Замѣчательно, что славянофилы до сихъ поръ печатно постоянно были побиваемы, и на всѣхъ пунктахъ. Славянизмъ не произвелъ еще ни одного дѣльнаго человѣка: это—или цыганъ, какъ Хомяковъ, или благородный сомнамбулъ Аксаковъ, или монахъ Кирѣевскій, это—лучшіе. Но между тѣмъ славянофилы выговорили одно истинное слово: народность, національность. Въ этомъ ихъ великая заслуга, они первые почувствовали, что нашъ космополитизмъ ведетъ насъ только къ пустомыслію и пустословію; эта такъ называемая «русская цивилизація» исполнена была великой заносчивости и гордости, когда они вдругъ пришли ей сказать, что она пуста и лишена всякаго національнаго развитія. Вообще, въ критикѣ своей они почти во всемъ справедливы, и въ самомъ дѣлѣ пора была напомнить недорослю, который потому только, что стыдился знать свой родной языкъ, считалъ себя гражданиномъ міра,—что онъ не болѣе какъ недоросль. Но въ критикѣ заключается и все достоинство славянъ! Какъ только выступаютъ они къ положенію,—начинаются ограниченность, невѣжество, самая душная патріархальность, незнаніе самыхъ простыхъ началъ государственной экономіи, нетерпимость, обскурантизмъ и проч. Оторванные своимъ воспитаніемъ отъ нравовъ и обычаевъ народа, они дѣлаютъ

надъ собою насиліе, чтобъ приблизиться къ нимъ, хотятъ слиться съ народомъ искусственно: такъ, напримѣръ, Аксаковъ не ѣстъ телятины, ходитъ къ обѣднѣ и ко всенощной. А вотъ примѣръ ихъ нетерпимости: у Аксакова есть братъ, который, по несчастію, не славянофилъ; онъ наканунѣ Вознесенья пошелъ смотрѣть Плесси въ театръ. На другой день вечеромъ были у нихъ гости, и тамъ все славянство возстало съ упреками на молодого человѣка, какъ могъ онъ въ то время, какъ народъ русскій слушалъ всенощную, быть въ театрѣ да еще смотрѣть игру французской актрисы! Онъ не зналъ, куда дѣться отъ упрековъ и нападковъ. А вотъ еще фактъ: Соловьевъ до того вчитался въ лѣтописи и старыя грамоты, что усвоилъ языкъ ихъ, онъ свободно говоритъ имъ и пишетъ. Изъ шутки завелъ онъ на немъ переписку съ Аксаковымъ. Въ одномъ обществѣ Аксаковъ читаетъ одно изъ «посланій» къ нему Соловьева. Вдругъ Иванъ Кирѣевскій, бывшій тутъ, съ негодованіемъ возстаетъ, какъ смѣть употреблять языкъ, на которомъ написаны наши священныя книги, для писанія шутливыхъ записокъ,—это такъ возмутило его, что онъ сдѣлался боленъ. Вотъ корифеи славянства! Въ этомъ направленіи о цивилизаціи, освобожденіи отъ предразсудковъ нѣтъ помину. Въ сущности, это не что другое, какъ допетровская Россія, которая поднимаетъ голову и осматривается, и которая вовсе не есть прошедшее, а окружающее, въ которомъ мы составляемъ самое незамѣтное, ничтожное меньшинство. А самая большая часть этого, soi—disant «образованнаго» меньшинства, только платьемъ и пущею безалаберностью отличается отъ массы; мало-мальски умный и дѣльный человѣкъ есть рѣдчайшее исключеніе изъ этого безалабернаго и ребячески тщеславнаго класса «образованныхъ». Горсть славянофиловъ остается изолированною, а какую бы получила она силу, опираясь, напримѣръ, на купцовъ, гдѣ старая Русь сохраняется во всемъ своемъ

нравственномъ и общественномъ безобразіи! Но несмотря на утопическія и фантастико-историческія очки, въ которыя они смотрятъ на все это, образованіе слишкомъ близко къ нимъ и прямо бросается имъ въ глаза; «это не народъ,—говорятъ они,—это мерзкій осадокъ народа». А почему же мерзкій? Развѣ зажиточные крестьяне не то же, что купцы? Конечно, бѣдный человѣкъ вездѣ добродушнѣе богатаго, но это потому, что чувство собственности всегда развиваетъ за собою много дурныхъ сторонъ, хранящихся въ природѣ человѣческой, только на этомъ основаніи парижскій ouvrier лучше bourgeois; но чуть разбогатѣетъ ouvrier, тотчасъ становится bourgeois, такъ же, какъ разбогатѣвшій мужикъ становится купцомъ. Но полно надоѣдать вамъ, все это вы давно знаете, и нашъ славянскій міръ вамъ также хорошо знакомъ, даже лучше, чѣмъ мнѣ, потому что я едва вглядываюсь въ него.

IV. БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Общіе обзоры.

1. Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ редакц. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Изд. Т-ва «Міръ». 1909 г.

Здѣсь читатель найдетъ много цѣннаго для эпохи 40-хъ годовъ и въ общихъ очеркахъ и въ отдѣльныхъ частяхъ.

2. Очерки по исторіи русской литературы. С. А. Венгерова. 2-е изд. Спб. 1907 г.

Рекомендуемъ читателю „Общій обзоръ эпохи Бѣлинскаго", но съ взглядомъ автора на Чаадаева согласиться не можемъ (См. по этому поводу стат. о Чаадаевѣ Плеханова, рекомендуемую ниже).

3. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ гг. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е. 1890 г. Спб.

Здѣсь читатель найдетъ общій обзоръ западническаго теченія въ гл. IX, посвященной Бѣлинскому, въ первой ея половинѣ; въ гл. VI и VII, содержащихъ изложеніе славянофильской доктрины, о западникахъ говорится попутно.

4. Т. Н. Грановскій и его время. Ч. Вѣтринскаго. М. 1897 г.

Въ этой книгѣ дана очень подробная и цѣнная характеристика Грановскаго, изображающая отношенія егокъ главнымъ дѣятелямъ, къ условіямъ того времени и общественнымъ теченіямъ, См. главы: III, VII, VIII, IX, X. Эти главы даютъ общій обзоръ эпохи.

5. Западное вліяніе въ русской литературѣ. Историко-сравнительные очерки А. Веселовскаго. 3-е изд. М. 1906 г.

Въ этихъ очеркахъ интересны указанія аналогичныхъ нашему славянофильству явленій въ жизни и литературѣ разныхъ европейскихъ странъ (см. стр. 198 и слѣд.); о западничествѣ—стр. 215—238.

6. Исторія русской интеллигенціи. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Чч. I и II.

Читатель найдетъ здѣсь интересный анализъ душевнаго уклада людей 30-хъ годовъ сравнительно съ людьми 20-хъ (см. ч. I, стр. 47—60); гл. III. „Горе отъ ума“ въ критикѣ Бѣлинскаго“ представляетъ собою въ сущности продолженіе того же психологическаго анализа въ примѣненіи къ моменту примирительнаго отношенія Бѣлинскаго и его друзей къ дѣйствительности (ч. I, стр. 61—83); не менѣе интересно сближеніе психологіи Лермонтова - Печорина съ психологіей лучшихъ людей 30-хъ годовъ (ч. I, стр. 131—143); затѣмъ идетъ мастерской анализъ литературныхъ типовъ 40-хъ годовъ въ романахъ „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“ (стр. 144—235); все это имѣетъ прямое отношеніе къ нашей темѣ и очень важно для ознакомленія съ западничествомъ, какъ съ психологическимъ явленіемъ нашей жизни. Дополненіемъ могутъ служить главы X и XI, гдѣ разбирается ром. „Обломовъ“, и особенно „Приложенія“ ко II ч. „Исторіи русской интеллигенціи“: 1) „Чаадаевъ и русское національное самоотрицаніе“ и 2) „Бельтовъ“ (стр. 339—356, II ч.).

7. Русская литература во второй четверти вѣка. П. Н. Сакулина. Въ кн. «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ». Изд. т-ва Гранатъ. Вып. 6 и 7, стр. 443—508.

Рядъ ярко написанныхъ сжатыхъ очерковъ слѣдующаго содержанія: 1) „Офиціальная идеологія и ея послѣдователи“, 2) „Философскія теченія 30-хъ гг.“, 3) „Славянофильство“, 4) „Западничество и ранній русскій соціализмъ“, 5) „Соціальные мотивы въ художественной литературѣ 40-хъ гг.“

8. Идеалисты 30-хъ годовъ (біографич. этюдъ). Статья П. В. Анненкова въ кн. «Анненковъ и его друзья». Спб. Изд. Суворина. 1892 г.

Даны интересныя свѣдѣнія о Герценѣ и Огаревѣ, характерныя для идеалистическаго настроенія, господствовавшаго въ передовой молодежи этого десятилѣтія.

9. Замѣчательное десятилѣтіе (1838—1848 гг.). Статья П. В. Анненкова въ III, т. его «Воспоминаній и критическихъ очерковъ». Спб. 1881 г.

До сихъ поръ цѣнная статья современника описываемыхъ лицъ и событій, стоявшаго близко къ московскому и петербурскому западническимъ кружкамъ. Обѣ статьи („Идеалисты 30-хъ гг.“ и „Замѣч. десятил.“) перепечатаны въ новой кн. „Литературныя воспоминанія“. П. В. Анненкова. Спб. 1909 г.

10. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1892 г., и въ «Полномъ собраніи сочин. Н. Г. Чернышевскаго», во II т. Спб. 1906 г.

До сихъ поръ прекрасный, хотя и неполный очеркъ развитія русской литературы за 2-ю четверть XIX вѣка.

11. Сочиненія А. И. Герцена. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905 г.

Въ сочин. Герцена читатель найдетъ рядъ блестящихъ очерковъ и характеристикъ русской жизни 30-хъ и 40-хъ гг. въ его повѣстяхъ, знаменитыхъ мемуарахъ, подъ заглавіемъ „Былое и Думы“, „Дневникѣ“ и статьяхъ различнаго содержанія (см. томы: I, II, III („Русскія тѣни“), IV, VI).

II. Монографіи и статьи по отдѣльнымъ вопросамъ и писателямъ.

1. П. Я. Чаадаевъ. Жихарева. «Вѣстн. Европы», 1871 г., іюль и сентябрь.

Біографическій очеркъ, имѣющій много пробѣловъ; значительно полнѣе книга М. Гершензона, рекомендуемая ниже.

2. Чаадаевъ. Глава IV въ кн. А. Н. Пыпина «Характеристики литературныхъ мнѣній».

Вѣрный взглядъ на значеніе скептицизма Чаадаева, но характеристика его міровоззрѣнія неполна по недостатку біографическихъ фактовъ.

3. Очерки изъ исторіи русской журналистики XIX вѣка, въ кн. «Изъ прошлаго русскаго общества» В. Богучарскаго. О Чаадаевѣ, см. стр. 317—327.

Здѣсь довольно подробно разсказано о появленіи „Философ. письма“ Чаадаева въ журн. „Телескопъ“, о впечатлѣніи, произведенномъ имъ на общество, и карахъ, обрушившихся на журналъ, издателя и автора. Подробнѣе объ этомъ см. у Жихарева.

4. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. М. Гершензонъ. Спб. 1908 г. Типогр. Стасюлевича.

Книга цѣнная во многихъ отношеніяхъ: она пополняетъ біографію Чаадаева и характеристику его міровоззрѣнія, даетъ въ приложеніи почти всѣ его произведенія, но зачисляетъ автора ихъ неосновательно въ ряды консерваторовъ.

5. Чаадаевъ. Статья Г. Плеханова въ журн. «Современный Міръ», 1908 г., янв.

Эта статья, по нашему мнѣнію, должна служить необходимымъ коррективомъ къ книгѣ М. Гершензона.

6. О Чаадаевѣ у А. И. Герцена въ «Быломъ и Думахъ». Ч. IV, гл. XXX, стр. 402—409.

7. Чаадаевъ и русское національное самоотрицаніе. Въ кн. «Исторія русской интеллигенціи». Ч. II, стр. 339—348.

Этотъ небольшой очеркъ имѣетъ въ виду—освѣтить чаадаевское отрицаніе (и „чаадаевщину“ вообще) „съ точки зрѣнія психологическихъ отношеній мыслящей и передовой части общества къ русской дѣйствительности, къ такъ называемымъ „національнымъ“ русскимъ началамъ, къ вопросамъ нашего развитія“. Авторъ вѣрно смотритъ на отрицаніе Чаадаева, какъ на необходимую предпосылку умственной и моральной дѣятельности, направленной на выработку національнаго самосознанія и составлявшей главную задачу русской интеллигенціи 30-хъ и 40-хъ годовъ.

8. Пессимизмъ П. Я. Чаадаева. Въ кн. «Критика нашихъ критиковъ» Н. Бельтова (Плеханова). 1906 г.

Интересный очеркъ, но полемическій характеръ его сказывается мѣстами въ преувеличеніи недостатковъ русской интеллигенціи и низкой оцѣнкѣ вліянія передовыхъ дѣятелей 40-хъ годовъ (стр. 357 и слѣд.).

9. Н. В. Станкевичъ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ. 1857 г.

Книга въ настоящее время рѣдкая, но біографія Станкевича перепечатана въ III отд. „Воспомин. и крит. очерковъ“ 1881 г. и въ новомъ изданіи „Литературныхъ Воспоминаній“ П. В. Анненкова. Спб. 1909 г.

10. Н. В. Станкевичъ. Статья Добролюбова въ II т. «Сочиненій Н. А. Добролюбова».

Превосходная стат., написанная по поводу біографіи Анненкова.

11. Н. В. Станкевичъ. Статья М. Гершензона въ кн. «Исторія молодой Россіи».

Статья интересна, но постепенный переходъ Станкевича отъ романтическихъ фантазій къ болѣе трезвому пониманію дѣйствительности не показанъ. Здѣсь же находятся статьи о Грановскомъ и Огаревѣ, не дающія полныхъ характеристикъ.

12. Любовь у идеалистовъ. Въ кн. П. Милюкова: «Изъ исторіи русской интеллигенціи». (Н. В. Станкевичъ, стр. 74—81).

Въ высшей степени интересные очерки, представляющіе мастерской анализъ душевныхъ настроеній, которыми сопровождались романы у идеалистовъ 30-хъ гг.

13. М. А. Бакунинъ. Біографич. очеркъ М. Драгоманова. Изд. Гронковскаго. Казань. 1906 г.

14. М. А. Бакунинъ въ Италіи въ 1864 году. Изъ воспоминаній Л. И. Мечникова. «Историческій Вѣстникъ», 1897 г., № 3.

Флорентійскій эпизодъ изъ жизни Б., разсказанный въ этихъ воспоминаніяхъ, не безынтересенъ для характеристики Б.

15. М. А. Бакунинъ и его бѣгство изъ Сибири. Матер. для біографіи Б. Б. Глинскаго. «Историч. Вѣстн.», 1898 г., № 3.

Здѣсь особенно интересенъ и важенъ для насъ „Отрывокъ изъ автобіографіи М. А. Бакунина“, стр. 1023 — 1026.

16. 1) 18 писемъ М. А. Бакунина. 1906 г. VII кн., стр. 183 — 214. 2) Статья Д. Гильома: «М. А. Бакунинъ». Біографич. очеркъ. VIII кн., стр. 228—264. 3) «Неизданное письмо А. И. Герцена къ Мишле, цѣликомъ посвященное М. А. Бакунину», и статья Корнилова: «Изъ хроники семейства Бакуниныхъ». 1907 г., кн. VII, стр. 29—61. 4) Статья А. Баулеръ: «М. А. Бакунинъ наканунѣ смерти». Воспоминанія. 1907 г. VII кн., стр. 62 — 87.

Журналъ „Былое“.

17. Къ исторіи исключенія Бакунина изъ интернаціонала. Джемса Гильома. Журн. «Минувшіе годы», кн. 4. 1908 г.

17. Изъ моихъ воспоминаній о М. А. Бакунинѣ. З. К. Ралли. Историческ. сборникъ: «О минувшемъ», 1909 г., стр. 287—352.

Всѣ указанныя журнальныя статьи предлагаютъ болѣе или менѣе важный матеріалъ для характеристики замѣчательной личности Бакунина. Обращаемъ также вниманіе на прекрасную работу А. Корнилова, „Семья Бакунинныхъ“ въ ж. „Русская Мысль“ 1909 г.

19. О М. А. Бакунинѣ у А. И. Герцена см. II т. Соч., рус. изд. 1905 г., гл. XXV, стр. 331; III т. «Русскія тѣни», стр. 192, VI т., стат. изъ «Колокола»: «М. А. Бакунинъ», стр. 322—325.

20. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е. 1908 г.

До сихъ поръ лучшая книга о Бѣлинскомъ.

21. В. Г. Бѣлинскій. Статья Н. Котляревскаго. Въ I томѣ двухтомнаго изд. «Избранныхъ сочин.» Бѣлинскаго. О. Н. Поповой. Спб. 1898 г., (перепечатано въ книгѣ Котляревскаго «Старинные портреты»).

Прекрасный очеркъ послѣдовательнаго развитія взглядовъ Бѣлинскаго и его дѣятельности.

22. Прудонъ и Бѣлинскій. «Изъ записокъ профана» Н. К. Михайловскаго. Въ IV т. «Сочин. В. Г. Бѣлинскаго». 2-е изд. Ф. Павленкова. 1900 г.

Интересная сравнительная характеристика.

23. Воспоминанія о Бѣлинскомъ И. С. Тургенева въ XII т. изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1898 г.

24. Памяти Бѣлинскаго. Сборникъ 1899 г.

Много цѣнныхъ статей и матеріаловъ, изданныхъ къ 50-лѣтію кончины Бѣлинскаго.

25. Замѣчательное десятилѣтіе (1838—1848 гг.). Воспоминан. и критич. оч. П. В. Анненкова. III, стр. 1—224.

Бѣлинскому въ этой статьѣ посвящены очень многія страницы.

26. В. Г. Бѣлинскій, гл. XI въ кн. «Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы». Ѳ. Ѳ. Нелидова. 1-я ч. 2-е изд. 1907 г., стр. 179—288.

27. Великое сердце (Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій). С. А. Венгерова. Въ кн. «Очерки по исторіи русской литературы».

28. Любовь у идеалистовъ. В. Г. Бѣлинскій, стр. 81—116. По поводу переписки В. Г. Бѣлинскаго съ невѣстой, стр. 176—187. Въ кн. П. Милюкова: «Изъ истор. рус. интеллиг.»

Здѣсь интересно сравненіе двухъ сердечныхъ привязанностей Бѣлинскаго, различныхъ по характеру: романтической въ 30-хъ годахъ и разсудительной въ 40-хъ г.

29. Въ той же кн. П. Милюкова стат. «Надеждинъ и первыя критическія статьи Бѣлинскаго», стр. 188—211.

Статья исправляетъ ошибку С. А. Венгерова по вопросу о вліяніи Н. И. Надеждина, какъ критика, на первыя статьи Бѣлинскаго, она не отрицаетъ этого вліянія и устанавливаетъ его настоящіе размѣры.

30. «Бѣлинскій и разумная дѣйствительность», «Литературные взгляды Бѣлинскаго»—двѣ статьи Бельтова (Плеханова) въ сборникѣ «За двадцать лѣтъ». Спб. 1905 г., стр. 166—266.

Первая статья выясняетъ причины консервативнаго пониманія положенія Гегеля о разумной дѣйствительности, а вторая правильно устанавливаетъ основы эстетическихъ взглядовъ Бѣлинскаго въ различные періоды его жизни.

31. Герценъ. Ч. Вѣтринскаго. Библіотека «Свѣточа» подъ редакц. С. А. Венгерова. Спб. 1908 г.

Самая полная и лучшая въ настоящее время книга о Герценѣ. Для нашей цѣли особенно важна 1-я ея часть: „Герценъ въ Россіи“.

32. Александръ Ивановичъ Герценъ (къ тридцатилѣтію со дня кончины). Стат. В. Богучарскаго въ кн. «Изъ прошлаго русскаго общества». Спб. 1904 г., стр. 140—228.

Яркій и довольно сжатый очеркъ развитія взглядовъ Герцена; большая половина его посвящена жизни Герцена въ Россіи, эта часть и разсказана полнѣе.

33. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. В. Батуринскаго. Спб. 1904 г.

Здѣсь для насъ представляютъ интересъ статьи: I. „Въ началѣ 40-хъ годовъ“, изображающая жизнь русской учащейся молодежи въ Берлинѣ. II. „Воспоминанія Герцена объ А. А. Ивановѣ и М. С. Щепкинѣ“, въ особенности разсказъ о послѣднемъ свиданіи Щепкина съ Герценомъ за границей. III. „Герценъ и Тургеневъ“, гдѣ изображается столкновеніе западничества Тургенева съ народничествомъ Герцена.

34. Герценъ и Западъ. Стат. М. О. Гершензона въ журн. «Рус. Мысль», 1907 г., мартъ.

35. Западные друзья Герцена. Стат. М. О. Гершензона. Журн. «Былое», 1907 г., IV кн., стр. 62—94, и V кн., стр. 205 — 227.

Обѣ статьи г. Гершензона очень интересны: даютъ характеристику идей и настроній Герцена, которыя переживалъ онъ, находясь постоянно въ центрѣ западно-европейской интеллигенціи, но не имѣютъ прямого отношенія къ нашей темѣ.

36. Герценъ-писатель. А. Веселовскаго М. 1909 г.

37. Соціально-политическіе взгляды А. И. Герцена. М. Гершензонъ. М. 1906 г.

Гл. II этой брошюры имѣетъ прямое отношеніе къ нашей темѣ, касаясь вопроса о славянофильствѣ и западничествѣ, какъ онъ разсмотрѣнъ у Герцена въ соч. „Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи“.

38. А. И. Герценъ. (Характеристика.) Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Спб. 1908 г. (См. V т. Сочиненій).

Даетъ прекрасную характеристику личности и идеологіи Герцена. Гл. II. разсматриваетъ западничество и славянофильство Герцена, гл. III.—націонализмъ и соціализмъ и IV—русскій мессіанизмъ Герцена.

39. А. И. Герценъ. А. Діесперовъ. Современная библіотека. Изд. Т-ва И. Д. Сытина.

Доступно, кратко и ярко написанный очеркъ жизни и дѣятельности Герцена.

40. А. И. и Н. А. Герцены. Статья Милюкова: «Любовь у идеалистовъ 30-хъ гг.» въ кн. «Изъ исторіи русской интеллигенціи». Здѣсь же статья: «Памяти Герцена».

41. Т. Н. Грановскій и его переписка. 2 тома. А. Станкевича. Изд. 2-е. М. 1897 г.

Въ I т. прекрасно написанный біографическій очеркъ, но въ характеристикѣ послѣднихъ лѣтъ жизни Грановскаго авторъ далъ, по справедливому замѣчанію г. Мякотина, слишкомъ много мѣста своимъ субъективнымъ взглядамъ и сообщилъ характеристикѣ произвольную окраску. (См. въ кн. Мякотина: „Изъ исторіи рус. общ.“, стр. 363 и слѣд.)

42. Т. Н. Грановскій и его время. Ч. Вѣтринскій. М. 1897 г.

Кромѣ общаго обзора эпохи, указаннаго выше, читатель найдетъ въ этой книгѣ прекрасный и болѣе подробный, чѣмъ у Станкевича, очеркъ жизни Грановскаго, характеристику его какъ человѣка, какъ семьянина, какъ историка и какъ общественнаго дѣятеля. См. главы: I, II, IV, V, VI, X, XI, XII.

43. Профессоръ сороковыхъ годовъ (Т. Н. Грановскій). Статья В. А. Мякотина въ кн. «Изъ исторіи русскаго общества». Спб. 1902 г., стр. 303—373.

Статья г. Мякотина исправляетъ многія неправильныя характеристики Грановскаго, существующія въ нашей литературѣ, и можетъ быть рекомендована, какъ наиболѣе надежная въ смыслѣ правильной оцѣнки научныхъ и философскихъ воззрѣній Грановскаго и большой опредѣлительности взглядовъ самого автора статьи. Статья довольно подробно говоритъ о роли Грановскаго въ западнической партіи и объ отношеніяхъ его къ славянофиламъ.

44. В. П. Боткинъ. (Некрологъ, написанный П. В. Анненковымъ.) Въ кн. «Анненковъ и его друзья», стр. 577—581.

45. О В. П. Боткинѣ см. въ стат. Анненкова «Замѣчательное десятилѣтіе», въ кн. «Воспоминанія и критическ. очерки», III отд., стр. 45 и слѣд.; стр. 182—184; въ новомъ изд. «Литер. Воспомин.», 1909 г., стр. 209 и слѣд. и стр. 229—331.

46. «Утопическій соціализмъ». Очеркъ V, въ книгѣ Туганъ-Барановскаго: «Очерки изъ исторіи политической экономіи и соціализма». 4-е изд. Спб. 1907 г.

47. «Великій утопистъ» (опытъ біографіи Фурье) въ кн. Русанова: «Соціалисты Запада и Россіи».

Оба очерка даютъ опредѣленную картину и ясное понятіе объ утопическомъ соціализмѣ 40-хъ гг.

III. Собранія сочиненій.

1. П. Чаадаевъ. Философическія письма, съ приложеніемъ его письма къ Шеллингу, статьи о немъ И. Гагарина и отрывка изъ «Былого и Думъ» Герцена. «Философская Библіотека», подъ редакц. прив.-доц. В. Н. Ивановскаго. Казань. 1906 г.

Это собраніе писемъ Чаадаева далеко не полно, гораздо полнѣе собраніе въ кн. М. Гершензона: „П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе“. Указано нами выше, во II отд. библіогр.

2. Соч. Н. В. Станкевича въ приложеніи къ кн. П. В. Анненкова: «Н. В. Станкевичъ. Переписка его и біографія». М. 1857 г.

Здѣсь помѣщены: 1) стихотворенія, 2) замѣтки объ отношеніи философіи къ искусству, 3) разсказы: „Три художника“ и „Нѣсколько мгновеній изъ жизни графа Z***“.

3. Н. В. Станкевичъ. Стихотворенія, трагедія, проза. 1890 г.

4. В. Г. Бѣлинскій. Избранныя сочиненія съ предисловіемъ и вступительной статьей Н. Котляревскаго, въ двухъ томахъ. Спб. Изд. О. Н. Поповой. 1898 г.

Очень удобное для школьнаго употребленія изданіе, доступное по цѣнѣ, съ прекрасной вступительной статьей и цѣнными указателями предметовъ и именъ.

5. Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ карт. Наумова и стат. Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе, 2-е, Ф. Павленкова. Спб. 1900 г. Съ приложеніемъ писемъ Бѣлинскаго.

Это изданіе выгодно отличается отъ предыдущаго большею полнотою и чрезвычайно цѣнными письмами Бѣлинскаго, но полнымъ назваться не можетъ.

6. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ 12 томахъ подъ редакц. и съ примѣч. С. А. Венгерова. Спб. 1900 г.

Изданіе обѣщаетъ быть полнымъ. До настоящаго времени вышло 8 томовъ.

Въ примѣчаніяхъ С. А. Венгерова дано очень много интересныхъ свѣдѣній о Бѣлинскомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою цѣлыя статьи, какъ, напр., прим. 26-е (см. VI т.) о роли Бѣлинскаго въ литературной судьбѣ Лермонтова — стр. 556—569. Къ IV т. приложена интересная особая статья: „Бакунинско-гегельянскій періодъ жизни Бѣлинскаго“.

7. Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной. Въ семи томахъ. Изданіе Ф. Павленкова. Съ примѣчаніями, указателемъ и 8 снимками (7 портретовъ и 1 статуя). Спб. 1905 г.

Это первое собраніе сочиненій знаменитаго русскаго писателя явилось въ урѣзанномъ и обезображенномъ цензурою видѣ и далеко не можетъ назваться полнымъ, даже сравнительно съ заграничнымъ десятитомнымъ изданіемъ, тоже неполнымъ.

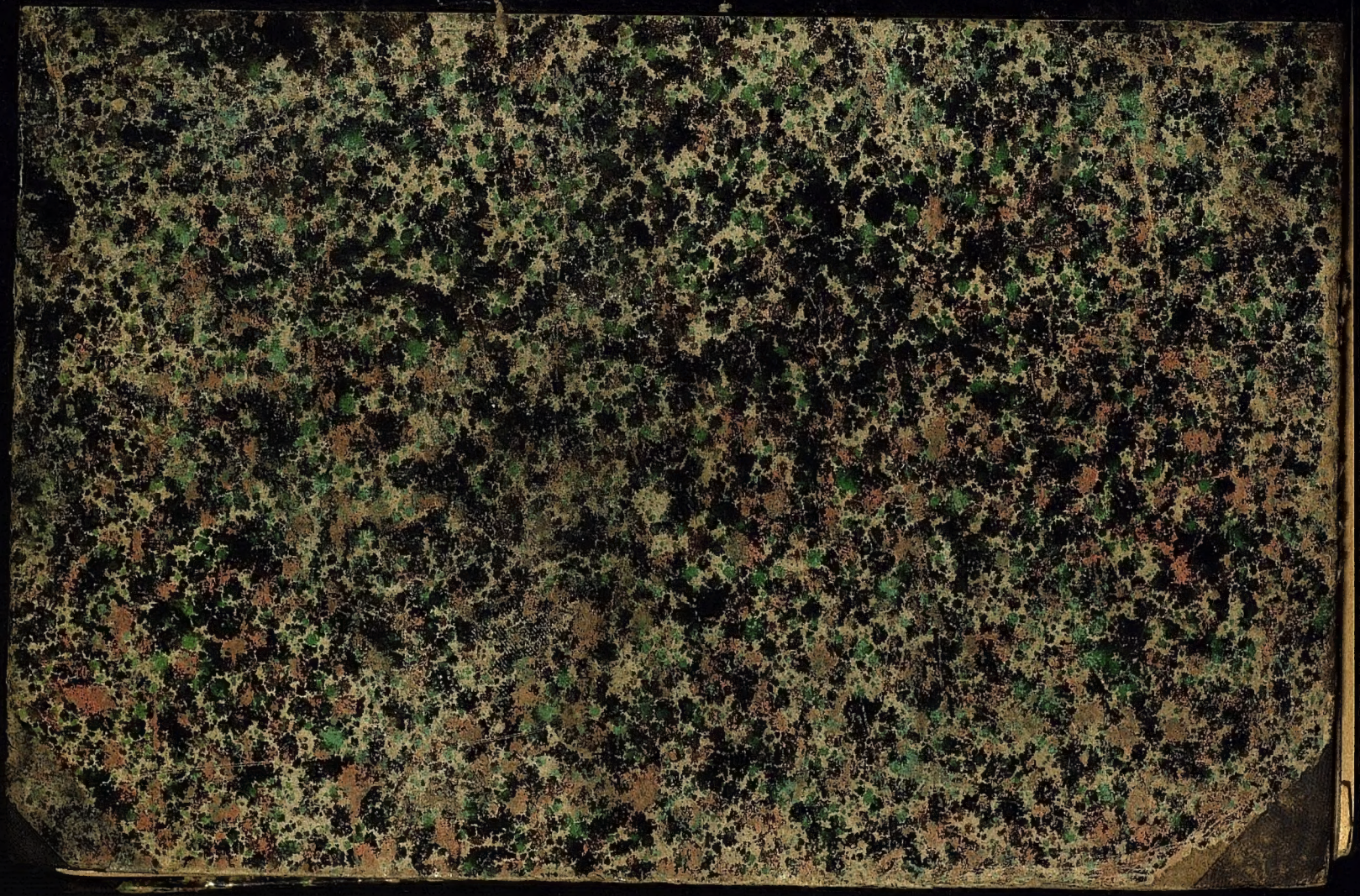
8. А. И. Герценъ. «Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи». Переводъ со второго просмотрѣннаго

авторомъ изданія, 1853 года. Лондонъ. Изданіе В. М. Саблина. М. 1906 г.

Это сочиненіе, написанное на французскомъ языкѣ, почему-то не было ранѣе переведено и не вошло ни въ заграничное, ни въ русское изданіе. А между тѣмъ оно представляетъ собою высокую цѣнность, какъ первая и очень удачная попытка показать развитіе освободительныхъ идей въ Россіи. Глава VI: „Панславизмъ и русское западничество“ прямо и блестяще развиваетъ нашу тему. Оцѣнка этой „умной книжки“ и краткое изложеніе ея содержанія даны въ указанной выше брошюркѣ М. Гершензона: „Соціально-политическіе взгляды А. И. Герцена“, см. стр. 17 — 32.

9. Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Четвертое изданіе. Москва. 1900 г.

Прекрасное и дешевое изданіе.

120 kyS

Б Г У Н Б
01152720